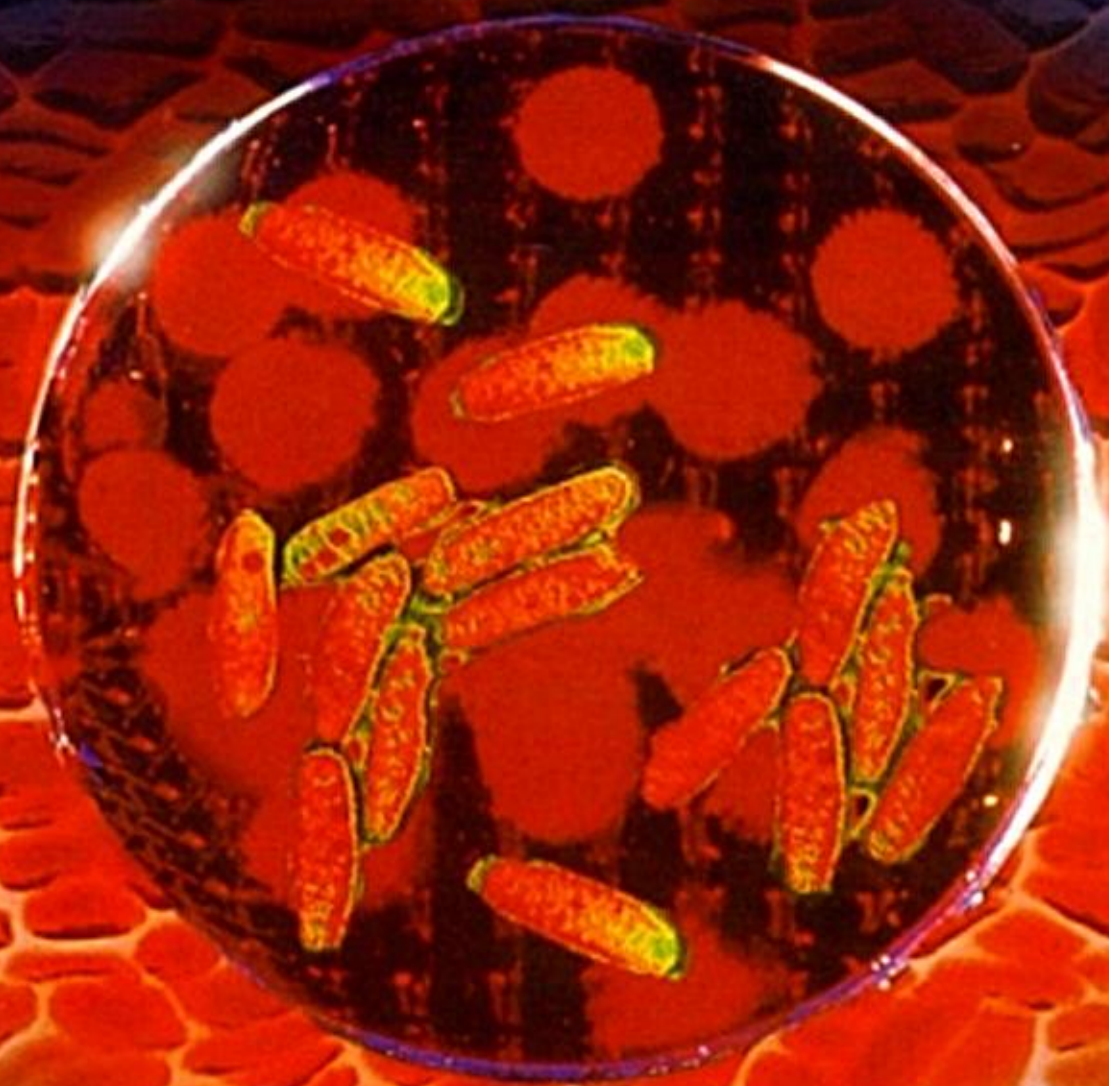

BBC

DOCTOR WHO

ALIEN BODIES

LAWRENCE MILES

ДОКТОР КТО

ИНОПЛАНЕТНЫЕ ТЕЛА

Лоренс Майлс

Из серии «Приключения Восьмого Доктора»
(Eighth Doctor Adventures)

EDA-06

Перевод ssv310

...тело остаётся в движении,
пока на него не подействует другая сила.

Краткое замечание о традициях межвидового перевода

В этой книге слово «мужчина» используется для описания любого разумного существа мужского пола, а слово «женщина» — для описания любого разумного существа женского пола, даже если описываемые существа формально людьми не являются. Возможно, это не совсем правильно, но зато позволяет избавиться от неуклюжих предложений типа «многорукое полу-гуманоидное кельзонийское рыбо-существо мужского пола покачало головой».

Аналогично, слово «гуманоид» используется для описания любого живого существа, похожего на человека, даже в речи тех, кто человеком не является; на самом деле повелитель времени описал бы таких существ как «галлифрейского типа», а не «гуманоидного типа», но на бумаге это выглядит очень коряво.

Если вас интересует дополнительная информация о традициях межвидового перевода, обратитесь к третьему предисловию отличной книги профессора Трипстеда «Генетическая политика за пределами Третьей Зоны». Попросите в вашей местной библиотеке, чтобы вам её заказали. Если вам не жалко чужого времени.

Последние почести

(Прошное)

Доктор сказал, что собирается провести похороны. Ну, раз уж ему так хочется...

Он уже больше часа стоял над консолью, никуда не отлучаясь, не отрывая взгляд от органов управления, даже не глядя на сканер. ТАРДИС то и дело дематериализовывалась, но её перемещения были короткими, корабль со скрипом возвращался в реальность буквально через секунду или две. Время от времени Сара заходила в отсек управления, чтобы узнать как дела, но на экране смотреть было не на что. Там были только далёкие звёздные скопления и пространства, в которых звёздные скопления не сформировались. В конце концов, где-то после сотни коротких прыжков, возникло, наконец, что-то интересное.

Относительно «интересное». Это было серебристое пятно, зависшее в вакууме непонятно где; ни планета, ни астероид, ни зловещая заброшенная космическая станция. Просто пятно.

— И что, это оно? — проворчала Сара.

Доктор не ответил. В конце концов он поднял озабоченный взгляд. Всё ещё в своём «мрачном» настроении, — подумала Сара. Вообще-то, в лице Доктора была просто какая-то неотъемлемая мрачность.

Нос даже не орлиный, а как у стервятника; лоб, морщины на котором были словно армейским ножом вырезаны... Иногда его лицо выглядело так, словно его высекли из мрамора, а его седые волосы (которые никогда не спутывались, через сколько бы вентиляционных шахт от не пролазил) тоже не добавляли его виду человечности.

— О, — тихо сказала Сара. — Прости. Я забыла. Похороны. Дальше будет только печальное настроение. Обещаю.

— Спасибо, — тихо сказал Доктор, после чего его рука секунд пятнадцать бегала по консоли.

Центральная колонна сместилась на пару сантиметров, и сканер моргнул — ТАРДИС приблизилась к пятну. Теперь было видно, что это был металлический цилиндр; видимо, реликвия с тех времён, когда утыкать космический аппарат со всех сторон антеннами считалось очень умным, а словом «ракета» можно было пользоваться без риска вызвать смех.

Сара постаралась изобразить интерес.

— Что это? — спросила она.

— Гробница, — сказал Доктор (Боже, он не может обойтись без театральности). — Она тут уже давненько дрейфует. Поэтому ТАРДИС было так тяжело её найти, понимаешь? Нет фиксированных координат. Очень скоро её снова притянет гравитация Земли, и... пшик! — сложным жестом из трёх пальцев он изобразил сгорание в атмосфере.

Сара цокнула языком:

— Ладно. Ты сказал, что хочешь похороны. Может, объяснишь хоть что-нибудь, или мне опять уйти с грустным видом?

Доктор едва заметно улыбнулся:

— В этой капсуле тело, Сара Джейн. Тело путешественника. Можно сказать, великого путешественника. Я уже давно собирался сделать это, но лишь сейчас, после установки цепи дематериализации, ТАРДИС может нормально прокладывать курс.

У Сары возникло ужасное чувство, что её сейчас похитят и с завязанными глазами отправят в Город Техно-Ерунды.

— А зачем кому-то понадобилось запускать на орбиту труп? Как-то это чересчур зловеще.

— При запуске капсулы пилот был жив. Жив и здоров.

— Несчастный случай?

— Не было несчастных случаев. Просто это был билет в один конец.

Колонна снова сместилась, и на полу отсека управления что-то начало материализовываться, в паре метрах от того места, где стояла Сара. Предмет своей формой был похож на волан для бадминтона, сантиметров шестьдесят от носа до хвоста. Нет, не на волан; скорее на мороженное, которое можно было купить в шестидесятых, которое продавали в пластиковых конусах с шариками жевательной резинки на дне. Он был гладкий и металлический, его поверхность была покрыта буквами ржавого цвета.

Слова не были английскими — буквы R были написаны зеркально.

Это была та самая серебристая штука, — поняла Сара. Или, по крайней мере, капсула, которая была присоединена к концу серебристой штуки. ТАРДИС аккуратно материализовалась вокруг неё. Сара понятия не имела, куда могла деться остальная часть цилиндра, но решила, что спрашивать об этом бесполезно.

Тихо кряхтя, Доктор присел рядом, вынул из мятого бархатного кармана свою звуковую штуку и взялся вскрывать заклёпки капсулы. Минуту спустя широкий конец этого предмета отвалился. Изнутри пошёл запах старой кожи и электризованного воздуха, но ни какого запаха, который Сара могла бы ассоциировать со смертью, ни какого намёка на разложение. Чтобы не чувствовать себя зевакой на месте автокатастрофы, она присела рядом с Доктором и заглянула в отверстие.

Там почти не было места для запаса продуктов, его едва хватало на размещение спутанной массы металла и резины, которая, наверное, была системой жизнеобеспечения. И как раз в тот момент, когда Сара пришла к мнению, что ни один нормальный человек не смог бы туда втиснуться, её взгляд наткнулся на труп. Он был окоченевший, тело было пристёгнуто к конструкции из кожи и пластика, весь его вид говорил об истощении.

Это был труп существа, которое погибло, пытаясь выжить.

Труп маленькой собаки.

Когда они шли по поверхности Квайесции, Сара молчала; она не знала, что можно сказать в такой ситуации. Доктор почти не обращал на неё внимания, сосредоточившись на деревянном гробу, который он волочил за собой. Дно ящика неприятно стучало по голубой гальке, но атмосфера словно поглощала этот звук, превращая его в приглушённый скрежет. Даже воздух тактичен, — подумала Сара.

Они остановились на вершине небольшого холма, где камни под их ногами казались фиолетовыми в лучах солнца, которое то ли медленно садилось, то ли медленно восходило. Солнце было огромное и красное, но тепла, похоже, почти не давало. Сара натянула рукава свитера на кисти рук, а Доктор начал расчищать землю от крупных камней. Похоже, Квайесция вся была из камней. До самого горизонта всё было голубое и изрезанное, сплошные лазурные плато и бирюзовые груды гор.

В конце концов Доктор нашёл камень, который был размером примерно с надгробный, и начал выжигать на нём своей отвёрткой буквы. Не ожидая указаний, Сара начала копать, отодвигая в сторону гальку и кобальтово-синюю землю, пока яма не стала достаточно большой для гроба. Когда они закончили, Доктор поставил камень над концом могилы.

Он вырезал на камне большими буквами имя «ЛАЙКА», без дат и объяснений. Доктор подтащил гроб к яме, мельком взглянув на Сару и улыбнувшись (она

решила, что из благодарности), и гроб скользнул на своё место.

— Первый путешественник, покинувший Землю, — сказал он, стоя перед могилой. Его голос был усталый и тихий, чуть громче шёпота. — 1957 год. Эксперимент «Спутник-2». Отправлена в темноту без единой возможности вернуться обратно. Одинокaя и брошенная.

Сара потупила глаза. Она не знала, почему.

— Зачем я это делаю? — услышала она тихий голос Доктора.

Он зачерпнул рукой горсть голубой земли и высыпал её на крышку гроба.

После этого они молчали. Сара мысленно отметила, что несмотря на кислородную атмосферу, на Квайесции не было своей жизни; ни хищников, ни стервятников, никаких других гробокопателей. И если уж на то пошло, откуда тут кислород, если нет деревьев? На какое-то время она задумалась о том, а не создана ли вся эта планета Доктором специально для похорон?

— Это самая дальняя система в галактике Земли, — тихо объяснил Доктор. Сара не поняла, обращался ли он к ней, или к той, что была в гробу. — Так далеко, насколько это возможно. Место ничем не хуже других. Да. Ничем не хуже других.

Сара ничего не сказала. Они постояли несколько минут у могилы, а потом пошли обратно в ТАРДИС.

— Ну? — спросила Сара.

На сканере в лучах солнца купалась планета с пурпурными прожилками. Сара поняла, что это вид на

Квайесцию со стороны тихой стороны её ионосферы. Капсулы на полу возле консоли уже не было.

— Отправил её обратно в космос, — сказал ей Доктор, снова сосредотачиваясь на консоли. — «Всё возникает из пустоты, в пустоту и возвращается».

— Ты ведь на самом деле знаешь ответ, правда?

Доктор посмотрел на неё, нахмурившись.

— На планете, — объяснила Сара, — ты спрашивал, зачем ты это делаешь. Да ладно тебе! Ты ведь знаешь, зачем. Даже я знаю.

Он немного помолчал, словно не зная, воспринимать ли её серьёзно.

— Знаешь? — спросил он.

Сара кивнула.

— Ты похоронил Лайку, — сказала она. — Но...

В этот момент ТАРДИС исчезла, и предложение закончилось в другой галактике.

На Квайесции прошло сто миллионов ночей. Ничего не изменилось, никто больше не прилетал.

ГЛАВА 1

Действующие лица

Индонезийская Зона Восстановления, 15:06 по местному времени.

В волосах лейтенанта Брегман кто-то ползал, и она почти не сомневалась, что эти твари решили свить у неё на голове гнездо. Насекомые были хуже всего. Жару она терпела, несмотря на то, что на её рубашке появились пятна пота в таких местах, которые раньше у неё никогда не потели. Грязь она терпела, несмотря на то, что с вершин деревьев на неё не прекращал капать помёт туканов, а её брюки были покрыты экскрементами нескольких разных видов животных. Однообразие она терпела, несмотря на то, что шла по тропическому лесу уже так долго, что в коре деревьев ей начали мерещиться скрытые послания.

Она потянула волосы, вынув пару чёрных прядей, удерживаемых вместе позавчерашним лаком для волос, и почувствовала, как что-то извивается между её пальцами. Оно начало кусать её, и она брезгливо стряхнула его на землю.

Полковник Кортес, шагавший впереди неё, остановился, развернулся и посмотрел на неё.

— Насекомые, сэр — сказала она.

Полковник кивнул. Его лицо напоминало Брегман каменную голову на острове Пасхи: почти

прямоугольный череп и суровые морщины на лбу, которые словно высекли в камне навеки. Брегман увидела, что его глаза снова посоловели.

— Насекомые, — согласился он. — Насекомые — не то, чем они кажутся. Будьте бдительны, лейтенант.

— Есть, сэр. Быть бдительной.

Пока что за время этой экспедиции полковник назвал более пятидесяти вещей «не тем, чем оно кажется», начиная с местных жителей, которых они встретили в последней деревушке, и заканчивая мелкими зверьками, обитавшими в кронах деревьев. Согласно его личному делу, Кортес служил в UNISYC уже больше тридцати лет; он был в подразделении ISC вовремя Киберпролома в 30-ых, он был на Саскатуне, когда республиканцы выставили ультиматум Канаде. Если верить ходившим в центральном UNISYC слухам, в него стреляли доисторические люди-лемуры и на его жизнь покушался убийца-андроид, маскировавшийся под министра здравоохранения Норвегии.

По мнению Брегман, человеческий мозг не рассчитан выдерживать такое. На минуту она задумалась о том, не ждёт ли однажды то же самое и её саму, не станет ли она очередной жертвой синдрома замещения, которую вот-вот посадят в обитую мягкими материалами камеру, и которой за каждым кустом мерещатся роботы-убийцы.

Кэтлин Брегман служила в UNISYC девять лет из своих двадцати семи, и, если не считать заспиртованных экспонатов Маленького Зелёного Музея, ей ни разу не

доводилось увидеть инопланетянина. И она бы не возражала, если бы так это и осталось. Господи, даже в формалине и в виде чучел они были достаточно гадкими.

Внезапно насекомые возобновили свою атаку, вонзив жала в её скальп. Брегман не сомневалась, что они высасывали её кровь, а она и без этого считала себя достаточно худой. В последней деревушке она попыталась купить у местного знахаря какой-нибудь репеллент, и кончилось это тем, что он ей продал упаковку аспирина, который, по его уверениям, был изготовлен из корней местных таинственных растений, хотя на упаковке было напечатано название международной фармацевтической компании и указан срок годности — 23 апреля 2064 года.

— Зачем итить большой тёмный лес? — спросил знахарь, намеренно коверкая язык на тот случай, если они всё-таки окажутся туристами.

Полковник Кортес выставил грудь, чтобы мужчина смог увидеть на кармане его рубашки эмблему.

— Мы ищем места древних, — торжественно сказал он, словно у них была какая-то святая миссия. — Мы ищем Немыслимый Город.

Удивительно, но знахарю при этих словах удалось сохранить серьёзный вид.

— Вы итить следующий длинный дом, — сказал он. — Встречать Камала-Магазин. Он знать. Он всё знать про Город.

Камала оказался морщинистым, усохшим стариком, у которого был магазин сувениров, где основным

товаром были футболки с надписью «Я ВИДЕЛ НЕМЫСЛИМЫЙ ГОРОД И ВЫЖИЛ!» и карты, на которых было отмечено лучшее место для наблюдения НЛО. Брегман стало интересно, как ему удаётся не прогореть? Ведь кроме неё и полковника в деревне не было видно ни одного иностранца, а туристическая инфраструктура на острове вряд ли существовала после того, как его снова засадили лесом.

Впрочем, возможно, сейчас просто не сезон на НЛО.

Камале всё-таки удалось продать полковнику наклейку на бампер, которая, по его словам, на самом деле была замаскированным талисманом. По его словам, без наклейки им Немыслимый Город вряд ли удастся найти. Кортес кивнул и сказал, что наклейка — не то, чем кажется. Камала, разумеется, не давал им гарантии, что они найдут то, что ищут, даже с наклейкой.

Как только товар был оплачен, он заметил, что за двадцать лет, прошедшие с тех пор, как остров сделали Зоной Восстановления, Город видели всего лишь четыре или пять раз, несмотря на то, что весь лес был тщательно прочёсан и картографирован. Камала гордо заметил, что таким образом это последний настоящий «затерянный город» на всей планете.

Последнее, что Брегман заметила в магазине перед тем, как выйти, была надпись на футболке у самого Камалы, которую тот носил вместе с национальной набедренной повязкой из синтетической ткани.

«ТАК ВЫ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ДЕЛЕГАЦИЯ ОТ ЛЮДЕЙ?» — гласила она. Брегман это вообще не поняла. Наверное, местная шутка.

Она увидела, что Кортес остановился и смотрел на серые лоскуты неба, проглядывавшие между верхушками деревьев. Солнца тут нет, — подумала Брегман, — во всяком случае сейчас. Но всё равно чертовски жарко.

— Здесь, — заявил Кортес.

Она смахнула с глаз пот.

— Сэр?

— Здесь. Здесь. Это то место, — он протянул в её сторону руку, похожую на толстую ветку — 50 процентов жира и 50 процентов мышц. — Карточку, лейтенант!

Брегман порылась в нагрудном кармане и вынула из защитного конверта карточку. Карточка сверкала серебристым металлом, и несмотря на отсутствие солнца слепила глаза бликами.

— Сэр? Я, хм... Я думала, что мы ищем Город, сэр.

Кортес кивнул:

— Вы смотрели кинофильм «Бригадун», лейтенант?

— Хм... нет. Нет, сэр.

— Замечательный фильм. Замечательный. Столько чудесных старых песен. Вы знаете, почему такие песни больше не пишут, лейтенант?

О боже, его глаза опять затуманились.

— Нет, сэр. Понятия не имею.

Кортес грустно покачал головой:

— Нет. Я тоже не знаю. Я тоже не знаю.

Он замолчал.

— Э... Сэр?

— Бригадун. Это название деревни. В Шотландии. Вы помните Шотландию? Нет, вы родились после Объединения. А я помню. Эта деревня... Бригадун... она *затерялась*.

Брегман уже не могла понять, о фильме он говорит или о реальной жизни.

— В каком смысле, сэр?

Кортес посмотрел на неё так, словно ответ был очевиден, а задав вопрос, она раскрыла себя как злого вражеского клона-шпиона.

— На неё должны были напасть ведьмы, — сказал он. — И её убрали. Гениальная тактика, я всегда восхищался. Местные жители заключили договор. С Богом. О том, чтобы Бригадун исчез с лица Земли, и снова появлялся лишь раз в сто лет. Представляете, лейтенант? Место, которое существует лишь один раз в каждом веке. И то лишь в течение одного дня.

Брегман кивала. Она кивала до тех пор, пока не поняла, что он больше ничего не скажет, если его не спросить.

— Это как-то связано с нашим заданием, сэр?

— Конечно, связано, — резко сказал полковник. — Стал бы я это рассказывать, если бы оно не было связано! Здесь. Здесь мы войдём в Немыслимый Город.

— О! В какой Немыслимый Город, сэр?

Кортес опять странно на неё посмотрел.

— Возьмите себя в руки, лейтенант, — сказал он и указал рукой.

Проследив направление его пальца, Брегман увидела гигантский каменный куб, монолитный грязновато-белый блок, торчавший из земли в паре шагов слева от неё. Вообще-то, он был так близко, что она просто не могла подойти к нему так близко и не заметить, если только он внезапно не возник из чистого воздуха или...

Нет. Это путь к безумию, — убеждала себя Брегман, — или, как минимум, к синдрому замещения. Стороны камня были по восемь метров, его грани сверху донизу были покрыты нацарапанными примитивными рисунками крохотных космонавтов с головами в пузырях. Брегман шагнула назад, и увидела рядом с этим кубом ещё один куб, а затем ещё один, и ещё, и ещё...

— О Боже, — прохрипела она. — О Боже.

Нейтральная провинция Женева, 19:29 по европейскому времени.

Доктор сложил руки на груди, прищурился, нахмурил лоб, откинулся на спинку стула, расправил руки, сурово посмотрел, улыбнулся, склонил голову, постучал пальцами по столу, открыл рот, чтобы задать вопрос, снова нахмурился, почесал затылок.

— Напомните мне, — сказал он, наконец. — Как эта лошадка ходит?

Сидевший по другую сторону стола генерал Чайк прикурил ещё одну сигарету.

— *Конь*, Доктор, ходит на две клетки вперёд и на одну в сторону. Ваш ход.

— Две вперёд и одна в сторону? Точно?

— Точно, — сказал Чайк, прокашливая слова так, как это мог только чистокровный восточно-европеец.

— Он не может ходить вдоль своего экзистенциального таймлайна?

Генерал покачал головой, его челюсть, скрытая никотиновым облаком, немного задрожала.

— Доктор, мы же договорились. Темпорально активны только слоны. У ладей есть минимальные гиперпространственные возможности, ферзь может заключать сделки с Высшими Силами Мироздания и огибать препятствия. Кони ходят два вперёд, один вбок. Ваш ход.

Доктор кивал, его волнистые волосы раскачивались над бровями. Они его отвлекали. Это был один из недостатков этого тела.

— Так просто, и в то же время так... А может быть, поиграем во что-нибудь более сложное? Простите, мне сейчас почему-то тяжело сосредоточиться.

Генерал произнёс самое грязное слово русского языка.

— Мы же договорились! С каждой следующей нашей игрой правила становятся лишь немного сложнее. Это ваша идея, Доктор. Вы сказали, что мы будем лучше понимать друг друга, если будем создавать правила вместе.

Доктор вздохнул. Нарочито сильно.

— Всё дело в моей новой нервной системе. С тех пор, как я изменился... Мой прошлый я был так хорош в шахматах, мне нужно время, чтобы вспомнить... — он несколько мгновений потеревил над доской пальцами, словно дразня нетерпеливые фигуры, затем схватил одного из своих коней и переставил его в зоны боевых действий.

Генерал заворчал и потянулся к слону. Он поставил его себе на ладонь, что означало перемещение в другой период времени.

— Вы понимаете, почему я хотел вас здесь видеть?

— Я думал, что у нас назначена игра.

— Помимо этого.

— А, — Доктор на мгновение задумался. — Ну, полагаю, вы хотите попробовать казнить меня.

Генерал Чайк бросил ладью в верхний ящик своего стола и выпустил из своих лёгких длинную струю серого дыма.

— Очень проницательно.

Доктор пожал плечами:

— Ой, да ладно. Имея несколько веков опыта, начинаешь понимать, когда тебя кто-то хочет убить. Считайте, что это инстинкт. Мой ход?

Генерал струсил пепел с сигареты на пол. Наверное, чтобы уборщики не расслаблялись, — подумал Доктор. Кабинет был большой, бездушный и выглядел дорого — именно в таком порядке; везде, где только можно было, были значки UNISYC. Стол был единственным крупным предметом мебели, оставляя огромное пространство

покрытого мягким ковром пола между дверью и тонированным окном (пуленепробиваемым, разумеется), занимавшим всю дальнюю стену. Стол стоял перед окном, Чайк сидел спиной к виду на Женеву.

— Вы помешали мне, — объяснил Чайк. — Я понимаю, что это не связано со мной лично. У вас просто привычка всем мешать. Это ваша характерная особенность. Я понимаю.

— Ясно. А что делают пешки?

— Они ходят вперёд. Послушайте, Доктор. Наша первая встреча. Саскатун, 2054 год. Когда вы всё ещё носили своё старое тело, мешковатое такое. Помните?

— Я помню! — даже Доктор удивился тому, как это прозвучало. Память потерялась где-то во время «переодевания», и когда она возвращалась, это было похоже на неожиданный подарок. — Мы вместе сражались против республиканского ополчения Монтаны. Они пользовались термоситронным оружием, купленным у селачиан, они пытались завоевать Канаду... А что потом случилось со всеми этими термоситронными бомбами?

— Вы их взорвали.

Доктор почесал за ухом:

— Да, точно. Так и было.

— У меня был прямой приказ от внутренних кругов самого Правительства Мировых Зон. Приказ захватить арсенал, а не нейтрализовать его. Я был обязан добыть это оружие. Я действовал под присягой, Доктор.

— Я не мог допустить, чтобы такая технология попала не в те руки, генерал. Если вас это как-то утешит, я уверен, что это не повредило вашей карьере.

— Я понимаю. Как я уже и говорил. Но вы мне помешали. И наказать вас за это — дело чести, — генерал очень глубоко затянулся, а затем встал из-за стола. — Вы навредили мне, я наврежу вам. Понимаете?

— Угу, — сказал Доктор.

Немыслимый Город, 15:31 по местному времени.

Мистер Кихотль был низкого роста, похожий на лягушку, и генетически захудалый. Костюм на нём был настоящий Синтачи, приобретённый за большие деньги на Вене Прима, но Кихотля просто окружала аура нищebroда, из-за которой всегда казалось, что одежда от отвращения хочет свалиться с его тела.

Даже его лицо, казалось, было создано для жизни на нижних ступенях общества, его черты знали, что им никогда не бывать привлекательными, и просто стали невзрачной примятостью.

Он любил говорить себе, что выглядит взрослее, чем он есть. На самом деле он выглядел как тридцатилетний, который продал следующие пятьдесят лет своей жизни по бросовым ценам. Не то чтобы старый, просто не имеющий будущего.

В данный момент мистер Кихотль прохаживался, засунув руки в карманы брюк, вдоль стен Города, лениво ругая туکانов, трещавших в лесу по ту сторону охраняемого периметра. Несмотря на то, что всё шло по

плану, несмотря на то, что первые три делегации добрались до Города не нанеся неисправимых повреждений структуре местного пространства-времени, и несмотря на то, что пока что ему удавалось не позволить соперникам поубивать друг друга, мистер Кихотль был демонстративно несчастен. Всё дело в климате, — подумал он. Несмотря на жару, он начинал чихать, дрожать и отхаркивать маленькие жёлтые комки слизи, которых в его горле вообще не должно было быть.

Он угрюмо утёр нос рукавом пиджака. Затем он вспомнил, что скоро его дела пойдут в гору, и подумал, что нужно будет при первой же возможности прооперировать нос или купить носовые платки — смотря что будет дешевле.

Дела пойдут в гору. Нельзя это забывать. Это был Великий Момент, с большой буквы. Больше не нужно будет ошиваться по убогим барам, выскребая из пепельниц наркотический налёт, не нужно будет заниматься подпольной генетической коррекцией громил, которые не хотели, чтобы их можно было опознать по ДНК. Если это дело удастся провести без сучка и задоринки... нет, *когда* это дело завершится без сучка и задоринки... он навсегда покинет преступные кварталы и взмоет в стратосферу нуворишей. Теперь ты уважаемый торговец качественным товаром, — напомнил себе Кихотль, — один из новой породы социально-экономических ротвейлеров. Приободришь, бога ради.

По пути он осматривал Город, и убеждал себя в том, что всё тут полностью под его контролем, что ничего внутри охраняемого периметра не произойдёт без его соизволения. Это, вообще-то, не было правдой, но ему стало легче. Город был построен для того, чтобы произвести впечатление на клиентов, он был собран буквально в течение одного дня при помощи старого модулятора блочного переноса. Поначалу было несколько проблем с системой «бригадун» (Город проецировал призрачные изображения самого себя в несколько моментов прошлого и будущего, но мистер Кихотль считал, что никто этого не заметил), но в целом он был вполне доволен тем, как всё получилось.

Большинство из этих зданий, разумеется, чистая показуха. Пустые оболочки, принудительно состаренные, чтобы выглядеть древними руинами, покрытыми пиктограммами, которые, как надеялся Кихотль, выглядели достаточно этническими. На самом же деле единственным обставленным помещением был зиккурат — великая ступенчатая пирамида в самом центре оболочки Города. Да, «великая» — подходящее слово. Всё в Городе должно было выглядеть «великим». Точно так же, как семьсот чудес Галактики должны были быть «великими». Точно так же, как Китайская Стена должна была быть «великой».

Он дошёл до ближайших ворот города — колоссальной (да, «колоссальная» — отлично, ещё лучше, чем «великая») мегалитической арки в стене на юго-западном краю ограждения. Как и ожидалось, земля

возле одного из камней, образывавших ворота, была сырая. Стараясь не приближаться сильнее, чем это было необходимо, мистер Кихотль понюхал сырое место.

Моча леопарда. Хорошо. Обычно эти животные приходили по нужде именно сюда, но они не отличались пунктуальностью, и Кихотль не был уверен, будут ли кошачьи следы достаточно свежими для его целей. Он вынул из кармана пиджака декодер, движением пальца включил его и опустил рабочим концом в лужу.

Мистер Кихотль приложил немало усилий к обеспечению безопасности Города. Поначалу он думал использовать для слежения роботов, птиц со встроенными камерами наблюдения, кибернетических животных со светящимися красными глазами — в общем, что-нибудь в таком духе. Но это всё казалось каким-то старомодным. В конечном итоге он отдал предпочтение селекции. На острове уже была примитивная био-индуктивная система, установленная двадцать лет назад местным правительством из-за помешательства на окружающей среде, и добавить к ней несколько новых систем биоданных не составило большого труда. В итоге, введенные им в экосистему леопарды быстро развили нейронные сети, способные транслировать сенсорную информацию в пикс-импульсы и кодировать эти данные в виде гормональных следов. Или, иными словами, всё, что видели животные, преобразовывалось в телевизионное изображение и сохранялось в их моче.

Мистер Кихотль позволил себе минуту самодовольства. В конце концов, я молодец, — думал он. Я ещё не потерял хватку.

Декодер прочесал последние воспоминания леопарда, опорожнившегося в этом месте, и направил данные на пятисантиметровый экран, встроенный в ручку аппарата. Мистер Кихотль увидел тропический лес глазами животного, крадущегося между деревьев, изображение размазывалось и мигало каждый раз, когда зверь поворачивал голову или моргал. Наконец, сквозь зелень стало видно двоих существ. Ещё раз двинув пальцем, мистер Кихотль настроил свой прибор выдавать не только изображение, но и звук.

— *Вы смотрели кинофильм «Бригадун», лейтенант?*

— *Хм... нет. Нет, сэр.*

— *Замечательный фильм. Замечательный. Столько чудесных старых песен. Вы знаете, почему такие песни больше не пишут, лейтенант?*

— *Нет, сэр. Понятия не имею.*

Мистер Кихотль посмотрел на хронометр декодера. Это произошло двадцать шесть минут назад, значит...

Он встал, отряхнул декодер и снова спрятал его в карман модного пиджака. Двадцать шесть минут. К этому времени представители UNISYC уже должны были найти вход и начать осмотр Города. Если, конечно, они не забыли карточку своего приглашения. Кихотль пошёл обратно к зиккурату, рассчитывая дойти до здания раньше, чем его гости.

Он подумал, что если им никто не предложит напитки, они могут начать вести себя плохо. Таковы уж люди.

Нейтральная провинция Женева, 19:32 по европейскому времени.

— Вам ведь известна история о сэре Гавейне и Зелёном Рыцаре? — спросил генерал.

— Хм. Которую из версий вы имеете в виду?

— Портфолио Айзенка.

— А, кастрированная версия. Ранний двадцать первый век.

Доктор прокашлялся и демонстративно отряхнул с лацканов своего сюртука несуществующие пылинки, хотя смотреть на это было некому: генерал стоял к нему спиной, рассматривая горизонт за окном.

— Зелёный Рыцарь говорит, что позволит любому отрубить ему голову, при условии, что через день он вернётся и сам отрубит голову своему палачу. От желающих нет отбоя, потому что рыцари не знают, что Зелёный Рыцарь способен выжить после обезглавливания. Дело в том, что он не совсем человек. Право сделать это достаётся сэру Гавейну, и на следующий день он должен подставить свою шею Зелёному Рыцарю. И он так и делает. Просто чтобы выполнить обещание.

— Не просто чтобы выполнить обещание. Вы что, не понимаете, Доктор?

Доктор изо всех сил изображал растерянный вид.

— Не понимаю?

— Военный приказ. Продолжить цикл возмездия даже перед лицом смерти. Даже если вы знаете, что последствия станут причиной вашей смерти. Говорите что хотите о вашем знакомстве с Наполеоном, с Хейгом, что вы видели битву при Азенкуре. Можете рассказывать мне свои сказки. Это ничего не изменит. Вы не понимаете. И никогда не понимали. И никогда не поймёте.

— Понятно.

Генерал по-прежнему стоял лицом к окну, и закат оставлял на его жирной лысой голове оранжевые блики. Доктор воспользовался возможностью переставить одного из слонов Чайка на более удобную клетку. Это не жульничество, — сказал он себе. Просто усложнение игры.

— А вы тоже хотите отрубить мою голову?

Генерал задумался:

— Как вариант. Я читал ваши медицинские карты. Старые досье времён UNIT. Я знаю, что регенерация не всесильна. Пожалуйста, верните слона на место, Доктор. Вы помните полковника Кортеза? Девять лет назад он был ещё сержантом.

— Да. Серьёзный такой мужчина с квадратным подбородком. Много говорил о дзен-буддизме. Мне он показался запутавшимся. Впрочем, возможно, он был не тем, кем казался.

— Полковник сейчас выполняет моё задание. В Индонезийской Зоне Восстановления. Вам это о чём-нибудь говорит?

—Индонезийская... Восстановления... Борнео. Вы имеете в виду Борнео.

Генерал Чайк снова повернулся к шахматной доске, улыбаясь, как горгулья. Он думает, что одержал какую-то победу надо мной, — рассуждал Доктор, — но по-прежнему боится раскрывать свои козыри. Он избегает сути дела, постоянно меняет тему.

— Скажите мне, — заговорил Чайк, — А вы знаете, почему вам разрешают передвигаться на этой планете так беспрепятственно? Почему ваше вмешательство в наши дела терпят? Почему Земля согласна вести с вами дело так, как это происходит?

— Ну, я не думал, что Земля вообще обо мне много знает.

Чайк прищурился:

— Обыватели не знают. Я же говорю о правительствах. Об ООН. О Правительстве Мировых Зон. О тех, кто последние триста лет прибирает за вами мусор.

— Ах, о них... — Доктор нахмурился. — Простите, я забыл ваш вопрос.

— Я скажу вам, почему Земля вас терпит, Доктор. Потому что она считает вас бессмертным. Эта ошибочная вера не даёт вам умереть. Это не даёт нашим снайперам разнести ваше гадкое изменчивое лицо в ту же секунду, как только вы выходите из вашей

полицейской будки. Понятно? Земля считает вас бессмертным и боится последствий попытки доказать обратное. Вот почему ЦРУ не пристрелили вас в 1970-ом, и вот почему я сам не убил вас в Саскатуне. Всё, что нам было нужно — уверенность. Небольшое свидетельство того, что вы такой же смертный, как и мы.

Его улыбка превратилась в оскал. Доктор напрягся.

— А слон стоял не там, — ухмыльнулся генерал.

Дверь кабинета распахнулась. В ту же секунду Доктор вскочил на ноги, но в кабинет уже забежали солдаты генерала. Доктор отметил, что они в тёмной униформе с красными эмблемами UNISYC на погонах. Чёрные маски, похожие на пластиковые капюшоны палачей, на глаза надвинуты визоры. Всё это было свойственно подразделению тактической безопасности. Плазменные ружья заряжены и готовы к стрельбе. Естественно.

Они замерли, заняв позицию и взяв его на мушку. Ждут приказа стрелять, — понял Доктор. Он попятился от них, обходя стол и приближаясь к генералу.

— Теперь у нас есть наша гарантия, — прорычал Чайк. — Правила изменились. Можете считать себя законной целью.

— А если я скажу, что понятия не имею, о чём вы говорите, это что-нибудь изменит?

— Нет.

— Я так и думал, — глубоко вздохнул Доктор. — И никаких последних просьб? Один последний белый

шоколадный мусс? Простите, я пытаюсь бросить мармеладки.

Он потянулся рукой внутрь пиджака. Солдаты были готовы к такому повороту событий — видимо, генерал предупредил их об ужасных вещах, которые могут возникнуть из его карманов. Ближайший солдат выстрелил один раз — предупредительный выстрел — сгусток плазмы прожёл на сюртуке Доктора локоть и с сильным стуком угодил в пуленепробиваемое окно.

Доктор вскрикнул, схватился за руку так, словно это была смертельная рана, и в изящном, хотя и несколько излишне наигранном развороте упал назад. Генерал раскрыл рот, чтобы отдать приказ стрелять. Доктор бросился на окно, с размаху ударив локтём по стеклу в том самом месте, где плазменный удар ослабил структуру вещества.

— Огонь! — рявкнул Чайк.

Стекло треснуло. Посыпались осколки. Доктор выпал из кабинета и полетел на землю, находившуюся на сорок шесть этажей ниже.

Генерал спокойно сложил руки за спиной и подошёл к пустой оконной раме.

— Сэр? — к нему, поднимая лицевое стекло шлема, подошёл командир подразделения. — Там больше сорока этажей, сэр. Когда он ударится об землю...

— Он не ударится об землю, — сказал Чайк.

— Сэр?..

— Он не ударится об землю. Он же Доктор.

Чайк выглянул из кабинета. Внизу, на тротуаре не было ни тела, ни крови, вообще никаких признаков Доктора. Командир спецназа нервно кашлянул.

— Мы... Мы упустили его, сэр, — сказал он.

— Да. Мы его упустили, — генерал снова повернулся к столу.

— Сожалею, сэр.

Чайк отмахнулся:

— Представится когда-нибудь ещё возможность. Я думал, что это время наступило сегодня. Быть может, мне следовало лучше подумать, — он сверился с лежащим рядом с шахматной доской ежедневником. — Следующая игра у нас с ним назначена на 16-ое июля следующего года. Сможете тогда ещё раз пострелять в него.

— Сэр... Вы думаете, что он придёт? После того, что сегодня...

— Придёт. Ему нужно туда явиться, — генерал сел, немного устало, и кресло из кожзаменителя жалобно вздохнуло под его весом. — Теперь, после того, как у меня был шанс отрубить его голову, он захочет, чтобы у него был шанс отрубить мою.

Немыслимый Город, 15:36 по местному времени.

— Вы что, не можете просто ответить на вопрос? — требовал мистер Гомункулет. — Кого именно вы представляете?

Мистер Кихотль постарался сдержать ухмылку. Это, — подумал он, — максимум дипломатичности, на

которую был способен Гомункулет. Он вёл себя так, словно с самого рождения находился на грани нервного срыва, и до сих пор ожидал подходящего повода, чтобы закатить полноценную истерику. Народ Гомункулета уже довольно продолжительное время был втянут в весьма неприятную войну, и это сделало их ужасными невротиками. Кихотль задержался в каменном проходе перед прихожей, надеясь подслушать из-за двери что-нибудь интересное, но всё, что ему удалось расслышать — обычное нытьё Гомункулета.

На самом деле мистеру Кихотлю подслушивать не нужно было. Он всё равно обвешал жучками весь зиккурат.

В вестибюле какое-то время было тихо.

— Конфиденциальность? — возмутился Гомункулет. — Не рассказывайте мне о конфиденциальности. Вот что я вам скажу: вы имеете дело с агентом самой скрытной и... вы меня слушаете?

Мистер Кихотль решил зайти, пока гостя совсем не понесло.

— Добрый день! — приветливо сказал он, делая вид, что не слышал предшествующий разговор. — Ну что, вы уже знакомитесь? Замечательно. В комнате для приёма коктейлей есть сырные закуски, если вы проголодались.

Комната была маленькая, её освещали пылающие факелы. По мнению мистера Кихотля это придавало ей очаровательный готический дух. Это была прихожая между коридором и конференц-холлом, из мебели в ней

были только стол и несколько пластиковых стульев, похожих на дубовые. Гомункулет расселся как минимум на трёх стульях и смотрел на первую страницу «Газеты Нового Борнео».

Мистер Кихотль оставил эту газету на столе исключительно ради того, чтобы придать комнате долю местного колорита, и был искренне удивлён тому, что кто-то решил её почитать. Гомункулет был в том же самом чёрном деловом костюме, в котором сюда прибыл, несмотря на то, что костюм был обляпан грязью и пятнами, подозрительно похожими на органические отходы. Он явно прибыл сюда прямым с самого тяжёлого заседания в истории, — подумал Кихотль.

Больше никого в комнате не было видно, но это было и не удивительно. Другого присутствовавшего, на которого так кричал мистер Гомункулет, нельзя было ни увидеть, ни услышать, если он сам того не хотел.

— Мы тут говорили о том, как долго нам ещё нужно ждать, — прошипел Гомункулет. — Не подумайте только, что я намекаю на то, что у нас кончается терпение...

— Ну что вы, как я мог такое подумать, — прервал его мистер Кихотль.

— Но мы уже близки к тому, чтобы подумать о том, не потерять ли его в ближайшем будущем. Если вы меня правильно понимаете.

Мистер Кихотль старался быть приветливым:

— Надеюсь, вы не нервничаете, мистер Г.? По пути сюда я видел вашу подружку на крыше. Всё ещё боитесь неприятностей?

— Марí мне не подружка, — резко сказал Гомункулет. — Она моя спутница. Это не одно и то же, — затем он перестал сердиться, и на его лице промелькнуло искреннее беспокойство: — На крыше? Что она там делает?

— Она *ваша* «спутница», мистер Г., а не моя. Мне показалось, что она охраняет.

Гомункулет расслабился. Внешне. По наблюдению мистера Кихотля, такое бывало не часто. Лицо Гомункулета было словно создано для напряжения; оно было длинное, узкое, а над ним были редящие чёрные волосы, которые весь гель Спирали Маттера не смог бы сделать стильными.

— Марí недовольна местной системой безопасности, — пробормотал он. — Она переживает, что будет атака извне. У вас нет даже атмосферной обороны.

Мистер Кихотль обезоруживающе (как он надеялся) улыбнулся:

— Расслабьтесь, мистер Г. Дождёмся прибытия ещё трёх групп представителей (а одна из них будет с минуты на минуту) и сядем за стол. Послушайте, если вам на месте не сидится, может быть, сходите поболтать с мистером Траском? Он у себя в комнате. Уверен, он будет рад компании.

— Спасибо, но нет, — резко сказал Гомункулет.

Мистер Кихотль раскрыл рот, чтобы сказать что-то воодушевляющее, но внезапно его отвлек стол. В структуре волокон древесины появился странный узор, который он раньше не замечал. Он был похож на... буквы?

БУДУТ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЛЮДЕЙ? — было написано на столе.

Мистер Кихотль скривился:

— Да. Да, всё верно, мистер Сдвиг. А почему вы спрашиваете?

Он посмотрел на стол, но слова исчезли. Он перевёл взгляд на газету.

Я ИЗУЧАЛ ЭТОТ ЛЕС, — было в одном из заголовков на первой странице. Я ВИДЕЛ, КАК ОНИ ШЛИ СЮДА.

Мистер Кихотль поднял газету и начал читать статью, которая всего несколько секунд назад была посвящена крупному скандалу, связанному с президентом Мальты.

— Они вас не заметили, мистер Сдвиг?

ВРЯД ЛИ, — написала газета. — ЖЕНЩИНА МОГЛА МЕЛЬКОМ МЕНЯ ЗАМЕТИТЬ В ДЕРЕВНЕ, НО Я (ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТРАНИЦЕ 3)

Мистер Кихотль перевернул страницу.

(НАЧАЛО НА СТРАНИЦЕ 1) СОМНЕВАЮСЬ, ЧТО ОНА ЗНАЛА, КТО Я ТАКОЙ. МОЖНО У ВАС СПРОСИТЬ, МИСТЕР КИХОТЛЬ?

— Да, конечно, мистер Сдвиг, — мистер Кихотль старательно улыбался.

Ему не нравилось разговаривать со Сдвигом. Ему не нравилось разговаривать с бестелесными формами жизни. Сдвиг был посланником силы, которая по каким-то причинам любила иметь дела с абстракциями. Это было исключительно концептуальное существо, существующее лишь в виде набора идей в голове того, с кем оно хотело общаться. В данный момент оно было где-то в нервной системе мистера Кихотля, оно изменяло его восприятие так, чтобы он видел «сообщения» в тексте «Газеты Нового Борнео». Он перелистал газету, остановившись на кроссворде.

1 ПО ГОРИЗОНТАЛИ. А зачем вы пригласили на аукцион людей? Мои наниматели предполагали, что тут будут только представители темпорально-активных культур.

— Мы тоже так считали, — сердито сказал Гомункулет, прочитав то же самое в спортивных новостях.

Мистер Кихотль шмыгнул носом:

— Ну... Они из UNISYC, у них есть свои причины желать приобрести этот лот. Поэтому аукцион и проводится на Земле, чтобы представители людей могли сюда попасть, не надорвав кишки.

3 ПО ВЕРТИКАЛИ. Кстати, о лоте. Я осматривал ваш Город. Реликвия находится в вашем хранилище, верно? На втором подземном уровне.

— Вас это чем-то не устраивает, мистер Сдвиг?

17 ПО ГОРИЗОНТАЛИ. Нет. Но я взял на себя вольность осмотреть защищающие её средства

безопасности. Интересно. Возможно, излишне сложно. Однако...

— Безопасность должна быть на должном уровне, вот и всё, — резко сказал Гомункулет, перебивая кроссворд. Если, конечно, кроссворд можно перебить. — Вы же знаете, сколько могущественных сил хотят завладеть этой Реликвией? Не хватало нам только, чтобы сюда толпа киберлюдей ввалилась.

Мистер Кихотль покачал головой:

— Всё улажено, мистер Г. Город оборудован включённым устройством-бригадун, так что нужны весьма сложные технологии для того, чтобы попасть сюда без пригласительной карточки. А киберлюди на Землю не явятся ещё как минимум год, я проверял. Никто на аукцион без приглашения не явится. Поверьте мне, хорошо?

Гомункулет издал странный хриплый звук, который, возможно, был смехом.

— Я повелитель времени, — сказал он. — Мы не верим никому, кроме мёртвых и дураков. Такие уж мы.

История Гомункулета

Лондон, Земля, сентябрь 2169 г.

Площадь в руинах, больше отсюда не унюхать. Обугленный бетон и затхлый воздух, лужи, оставшиеся от уличных фонарей, расплавленных термоядерными двигателями, скелеты выгоревших транспортных средств, разбросанные по тротуарам. Город такой старый и усталый, что у него уже нет сил даже на то, чтобы рассыпаться в прах.

Здесь, значит, это всё началось. Сюда опустились с неба первые захватчики, сюда согнали, чтобы убить, местных политиков. Правильнее сказать, чтобы «уничтожить». Прямо здесь, на другом берегу реки, на площади Парламента. Небо над Лондоном серое, гнойное, в нём полно старых загрязнений. Из-за этого Гомункулет к этому времени уже должен был расчувствоваться и затосковать до конца дня, старый нытик.

Я могу об английской погоде сказать лишь следующее: она мешает работе моих мониторов. Я потеряла Гомункулета три минуты назад, а ведь он тут единственное живое существо. Он, конечно, мог бы взять меня на Площадь с собой, но он говорит, что пешком я неповоротливая. Ему приятно думать, что он в чём-то лучше меня. Тогда он не жалеет о том, что он основан на углероде.

Земля под ногами у Гомункулета исчезла. Он не привык к тому, что земля себя так ведёт, поэтому так сильно удивился, что даже не запаниковал, падая в реку. В одну секунду он стоял на мосту, а в следующую уже болтал ногами в воздухе. Вот так просто. Ни предупреждений, ни объяснений.

Его тело согнулось от удара об воду, руки инстинктивно начали размахивать в поиске опоры. Первый глоток тины он сделал ещё до того, как понял, что тонет, и сразу почувствовал, как химические загрязнения жгут мембрану в его горле. Следующее, что он почувствовал, — его ноги коснулись толстого слоя ила на дне реки. Под его ногой что-то хрустнуло, то ли пластик, то ли кость. Во время вторжения люди сбрасывали сюда своих погибших, и мягкие части трупов обгладывали паразиты, научившиеся жить в сточных канавах.

Итак. Мост исчез. Прямо из-под него. Беззвучно.

Анархитекторы?

Гомункулет вдруг понял, что он не дышит. Он запаниковал и начал размахивать руками и ногами, пока не вспомнил, что он и *не должен* дышать. Его дыхательная система отключилась, а он этого не заметил. Но как долго он может так выдержать? Сколько у него времени до того, как он не сможет не дышать?

Проблемы нужно решать по мере их поступления, — решил он. Анархитекторы. Думать об анархитекторах. Бестелесные разумные существа, созданные Врагом в самом начале их нападения на

Галлифрей. Согласно той информации, которую предоставили Верховному Совету Селеститы, типичный анархитектор был похож на примитивный компьютерный вирус, сгусток предварительно подготовленных инструкций, предназначенных для повреждения и перемешивания данных. Но анархитекторы могли существовать за пределами компьютерной системы. Они могли проникать в архитектуру, заселяться в здания, манипулировать углами и поворотами. Они могли нарушить информацию, которая не давала сооружениям развалиться, перестроить целый город.

Когда Верховному Совету сообщили о том, на что способны эти твари, советники подумали, что это бред. А затем они поняли, что анархитекторы были продуктами такой же технологии, которую повелители времени использовали для строительства ранних моделей ТАРДИС. Они всегда умели это делать, но только Враг мог додуматься превратить эту технологию в оружие.

Гомункулет попытался не хмуриться, но его природа взяла своё. Анархитекторы. Очевидно. Враг выследил его и Марí, в точности, как и в предыдущий раз, и они убрали из-под него мост, когда он переходил с Альберт Эмбанкмент на Площадь Парламент. Гомункулет выругался, выпустив к поверхности реки пузыри, полные нецензурной лексики. Надо было попросить Марí приземлиться ближе в Площади. Он начал вспоминать услышанные им когда-то ужасные

истории о том, как лорд Рутвентраколиксабаксил умер от голода в собственной ТАРДИС, когда анархитектор проник в его корабль и превратил центральный коридор в петлю Мёбиуса.

Нет. Нет. Нельзя сдаваться своему воображению, только не сейчас. Ему нужно выполнить задание, а пожаловаться на условия работы он сможет и позже. По крайней мере, под водой он был в безопасности — тут не было ни стен, ни полов, в которых мог бы притаиться анархитектор. Значит, он мог попытаться пройти по дну реки, подобраться как можно ближе к Парламенту, и лишь тогда рискнуть выглянуть на поверхность. Если повезёт, он сможет оторваться от анархитектора.

Если повезёт. Как же.

Похоже, что от этой части Лондона все стараются держаться подальше. Тут воняет политикой и плохим излучением.

Когда-то этот город был крупным источником загрязнений. Одной из двенадцати ключевых политических точек планеты, по данным Матрицы. Захватчики прибыли сюда в своих игрушечных тарелочках, чтобы Земля увидела, как безнадёжно для неё соотношение сил; иногда они уничтожали какой-нибудь город в качестве примера другим. Когда поступило требование сдаться, некоторые из политиков заперлись в здании Парламента и позволили пришельцам сжечь коридоры вместе с ними.

Дело было не в принципах. Даже на этой стороне Спирали Маттера у политиков нет принципов. Просто им больше некуда было деваться.

Стоп. Погода, должно быть, улучшается, я снова чувствую следы. Следы жизни, два, внутри одного из зданий. Один из них должен принадлежать Гомункулету, а кто второй?

В целом, Палата Общин за триста лет своего существования не сильно изменилась. Примерно раз в полвека тут проходили реставрации, иногда террористы подкладывали бомбу, и взрывом выбивало стёкла и уничтожало интерьеры кабинетов, но по большей части это было всё то же старое чудовище.

Гомункулет осматривал коридоры власти со смесью презрения и безразличия. Здесь, по информации Верховного Совета, он должен найти Реликвию. Если Матрица права, в течение последних ста лет Реликвия принадлежала человеческим военным. Когда случилось вторжение, земное общество рухнуло мгновенно, все безделушки, собранные военными за долгие годы, растерялись, попав в руки мародёров и торгашей. Один из них, как утверждали данные Матрицы, обитал здесь.

Гомункулет шёл по отделанным дубовыми панелями коридорам Палаты, неспешно обтирая измазанные илом руки о лацканы своего костюма. По крайней мере, Верховный Совет снабдил его достаточным количеством данных, чтобы он мог тут ориентироваться. На стенах всё ещё были обгорелые

пятна, кучки пепла лежали в тех местах, где захватчики заставляли секретарей и охранников, но в остальном коридоры были чище, чем ожидал Гомункулет. Освещены они тоже были неплохо — неоновые лампы, похоже, заменили совсем недавно. Признаки обитаемости, — сделал вывод Гомункулет. Кто-то здесь обосновался, несмотря на местные табу, связанные с Призраками Вестминстера.

Несколько лет назад эти коридоры кишели захватчиками. Гомункулет представил, как те убивали местных политиков и отдавали команды своими дурацкими жестяными голосами. Захватчики всегда в первую очередь расправлялись с лидерами, стандартная тактика. Как и в случае с первым ударом Врага по Галлифрею, их неумелой попыткой перебить Верховный Совет. «Неумелой» в том смысле, что повелителям времени повезло.

Земле тоже повезло. Да, её завоевали, но это была всего лишь горстка бестолковых биомеханоидов, не умевших даже внятно разговаривать. А вот повелители времени столкнулись с чем-то *реально* опасным.

Откуда-то спереди донеслись шипение и треск. Гомункулет замер, и его дыхание снова отключилось. Несколько мгновений спустя треск заглушил голос, плавный женский голос, булькавший от помех:

«Каждый раз, когда мы расстаёмся, я немного плачу...»

Это определённо признаки живого человека, где-то рядом с центром Палаты. Я чую, что Гомункулет движется прямо к нему. Чую? Неподходящее слово. Однажды придётся всё-таки разработать полноценную терминологию для описания суб-органических сенсорных восприятий.

А может, и не стоит этого делать. Кроме меня её всё равно никто больше не поймёт.

Гомункулет мало что знал о земной архитектуре, но зал для заседаний узнал с первого взгляда. Зал был окружён балконами и местами для видео операторов, а две группы обитых зелёной кожей кресел по сторонам зала, судя по их виду, стояли тут уже несколько веков. Участок пола в центре зала был украшен мозаикой. Изображение потускнело, но того, что Гомункулету было известно о местной истории, было достаточно, чтобы узнать символ Правительства Мировых Зон.

«Где-то жаворонок ждёт, чтобы спеть об этом...»

Но не мозаика обращала здесь на себя главное внимание. И не пластиковые манекены в количестве трёхсот-четырёхсот штук, сидевшие в креслах с безумными нарисованными глазами и улыбками. И не оружие, тысячи единиц которого были подвешены спусковыми скобами на ржавых гвоздях, украшая стены, словно приколотые бабочки. И не звуковые колонки, четыре куба, расставленные по углам, от которых пол

вибрировал в такт песне, которую Гомункулет услышал ещё в коридоре.

«Нет лучше песни о любви...»

Нет. Главной достопримечательностью зала был живой человек, сидевший на выцветшем троне прямо между двух групп кресел, лениво свесив ноги с одного из подлокотников.

Кожа у мужчины была чёрная. Абсолютно чёрная. По оценке Гомункулета, цвет кожи не был чисто генетическим; десятилетия воздействия загрязнений воздуха и инопланетного излучения тоже внесли свой вклад. Волосы у Чёрного Мужчины были тёмные, заплетённые в косички и заправленные под шляпу-цилиндр, которая выглядела ещё старше, чем Парламент; его одежда была дорогая, но обтрёпанная, наверное, снятая с одного из множества богатых лондонских трупов. На нём было чёрное пальто, чёрный костюм, чёрный галстук. В общем, его темноту нарушали лишь две вещи.

Во-первых, цветок — красивый красный бутон, приколотый к лацкану. Искусственный, — предположил Гомункулет, — или выращенный в пластогеновой капсуле. А во-вторых, улыбка. Белая блаженная улыбка, такая белая, что без химии дело явно не обошлось.

«... но какая странная перемена, от большого к малому...»

Чёрный Мужчина помахал рукой. Какой-то механизм зала, видимо, заметил это движение, и музыка мгновенно остановилась.

— Элла Фитцджеральд, — медленно сказал он, словно это всё объясняло.

Гомункулет заметил, что глаза у Чёрного Мужчины были закрыты. Он с любопытством прошёл по проходу к трону, рассматривая сидевших по обе стороны манекенов. Их лица были гротескны, сплошные ухмылки и оскалы.

— Мои министры, — сказал Чёрный Мужчина, не раскрывая глаз и не прекращая улыбаться. — В последнее время они молчаливы.

Гомункулет остановился за два метра до трона.

— Вы торгуете оружием? — спросил он. — Люди приходят сюда, чтобы купить у вас оружие? Так?

Чёрный мужчина наконец-то открыл глаза. Гомункулет увидел, что глаза были тоже тёмные, как кожа.

— Здесь всегда торговали оружием, — сказал Чёрный Мужчина. — Продавали его друзьям, продавали врагам. У меня всё есть. Плазменные ружья. Вам нужны плазменные ружья? Настоящие, когда-то военные. Есть пистолеты, есть миномёты. Даже инопланетные пушки. Но они дорогие.

Его улыбка стала ещё немного шире, отчего по лицу пошли морщины, и он стал выглядеть на несколько десятилетий старше, чем до этого. Впрочем, Гомункулет не мог сказать, насколько старым он выглядел до этого.

— Реликвии. Меня интересуют реликвии. И всё.

Чёрный Мужчина рассмеялся. Его смех был почти инфразвуковым.

— Какие именно реликвии вам нужны? Реликвии, которые делают «бум»?

Гомункулет покачал головой, затем наклонился вперёд, чтобы манекены не слышали следующие два слова.

— «Магазин Игрушек», — сказал он.

Чёрный Мужчина ответил не сразу. Гомункулет видел, как радужки его глаз расширились, почти скрыв белки. Гомункулет предположил, что мужчина мог находиться под действием каких-то наркотиков. Как минимум, это объяснило бы его улыбку.

— Дорого, — наконец, сказал Чёрный Мужчина.

— Не важно, — резко сказал Гомункулет.

Чёрный Мужчина кивнул:

— Как скажете. У меня есть почти всё, что хранили в «Магазине Игрушек». У меня есть то, что оставили киберлюди в 2030-ых. Есть настоящие реликвии ледяных воинов, со времён ещё до того, как они скинули камень. Вам такое нужно?

— Нет, я ищу нечто конкретное. Ящик. Гроб. Длинной два метра, металлический. На нём...

— Простите, — прервал его Чёрный Мужчина, — ничем не могу помочь.

Гомункулет вздрогнул. Как это понимать?

— Это важно, — настаивал он.

— Ничем вам не могу помочь, — Чёрный Мужчина пожал плечами и потянулся, не переставая при этом широко улыбаться. — Попробуйте зайти к соседям. К людям-зомби в Палате Лордов. Ха-Ха.

Гомункулет тяжело дышал:

— Послушайте! Вы не знаете, кого я представляю. Нам нужна Реликвия, и мы знаем, что она здесь. Мы сканировали весь таймлайн этой планеты. Мы определили, что это наиболее благоприятный момент для её изъятия.

Он сделал ударение на сканировании таймлайна. Если этот мужчина имеет дело с инопланетными технологиями, то, наверное, слышал что-то о повелителях времени, хотя бы слухи.

Но на Чёрного Мужчину это не произвело впечатления.

— У меня этого нет, — сказал он. — Раньше было.

Гомункулет почувствовал, что бледнеет.

— У вас... было?

— Было. Сейчас нет.

Нет. Нет, нет, нет. Верховный Совет был уверен в том, что этот промежуток времени — лучшая эра для получения Реликвии. Если Чёрный Мужчина уже её продал, это значит...

Что кто-то вмешался.

Кто-то темпорально-активный.

Враг?

— Нам она нужна, — тараторил Гомункулет. — Вы не понимаете. Нам она нужна. Война... Если у нас есть хоть какой-то шанс...

Сжав кулаки он, шатаясь, пошёл к трону. Он предположил, что тут, наверное, есть автоматически

наводящиеся боевые системы, которые целятся в него прямо сейчас, но его это уже мало волновало.

Чёрный Мужчина вскинул руки, видимо, пытаясь его успокоить:

— Осторожно, — сказал он. — Осторожно, — он спокойно полез рукой в карман своего пальто. — Между прочим, мой покупатель... тот самый... сказал, что за этим товаром придёт ещё кто-то. И оставил сообщение. Видите? — он показал что-то Гомункулету.

Гомункулет моргнул. Это была карточка, похожая на визитную, но тоньше, чем бумага, и ярко-серебристая. Он осторожно взял её из руки Чёрного Мужчины и посмотрел на обратную сторону. Карточка была покрыта царапинами и завитками, которые у него на глазах перестраивались, образуя слова на верхне-галлифрейском. Он обратил внимание на координаты для навигационной системы ТАРДИС.

— Приглашение? — спросил Гомункулет.

— Вот видите! Если вам нужен этот товар — отправляйтесь к новому владельцу, — Чёрный Мужчина откинулся на спинку трона. — А если понадобятся пушки, то возвращайтесь.

Гомункулет посмотрел на него, но мужчина уже закрыл глаза. Он махнул рукой на стены, и женский голос снова сотряс пол:

«...каждый раз, когда мы расстаёмся».

Посмотрите-ка. Гомункулет идёт. Вижу, он недоволен. Наверное, нам предстоит очередной доклад о невыполненном задании.

На то, чтобы вернуться к Марí, у Гомункулета ушёл почти час. Он решил, что это из-за анархитекторов, которые смещали ориентиры, но когда он сказал об этом Марí, она ответила, что он просто заблудился.

— Я не зарегистрировала ни одного анархитектора, — уверенно сказала она.

Они стояли в том же месте, в которое прибыли на Землю, рядом с большой дорогой на другой стороне реки. В своём текущем теле Марí была почти на голову выше Гомункулета, её кожа была цвета шоколада, волосы заплетены в косы и заброшены за спину. Её одежда могла бы, наверное, быть модной в первой половине двадцать первого века, но 2169 год был известен как слепое пятно по части моды.

— Я же тебе рассказывал, из-под меня мост исчез, — ворчал Гомункулет.

— Ты уверен? Может быть, ты с него просто упал?

Гомункулет сердито посмотрел на неё.

— Открывайся, — сказал он.

Марí вздохнула, затем провела пальцем по своему лицу, от лба до подбородка. Её голова послушно раскрылась, и трещина увеличилась до размеров двери, в которую мог зайти среднего размера гуманоид.

Гомункулет зашёл вовнутрь, и её лицо снова приняло обычный вид. Несколько секунд спустя она дематериализовалась с завывающим скрежетом.

— У тебя есть идеи, кто оставил приглашение? — спросила Марí.

Гомункулет поднял взгляд. Высоко над ним купол отсека управления превратился в карту локальных контуров времени. Марí провела сияющую линию вокруг препятствий, вычисляя кратчайший путь из Англии двадцать второго века в новый пункт назначения, указанный в пригласительной карточке.

— База данных у тебя, — сказал Гомункулет. — Тебе виднее.

Как и все ТАРДИС 103-его типа, внешне Марí была похожа на жителя той среды, в которой она приземлялась. И как все ТАРДИС 103-его типа, изнутри она обычно проявляла своё присутствие бестелесным голосом. Иногда у Гомункулета появлялось неприятное чувство, что она начинает считать себя богиней.

— Я вижу, что новые координаты тоже на Земле, — заметила Марí, меняя тему. — Хотелось бы для разнообразия побывать в каком-нибудь более экзотическом месте. *Ик!* Мне бы хотелось размять свои компенсаторы гравитации. Ещё один день в обычной гравитации, и у меня рахит разовьётся.

— Прекрати жаловаться, а не то я тебя обратно на Дронид отправлю.

— Садист. Итак, посмотрим. Это Индонезия, примерно на сто лет в относительном прошлом. Хм. Ты

знаешь, кажется, мне нечего туда надеть. У меня в каталоге есть амазонская супермодель, это самое похожее, что я могу найти. Когда мы прибудем, мне нужно будет сходить приобрести какие-нибудь приличные аксессуары.

— Надо будет когда-нибудь заняться этим твоим нарциссизмом, — сурово сказал Гомункулет.

— Если даёшь разумному существу систему-хамелеон, не нужно удивляться, что она начинает заботиться о своём внешнем виде. И, кстати, не мостись там, в кресле. Мы уже двадцать четыре секунды как прибыли в Индонезийскую Зону Восстановления.

— Я знаю, — сказал Гомункулет. — Я слышал, как ты икнула. Это тоже нужно будет когда-нибудь исправить.

ГЛАВА 2

Странные люди и их спутники

Если верить календарю на её наручных часах (японские, могут показывать время на тридцать льё под водой и пиццать во время школьного собрания), Саманта Анджелина Джоунс была знакома с Доктором уже семь месяцев, три недели, и шесть дней. По прикидкам Сэм, это означало, что в среднем он говорил или делал что-то очень странное примерно один раз в 2.1 часа. Включая те часы, когда Сэм спала, разумеется. Часто, когда она просыпалась ранним (относительно ранним) утром, она обнаруживала, что Доктор за ночь успел сотворить две или три непостижимых вещи, и по всем коридорам корабля валялись неряшливые кучи доказательств содеянного.

Но сегодняшний день был богат на странности даже по меркам Доктора. С момента своего пробуждения Сэм была озадачена целыми пятью разными странностями.

Странность номер один: отбытие Доктора. Зайдя под большой купол отсека управления, Сэм обнаружила, что он готовится покинуть корабль. Двери были открыты, и он стоял на пороге, поправляя на себе сюртук, словно готовясь к совещанию у начальства. Он выглядел бы очень красиво, если бы не висевший на его плече трезубый крюк.

Странность номер два: объяснение Доктора. Увидев Сэм, он чуть не покраснел, и начал поправлять костюм ещё более суетливыми движениями. «Отлучусь ненадолго, в шахматы поиграть», — сказал он. Выходя из ТАРДИС, он предупредил, чтобы она ни в коем случае не шла за ним. В кои-то веки Сэм его послушалась. Просто чтобы доказать, что такое иногда бывает.

Странность номер три: компьютерная симуляция. После ухода Доктора Сэм немного повертелась вокруг консоли. Просто потому, что ей не часто выпадала возможность пощупать органы управления, чтобы её при этом не шлёпали по рукам. Она нашла экран компьютерного монитора, встроенный в одну из панелей. Этот экран она раньше не видела, значит, либо он был новым добавлением, либо Доктор его совсем недавно откопал из-под кусков оборудования и баночек из-под йогурта, которыми была завалена вся консоль. Как и всё в ТАРДИС, этот компьютер выглядел анахронично. Графика была яркая и кусочная, примерно такая, как на старых микрокомпьютерах, которые были в школах в 1980-ых.

На этом экране было грубое отображение офисного здания — серой глыбы с большими квадратными окнами. На стене этого здания, перпендикулярно ему, торчало синее прямоугольное пятно. ТАРДИС — догадалась Сэм.

У неё на глазах из здания выпрыгнул нарисованный персонаж. Розовый человечек, который падал из окна

самого верхнего этажа. Нарисованный человечек описал дугу, пролетел мимо ТАРДИС, и скрылся за нижней границей экрана, а в верхней части экрана компьютер прокручивал последовательность сложных уравнений, описывающих скорость падения человечка. Через какое-то время из окна выпрыгнул ещё один человечек, но он тоже не попал в ТАРДИС.

Человечки прыгали и прыгали, пока один из них, наконец, не попал в крохотную ТАРДИС. В тот же миг человечек исчез, а нарисованная ТАРДИС начала победно мигать. Вся серия повторилась с самого начала, с первого, обречённого розового прыгуна.

Странность номер четыре: возвращение Доктора. Пока Сэм пыталась понять смысл этой компьютерной модели, где-то рядом что-то стукнуло. Обернувшись, она увидела лежавшего спиной на полу ТАРДИС Доктора. Он лежал в странной позе, разкинув руки, словно он свалился с неба. Тройного крюка при нём не было.

Сэм сложила руки на груди, как она делала всегда, когда хотела услышать объяснения. Доктор какое-то время лежал неподвижно, с широкой улыбкой на лице. Наконец он сел и смахнул с лица прядь волос.

— Внутренние компенсаторы гравитации, — радостно сказал он. — Ты знаешь, я понятия не имел, сработает ли это.

И, наконец, *странность номер пять:* Доктор ни с того ни с сего решил срочно куда-то лететь. Как только он встал с пола, он тут же бросился к консоли и начал

барабанить пальцами по кнопкам, вводя новые алгоритмы, и в конце концов ударил (да, в прямом смысле) по управлению дематериализацией. И даже после этого он продолжал бегать вокруг консоли, что-то на ней поправляя. Руки Сэм по-прежнему были сложены на груди.

— Как игра? — сухо спросила она.

Доктор неопределённо махнул рукой.

— Он жульничает, — сказал он. — Наверняка жульничает. Сместил фигуры между регенерациями.

— Кто «он»?

— Генерал.

Он, наконец, посмотрел на неё с выражением отстранённой озабоченности. Сэм поняла, что он рассматривает её одежду.

— Ты уверена, что это подходящая одежда?

Сэм осмотрела себя. На ней была одета её «базовая» одежда: джинсы, армейские ботинки, которые она нашла в секонд-хенде в Шоредитче, и футболка из гардероба ТАРДИС, которая, наверное, была пискom моды в 1976 году.

— Понятия не имею. Ты ещё не сказал мне, куда мы направляемся.

Доктор снова посмотрел на консоль. Сэм подумала, а не забыл ли он уже, куда они летят?

— Борнео. Индонезийская Зона Восстановления. Конец двадцать третьего века.

— Борнео? Там жарко, да?

— Ну, довольно-таки.

— Значит, нет проблем. Короткие рукава и армейские ботинки. Как раз для солнечного дня.

— Я сказал, что там жарко. Но я не говорил, что там солнечно. Возможна изменчивая погода и сильные атмосферные загрязнения.

Пока он это говорил, ТАРДИС со скрипом остановилась, колонна в центре консоли замерла, стукнув. Как будто бы корабль с разгону врезался в физическую вселенную и разбил себе нос.

Сэм потянулась к рычагу, который, как она знала, включал сканер. Доктор шлёпнул её по руке и потянулся к совсем другому рычагу и включил им сканер.

По потолку прошло мерцание, и на куполе возникло изображение того, что было снаружи корабля. Сэм считала, что это что-то вроде голографии, хотя когда она сказала об этом Доктору, тот проворчал что-то о том, что примитивные формы жизни всегда пытаются опустить технологию на свой уровень. Что, по мнению Сэм, было странно слышать от того, кто использовал модулируемую мазером артронную энергию для жарки гренок. На потолке было изображение лесных крон на фоне однородно-серого неба.

— Конец двадцать первого века, — заметила Сэм.
— Значит, некоторые из тропических лесов выжили.

— Нет, не выжили. Поэтому это место и называется Зона Восстановления.

Доктор нажал на консоли ещё одну кнопку. Так уж оказалось, что эта кнопка открыла двери.

Две с половиной минуты спустя Сэм поняла, почему Доктор спрашивал её о пригодности её одежды.

Проблема была не в жаре. Тропический лес, — сказала она себе, — это не просто английский лес с повышенной температурой. Фоновый шум, запахи, щекочущее ощущение капель пота, скапливающихся подмышками и под грудями — целый набор абсолютно новых ощущений. Несмотря на жару, у неё было ощущение, что ей нужно больше одежды, куртку и/или большую шляпу. Это был психологический эффект, понимала она. Одежда — это защита, барьер между телом и окружающей средой. Она почти чувствовала, как в её организм заползают бактерии. От укусов насекомых тоже было несладко.

— А ещё за нами следят, — сказал Доктор, в очередной раз демонстрируя псевдо-телепатию.

Он осматривал подлесок рядом с ТАРДИС, расхаживал, заложив руки за спину, вокруг деревьев, вежливо обходя те, которые больше других были похожи на разумные. Сэм обвела взглядом окружающую зелень, но единственным представителем животного мира, которого она увидела, был тукан, взиравший на неё с ветки дерева. Наверное, Доктор его имел в виду.

— Я не его имел в виду, — сказал Доктор.

Сэм подумала, а не сложить ли ей снова руки на груди, но решила, что оно того не стоит.

— И зачем мы сюда прибыли? Нельзя сказать, что я жутко хочу отсюда убраться, — она сделала ударение на

словах «жутко хочу отсюда убраться», но Доктор намёк не понял.

Он начал качать головой:

— Генерал об этом что-то говорил. Индонезийская Зона Восстановления. Что-то, связанное со мной. Во всяком случае, он на это намекал.

— Что за генерал?

— *Тот самый* генерал. У меня нехорошее чувство, что я не замечаю тут что-то важное.

Доктор повернулся к тукану и пожал плечами, словно извиняясь. Сэм не стала снова смотреть на птицу. Главным образом потому, что боялась, что птица в ответ тоже пожмёт плечами.

— Итак. Чего-то ты не замечаешь. И что же конкретно мы ищем?

— Мы ищем то, что ответственный за то, что мы ищем, хочет от нас спрятать, — Доктор замолк, чтобы у неё было время понять, что он сказал. Или просто для того, чтобы перевести дух. — Когда мы материализовались, ТАРДИС что-то засекала. Что-то было несинхронно с обычной хронологией событий. Кстати, ты смотрела «Бригадун»? Знаменитый фильм для семейного просмотра. Множество шотландцев с неубедительными акцентами.

— Хм... Я «Храброе сердце» видела, если это чем-то поможет.

— Нет, не поможет, — Доктор перестал качать головой, как будто только сейчас заметил, что до сих пор ею качает. — Смысл в том, что где-то здесь

поблизости есть объект, который существует только в определённые промежутки времени. Я убедил ТАРДИС материализоваться в фазе с ним, так что чем бы он ни был, мы должны быть способны найти его. Теоретически, во всяком случае.

Сэм щёлкнула пальцами:

— Я поняла. Значит, когда ты говорил, что за нами следят...

— Я имел в виду леопарда Сомерсета.

— Что-что?

— Леопард Сомерсета. Генетически доработанная пантера. Разработана на Земле в 2050-х годах, использовалась богатыми людьми для охраны домов. Кажется, в Японии они были особенно популярны.

Сэм обратила внимание, что его глаза направлены на что-то позади неё. Она обернулась. Ничего особенного она не заметила, но в окружении, в котором столько всего разного, можно было не заметить очень многое. Множество красок, множество деталей. Ростки с ярко-зелёными листьями, перезрелые фрукты, похожие на замученные манго, сверкающие жёлтые цветы в тени деревьев.

Жёлтые цветы. Идеально круглые жёлтые цветы, с вертикальной чёрной щёлкой. Жёлтые цветы, которые росли только парами, и только в тех затенённых местах, над которыми листва образовывала сплошной ковёр.

Жёлтые цветы сместились. Двигались они парами. Из тени начали выходить несколько широких кошачьих морд, «цветы» моргали в их глазницах. К фоновому

шуму тропического леса, к треску и шелесту насекомых, добавилось низкое басовое рычание.

— Не типичные для этого места животные, — продолжал Доктор. — Вообще-то, экосистема Зоны Восстановления не рассчитана на поддержание крупных хищников, хотя обычно...

— Доктор, — сказала Сэм.

— Хм?

— А что конкретно мы будем делать?

Доктор прочистил горло:

— Очень хороший вопрос. Напомни, я тебе ничего не говорил о плане «Б»?

Лейтенант Брегман посмотрела на зиккурат и попыталась вспомнить, как люди удивляются. В данный момент удивиться было сложнее, чем можно было подумать. Частично это объяснялось тяжёлым переходом через лес, но самое главное, после того, как она увидела появление посреди картографированной Зоны Восстановления инопланетного Затерянного Города, для того, чтобы её удивить, необычной архитектуры было недостаточно.

А не первый ли это симптом синдрома замещения? Принятие невероятного, инопланетного, абсолютно дурацкого без единого вопроса? После пары первых налётов киберлюдей большинство бедолаг, кому удалось выйти из состава UNISYC, оказались либо основателями религиозных культов в Лос-Анджелесе, либо докатились до «прогрессирующего кихотизма», как его называли

военные психиатры. Они видели в мельницах инопланетных роботов, верили в то, что крохотные зелёные человечки живут в их телевизорах, и тому подобное.

Всё это заставляло Брегман задуматься о её командире. Кортес стоял рядом с ней, глядя на каменный фронтон зиккурата. Каждый сантиметр поверхности был покрыт крохотными идеограммами. Брегман подумала, не пытается ли полковник их прочесть.

— Сэр? — обратилась она. Он никак не прореагировал. — Сэр, тут никого нет. Нас должны были встретить. Приглашение...

— Наверху кто-то есть.

— Сэр?

— На крыше. Кто-то стоит на крыше.

Брегман посмотрела вверх, но никого не увидела. Она видела только огромные ступенчатые этажи здания, возвышающиеся над остальной частью Города. И вдруг она почувствовала тошноту.

Снова опустив взгляд, она не увидела полковника Кортеса.

— Лейтенант?

Брегман вздрогнула. Перед ней был тоннель, прямоугольный вход в стене зиккурата. Очередное появление из ниоткуда, — сказала себе Брегман, удивив себя тем, что почти не удивилась. Она увидела полковника: он стоял в проходе, и висящие на стенах факелы отбрасывали на его лицо жёсткие тени. Он

нетерпеливо смотрел на неё, не понимая, почему она не идёт за ним.

И Брегман пошла за ним.

В тоннеле было странное ощущение комфорта. Не было ни ковров, ни мебели, но было комфортно. Стены были гладкие, без всяких космических граффити, а свет факелов почему-то делал это место уютным, а не ужасающим. Было такое ощущение, что в коридоре работали кондиционеры, хотя не было видно никаких признаков вентиляции. Шик руин древних инков, — подумала Брегман, — но с современными удобствами.

Коридор перед ними расширился, и в конце концов превратился в перекрёсток. Полковник остановился. Брегман заметила, что у него на лице было лёгкое смятение. Но у него такое лицо было всегда. Всегда, когда что-то было не тем, чем казалось.

— Вы правы, лейтенант, — сказал ей Кортес.

— Сэр?

— Нас должны были встретить. Разведка.

— Разведка? Полковник, я не...

— Вы оставайтесь здесь, в точке, которую мы будем называть «Ответвление-1». Ждите моего возвращения или прибытия встречающих. Всё ясно?

— Да, но... Разве это наше лучшее решение, сэр? Если мы разделимся...

— Не нужно воспринимать это как враждебную среду, лейтенант. Это дипломатическая миссия. Нам не нужно готовиться к вражеской агрессии.

Брегман, извиняясь, кашлянула:

— Да, сэр.

Кортес кивнул и пошагал по коридору прямо вперёд. Брегман смотрела на то, как он шёл. Скованные, почти механические движения. Он ходит так же, как и говорит, — подумала она. Она попыталась всмотреться в темноту перед ним, но конца коридору не было видно.

— Превосходно, — прошипела она, как только он скрылся из виду.

Она обхватила себя руками. Не потому, что ей было холодно. Как можно мёрзнуть в тропиках? Но она чувствовала себя уязвимой, с самого их прибытия на этот остров. То, что она находилась в инопланетной крепости, тоже не успокаивало.

Инопланетной. О Боже, да! Кортес видел кого-то на крыше, но не сказал подробности. Брегман могла бы и сама спросить. Это был человек? Может быть, гуманоид?

Она вспомнила книгу, маленький справочник, который ей выдали в UNISYC одновременно с допуском 19-го уровня. Вполне в духе UNISYC, она называлась «Шпионская книга инопланетных монстров», и в ней были описания всех неземных существ, в которых этой организации доводилось стрелять. Киберлюди, понятное дело, были там на первой странице, но дальше книга описывала такие малоизвестные виды как марсиане, селачиане, крайноиды, хургалнуки, бэндерснэтчеры, и желтопузые камнееды.

Ей было приказано выучить всю книгу, а затем съесть её. Лишь позже, когда она получила 20-й уровень допуска, ей сообщили, что это была проверка на доверчивость. Из описанных там инопланетян всего несколько были настоящими. Остальных придумал какой-то идиот из отдела подготовки. Первый признак сумасшествия, — смеясь, говорили ей командиры, — это когда читаешь книгу и веришь в ней каждому слову.

О, и съедать книгу тоже не надо было.

Кто-то заговорил.

Брегман запаниковала.

— Э-эй? — позвала она. Она повернулась, посмотрела в коридор, но ничего не увидела.

Кто-то снова заговорил.

Но слишком тихо, чтобы можно было расслышать слова. Если подумать, слов там вообще могло не быть. И звука, вообще-то, тоже.

Не было звука. Брегман пыталась не терять ход своих мыслей. Она точно что-то слышала, но ощущение было такое, как будто звук проникал прямо вовнутрь её черепа, не попадая при этом в уши. Значит, инфразвук? Она попыталась определить, откуда доносился не-звук, и остановилась на коридоре, который уводил влево.

Ага. Это как ключевой момент фильма ужасов, да? Симпатичная женщина что-то слышит и одна отправляется узнать, что это такое. Прямо в пасть ожидающего за поворотом инопланетного монстра.

Инопланетного монстра. В данных обстоятельствах это отрезвляло. Брегман замерла.

Боковой коридор был похож на главный, но по бокам в нём были двери, шесть штук. Она не могла рассмотреть дальний конец коридора, хотя источник звука, похоже, был там. Впереди. Впереди и внизу.

Она прислушалась. Нет, ей не нужно было прислушиваться. И это не был инфразвук, это было что-то другое. Звук как будто попадал в её мозг сразу, не проходя сквозь её уши... Телепатия? Возможно. В колледже, в Женеве, Брегман была на уроке на тему «что делать в случае псионной атаки», но советы там давали расплывчатые; даже в Центральном штабе на этот счёт не были уверены. Она попыталась вспомнить, у кого из инопланетян в той книжке были телепатические способности. У повелителей времени. У квиркафлигов.

Или их всех придумали?

Брегман неожиданно для себя заметила, что снова идёт, движется на источник звука. Она остановилась.

Остановилась напротив одной из дверных проёмов.

В комнате было какое-то движение. Брегман повернула голову.

Насколько ей было видно, комната была почти пустая. Но она думала не об отсутствии мебели. У дальней стены помещения, напротив входа, стояла простая койка, а на краю койки кто-то сидел. Ноги были на полу, плечи опущены, лицо было освещено угасающими факелами.

Это был человек. Гуманоид. Мужчина. В одежде. Что это за одежда? Брегман не смогла на ней

сосредоточиться. Существо имело голову обычной формы и лицо...

Лицо менялось у неё на глазах. Его кожа раздвинулась. Складки расправлялись, морщины меняли свою конфигурацию. Из-под плоти появились белые, твёрдые, острые объекты.

Улыбается. Вот что оно делает. Улыбается. О, Боже! Лицо было просто лицом, нормальным лицом, но всё, что делает человеческое существо по-настоящему человеческим, из него высосали. Её сознание словно вообще не могло принять этот набор черт в качестве лица. Она могла воспринимать его только как грудку кости и кожи, не могла связать их с человечностью, как это должно было быть при встрече с другим живым существом.

Мужчина на койке продолжал улыбаться. Улыбка покойника. Словно он понимал, что о нём думает остальной мир, и ему было наплевать на это. Брегман почувствовала, как мышцы на её лице пришли в движение. Она поняла, что какая-то часть её подсознания прореагировала на него и пытается улыбнуться в ответ. В то же время её рука потянулась к ремню, пытаясь нащупать пистолет.

Но у неё не было пистолета. Это была дипломатическая миссия. Это не следовало рассматривать как враждебное окружение.

— Биоданные, — сказал Доктор.

— Что там *а-ха* с ними?

— Я понял, что что-то не так, как только мы вышли из *ха-ха* ТАРДИС. У нас, повелителей времени, есть определённые *хах* механизмы, встроенные в наши биоданные. Благодаря им мы *хах-хах* очень чувствительны к искажениям биоданных вокруг нас.

— Ты о чём-то *а-ха* вроде ДНК?

— Не только ДНК. Когда я говорю «биоданные», *ха-ха* я имею в виду что-то глубже, чем *ха-ха-ха* просто генетика. В каждой клетке каждого организма есть залежи информации, которую можно *ха* добывать. К примеру, допустим, что ты перемещаешься по *ха-ха* четырёхмерной *ха* петле обратной связи в ТАРДИС. Из-за всевозможных *ха* энергий, исходящих от петли, факт этого *ха-хаха-ха* перемещения окажется записан в самой *ха* сути твоей биологии. Тот, кто умеет это читать, может обнаружить замечательнейшие вещи в *ха* био-*ха*-данных-*ха*.

— Я не *а-ха* знала об этом.

— Нет. У человеческой расы нет большой потребности в передовых технологиях биоданных. Генетика — единственное, *хаха-ха* что вас беспокоит. Генетическая информация, конечно, составляет часть вашей *хах* матрицы биоданных, но этим она не исчерпывается.

— И ты считаешь *а-ха а-ха а-ха* что кто-то *а-ха* ковырялся в биоданных этих леопардов?

— Я думаю, что кто-то «поковырялся» в биоданных *хаааа* всей этой экосистемы.

— *А-ха*. Ясно. Доктор?

— Да?

— Сколько времени мы уже бежим?

— А что? Ты запыхалась *ха*, да?

— Кто, я? *А-ха*. Боже, нет.

— Хорошо.

Доктор без предупреждения выпустил руку Сэм. Она возмущённо булькнула, потеряла равновесие, и полетела вперёд. До этого Доктор тащил её за собой, словно считал, что без него она не поймёт, как бежать. Всё это время она слышала позади них топот кошачьих лап. Туканы в деревьях верещали как автомобильные сигнализации.

Сэм подняла лицо из ошмётков сухих листьев, которые устилали в лесу землю. И только в этот момент она увидела, что перед ней стоит здание.

Это напомнило ей о тех местах, которые можно было увидеть в передаче «Таинственный мир Артура Кларка» — старый храм, покрытый маленькими нацарапанными фигурками. Размером здание было как большой сарай, построенный из камня цвета зубного налёта. Доктор стоял перед входом и неспешно рассматривал резьбу вокруг арочного входа.

Сэм мельком взглянула через плечо. Она увидела, как подлесок раздвинулся, увидела, как под кофейного цвета мехом напрягались мускулы. Но Доктор всё ещё продолжал изучать резные украшения, как будто бы у него не было никаких проблем.

Иногда он был таким. Он был таким в самые неподходящие для этого моменты.

Сэм раскрыла рот, чтобы окликнуть его, но в тот же миг он исчез в дверном проёме. Сэм поднялась с земли и пошла за ним.

— О, надо же, — сказал Доктор сам себе.

Внутри здания было довольно тесно; большая часть места была занята машиной. Для невооружённого взгляда она выглядела просто как куб со стороной в метр восемьдесят, сделанный из такого же материала, как и само здание. Его поверхность была покрыта панелями, на которых были выгравированы всё те же, уже надоевшие пиктограммы. Художественная ценность, достойная обоев, — подумал Доктор.

Он подошёл ближе к машине. Та его часть, которая была человеческой, настаивала, что это всего лишь кусок камня. К счастью, всё остальное в нём знало, что это не так. Он чувствовал, какой эффект оказывает это устройство на окружающую среду, его манипуляции, его биологическое значение. Ощущения Доктора тянули его сюда, привели его сюда через тропический лес.

Он услышал, что Сэм зашла за ним в здание и тяжело дышала.

— Доктор... — начала она.

— Тсс, — сказал Доктор.

Он два раза ударил по машине кулаками. Целая панель размером шестьдесят на шестьдесят сантиметров тут же отвалилась от поверхности. Она была больше похожа на пластик, чем на камень; ударившись об землю, она отскочила.

Доктор заглянул вовнутрь, изучая устройство агрегата. Технология была незамысловатая. Внутри были напиханы всевозможные электронные компоненты, сверхплотные пластиковые кабели соединяли морфогенические ёмкости распада с биосенсорными системами. А ещё были моргающие огоньки, но в них он ничего не понимал.

Он просунул туда обе руки. Сэм заглядывала через его плечо, он ощущал шеей её отрывистое дыхание. Снаружи, в лесу был рёв.

— Что... — начала было Сэм.

— Это система безопасности, — объяснил Доктор.
— Я так и подумал, когда леопардов увидел.

Он краем глаза посмотрел на реакцию Сэм.

— Оно управляет местными биоданными?

— Не совсем. Зона Восстановления была создана людьми, а это построили не люди. Эту машину тут установил кто-то другой. Кто-то, кто хотел защитить свою собственность.

— Так эта штука управляет леопардами?

— И насекомыми.

В лесу продолжался рёв. Доктор подумал, увидит ли он на пороге большую кошку, если обернётся? Он решил не оборачиваться, тем самым сделав ответ на этот вопрос не важным.

— Как только я вышел из ТАРДИС, меня кто-то укусил. И тебя тоже. Если я не забыл биотехнологии, насекомые запрограммированы брать образцы биоданных любого, кто сюда приблизится. Если они

решат, что посетитель свой — всё хорошо. А если нет — они зовут охрану.

Но кто бы стал пользоваться такой сложной системой, — думал он, — и на кого они пытались произвести впечатление?

— Эта машина содержит биоданные всех, кому тут разрешено находиться, — подытожил он.

— Что, как список приглашённых?

— Да, как список приглашённых.

Пальцы Доктора дотронулись до жидкости, провели по поверхности небольшой ёмкости в недрах машины. Значит, жидкий био-массив. Замечательно. Вещество было липкое, оно нетерпеливо пускало волны под его пальцами.

— Дай мне свою руку.

— Зачем? — спросила Сэм.

Ничего не ответив, он схватил её за руку.

— Ой, — сказала она, когда он погрузил и свою руку, и её в био-массив.

На какое-то мгновение в теле было полное смятение, Доктор забыл, кто он такой и что делает. Побочный эффект контакта с массивом, — решил он. Он становился частью массива, а массив пытался стать частью его, пытался силой ввести в его организм свои данные. Доктор отказал массиву в доступе, и велел также оставить в покое Сэм. Био-массив подчинился. Он понимал, что с такой формой жизни лучше не спорить.

Доктор вынул руки и отпустил Сэм. Пальцы у него даже не намокли. Массив отступил, больше не пытаюсь контактировать.

Сэм вдруг ахнула.

Доктор обернулся. Одна из пантер стояла на пороге здания, заполняя своей мускулатурой почти весь дверной проём. Хотя её тело было напряжено, морда у неё была слегка озадаченная, словно она только что делала что-то важное, но забыла, что именно.

Доктор шагнул к ней. Животное никак не прореагировало. Он продолжал идти, пока не подошёл вплотную, и протянул руку. После секундных раздумий пантера начала лизать его пальцы. Доктор улыбнулся.

— Мы в списке приглашённых, — сказал он.

Мистер Кихотль быстро ковылял по коридору, думая о том, удастся ли ему сохранить уверенность в себе и профессионализм, когда всё вокруг рушится. Правда, ничего плохого пока что не произошло. «Товар» был в сохранности, Гомункулет ещё не начал распускать руки, и всё шло по расписанию.

Но с точки зрения дипломатии всё могло бы быть и лучше.

Люди добрались до зиккурата. Их было двое, оба из UNISYC. Мистер Кихотль так увлёкся спором с Гомункулетом, что не заметил новоприбывшего — его звали Кортес — пока не наткнулся на него в одном из тоннелей между входом и конференц-залом. Проблема была в том, что этот мужчина оставил другого

человеческого представителя в главном коридоре, и пока мистер Кихотль до неё дошёл, она уже наткнулась на комнаты для гостей. Во всяком случае, она наткнулась на комнату Траска. Когда Кихотль нашёл девушку, она была возле входа в зиккурат, её рвало. Он завёл обоих человек в комнату для приёма коктейлей. Он оставил их там, выдав дополнительную бутылку чего-то, по его мнению, не слишком токсичного, сказав, что скоро официально представит их остальным, и заверив Кортеса в том, что стулья были именно тем, чем они кажутся.

Мистер Кихотль резко остановился в коридоре гостевых комнат. Ну, что же, в чём-то женщина-человек определённо права. Иметь дело с Траском было непросто, кому бы то ни было. Гомункулет выглядел как любой другой гуманоид, и даже к Сдвигу можно было привыкнуть, хотя и не сразу. Но вот Траск... Дело было не в том, что физически с ним было что-то не так. При взгляде на его фотографию можно было бы решить, что он абсолютно нормален. И лишь увидев его во плоти, начинаешь понимать.

Его невербальные сигналы. Язык тела зомби. Он двигался не так, как живые. Потому что он *не был* живым.

Мистер Кихотль набрался храбрости и зашёл в дверь комнаты Траска.

— Добрый день, мистер Траск, — сказал он, стараясь быть приветливым. — Я слышал, что у вас была гостя.

Траск сидел на койке, на его лице застыла улыбка скелета. Кихотль вспомнил, что девушка говорила, что тот улыбался. Интересно, менялось ли выражение лица Траска с момента её ухода?

— Да, — сказал Траск. — У этой комнаты нет двери.

Его голос, как и его лицо, не имел ни малейшего следа жизни. Кихотлю пришлось сосредоточиться, чтобы просто понять смысл произнесённых слов.

— Да. Простите за это. Это по недосмотру. Надеюсь, вас это не сильно беспокоит?

— Нет. Мистер Кихотль?

— Да?

— Я хотел бы с вами поговорить. Наедине.

Содержимое желудка мистера Кихотля попросилось наружу.

— Я сейчас немного занят, мистер Траск. Делегаты то тут, то там прибывают. Быть может, мы с вами позже поговорим?

— Вы знаете, кого я представляю, — проскрипел Траск.

Мистер Кихотль обвёл взглядом комнату, надеясь найти повод для завершения этого разговора. Разумеется, поводов в комнате не было. Кроме койки в комнате Траска вообще ничего не было.

— Знаю, мистер Траск, знаю. Слушайте, я никому об этом не скажу, если вас это беспокоит. Гарантирую конфиденциальность. Многие другие участники

аукциона тоже не стали, так сказать, публично сообщать, кого они представляют.

— Я хочу заключить сделку.

Кихотль посмотрел на него, и тут же пожалел об этом.

— Ну, что вам сказать... У вас будет возможность сделать ставку...

— Нет. Я хочу заключить сделку. С вами. Конфиденциально. До аукциона.

— Это не совсем, знаете ли, по правилам, — сказал мистер Кихотль.

— Я знаю, — сказал Траск.

В зиккурате было много гостевых комнат. Вообще-то, их было больше, чем могло понадобиться. Самый нижний уровень был настоящим лабиринтом коридоров, усеянным псевдо-каменными помещениями с тёплым воздухом и светом факелов. Не было никакой необходимости добавлять ещё комнаты.

Тем не менее, в стене одного из боковых коридоров внезапно возникла новая дверь, и это сопровождалось ужасным скрежетом, который (в соответствии с популярными мифами) был мучительным стоном самого Времени. Бросая вызов нормальным законам пространственных измерений, за дверями возник новый набор комнат.

Через какое-то время из этой двери в коридор вышли две фигуры. На несколько секунд они остановились, осматривая своё окружение. На фигуре

пониже было надето викторианское траурное платье, тяжёлые юбки задевали пол, лицо было скрыто тёмной вуалью. На более высокой фигуре был надет костюм, столь же мрачный. Его нельзя было назвать элегантным, но он определённо был официальным. Даже церемониальным.

Под вуалью женщины скрывалась костяная морда. Морда была острая, челюсть застыла в постоянной ухмылке, по бокам были дыры с неровными краями, и пустота там, где должны были быть сложно устроенные уши. Лицо скелета, череп огромной летучей мыши. Лицо мужчины было практически идентично.

Две фигуры взяли за руки и повернулись, как один. Они пошли по коридору походкой, которую можно было бы назвать расслабленной.

В зиккурат мистера Кихотля прибыли ещё два гостя.

ГЛАВА 3

Отвращение к инопланетному

Временами Сэм ловила себя на том, что воспринимала Доктора как набор рефлексов, а вовсе не как человека... получеловека... личность. Возможно — а вдруг? — это был единственный способ, которым ничтожный человеческий разум вроде её мог его воспринимать. Как уравнение, а не как живое существо. Функция вселенной, предназначение которой состояло в том, чтобы а) проникать в разные места б) выбираться из них. И не важно, шла ли речь о массивном железном навесном замке или о стае генетически спроектированных туканов. Все механизмы охраны сдавались при одном его виде.

Стена «Затерянного Города» была недалеко от того здания, в котором Доктор обнаружил машину биоданных. Он зашёл в арку ворот Города ни на секунду не задумываясь, высоко подняв голову и заложив руки за спину. Он сразу направился к центральной пирамиде, пренебрежительно фыркая на окружавшие её здания поменьше. «Халтура», — то и дело бормотал он.

Они зашли в пирамиду. За последние несколько месяцев Сэм насмотрелась много разных коридоров, но эти были чем-то новеньким. К примеру, в них не было ни вентиляционных шахт, ни люминесцентных ламп. Много дрожащих теней, много мерцающих факелов.

Больше похоже на монастырскую комнату ТАРДИС, чем на переплетение тоннелей «Кетцеля». Эти коридоры были...

— Коридорнее, — решила Сэм, нечаянно произнеся это вслух.

Шедший в двух метрах впереди неё Доктор остановился на перекрёстке. Похоже, он в кои-то веки её услышал.

— Да, ты права, — пробормотал он. Секунду или две он изучал перекрёсток, затем облизал палец и поднял его в воздух. — Чистая архитектура. Большинство коридоров создаются потому, что без них не обойдёшься, а этот, судя по всему, должен производить коридорное впечатление. У тебя есть хоть какие-то телепатические способности?

Сэм неожиданно поняла, что Доктор смотрит уже на неё. В тусклом свете она видела большие зелёно-голубые глаза. Они смотрели на неё, не мигая. По выражению его лица было видно, что по мнению Доктора, его глаза полны безумия и поэзии.

Но на самом деле это было не так. В предыдущей жизни это, возможно, был его лучший гипнотический взгляд, но это лицо было устроено иначе. Сэм знала о предыдущих жизнях Доктора, о других телах, в которых он жил, и которые потерял. А ещё она знала, что «этот» Доктор, «её» Доктор, всё ещё не вполне понимал, как он выглядит, и какое впечатление производит на остальную вселенную. И давно это уже с ним происходит? Три года

с его точки зрения? И он всё ещё не разобрался кто он такой.

На секунду ей стало жалко его. Потому что он хотел снова быть силой природы, хотел быть невероятным уравнением побега, но вместо этого был заперт в получеловеческом теле с детским личиком и волнистыми волосами.

— Телепатические? — переспросила Сэм.

Доктор отвёл взгляд.

— Тут что-то есть. Что-то пытается добиться контакта. Я почти чувствую... — он несколько раз подпрыгнул; может быть, гравитацию проверил? — У нас под ногами. Что-то у нас под ногами. Тянет свои щупальца.

— Так, давай я попробую перевести это на человеческий. Кто-то в этой пирамиде пытается установить с тобой телепатическую связь, ты это хочешь сказать?

— Это не пирамида. Это зиккурат, — на его лице появилось новое выражение. Сэм не сразу поняла, что это выражение сильного страдания. Как у ребёнка, которому родители только что сказали, что от него воняет. — Оно не хочет говорить со мной. Каждый раз, когда оно приближается, оно сразу отступает. Оно пытается выйти на контакт, но...

Предложение оборвалось задумчивостью. Доктор пошёл, причём быстрее, чем могла идти Сэм. Вдруг он развернулся и прыгнул назад, ей навстречу. Секунду спустя он прижался спиной к стене и тянул к себе Сэм.

Его рука закрыла ей рот ещё до того, как она успела его открыть.

Секунду или две была абсолютная тишина. Затем раздались шаги. Человеческие, если судить по звуку. За углом. Приближаются.

Мимо них по коридору, а затем по перекрёстку, прошли две фигуры. Сэм провела их взглядом, но фигуры даже мельком не глянули в её сторону. В свете факелов двое людей казались оранжево-чёрными пятнами. Сэм попыталась сфокусироваться на контурах их одежд, на чертах их лиц...

Она икнула. Каким-то образом это ей удалось сделать беззвучно.

В конце концов фигуры скрылись из виду. Доктор держал Сэм ещё минуту или две, чтобы наверняка убедиться в том, что никого нет. Едва высвободившись, Сэм начала плевать.

— Фу, — сказала она.

Доктор кивнул:

— Да. Привлекательными их не назовёшь.

— Я имела в виду твою руку. Все повелители времени на вкус как курятина, или только ты?

Доктор на секунду замер, словно размышляя, не облизать ли палец, а затем нахмурился:

— Сейчас не время, Сэм.

— Да, я знаю. Эти двое. Я думала, что они люди, но...

— Но?

— У них нет лиц. У них черепа. У них голые черепа. К тому же не человеческие.

Доктор печально ответил:

— Наполовину человеческие, наполовину летучие мыши. Какие чувства они у тебя вызвали?

Боже, сегодня просто чертовски хороший день для вопросов.

— Ну, они были типа... Не знаю. Они никаких особо чувств у меня не вызвали. А, ясно! Кажется, я знаю, к чему ты ведёшь. До этого момента, каждый раз, когда рядом был пришелец, я могла это почувствовать. Как будто в них было что-то другое. И на тебя это тоже распространяется.

К удовольствию Сэм, на лице у Доктора было возмущение.

— Но эти двое не вызвали у меня никаких чувств. Как будто это были двое людей в масках. Да?

Доктор посмотрел в тоннель, в который ушли люди с черепами.

— Это и были люди в масках. Фракция вербует агентов в разных расах, — он пожал плечами, скрывая дрожь. — Я всё ещё чувствую следы биоданных. Более сильные, чем обычно. Должно быть, контакт с той машиной обострил мои чувства.

— Фракция?

Доктор внезапно стал раздражённым, словно его восторг объяснения глупым людям чего-то непонятного в конце концов иссяк. Он полез рукой в карман сюртука:

— Фракция Парадокс. Это семейное дело.

— Чего?

Из загадочных глубин внутреннего кармана сюртука Доктора возникла книга. Это была маленькая книжица в мягкой обложке, по её виду можно было подумать, что она пару сотен лет провалялась где-нибудь на чердаке.

Не сводя взгляда с коридора, Доктор вложил книгу в протянутые руки Сэм, хотя Сэм была уверена, что она руки не протягивала. Странность номер восемьдесят девять, — решила она.

Обложка книги была чёрная, покрытая множеством белых складок и символических изображений спиралей галактик. Или это спирали ДНК? Не важно. Поперёк обложки жирными белыми буквами было написано «Генетическая политика за пределами третьей зоны». Ниже было имя автора — Гастус Р. Трипстед — и, буквами поменьше: «Карманное издание». К корешку прилипладохлая оса.

Сэм полистала пожелтевшие страницы. Ей показалось, что они пожелтели скорее от кофе, чем от времени. Содержания у книги не было, но ближе к концу книги уголок одной из страниц был загнут. Она быстро прочитала то, что там было написано. При таком освещении это было непросто.

Даже в примитивных культурах, в которых темпоральная физика считается научной фантастикой, люди знают о проблемах, которые могут создавать перемещения во времени. Пожалуй, самой знаменитой из всех четырёхмерных проблем является

так называемый «Парадокс дедушки». Предположим, говорится в нём, я отправляюсь в прошлое и убиваю собственного дедушку, который в тот момент является ещё молодым человеком. Если я так сделаю, моего отца не существовало, а значит, логически, не существовало и меня. Однако если меня не существовало, то я не мог отправиться в прошлое и убить своего дедушку. Следовательно, мой отец существовал, а значит, я всё-таки путешествовал в прошлое и убил своего дедушку... и так далее в том же духе.

Но в культурах темпорально-активных рас, к примеру, повелителей времени, эти парадоксы — не просто фантазия. Для них опасности путешествия во времени — жестокая реальность, и фольклор повелителей времени полон предостерегающих сказок о персонажах, которые по неосторожности убивают собственных предков, или о непослушных детях, которые нарушают Первый Закон Времени (впрочем, в обществе повелителей времени есть некоторое несогласие по поводу того, какой конкретно закон Времени является Первым). Для галлифрейцев слово «Парадокс» наполнено примерно тем же смыслом, который имело слово «Сет» для древних сирийцев, или который для некоторых человеческих племён до сих пор имеет слово «Сатана».

«Парадокс» — это величайшее из вообразимых зол, тёмная сторона путешествий во времени, ужас, который не принято упоминать в приличном обществе.

Парадокс. Как во «Фракция Парадокс». Заломанная страница была введением к описанию Фракции. Сэм подняла взгляд, чтобы спросить Доктора о том, совпадение ли это, или он так спланировал.

Но Доктора не было. Сэм нахмурилась и вгляделась во мрак дальнего конца коридора. На полпути до туда она заметила промелькнувшую зелень бархата, направлявшуюся в глубины зиккурата вслед за мистером и миссис Башка Летучей Мыши.

Она снова посмотрела в книгу.

И, конечно же, находятся те, кто испытывает нездоровое очарование таким злом. В точности так, как человеческая раса породила «сатанистов», существует как минимум одна группа, посвятившая себя изучению Парадокса, отвернувшаяся от традиционных ценностей повелителей времени и обратившаяся к своего рода шаманскому спиритуализму. По своей сути эта группа сходна с культами вуду Спирали Маттера, со своим собственным пантеоном духов и демонов, и с собственными оккультными ритуалами. Эта группа известна как «Фракция Парадокс», и тяжело описать ужас, который это название вызывает в умах архонов повелителей времени...

Сэм нахмурила лоб ещё сильнее и пошла за Доктором. По пути она швырнула книгу через плечо, оставив её валяться посреди коридора. У неё было подозрение, что карманы Доктора, если потребуется, мигом вырастят ещё один экземпляр.

Гомункулет налил себе ещё один бокал того, что было в бутылке. Он не помнил, сколько он уже выпил, но он по-прежнему хорошо себя контролировал. Что было не удивительно.

— Я не могу опьянеть, — сказал он. — Но чёрт меня подери, если я не попытаюсь.

Он повернулся к женщине, сидевшей рядом с ним возле бара:

— А вы не бывали на Сими КК98?

Женщина смутилась и отвернулась.

— Нет. А знаете, почему? Потому что вы человек, вот почему. Вы слишком глупые, чтобы где-нибудь бывать.

Он начал болтать в бокале напиток, пытаясь избавиться от зелёных комков. На КК98 его Дом провёл так несколько месяцев. Запечатанный в силосе под вечной мерзлотой, в ожидании момента, когда вражеские зонды прекратят сканировать поверхность планеты. Весь его Дом. Они делали всё, чтобы опьянеть, или сойти с ума, или что угодно, лишь бы хоть на какое-то время перестать думать. Другим расам было проще. У них не было иммунитета от алкоголя. Люди смогли бы налакаться в стельку, распевать песни о дружбе и товариществе, рассказывать анекдоты, которые не смогли бы рассмешить ни одного трезвого.

Женщина-человек скривилась. Гомункулет не знал, был ли причиной этого запах содержимого бокала или

запах пятен на его костюме. Ему было всё равно. Это её проблемы.

Если не считать Сдвига (а Гомункулет его не считал) в комнате для приёма коктейлей кроме них был ещё третий. Мужчина-человек, полковник как-то-там. Гомункулет подумал об офицерах последнего призыва среди повелителей времени, о стариках, которые искусственно вызывали в себе регенерацию до тех пор, пока их кожа не покрывалась чёрным органическим защитным слоем. А затем подумал о жирном идиоте в зелёной рубашке, который сидел за столиком, уставившись в пространство. С разницы между ними можно было обхохотаться.

Комната для приёма коктейлей была одной из комнат с каменными стенами, расположенных в центре зиккурата, в ней была барная стойка и полки с выпивкой, которые Гомункулету было лень считать. Стиль мебели здесь не стыковался со стилем архитектуры. Даже посреди Затерянного Города, — сказал Кихотль, — комната для коктейлей должна выглядеть как комната для коктейлей. Некоторые законы вселенной лучше не нарушать.

Женщина-человек нервно елозила задницей по барному табурету из псевдо-древесины.

— Это довольно интересно, — сказала она, явно заставляя себя вести вежливый разговор. — То, как вы пьёте. Вы выглядите очень... по-человечески. Хм... Или там, откуда вы родом, это оскорбление?

— А сами вы как думаете? — процедил Гомункулет.

— Нет, на самом деле я имела в виду... О, Господи!

Что-то её отвлекло, заставило повернуться к двери. Гомункулет подумал, а не повернуться ли и ему, посмотреть, чего она вдруг рот раскрыла. Несколько секунд он думал, стоит ли ради этого напрягаться. В конце концов он решил, что даже если и не стоит, это станет хорошим поводом пожаловаться на то, что он повернулся. И он повернулся.

И пролил свой напиток.

В дверном проёме стояли двое. Что-то в кишечнике Гомункулета пошевелилось из-за глубоко укоренившегося атавистического ужаса, старого, как сама цивилизация. Он почувствовал, как по комнате прошла волна интереса — это значит, что Сдвиг наострил уши.

Зашедшая женщина приподняла вуаль и сняла с себя маску. Гомункулет понял, что это была настоящая кость, передняя половина черепа. Лицо под маской было молодое, безусловно человеческое. Женщине было двадцать с чем-то лет, под бледно-белой кожей проступали острые треугольные скулы. Рыжие волосы были зачёсаны назад и связаны на затылке. Её глаза были мягкие, широкие, зелёные. Черты лица были не такие уж и суровые, каких можно было ожидать от того, кто одевался мёртвой летучей мышью. Гомункулету она казалась ребёнком. Готовым поверить в любую интересную сказку.

— Добрый день, — вежливо сказала она. Голос у неё был мягкий. Образованный. — Меня зовут кузина Джастин. А это братец Мануэль. Духи с нами, и я надеюсь, что вы будете вести себя соответственно.

Центр безопасности был, разумеется, самой хорошо защищённой частью зиккурата; отсюда можно было опечатать в Городе всё, включая Реликвию. Мистер Кихотль знал (во всяком случае, надеялся), что системы отслеживают его движение к центру, берут соответствующие биологические образцы. Как всегда, на входе в это помещение он испытал приступ острой паранойи и подумал о том, что произойдёт, если система его по какой-то причине не опознает. Тем не менее, когда он заходил в дверь, ничто не попыталось оторвать ему голову, и он немного успокоился.

Когда сработала тревога, он был в комнате Траска. Даже в глубине зиккурата он слышал туканов, оравших во всю глотку где-то в лесу. Но Траск всё равно продолжал говорить.

Мистер Кихотль. У меня есть предложение. Личное предложение. Для вас.

Кихотлю следовало прекратить этот разговор сразу, нужно было поспешить проверять сигнализацию. Но уйти от Траска было непросто. Да, разумеется, в его присутствии возникало такое чувство, что каждой клеточке твоего тела хочется оказаться на другой стороне планеты, но когда дело доходило до того, чтобы пошевелить хотя бы одним мускулом... Когда рядом был

Траск, атмосфера словно становилась липкой, как будто воздух в его присутствии умирал и каменел.

Лучше так. Лично. Личная встреча.

И Кихотль стоял там, как здоровый кусок жирного мяса, и смотрел на то, как челюсть Траска поднимается и опускается, пока тот не завершил говорить. Он всё ещё не знал, что делать с предложением Траска. Большинство покупателей предлагали технологии, данные об оружии, информацию, но Траск...

Кихотль. Подумайте. Подумайте об этом. Хорошо подумайте.

Центр безопасности, как и все остальные помещения в зиккурате, был построен из математически реплицированного камня. Но если другие комнаты были созданы для обеспечения комфорта и удобства гостей, то центр безопасности намеренно создавался отвратительным. Вдоль стен струились потоки холодного воздуха, закачиваемые по скрытым вентиляционным шахтам, в кислороде было много отрицательных ионов, из-за чего было постоянное ощущение, что по тебе что-то ползает. По углам расселись бронзовые горгульи, издававшие гадкие хриплые звуки и выдыхавшие ядовитые газы. Также, повсюду висели гобелены, изображавшие сцены деградации, искалечивания и принесения в жертву гуманоидов. Мистер Кихотль запрограммировал их так, чтобы волокна шевелились, когда на них никто не смотрит, поэтому взгляды нарисованных персонажей в прямом смысле слова следили за присутствовавшими.

В центре помещения был главный пульт. Он тут выглядел абсолютно не к месту, лучшее из доступного оборудования, слишком сложное, чтобы выдать его за кусок камня. Мистер Кихотль прошёл к органам управления и нетерпеливо потопал ногой, пока из поверхности пульта поднимался экран. На экране появился отчёт. Что-то материализовалось возле стен Города, в резонансе с системой «бригадун». Две биологические единицы вышли из этой капсулы, их несколько минут преследовали леопарды, а затем...

А затем система просто перестала их регистрировать. Если верить экрану, на скане Города они теперь отсутствовали. Во всяком случае, в качестве незаконно проникших. Мистер Кихотль перестал притоптывать. Туканы в лесу больше не кричали. Если бы незаконных посетителей убили, их тела всё равно отображались бы как чужеродные биоданные. Даже если бы леопарды их съели, всё равно остался бы какой-нибудь след.

Экран был матовый, поэтому мистер Кихотль, к сожалению, не мог посмотреть на своё отражение и узнать, побледнел ли он. Его пальцы бегали по пульта, умоляя и призывая органы управления, пока на экране не появилось визуальное отображение биоданных внутри системы безопасности. Пригласительные карточки были предназначены для считывания биоданных участников торгов и передачи их в базу Города, таким образом были известны биоданные всех, кто прибыл на аукцион. Кихотль наблюдал за

проносившейся по экрану информацией. Большая часть биоданных была человеческой. Два представителя UNISYC, представители Фракции Парадокс (человек-плюс), Гомункулет (человек-плюс-плюс-плюс-плюс)...

На экране были два незнакомых следа. Мистер Кихотль почувствовал, что температура его тела упала градусов на десять. Никто не должен был быть в состоянии ввести в систему новые данные, во всяком случае, так быстро. Чтобы проверить такое, нужно было хорошо разбираться в биоданных. Даже повелитель времени не смог бы. Ну, разве что Президент повелителей времени, кто-нибудь, кто надевал Пояс Рассилона и держал Великий Ключ, но больше...

О, нет.

Только не он. Пожалуйста!

Один из двух образцов биоданных был человеческий. Кихотль знал это потому, что данные были очень похожи на данные представителей UNISYC. А второй был не такой.

Ему была знакома эта сигнатура. Ему уже доводилось видеть её раньше. В последний раз, когда он её видел, она была менее последовательная, более сложная, но спутать её было невозможно.

— Он, — сказал Кихотль, и его голос отразился от стен гулким эхом. — Это он. Это *он*.

На Земле не должно было быть Фракции Парадокс. Если уж на то пошло, Фракции Парадокс вообще нигде не должно было быть.

Где-то на краю мозжечка Доктора, автоматический процесс прислушивался к шагам Сэм. Она всё ещё шла по коридору, где-то позади него. Значит, пока что волноваться не о чем. Остальная часть его разума могла сосредоточиться на более важных...

Нет.

На более *критических* вопросах.

Когда-то на Галлифрее, ещё тогда, когда небо было того оттенка оранжевого, который бывает только в детских воспоминаниях, Духи Фракции были среди страшилок времени, в одном ряду с Мимиком Рассилонна и Великими Вампирами. А сейчас он наткнулся на них дважды всего за пару десятков лет.

Дважды за две регенерации.

Быть может, это была случайность. Или же что-то могло случиться со вселенной, что-то настолько большое, что его нельзя было увидеть с близкого расстояния. Какой-то огромный катаклизм, разбросавший агентов Фракции по континууму. Доктор представил себе, как они проникают в историю, даже в его собственное прошлое. Изменяют таймлайны так, что он всё время натывается на них, снова и снова.

Была ли его история такой же, какой она была, когда он проснулся? Встречал ли он генерала до сегодняшнего дня, или его вставили в его жизнь, пока он спал?

Была ли тут вчера Сэм?

Был ли тут он сам?

А может, четырёхмерные культы вуду похожи на автобусы: то нет ни одного, то вдруг...

Доктор покачал головой и заставил себя сосредоточиться на актуальных вопросах. Нет времени на легкомыслие.

Ему всё ещё нужно было разобраться с тем, что происходило тут, в двадцать первом веке. Город создан не Фракцией. Если бы зиккурат был построен этим культом, он был бы покрыт высохшей кровью и вопящими черепами.

Автоматические процессы Доктора велели ему остановиться. Он так и сделал, после чего прислушался. В этот раз осознанно. Сэм всё ещё шла следом, значит его внимание привлекло что-то другое. Что?

Доктор повернулся. Налево. Действуя инстинктивно.

Там, в нише, была каменная лестница, которая вела на следующий уровень зиккурата. На несколько ступеней выше кто-то стоял и смотрел на него. Если бы к нему уже несколько веков постоянно кто-то не подкрадывался со спины, он мог бы подпрыгнуть от неожиданности.

Женщина была высокая. Загорелая. Похожая на амазонку. Не привлекательная, но с хорошим дизайном, в том же смысле, как автомобили начала двадцать первого века имели хороший дизайн, гладкие линии и аэродинамические обводы. Судя по её одежде и цвету кожи она была из Южной Америки. Она стояла абсолютно неподвижно, даже не моргала. Менее

искушённый наблюдатель мог бы предположить, что она прошла физическую подготовку, возможно, в качестве тех легендарных женщин-убийц, которые так нравились человеческим существам. Но Доктор, разумеется, понимал, что это не так. От женщины не исходили биоданные. С точки зрения органики она была полный ноль.

Почти на автомате, он широко улыбнулся и протянул руку:

— Добрый день! Вы тут, наверное, главная. Вы не могли бы мне помочь? Кажется, я немного заблудился.

Женщина не отвечала. Доктор попытался предположить, что творилось в том, что у неё было вместо мозга. Он старался не думать о Сэм. Если он бросит взгляд в коридор, женщина заметит движение его глаз.

Он опустил руку.

— А, ну конечно. Мы же не представлены. Где мои манеры? Здравствуйте, я...

На этом он оборвал свою фразу, потому что решил, что если женщина была, как он предполагал, модулем охраны, то в этот момент ей надоест его болтовня и она вцепится ему в горло. Он ожидал, что она бросится на него, попытается прижать к земле, или как минимум потребует предъявить паспорт.

Он определённо *не* ожидал, что она раздвинет своё лицо, раскрыв там зияющую прорву, которая была больше, чем её тело. Тем не менее, она сделала именно это.

— А какого чёрта они тут делают? — кричал пришелец по имени Гомункулет.

Брегман пыталась придумать, как бы ей забиться в угол, чтобы этого никто не заметил. Пару минут назад в комнате для коктейлей было тихо, и она была близка к тому, чтобы завязать разговор с Гомункулетом; правда, в этом разговоре он бы обзывал её примитивной наследницей обезьян (что навевало вопросы о том, кем были его предки). Несмотря на то, что буквы на подставке под бокал всё время менялись, пытаясь привлечь её внимание, Брегман была близка к мысли о том, что эти «первые контакты» не так страшны, как она их себе представляла.

Но всё очень быстро пошло наперекосяк. Прибыли двое людей с лицами летучих мышей, и Гомункулет вдруг начал кричать на них и ругаться. Полковник Кортес за своим столиком напрягся, его потные руки шевелились под рубашкой, он готовился к драке. Даже подставки под бокалы попытались спрятаться.

В конце концов в комнату вбежал мистер Кихотль. Пока что Брегман ещё ни разу не видела, чтобы он ходил.

Кихотль запустил руки глубоко в карманы своего пиджака. Похоже, он ожидал, что рано или поздно случится что-то в этом роде.

— Я не понимаю, в чём проблема, мистер Г. Если у вас есть какие-то личные проблемы...

— Фракция Парадокс! Фракция Парадокс, да ради... Да посмотрите на них! Посмотрите! — Гомункулет махнул рукой в сторону людей с черепами, которые с самого начала его возмущений не сдвинулись с места.

«Кузина Джастін», держа маску нежными пальчиками, обтянутыми чёрной перчаткой, похоже, слушала его. Даже с интересом. Но без обиды.

— Мы получили приглашение, — мягко сказала Гомункулету кузина Джастін. — Пожалуйста. Вам нечего бояться.

Гомункулета распирало от чувств, но выразить их словами ему не удавалось. Брегман заметила, что у него в руке пустая бутылка, и на мгновение ей показалось, что он её швырнёт.

— Нам нужно представиться, — сказал полковник Кортес.

Все посмотрели на него. Полковник стоял лицом к двоим членам Фракции Парадокс. Брегман подумала, не начинается ли у него очередной припадок.

— Полковник Джосеф Кортес, — продолжал он, став по стойке смирно. — UNISYC. От имени народа Земли, приветствую вас на нашей маленькой и красивой планете.

Брегман скривилась. Это была не полная цитата приветствия из учебника UNISYC, но и это было глупо. Тем не менее, кузина Джастін грациозно кивнула.

Гомункулет фыркнул:

— Вы зря сотрясаете воздух. Она такой же человек, как и вы. Нет, я беру свои слова назад. Она ещё худший человек, чем вы!

Кузина Джастин оставалась невозмутимой:

— Мы здесь от имени Фракции. От имени Духов и от имени самого Деда. Я отказалась от своей человечности во имя Семьи.

— Духов? — переспросил полковник Кортес.

В его голосе был искренний интерес. Брегман вспомнила, что о нём говорили в Женеве. После Саскатуна он провёл целый год в Индии, в одной из миссий духовного открытия, о которой говорили военные психиатры. После этого UNISYC чуть было не отправили его в Дзен-Патруль, что было бы последней остановкой на пути в палату с мягкими стенами. У Брегман возникло ужасное предчувствие, что этот разговор сейчас всерьёз уйдёт в мистику.

Не успела кузина Джастин ничего ответить полковнику, как Гомункулет снова начал причитать:

— Фракция — это культ вуду. То же самое, что культы вуду на вашей отсталой планете.

— У нас похожие обычаи, — согласилась Джастин.
— Но, извините, Семья устремлена к более великим целям. Мы не имеем дела с Духами Земли. Только с Духами Парадокса.

— «Устремлена»? — вскрикнул Гомункулет, чуть не забрызгав слюной своих противников, хоть те и стояли в нескольких метрах от него. — Вы банда гангстеров, не больше. Удачливые преступники. Вы

носите эти... эти... — Гомункулет указывал на маску Джастін, видимо, не в силах подобрать подходящее слово. — Вы носите *это* только потому, что хотите пугать людей. Духи, ну конечно!

В первый раз за всё время на лице кузины Джастін появилась обида:

— В таком случае, наши веры не совпадают, — сказала она, каким-то образом умудряясь говорить ровно.

Кортес энергично кивал. Мистер Кихотль медленно крался к выходу.

Гомункулет всё не унимался:

— Всё, что вы знаете, вы украли у нас. Вся ваша... грязная шайка... существует благодаря нашим технологиям. Ну же, попробуйте это опровергнуть!

— Это не...

— Смотрите! Видите? Видите? — Гомункулет оглядывался, рассчитывая на поддержку, а его дрожащий палец указывал на костяную маску. — Расскажите им, что это такое, — требовал он. — Ну же, расскажите!

Кузина Джастін на мгновение отвела взгляд.

— Это череп, — признала она.

— Чей? Скажите им. Чей это череп?

Джастін немного смутилась:

— Череп повелителя времени.

— Ага! — Гомункулет развернулся, как прокурор, который только что обличил истца. — Слышали? Это она говорит о моём народе. О моём народе!

Брегман раскрыла рот. Маска была шире, чем голова Гомункулета. Она представила себе, как такой череп извивается под кожей этого мужчины, и кожа начинает трещать. Если верить данным UNISYC, повелители времени владели размерностными технологиями. У них что, головы внутри были больше, чем снаружи?

— Много лет назад повелители времени сражались в большой войне, — объясняла кузина Джастин, обращаясь ко всем остальным представителям. — Они победили. А если бы они, по милости Времени, проиграли, то стали бы выглядеть вот так, — она немного приподняла маску, чтобы было лучше видно.

Гомункулет снова фыркнул:

— В этом таймлайне эта маска не должна существовать. Вы видите, насколько они опасны? Даже их головные уборы нарушают Законы Времени. Даже головные уборы!

Без видимых причин он начал хохотать. Брегман подумала, не началась ли у него истерика.

Кузина Джастин лишь кивнула:

— Разумеется. В этих символах великая сила. Повелители времени хотели бы, чтобы мы уничтожили то, что не должно существовать. Только Семья понимает их ценность.

— Ой, — сказал мистер Кихотль.

В тот же миг фокус внимания присутствовавших сместился. Мистер Кихотль пятился прочь, пытаясь

отстраниться от спора. Однако он наткнулся спиной на кого-то, кто шёл по коридору.

Внезапно все беспокойства Брегман о зиккурате, об аукционе и об инопланетянах полностью пропали, потому что их все сменило одно простое и ужасное чувство — огромный стыд своего тела.

Кэтлин Брегман была светлокожей, рост 163 сантиметра, волосы слипались в уродливые пряди каждый раз, когда она выходила на улицу. Формально её нельзя было назвать слабой, но каждый раз, когда UNISYC проводили стандартный тест физподготовки, её результаты были угрожающе низкими, и она никогда никому не рассказывала о болях в животе и об онемении ног после 10-километрового забега. А вот зашедшая в комнату женщина была по сравнению с ней высокой, загорелой, практически идеальной. Её нельзя было назвать очень привлекательной. Все её движения говорили о том, что ей не нужно быть привлекательной. Если бы супермодели были настолько крутыми, насколько они себя такими считают, то они бы выглядели именно так, — подумала Брегман.

Не замедляя шаг, женщина обошла Кихотля, равнодушно прошла мимо представителей Фракции Парадокс и остановилась перед Гомункулетом.

— Возможна проблема, — сказала она ему.

Гомункулет выронил бутылку. Бутылка стукнула, но не разбилась.

— Проблема? Что ещё за проблема?

— Незаконное проникновение.

Все, кроме Кортеза, заволновались. Кузина Джастин переглянулась со своим товарищем. Мистер Кихотль с беспокойным лицом забрёл обратно в комнату. Подставки под бокалы, похоже, нервничали. У Гомункулета был такой вид, словно его голова готова была взорваться, если он услышит ещё хоть одну плохую новость.

— Объясни, — резко сказал он.

— Я нашла кое-кого, бродившего по зиккурату. У него не было приглашения.

Мистер Кихотль прочистил горло:

— Хм, а откуда вам знать, что его у него не было?

— Я его сканировала, — равнодушно ответила женщина. — Приглашения нет.

Глаза Гомункулета, казалось, сейчас выпрыгнут из глазниц и уйдут по своим делам.

— Где он сейчас?

— Здесь, — ответила женщина. В передней части её головы раскрылось чёрное отверстие, и из её черепа на пол комнаты изрыгнулось и свалилось бесчувственной кучей нечто ростом почти два метра.

Брегман больше не могла себя держать в руках.

Полковник Кортез начал бормотать очередную мантру. Остальные так шумели, что не слышали этого. Честно говоря, Кортезу уже много лет не приходилось пользоваться мантрой, но это было частью процедуры. Для старого служаки UNISYC это было так же

естественно, как проверять предохранитель и начищать ботинки.

Лицо инопланетной женщины снова сложилось. Мужчина, которого изрыгнуло из её головы, лежал на полу неподвижно, лицом вниз, явно без сознания. Остальные представители с любопытством подходили к нему. Кортес почувствовал, что существо, представившееся Сдвигом, шептало в его сознании, желая увидеть незаконного посетителя вещественными глазами.

Ногой, обутой в обляпанную грязью туфлю, Гомункулет толкнул лежавшее на полу тело. Тело перевернулось на спину, и все нагнулись вперёд, чтобы рассмотреть лицо. Кроме лейтенанта Брегман, разумеется; она в это время согнулась в углу, её рвало.

Лицо было поразительное, но едва ли примечательное. Продолговатые черты, гладкая кожа, высокий лоб. Глаза у мужчины были закрыты, но каким-то образом он всё равно выглядел удивлённым.

Бормотавшие мантру губы полковника замерли.

Что ему сказал генерал Чайк?

Что ему сказали об этом задании?

Другие представители снова стали спорить. Повелитель времени орал, оскорбляя мистера Кихотля, а тот паниковал и в то же время заверял гостей, что нет причин для паники. Но Кортес был уже на несколько километров выше них, расширял свой дух до тех пор, пока тот не коснулся крыши мира, как его учили наставники в Институте Военной Духовности в Гоа.

Взмывал выше событий. Удалялся туда, куда не доходил этот шум. Он вспоминал.

История UNISYC

Аризона, Земля, март 2069 года.

Мы стоим в пустыне, которая раньше была округом. Мы на краю кратера, хотя понимаем это далеко не сразу; нам не привычно, что провал может быть настолько большим. Камера смещается, сканируя пейзаж, пока мы не понимаем размер этой ямы. Она огромна, её поперечник — несколько километров, дно усыпано сухими костями, металлическими обломками, кусками бетона.

Это Песочница Феникс. Здесь когда-то находился самый знаменитый город этого штата, но после Войн за Независимость тут, разумеется, смотреть не на что. По *их* словам, большая часть Феникса исчезла менее чем за минуту. После этого люди, жившие на окраинах, разъехались, а их дома начали обваливаться и погружаться в Песочницу. Даже сегодня никто толком не знает, почему город изъяли. Они говорят, что это была тесла-бомба, заложенная в фундаментах города террористами из отколовшихся Южных Штатов, но никто так и не смог объяснить, зачем им было избавляться от города, расположенного где-то в Аризоне. Кроме того, кого волнует, что говорят *они*?

Итак, мы продолжаем поворачиваться, осматриваем окружающие нас в пустыне маленькие деревни из автофургонов, лагеря, в которых потомки сбежавших из города живут с 37-ого года. Поселения тянутся до

горизонта, стоят фургоны размером с крейсер, рассчитанные на размещение сотен человек, их колёса ржавеют и погружаются в песок. Но нас интересуют не автомобили. Камера приближает изображение, фокусируясь на пустой площадке белого песка на горизонте.

Там нет никаких фургонов. Всех людей оттуда выселили. Территория блокирована периметром «экстремальной силы», большими экранами из прозрачного пластика, подключёнными к миниатюрным генераторам плазмы. Внутри охраняемого периметра есть только правительственные транспортные средства. Это видно по тому, что у них нет номерных знаков.

Камеру настраивают на максимальное увеличение. Внутри огороженного пространства мы видим людей, в основном мужчин; несмотря на аризонскую жару они одеты в чёрные костюмы. На большинстве из них солнцезащитные очки, несмотря на то, что в этом году в моду вошли самополяризующиеся контактные линзы.

В центре огороженного пространства есть что-то, окружённое со всех сторон автомобилями. Что-то, что охраняют эти люди в чёрном. Что-то, что они не хотят нам показывать.

Женева, Земля, апрель 2069.

— Это дыра в земле, — сказал генерал Чайк. — Мы успели сделать спутниковый снимок до того, как американцы сбили последний зонд. Мы думаем, что это

ударный кратер. По сравнению с Песочницей он как комариный укус.

Он провёл пальцами по контактной панели, и изображение на экране замерло. Экран был голографический, изображение зависло над столом, стоявшим чётко по центру штаба. Управление экраном было встроено в подлокотник кресла генерала, чтобы до него добраться, нужно было открыть скрытую панель. Детский сад, — подумал Чайк. Наверное, техники до сих пор возятся с установкой в автомобилях UNISYC кресел-катапульт.

За столом сидели пять человек, минимальное количество, необходимое для конклава UNISYC. Это было собрание уровня «Зодиак», уровень доступа 60 и выше, поэтому привычных секретарей и адъютантов на подхвате не было. Без них штаб казался пустым. Невзрачным. Стены были однородно-чёрными, что тоже не улучшало впечатление, а единственными украшениями были старые эмблемы ООН на столешнице. ООН не воспринимали всерьёз с тех пор, как Уайтэкр подписал в 38-ом Соглашение о Военных Зонах, но в UNISYC до сих пор предпочитали делать вид, что воспринимают свою материнскую организацию всерьёз.

— Агенты правительства, — сказал бригадир Рено, кивая на неподвижно стоявших на экране мужчин в чёрном. — Костюмы и тёмные очки. Их обычный дресс-код.

— Защищают дыру в земле? — спросила доктор Мартиник.

Рено развернул своё кресло к Чайку:

— Полагаю, мы тут не из-за метеоритного удара, генерал?

— Небесный Десант, Сценарий 4, — ответил Чайк.
— То, что врезалось в землю, было искусственного происхождения. Инопланетного. Наши источники сообщают, что оно приземлилось рядом с Песочницей Феникс 26-го марта около 11:30. Эта видеосъёмка была осуществлена 27-го числа с использованием микрокамеры MI7, — его рука вернулась к контактной панели. — Это, разумеется, ещё не всё.

Итак, мы снова в пустыне, но картинка дрожит. Оператор перемещается перебежками между мобильными домами размером с квартиру, на крышах которых приделаны портативные солнечные генераторы. Когда камера перестаёт дрожать, мы видим перед собой дом-трейлер, дверь которого сорвана с петель. Снаружи стоят два человека-в-чёрном, они держат третьего. Их пленник — мужчина тридцати с чем-то лет, с грязными волосами до пояса, на лице щетина и пластыри. Трейлерное отребье, значит. Один из тех тысяч, которые успели выехать из пригорода Феникса до того, как они осыпались. Он что-то кричит схватившим его за руки людям-в-чёрном, но мы ничего не слышим.

Один из напавших поднимает взгляд в сторону камеры. Внезапно всё белеет. Мы понимаем, что

оператор спрятался за что-то, но мы не знаем, за что именно. Затем всё смазано из-за движения. Кажется, снова перебежки. В этот раз нам кажется, что за нами гонятся.

Чайк остановил воспроизведение.

— Инопланетный объект врезался в землю посреди посёлка трейлеров, — объяснил он. — Жертв, насколько известно, не было. Разумеется, власти предприняли обычные меры предосторожности.

— Запугивание свидетелей, — заметил генерал-майор Бейел.

— У меня есть вопрос, — сказал профессор Коган.

Все повернулись к нему. До сих пор Коган молчал. Он был англичанин, а значит, был от природы сдержан. Или, иными словами, большую часть времени его мнение никого не интересовало.

— Кто осуществил видеосъёмку? — спросил Коган.

— Один из наших людей. Полковник Кортес. Он работает в Аризоне под прикрытием.

Доктор Мартиник протяжно застонала.

— Какие-то проблемы, доктор? — спросил генерал.

Мартиник сложила руки на груди и скривила рот.

— Кортес сумасшедший, — сказала она. — Я работала с ним в Онтарио. Его представление о работе под прикрытием — одеться коренным американцем и спрашивать у людей, те ли они, кем кажутся. Надо было его ещё много лет назад в дурдом отправить.

Она осуждающе посмотрела на Бейела, и Чайк с удовольствием отметил, что генерал-майор заёрзал под её взглядом. Не любить Бейела было легко, независимо от того, хорошо ли он выполнял свою работу. У того была гадкая бородёнка, гадкий ротик, как у гнома, и пара гадких свиных глазок. Он никогда, в общем-то, не делал ничего плохого, но у Чайка было постоянное предчувствие, что тот вот-то сделает какую-то гадость. К тому же, ему не шла униформа. Судя по его виду, он предпочёл бы работать ведущим игрового шоу, а не заниматься кадровыми вопросами военизированной организации. Пускай даже сокращающейся, как UNISYC.

— А я тут при чём? — сказал Бейел со своим скользким новозеландским акцентом. — Кортес был лучшим, кто был в нашем распоряжении. Вы сами знаете, как мало у нас людей. Люди уже не выстраиваются в очереди ради того, чтобы надрать задницу киберлюдям. Если бы мы не уволили половину сержантского состава, у нас бы сейчас офицеров было больше, чем рядовых агентов. Вы знаете, что лишь половина из наших лейтенантов удовлетворяют официальным требованиям к офицерам? Они всего лишь занимаются этой работой достаточно давно, чтобы доказать, что они не полные идиоты.

Мартиник это не убедило:

— Вы что, серьёзно утверждаете, что не могли найти менее сумасшедшего человека, чем Кортес?

— Это всё к делу не относится, — заворчал Чайк. — Мне нужно ваше мнение о снятом, а не об операторе. Смотрите.

Обрыв. Склейка.

Мы уже не в пустыне. Мы в ангаре, возможно, на авиабазе, судя по военной покраске. Ну, вы знаете такого рода места. Вы видели их в кино, до вас доходили слухи, вы смотрели «Час заговоров с Эдом Боугли» на канале 101. Согласно народным преданиям, как только на Землю падает инопланетный корабль, сбегаются солдаты и растаскивают обломки по вот таким ангарам. Такова традиция.

Сосредоточимся на нашем окружении. Вдали, на противоположной стороне ангара, люди работают с внушительными механизмами, но это всего лишь вертолёт. Видимо, оснащённый оружием по последнему писку моды (в прошлом году это были вирусные ракеты, за год до того — психически управляемые боеголовки, и тому подобное), но это оружие в любом случае создано людьми. Никаких НЛО.

Но есть там и другие силуэты. Некоторые из них размером с автомобиль, некоторые — с коробку для чая, они протянулись ровными рядами отсюда и до противоположной стены. Мы не видим, что это такое, потому что они все накрыты зелёным военным брезентом. Оператор переводит камеру с одного предмета на другой, прячась, когда один из техников смотрит в их сторону.

На предметах есть ярлыки, маленькие серые пластиковые ярлыки, привязанные к углам выброшенных кусков брезента. Мы смотрим, как рука оператора потянулась к одному из них. Он вертит его в пальцах, читает мелкие цифры. Судя по тому, что он идёт дальше, это не то, что он ищет.

— Боже мой, — прошипел полковник Рено.

Чайк остановил запись. Рено выпучил глаза на экран, словно только что обнаружил лицо Иисуса Христа внутри фрукта. Впрочем, Рено был склонен к чрезмерной реакции. Бригадир был канадцем с тем привлекательным, но скучным типом лица, который популярен в голливудских боевиках. Видимо, Рено и сам это заметил, потому что пытался каждое своё слово произносить интересно или драматично. Впрочем, он был опытным полевым агентом и несколько лет работал на UNISYS в Северной Америке, поэтому казался подходящей кандидатурой для конклава.

— Это же «Магазин Игрушек», — продолжал Рено, всё ещё ожидая номинацию на Оскара. — То же самое, что на записи, которую «Hourly Telepress» раздобыли в 54-ом.

Как обычно, доктор Мартиник восприняла это скептически.

— Я думала, что рассказ «Telepress» был шуткой.

Профессор Коган поднял руку. Типичный англичанин, — подумал Чайк. У него такой вид, словно он просится выйти.

— Простите, я не... что такое «Магазин Игрушек»?

— Это место, где американцы хранят свои инопланетные сувенирчики, — объяснила Мартиник.
— Раньше у них был ангар в Нью Мехико, но после распада Штатов они переехали в Лос-Анджелес.

Рено кивал:

— Значит, Кортес смог пробраться в «Магазин Игрушек». Впечатляет.

Если бы, — подумал Чайк.

— То, что вы видите, не сам «Магазин Игрушек», бригадир. «Магазин Игрушек» непроницаем. Он защищён взятыми на вооружение инопланетными технологиями. Если бы не это, мы бы его уже захватили. Этот ангар — сортировочная. Даже с инсайдерской помощью мы не можем пробраться дальше. И «Telepress» тоже не смогли.

— Значит, у нас есть кто-то, кто работает в американской организации?

Сидевшие за столом начали вполголоса обсуждать это. Чайк помнил, что когда-то, ещё во времена ООН, ЮНИТ пытались начать переговоры с Северной Америкой о том, чтобы взглянуть на их инопланетную коллекцию. Разумеется, когда ЮНИТ сменила UNISYS, а Соединённые Штаты перестали быть соединёнными, эти переговоры прекратились. Теперь между двумя центрами власти были не дипломатические отношения, а лишь непрекращающиеся уловки. И если честно, Чайка это устраивало.

ЮНИТ были мягкими. ЮНИТ были слабыми. Вот почему эта организация развалилась, и вот почему военное крыло «Секьюрити Ярда» ООН заняло её место.

Чайк старался не думать о том, что UNISYC шли тем же путём, что и их предшественники. Он снова запустил воспроизведение, оставив вопрос Рено без ответа, и быстро перемотал неинтересное.

Оператор снова протянул руку к одному из ярлыков. Номер совпадает с тем, что ему дал один из его контактов — это мы, разумеется, читаем между строк — поэтому он выглядывает из-за брезента, чтобы убедиться, что обслуживающие вертолёт техники отвернулись. Они не смотрят.

Он медленно и осторожно поднимает ткань. Под ней что-то светится.

Ящик. Гроб. Такого же размера, как обычный гроб, насколько можно видеть. Похоже, он сделан из металла, но качество съёмки не позволяет рассмотреть детали поверхности. Ящик пульсирует светом, нарушая этим работу камеры. Мы знаем, что это объект, который свалился с неба возле Песочницы Феникс.

Камера дёргается и поворачивается. Мы видим белые и серые пятна. Люди. Они движутся. Техники указывают руками, из тёмной двери на противоположной стороне ангара появляются новые фигуры.

Оператор разворачивается и бежит.

Чайк повернулся к Когану:

— Профессор? Кажется, это по вашей части.

Коган чуть не подпрыгнул, оказавшись в центре внимания. Он ответил не самому Чайку, а остальным троим.

— А... Ну... Помимо камеры, полковнику было предоставлено и другое оборудование для наблюдения. Его показания были... были... были переданы мне генералом несколько дней назад. Мои люди их изучили. Хорошо изучили.

— И? — подгонял его Чайк.

Коган был молодым для своей должности человеком, не намного больше тридцати; с большими глупыми голубыми глазами и болтающейся светлой чёлкой, но, похоже, он уже сейчас тренировался быть старым эксцентричным англичанином. Он будет носить очки с тонкой металлической оправой, — решил генерал.

Коган прокашлялся.

— Что же. Да. Мы обнаружили кое-что необычное. Следы тахионов, к примеру. Довольно сильные следы тахионов.

— Тахионов? — доктор Мартиник выглядела напуганной, Чайка это развеселило. — Вы хотите сказать, что этот ящик — машина времени?

— Нет. Сканирование не выявило никаких признаков внутренних технологий. Кажется, это именно то, чем оно кажется. Ящик. Не средство передвижения.

— Спасательная шлюпка? — предположил Рено.

Коган начал энергично кивать:

— Да. Да. То есть, надо подумать. Но если это спасательная шлюпка, то её хронометрия... То есть, она кажется несовременной с... Я хочу сказать, мне кажется, что она попала сюда, переместившись во времени. И там есть следы энергии Сильверберга. Очень, очень удивительно. Да.

Мартиник откинулась на спинку офисного кресла и засмеялась:

— Энергия Сильверберга? Признаки психической активности? Это на грани шарлатанства, профессор.

— Нет, нет, это правда, — занервничал Коган. — И в этом случае шлюпка могла не нуждаться в навигационной системе. Её мог направлять... ну, разум того... того, кто там внутри. Тот же принцип, что в психо-наводящейся ракете, только навигация в четырёх измерениях. Очень сложно. Очень сложно.

Чайк перенёс вес с одной ягодицы на другую. Путешествия во времени его тревожили. У него, разумеется, были для этого личные причины. Пять лет назад он стёр из документов ООН все записи о существовании Доктора. Сейчас о существовании старого любителя вмешиваться в историю не знал никто рангом ниже бригадира. Повелители времени упоминались в «Справочнике инопланетных монстров», другой информации не было.

— Теперь вам понятна суть проблемы? — сказал генерал, обращаясь к остальным членам конклава. — У

нас есть все основания полагать, что в этой капсуле при падении кто-то был. А теперь посмотрите вот это.

Мы видим стены ангара, быстро проносящиеся мимо. Мы видим мелькание цвета хаки и оружейного серого. У нас на пути появляется фигура в солнцезащитных очках, но в кадре появляется кулак оператора, кулак врежется в челюсть человека-в-чёрном до того, как тот успел вынуть пистолет.

И мы замечаем ещё кое-что. Камера не перестаёт двигаться, поэтому мы видим это лишь долю секунды, но сомнений у нас нет. Мчась к выходу, мы пробегаем мимо открытой двери, ведущей в боковое помещение. Мы мельком замечаем стоящих на пороге людей, удивлённо смотрящих на камеру.

Они одеты не так, как другой местный персонал. Не люди-в-чёрном, не техники. Они одеты в комбинезоны, поэтому больше всего похожи на ассенизаторов. Их четверо, и они несут носилки. На носилках лежит мешок, кокон из прозрачного пластика, запечатанный, каталогизированный, воздухонепроницаемый. Внутри мешка тело.

Камера завертелась. Картинка замерла.

Наступила долгая тишина.

— Что случилось с Кортезом? — спросила Мартиник. — Я так понимаю, что ему не удалось уйти живым?

Чайк засмеялся. Вернее, забурчал, что в его случае можно было считать смехом.

— Разумеется, он ушёл живым, доктор. Иначе как бы мы это сейчас смотрели?

Мартиник смотрела недоверчиво. Впрочем, как и всегда. Она была уже на грани старости, её волосы были цвета стальной проволоки, из-за своего костюма она была больше похожа на директора компании, чем на ксенобиолога.

— Он выбрался? Оттуда? Из того скопления людей в чёрном?

— Я не вправе обсуждать тактику полковника, доктор. Если вы считаете, что ваш уровень доступа недостаточен, обсудите это с маршалом.

— То есть, он *смог* сбежать?

Генерал Чайк сердито посмотрел на неё.

— Доктор Мартиник, вы здесь присутствуете в качестве консультанта по внеземному. Я надеялся, что это тело интересует вас сильнее, чем американские связи UNISYC.

Мартиник вздохнула:

— Что вы хотите от меня услышать? Предположительно, он из того гроба. Но если это труп, я не понимаю, какая от него может быть польза американцам. Секреты же он им не расскажет?

Чайк грозно усмехнулся и полез рукой в верхний карман мундира.

— Нет? Значит, вы не считаете, что ценность может иметь, к примеру, инопланетная ДНК?

— Ну... Для учёного-исследователя — возможно, —
Мартиник прищурилась. — А что? Что вам известно?

— Мне, доктор, известно, что это за инопланетянин.
И я прекрасно знаю, что он собой представляет. Вскоре
после возвращения Кортеса в Женеву мы получили вот
это. Лежало на моём столе. Как оно туда попало, никто
не знает.

Чайк вынул из кармана карточку. Она сверкала,
несмотря на приглушённое освещение Штаба. Точно так
же, как сверкал ящик в видеозаписи.

— Приглашение, — сказал он до того, как кто-то
успел задать вопрос. — На этой карточке сообщается,
что именно представляет собой тело в съёмке
полковника. Имя не сообщается, но намёков достаточно.
И тут же сообщается о том, как мы можем его
заполучить, несмотря на то, что американцы перевезли
его в «Магазин Игрушек». Хотел бы я знать, что за
существо могло прислать нам такое?

ГЛАВА 4

Смерть, смерть и — о Боже — снова смерть

В зале было полно мёртвых людей, но Доктор не был уверен, знают ли они о том, что они мёртвые. Во всяком случае, они были не сильно оживлённые. Они были бледные, даже те, кто не был при жизни белым, а их одежда была изношена до дыр, вычищена от человечности Временем, Движением, и другими силами, управляющими этой частью вселенной.

Один из мертвецов подошёл к Доктору и пнул его носком своего ботинка. Доктор перевернулся на спину. Ему с пола не было видно стены помещения. Края помещения были в тени, и он был уверен, что углы, пока их никто не видел, смещались по собственному усмотрению, нарушая все известные законы архитектуры. Зловещие фигуры зависли за пределами его поля зрения, их лица были скрыты темнотой. Доктор прищурился, постарался сфокусироваться на них, но смог различить лишь высокие воротники и чёрные мантии.

Темнота, как он понял, заменяла этим фигурам умение стильно одеваться. Им нужно было оставаться невидимыми. Если бы их было видно, они были бы настоящими, а если бы они были настоящими, они бы

лишились своей власти. Мертвецы были их рабами, теми, кто выходил в свет, пока их кукловоды прятались по углам.

Этот сценарий был ему знаком. Доктор подумал, не воспоминания ли это, выжатые из одной из его прошлых жизней. Или даже...

— О нет, — сказал он. — Только не говорите мне, что это предвидение.

— Он человек? — спросил голос с дальнего края зала.

Раб, марионетка, мертвец свысока посмотрел на Доктора. Он был европеоидом, его кожа имела зелёный оттенок. Но не марсианский зелёный, а как будто его тошнило. Его волосы были зализаны назад, но в то же время казались неаккуратными. С пространственно-временными аномалиями я ещё могу справиться, — сказал себе Доктор, — но парадоксальные причёски?

— Я же говорил вам, — сказал мертвец. Его голос вызвал у Доктора ассоциации с умирающими слизняками. — Охрана тут никуда не годится.

— Ничего страшного, — сказал ему Доктор.

Мертвец встревожился:

— Что?

— Ничего страшного. Я понимаю, что вы чувствуете. Я тоже был рабом.

Он понятия не имел, почему он это сказал, но это казалось уместным.

Мертвец повернулся к тёмным фигурам в тёмных углах:

— Он сумасшедший. Что ты с ним сделала?

— Ничего. Он отключился сразу же, как только я взяла его на борт. Если он настолько чувствителен к моему массиву безопасности, он путешествует во времени.

Голос был женский. Ровный. Доктор заметил в дикции более сорока мелких деталей, которые выдавали синтетическое происхождение голоса.

Из темноты донёсся вздох:

— Давайте немного успокоимся? С безопасностью всё в порядке, мистер Г., всё на уровне. Просто небольшое недопонимание, понятно?

— Вы хотите сказать, что этот идиот — один из покупателей? — мертвец издал нездоровый кашляющий звук, похожий на «ха». — Сколько ещё сюрпризов вы нам приготовили, Кихотль?

— Знаете, я думаю, что виной всему то, что все мы немного напряжены. Согласны? Нам нужно немного расслабиться и... знаете... подумать.

Доктор сконцентрировался на голосе. Он исходил от одной из тёмных фигур, но...

Он резко сел. Мертвец отпрыгнул, на его лице появилась откровенная паника.

— Я не здесь! — крикнул Доктор.

На него, не понимая, смотрели пять пар глаз. Как минимум одна из них была искусственная.

— Я хотел сказать, что я не там, где я думал, — объяснил Доктор. — Наверное, это что-то вроде галлюцинации. — Простите, я подумал, что вы все

непреходящие сущности безграничного зла, а я явился для того, чтобы победить вас.

Наступила гробовая тишина. Доктор внимательно осмотрелся. Помещение было небольшое, явно не тот большой зал, который он себе представлял. Стены были из камнезаменителя, а в одном из углов находился неуместный коктейльный бар. Кожаные кресла тоже не гармонировали со стилем комнаты.

В комнате, помимо него, было ещё восемь живых существ. Двое были людьми, одетыми в современную военную форму. Доктор отметил у них на грудных карманах значки UNISYC. Ещё были члены культа Парадокс, которых он заметил раньше. Пятым индивидуумом была женщина, которую он встретил в коридоре, у которой лицо раскрылось и проглотило его, и да, надо будет ему при удобном случае подумать о том, что из этого следовало. Рядом с ней был помятый невысокий мужчина, который, судя по его виду, хотел бы оказаться не здесь. У Доктора было подозрение, что этот мужчина с самого рождения хотел бы оказаться где-нибудь, но не здесь.

А ещё был мертвец. Теперь, когда Доктор видел всё более чётко, мужчина казался здоровее, чем раньше. Он всё ещё выглядел несколько болезненным, и по-прежнему пах так, словно его искупали в о-де-химикат, но в остальных отношениях он был почти похож на человека.

Доктор протянул руку:

— Прошу прощения. Вы всё-таки живой. Я ошибся.

Мужчина отшагнул от него ещё дальше и беспокойно взглянул на женщину с разворачивающейся головой. Доктор убрал руку, потом встал на ноги, устроив из этого небольшое представление. Тем временем он думал. Мужчина в вонючем костюме сказал «покупателей». «Покупатели». Все эти люди сюда приглашены, предположительно нервным индивидуумом. А значит...

— Я прибыл на аукцион, — заявил он.

Наступила долгая тишина. Все, кто был в комнате, смотрели на него непонимающими глазами. Доктор мысленно скрестил пальцы.

И тогда все взгляды обратились на нервного мужчину. Он поёжился.

Кихотль. Так его называл тот, кто на самом деле не мертвец. Доктор шагнул вперёд и подал руку:

— Вы, должно быть, мистер Кихотль. Приятно с вами, наконец, встретиться. Я этого так долго ждал.

Снова напряжённый момент. Затем Кихотль протянул руку. Доктору показалось, что он почувствовал со стороны Кихотля некоторое облегчение.

— Здравствуйте. Рад, что вы сумели... добраться.

Женщина, которая была больше изнутри, снова заговорила:

— Объясните. Если он приглашён, то почему у него нет приглашения?

Доктор и Кихотль переглянулись.

— О, его, должно быть, на почте потеряли, — тараторил Доктор.

Он понятия не имел, почему Кихотль поддержал его блеф, но отказываться от этой поддержки он не собирался. Он обвёл взглядом комнату, ища повод для смены темы разговора, и его взгляд остановился на одном из людей, мужчине в форме UNISYC с офицерскими полосками на плече.

— Сержант... *Полковник* Кортес! — воскликнул Доктор. — Как приятно увидеть знакомое лицо. Всё ещё изучаете дзен-буддизм?

Полковник выглядел удивлённым. Рядом с ним елозила ногами ещё один человек.

— Вы меня знаете?

Доктор кивнул головой:

— Ну конечно, вы меня не помните. После нашей последней встречи я так изменился. Я Д...

— Ну что же, — кашлянул Кихотль. Он продолжал прочищать горло до тех пор, пока не убедился, что Доктор замолчал. — Нам нужно провести специальное мероприятие, чтобы все представились как следует. Быть может, соберёмся в саду на крыше, или что-нибудь в таком духе. А пока что, почему бы нам не вернуться в наши комнаты, чтобы немного отдохнуть? Прибудет ещё одна делегация, и мы сможем начать торги, и тогда...

— Оставалась ещё одна делегация до того, как *он* прибыл, — заметила неорганическая женщина, кивая на Доктора.

— Ага. Точно. Должно быть, я ошибся. В общем, я имел в виду, что все мы немного напряжены, и нам нужно... О, нет.

Доктор обернулся посмотреть, отчего у Кихотля отвисла челюсть. В дверях стояла знакомая фигура и смотрела на собравшихся в комнате индивидуумов, не зная, здороваться с ними или удирать.

«Пи-ип», — сказали наручные часы Сэм.

Доктор вежливо кашлянул:

— Это моя спутница, мисс Джоунс, из Лондона. Сэм, заходи. Мы тут как раз познакомились. Почти.

У Сэм был такой вид, словно он ей сказал, что собирается поужинать с мистером и миссис Драшиг. Когда она приветственно подняла руку, у неё был такой вид, будто она сейчас поднимет и вторую, сдаваясь.

— Здрасьте, — слабым голосом сказала она. — Простите, я тут совсем заблудилась. Что происходит, До...

— Ну что же, — сказал мистер Кихотль. Он это почти прокричал, изо всех сил стараясь не дать Сэм завершить предложение.

Доктор озадаченно посмотрел на него.

Кихотль в ответ едва заметно покачал головой. Жест, который означал «не сейчас». Поговорим позже. Наедине. И в этот единственный момент контакта между ними было понимание. Доля секунды узнавания. Доктор знал, что вообще-то повелители времени не должны были узнавать друг друга после регенерации. Но они всё равно узнавали. Как бы ни изменялось лицо, что-то всё равно оставалось, что-то неуловимое. И вот сейчас у него было точно такое же чувство. Он не был уверен,

что Кихотль тоже повелитель времени, но каким-то образом он знал, что они знакомы.

Кихотль отвёл взгляд и натужно улыбнулся.

— Ну что же, — повторил он. — Пора немножко отдохнуть перед тем, как дела завертятся, да? Хорошо.

Доктор обвёл взглядом комнату. Другие о чём-то перешёптывались. Он заметил, что женщина-амазонка выскользнула за дверь. Так плавно, что никто больше этого не заметил.

— Я бы хотела кое-что узнать, — сказала женщина из Парадокса. У неё был мягкий голос. Скорее любопытный, чем угрожающий. Доктор подумал, что вивисекторы, наверное, тоже любопытные. — Кого именно представляет этот агент?

— Я? О, я никого не представляю, — Доктор шлёпнул себя по лбу. — Ну конечно! Я так и знал, что что-то упускаю.

Все глаза снова обратились к нему.

— Восемь человек, — продолжал Доктор. — Когда я очнулся, я увидел восьмерых, но насчитал только семь. Кого я пропустил?

Наступила долгая пауза. Доктор осмотрелся, но лица остальных «покупателей» были непроницаемы. Наконец, он увидел ответ на свой вопрос, ответ был написан в трещинах ближайшей стены.

ВЫ ОЧЕНЬ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫ, — гласили трещины. БОЛЬШИНСТВО ДРУГИХ ДАЖЕ НЕ ПРИЗНАЮТ МОЁ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

— Хм, вы не знакомы с мистером Сдвигом? — пробормотал Кихотль. Казалось, что ему почти стыдно.

Где-то в глубинах своего сознания Марí имела подсистемы, занимающиеся межличностной динамикой. Огромные нейронные каньоны, полные сырой психологии и необработанной информации. Эти системы никогда не использовались. Во всяком случае, на полную мощность. Марí была рождена после начала войны (была рождена, а не построена; ТАРДИС 103 типа были разработаны для почти органического воспроизведения), а во время войны социальные взаимодействия — не самое важное. Её психологические системы были настроены так тонко, что могли со 100% эффективностью предсказать любую мысль в органическом разуме с погрешностью не больше 1.3 миллифрейда.

Здесь, в зиккурате, это умение, понятное дело, было бесполезно. Сдвиг был неорганическим и непредсказуемым. Траск был пост-органическим, его мотивы были неясны, но у Марí были предположения насчёт того, на кого он работал. Сами по себе человеческие мозги постичь было легко, но из-за влияния множества непредсказуемых элементов было почти невозможно точно предсказать, куда их понесёт.

А теперь ещё и прибывший без приглашения. Марí просканировала его тело, когда он был в её отсеке; она провела обычные генетические и морфические тесты. Прибывший был повелителем времени, его биоданные

были слишком сложны, чтобы разобраться в них без дополнительного скана. Очередное нелинейное влияние. А Кихотль не дал незнакомцу представиться, его социальные манипуляции были очевидны даже для запылившихся межличностных подсистем Марí. Нужно будет поговорить об этом с Гомункулетом.

На короткое время Марí подумала о том, не стоит ли ей научиться убедительно вздыхать. Она была уверена, что именно это сейчас сделал бы на её месте кто-нибудь органический.

Она остановилась на перекрёстке, на середине главного коридора зиккурата. На задворках её сознания — на задворках органической части её сознания, которая существовала в простом четырёхмерном пространстве, которая выступала связующим звеном между остальным её телом и реальным миром — что-то сместилось в сторону, словно переключился тумблер.

Активировались её глубокоуровневые сенсорные системы. Сенсоры, погружённые почти в её энергетическое ядро, тянулись вверх, сквозь внутренние измерения, к её коже. Щупальца вскрыли её мягкое не вещество между внешней оболочкой и внутренним телом, цепляясь за физические связи переднего мозга Марí. То, что было слишком велико и слишком сложно, чтобы проявиться в материальном мире, пыталось протиснуться по каналу толщиной с её позвоночник.

Момент смятения. Сознательно Марí не активировала глубокоуровневые сенсоры. Она подумала, не было ли какой-то системной ошибки, какой-то

неисправности, которую органическая часть её мозга не могла заметить. Или она отдала приказ активации не осознанно? Если так, то этот инстинкт мог исходить только из нижних отделов её тела, из глубин артронных двигателей, или погребённых рефлексов жидкостных соединений.

Она приказала глубокоуровневым сенсорам деактивироваться. «Подождите, пока мы не выйдем», — сказала она им. «Не здесь. В зиккурате слишком много помех, обратная связь от материалов блочного переноса». Эта информация ослепит, оглушит, её поверхностный мозг не сможет столько обработать.

Но её системы не слушались её. Марі почувствовала, что оболочка её тела раскрывается. Новые импульсы, новые реакции.

— *Кихотль что-то скрывает.*

— *В зиккурате есть ещё один повелитель времени.*

— *Она знала, на кого работает Траск.*

— *Она знала, на кого работает Сдвиг.*

Это были мысли, на которые реагировали глубинные сенсоры. Не сознательные команды. Остальная часть её тела, остальная часть корабля пыталась распутать секреты Немыслимого Города, коды логики, управлявшие действиями Кихотля и остальных гостей. Она чувствовала себя крохотной головой на раздутом теле. Массой данных с гуманоидным лицом.

Значит, это паранойя. Это паника. Марі раскрылась, внутренние структуры ТАРДИС хотели, требовали свободы. Она почувствовала, как её руки

слабеют, приоткрывая оружие размером с небольшие луны. Прицельные механизмы, действующие на самых сложных размерностных уровнях вселенной, начали изучать окрестности в поиске подходящих жертв.

Было что-то снаружи. Снаружи зиккурата, за материальными уровнями этой планеты. Оно ждало, пока соберутся все делегаты, пока все кусочки объединятся воедино. Это была ловушка, всё было ловушкой, и очень скоро мышеловка захлопнется. Участвовал ли в этом Кихотль? А другой повелитель времени?

Случайные частицы вещества вышвыривались из энергетического ядра Марí, проявляясь каплями пота на её коже. Миллион искусственных глаз высвободился в её позвоночнике. Они выглянули наружу и ослепли. Прицельные механизмы её оружия напряглись, затем прорвались сквозь её плоть, отчаянно зондируя внешний мир. Они были решительно настроены обезвредить угрозу. Но ничего не обнаружили. Раздалось эхо взрыва. Затем сам взрыв. Затем абсолютная тишина.

Мистер Кихотль даже не дёрнулся. Он почувствовал вторичное сотрясение раньше самого взрыва. Как будто детонация была так важна, что решила заявить о своём приближении заранее.

Первым нарушил молчание Гомункулет. Его глаза лезли из орбит.

— На нас напали, — прошипел он.

Мистер Кихотль сглотнул:

— Это ерунда, мистер Г. Уверяю вас, ерунда. Может быть, один из манипуляторов вещества барахлит?

— Это представляет какую-нибудь угрозу нашей безопасности? — спросила кузина Джастин. Её голос был тихий и спокойный, поэтому никто на него не обратил внимания.

— Я что, по-вашему, не знаю звук нападения? — взвизгнул Гомункулет. — Это был какой-то плазменный взрыв или... Я не знаю...

— Размерностная инкурсия, — произнёс тот, про кого Кихотль знал, что это Доктор.

Гомункулет обернулся к нему:

— Что?

— Вы слышали эхо. Я бы сказал, что это небольшой разрыв в местном пространстве-времени, — Доктор пожал плечами. — Я, конечно, не утверждаю, что я эксперт...

Гомункулет выпучил глаза:

— Размерностная инкурсия? Что это ещё за нелепый техно-абсурд... — он неожиданно замолчал. — Марí, — прохрипел он. И он мгновенно оказался у двери, одним шагом перепрыгнув полкомнаты.

Кихотль виновато улыбнулся, постаравшись, чтобы все это увидели.

— Технические неполадки, — сказал он представителям. А затем отправился в коридор, за Гомункулетом.

Гомункулет нашёл тело Марí в главном коридоре, на пересечении коридоров к комнатам гостей и ко входу в зиккурат. Вначале он не понял, что это тело. Первым, что он увидел, была вешалка, стоявшая у стены между факелами. Затем он увидел панели, куски почти белого покрытия пола, вырванные изнутри ТАРДИС и разбросанные по коридору. Диван перегородил боковой коридор справа от Гомункулета; это был старый, красный, из второго консольного помещения Марí, но тут была лишь половина его, вторая половина слилась со стеной коридора. За диваном лежал перевёрнутый книжный шкаф, изрыгающий рваные страницы с верхне-галлифрейским шрифтом.

Марí...

она лежала там. Не предмет

Марí — мёртвое сердце Марí — лежало посреди перекрёстка, спиной на полу, голова была наклонена так, словно шея была сломана. Левой части тела не было. Как будто кто-то прочертил линию, ровный контур от щеки до голени, и вырвал всё, что было внутри контура. Её левой руки не было. Не было и большей части лица.

Она была личность

его спутница она была его

мёртвой

Правый глаз Марí был цел. Левый глаз оставался на месте, но кожа была содрана, приоткрыв нечто чёрное, что даже не пыталось притворяться органическим. Вещь, а не орган. Предмет.

Она была

не вещь. Она была личность. Она была
она была его спутница. Его мёртвая

он наклонился над ней, опустившись коленями на
разбитые плитки, в ткань его брюк впитывалась
жидкость с пола. Вода. Растекается вокруг её тела. Она
из очистительной системы, бывшей частью

мёртвой спутницы

и были шаги, шаги по воде. Мистер Кихотль,
человеки, мужчина в нелепом бархатном сюртуке и

Он посмотрел в её глаза, попытался посмотреть в её
глаза, но в место них заглянул внутрь её головы.

Внутри неё лишь статические разряды

а мистер Кихотль заглядывает через плечо, раскрыв
рот на рану в боку Марí, стоит посреди её крови, её
водного запаса, и даже не извинится. Мужчина в
бархатном сюртуке стоит у него за спиной. Зрители.
Стервятники. Гомункулет потянулся к Марí, он хотел
прижать ладонь к её щеке, но его рука соскользнула в
рану и исчезла внутри. Гомункулет поднял взгляд и
увидел глупо вытаращившегося Кихотля.

— *Вы ... обещали... безопасность,* — сказал он. Его
голос был протяжным стоном.

Кихотль начал испуганно отступать. Гомункулет
встал, ему захотелось ударить его, ударить головой об
стену и бить до тех пор, пока его рана не станет такой
же, как у Марí.

— Она ТАРДИС, — сказал обладатель волнистых
волос.

Он смотрел на Марí, как заморожённый. Удивлённый.

Инопланетный стервятник. Это было как вторжение, как будто этот мужчина распутывал все тайны спутницы Гомункулета.

Длинноволосый отпрыгнул, увернувшись от стеллажа, который вылетел из раны Марí и полетел по коридору. Оставшееся внутри неё вещество вылетало наружу, часть за частью. Как гной из раны.

— На неё напали, — сказал Гомункулет. Он знал, что в его голосе было какое-то чувство, но не знал, какое именно.

Волосатый посмотрел на него:

— А может, и нет. Простите, я знаю, что вы расстроены. Но это не похоже на нападение снаружи. Я не знаю оружие, которое могло бы вызвать такую инкурсию. Выглядит так, словно повреждение вызвано чем-то внутренним, — он снова посмотрел на Марí. — А... Марí... располагала каким-то оружием? Оборонительными системами?

— Она была моей спутницей, — взвыл Гомункулет. — Конечно, у неё было оружие.

Мужчина кивнул:

— Кажется, что-то заставило его сработать. Как-то его изменило. Её собственное оружие разорвало её изнутри.

— Хм, ну что же, — голос Кихотля. Казалось, что даже его слова пытались куда-то улизнуть. — Может быть, нам следует подумать над этим тщательнее...

Гомункулет закрыл глаза.

— Отнесите её в наш номер, — сказал он.

Он почувствовал, что по его пальцам что-то течёт, и понял, что это кровь. Он сжимал кулаки и процарапал ногтями кожу до крови. Когда он снова раскрыл глаза, волосатый всё ещё рассматривал Марí с тупым выражением на его глупой инопланетной роже.

— ТАРДИС, — бормотал он. — Ну и ну.

Ещё один мерзкий коридор, — подумала Сэм. Отлично.

После взрыва всё немного успокоилось. По словам Доктора, они попали на какой-то инопланетный аукцион, проводимый невероятно хитрым мистером Кихотлем, хотя никто не удосужился сказать Сэм, что именно продаётся. Предполагалось, что Кихотль — великий межпланетный комбинатор, но Сэм он казался скорее мелким аферистом. Дела у него шли явно не хорошо: то Доктор заявился, то один из клиентов вдруг взорвался прямо среди зиккурата.

— Но это не самое плохое, — сказал Доктор Сэм, после того как Кихотль помог спутнику женщины отнести её тело. Её тело состояло не только из собственно трупа, но ещё и из нескольких предметов мебели. — Она не была человеком. Она не была даже органической. Она была ТАРДИС.

— ТА... Минутку. Ты меня разыгрываешь!

— Я же тебе уже говорил. Полноценно функционирующая ТАРДИС может быть похожа на что угодно. На мотоцикл, на ионическую колонну...

— На автомобильное сидение. Да, ты прочёл мне лекцию. Когда ты говорил «на что угодно», я не думала, что ты имеешь в виду *«совсем что угодно»*. Я не думала, что ты имеешь в виду *«на кого угодно»*.

— Это потому, что наша ТАРДИС не настолько продвинутая, чтобы иметь полностью развитую матрицу личности. Марí (так её, кстати, звали), должно быть, была гораздо сложнее.

Сэм не стала обращать внимание Доктора на то, что он сказал «наша» ТАРДИС вместо «моя». Как трогательно.

— То есть, она была более новая модель?

— Очень новая. Настолько новая, что она ещё даже не существует.

Сэм моргнула:

— Прости, это какая-то темпоральная фигня, которую я не понимаю?

— Будущее, Сэм. Повелители времени не могут изучать будущее своей расы. Мы как оракулы Древней Греции. Мы можем предсказывать что угодно, кроме собственных судеб. Мистер Гомункулет — повелитель времени, из будущего Галлифрея. Я не знаю, насколько далеко это будущее.

— Это плохо?

— Плохо? — Доктор посмотрел на неё так, словно она предложила съесть живую анаконду. — Это может

оказаться катастрофой. Если я узнаю что-нибудь о будущей истории Галлифрея, причинность может быть нарушена в не представимых масштабах. Одним своим присутствием здесь я нарушаю один из главных законов Времени. Не помню, правда, какой именно. Возможно, Третий.

— Офигеть, — сказала Сэм.

После чего Доктор умчался в направлении комнат для гостей. Он сказал, что хочет поговорить с мистером Кихотлем, но не сказал о чём. Сэм осталось только бродить по коридорам одной. По словам Доктора, там было довольно безопасно, и Кихотль заверил, что были все удобства, которые могли понадобиться органической форме жизни. Сэм не стала напоминать ему о том, что это всё равно была огромная пирамида с факельным освещением, в которой один из гостей уже приказал долго жить. Главная проблема была не в удобстве.

Она остановилась на повороте коридора. Она шла по единственному пути вокруг зиккурата, и думала, что уже почти замкнула круг. Остановилась она лишь потому, что увидела впереди движение. Пятно света. Как фонарь, только меньше, и не такое яркое.

Сэм подкралась к этому свечению, по возможности держась теней. Что бы там Доктор ни рассказывал о дипломатии, у неё не было желания снова наткнуться на черепа летучих мышей. У неё было чувство, что эти люди были одни из тех, кто на уроках биологии становился первым в очередь на препарирование лягушек.

Подойдя ближе, она поняла, что свечение было концом зажжённой сигареты. Слева от коридора была ниша с лестницей на следующий этаж. На нижней ступени сидела с сигаретой в руке худая темноволосая женщина, которую Сэм видела в комнате для приёма коктейлей. Тогда она выглядела нервной; сейчас же она была просто разбитой, её рубашка почти прилипла от пота к коже.

Женщина подняла голову. Она была бы привлекательной, если бы не морщины, оставшиеся после сна, и не волосы, свисавшие на её глаза, как липкие чёрные щупальца. Сэм подняла руки:

— Ничего страшного, — сказала она. — Две руки, две ноги, одна голова. Я не опасная. Честно.

Женщина засмеялась. Её смех перешёл в кашель. Она бросила сигарету и затоптала её.

— Не знаю, есть ли у них тут пепельницы, — сказала она. — Ты человек, да? В смысле, настоящий человек?

Сэм кивнула:

— Можно присесть?

Женщина подвинулась. Сэм уселась на ступеньку рядом с ней.

— Спасибо. Я гуляла по зданию. Ноги уже болят.

— А, — сказала женщина.

Сэм протянула руку. Она не знала, почему она пытается начать разговор таким образом. Может быть, это была типичная человеческая реакция в присутствии такого количества инопланетян. Те, у кого похожие

гены, рано или поздно оказываются вместе. Боже, ну что ещё сделает тебя таким расистом, как межгалактические путешествия?

— Саманта. Сэм. Сэм Джоунс.

Женщина секунду или две смотрела на протянутую ей руку, а затем пожала её.

— Брегман. Лейтенант Брегман. UNISYC. В интересах хороших гражданских отношений, возможно, лучше называть меня Кэтлин... Не знаю.

Сэм понятия не имела что такое UNISYC, но всё равно кивнула.

— Ты с «независимым»?

— Что? А! Ты о Докторе?

— Да. О нём. Он же не один из нас?

Сэм пыталась анализировать акцент Кэтлин. Он казался английским, но очень искажённым и американизированным. Возможно, с небольшим французским влиянием.

— Один из кого?

— Нас. Ну, ты понимаешь. — Кэтлин слегка пожала плечами. — Я хочу сказать, ты не работаешь ни на один из политических блоков *этой* планеты. Вы здесь не от имени Земли. Я права?

Хороший вопрос, — подумала Сэм.

— Думаю, мы не политические. А откуда ты знаешь, что он не человек?

— Бог его знает. Инстинкт, наверное. Нужно лишь приблизиться к ним, и становится понятно. Никто о таком не предупреждает, правда?

«К ним» значит «к инопланетянам», — предположила Сэм.

— А ты много с ними встречалась... при твоей работе? — спросила она.

Кэтлин полезла в свой рюкзак, который стоял на полу у неё между ног.

— Лично я? Нет. Это моё первое задание, связанное с ПМ¹. Раньше меня к ним не подпускали. И, кажется, я начинаю понимать почему. Это, наверное, тот самый «культурный шок», о котором все говорят.

— Со всеми так, — сказала Сэм, сочувственно кивая.

Но она думала о своей первой встрече с Доктором, своём первом путешествии в ТАРДИС. У неё тогда не было никаких проблем. Словно части мозга, ответственные за культурный шок, кто-то выключил, как только она перешагнула порог будки. Это побочный эффект ТАРДИС или что-то в её генах?

Брегман вынула пачку сигарет и раскрыла её.

— Я завербовалась только потому, что хотела киберлюдей увидеть. Сразу после техникума. Я после техникума, не киберлюди. В обычную армию я бы не пошла даже под дулом пистолета. Военные скучные. А киберлюди стоят того, чтобы в них стрелять, — она многозначительно посмотрела на Сэм: — Я была из тех детей, у кого вместо кукол Барби были фигурки бойцов ВёрчКон. Ты, наверное, это и сама поняла.

¹ Пучеглазые монстры.

Сэм продолжала кивать. У неё самой были фигурки из «Звёздных войн». Кэтлин протянула ей сигареты.

— Нет, спасибо.

Кэтлин зажгла себе одну сигарету, а остальную пачку положила рядом с собой на ступеньку.

— Я не ожидала, что они будут такими, — сказала она между затяжками. — Кихотль. Твой друг. Этот повелитель времени, как его? Гомункулет. Я хочу сказать, они выглядят людьми, но при этом не люди. Это заметно. Не знаю, в чём.

— Биоданные, — предположила Сэм. — Что-то в биологии. Сигналы, издаваемые ими.

Кэтлин пожала плечами.

— В данный момент я должна общаться. Боюсь, я не выдержу, если мне придётся снова приблизиться к Гомункулету. Ты рядом со своим пришельцем выглядела гораздо увереннее, чем могла бы я, вот что я хочу сказать.

— Всё совсем не так, как тебе кажется, — сказала Сэм. — Я имею в виду Доктора.

— Да? А как оно?

Сэм пришлось подумать.

— Это как... Слушай, я обычно о таком не рассказываю, но тебе скажу. Это как в тот единственный раз, когда я была под кайфом.

— *Единственный раз?* Ты уверена, что ты человек?

Очень смешно, — подумала Сэм. Да, единственный раз. В тот раз, когда она хотела узнать, насколько

либеральны окажутся её родители, когда дело дойдёт до этого.

— Было так, словно всё вдруг ни с того ни с сего стало несинхронным, — сказала она Кэтлин. — Как будто весь мир сместился на несколько сантиметров влево, и никто тебе об этом не сказал. Становишься параноиком, ничего не понимаешь.

— И такие же ощущения когда тусуешься с инопланетянином?

— Нет. Слушай. Через какое-то время я придумала, как лучше всего справляться с этим, когда ты в таком состоянии. Нужно вести себя как обычно. Нужно сделать вид, что мир всегда был таким, и что не происходит ничего необычного. И так всё и было первые пару недель, которые я провела не на Земле. Одна дурацкая ситуация за другой. Все эти планеты, где я побывала, все эти места, где небо зелёное или море из кислоты.

— Дай-ка я прочту между строк, — сказала Кэтлин. — Ты хочешь сказать, что сошла с ума.

— Нет. С ума от этого не сходишь. Ну, наверное, можно сойти с ума, если попытаешься сопротивляться, но просто не сопротивляйся. Отдайся этому. Как будто бы правила поменялись, и тебе нужно им следовать. Это понятно?

Кэтлин кивнула, но у Сэм было такое чувство, что она не поняла ни слова. Потому что Кэтлин ещё не отдалась этому, так? Она всё ещё пыталась жить в

безопасном, обычном, прямолинейном мире, и это сведёт её с ума, если она не изменится.

Сэм посмотрела на пачку сигарет, лежавшую на ступеньке между ней и лейтенантом. Признак нормальности, — подумала она. Одна из тех вещей, которую можно встретить скомканной за подставкой для велосипедов в «Коул Хилл», или на дне канавы на Кингсленд Роуд. Может быть, пачка лежит тут в качестве напоминания? Напоминание о том, отчего она отказалась, когда зашла в ТАРДИС? Маленький сувенир из двадцатого века.

Сэм взяла в руки пачку и прочла на ней логотип.

«Десятое Небо» — гласила надпись. — «Сигареты из настоящей марихуаны. Произведено в Бирмингеме, Англия».

— Ты уверена, что не хочешь? — спросила Кэтлин.

Она не умерла. Его спутница

у неё была дыра в боку, но в её сердце был пульс, пульсация двигателей в нижних уровнях её тела. Марí была в комнате для гостей, а Гомункулет был внутри Марí, плавал в пространстве между её внешним «я» и внутренним «я», пробирался в консольное помещение на другой стороне размерностного прорыва.

Его вело биение сердца. Запах ионов в её атмосфере. Она была повреждена, она не умерла, что-то в ней вовремя отключило оружие. Защитная система. Заползая в консольное помещение, Гомункулет почувствовал дуновение синтетического воздуха. Света

почти не было, лишь слабые вибрации под ногами. Круги на стенах Марí светились, но тускло. Умирает. Но не мертва.

На неё напали. Прямо здесь, в зиккурате, был убийца, или потенциальный убийца. Кто-то, кто напал на его спутницу, возможно, при помощи какого-то вируса. Кто-то хитростью заставил её активировать оружие, которое и разорвало её изнутри.

Убийца. И не сложно было понять, кто это.

Разум Марí развалился на части, но в ней было ещё достаточно мощности на экстренную реанимацию. Она восстановится. Оживёт. И как только её жизнь восстановится, — сказал себе Гомункулет, — первое же, что он прикажет ей сделать — реактивировать её оружие. Здесь есть убийца, и убийца заплатит. Так или иначе, воля Верховного Совета будет выполнена.

Тем временем, в одном световом году от Города возник чёрный космический корабль. Его сканирующие механизмы навелись на некое здание на поверхности Земли. Удовлетворившись, пилот корабля вернул судно в интерстициональное пространство и проложил курс до пункта назначения.

ГЛАВА 5

Бомба непрерывности

Брегман вынула из кармана пригласительную карточку и попыталась прочесть, что на ней написано. Карточка продолжала сверкать, даже внутри зиккурата. Самые нижние строчки были нечёткие и буквы всё время плавали перед глазами Брегман.

Или, скорее, её глаза всё время плавали перед буквами. Когда в Женеве эту карточку изучали в лаборатории, английские аналитики говорили, что текст на ней на английском, французские аналитики говорили, что текст на ней на французском, немецкие аналитики говорили, что текст на ней на немецком, а швейцарские аналитики говорили, что текст на ней на английском, французском и немецком. Всё это одновременно.

— Ну что? — спросила девушка, представившаяся как Сэм.

Брегман прищурилась.

— Тут написано, что «будет предоставлено подходящее место проживания», но я не знаю... Как думаешь, вот это слово — «гостеприимство» или «больница»?²

— Хм... «гостеприимство».

² В английском языке эти слова похожи (hospitality и hospital).

— Слава Богу.

Брегман обвела взглядом комнату, которую мистер Кихотль предоставил ей и полковнику. Как и ожидалось, стены были каменные, а в них торчали горящие факелы, но в остальном убранство было вполне приемлемым. Было две кровати, на обеих были одеяла, которыми можно было бы укрыть целую армию. В комнате было несколько предметов мебели, мягкие кресла мягкого цвета, и даже пара мягких скамеечек для ног.

Сэм тоже осматривала обстановку, но у неё на лице было недовольство.

— Тебе не кажется, что в этом есть что-то странное?
— спросила она.

— А. Давай, угадаю. «Под этим слоем внешнего комфорта скрыты психические щупальца инопланетного паразита разума».

Сэм посмотрела на неё. Не понимая.

— Что, правда?

— Это была цитата. Из обучающего фильма UNISYC. Ладно, я тебя слушаю. Что тут странное?

— Вещи, — Сэм ткнула мягкое кресло, но оно не превратилось в ужасного инопланетного оборотня и не откусило ей руку. — Да, тут уютно, но что это за стиль?

— Стиль? Не знаю. Никакого стиля. Просто кресло.

— Но не бывает же «просто кресел». Когда кресло делает англичанин, кресло выглядит по-английски. Когда кресло делает африканец, оно выглядит по-африкански. А это кресло выглядит никаким, — Сэм указала на другие предметы мебели. — Пару недель

назад я была в сороковом веке. И все кресла там выглядели по-сороковековому. Наверное, такое замечаешь только тогда, когда много путешествуешь.

— *Что* ты сказала? — спросила Брегман.

— Я говорю, кресла в сороковом веке...

— К чёрту кресла, я имею в виду...

Брегман поняла, что она не сможет спросить «вы что, правда во времени путешествуете?» не выставив себя душой, поэтому замолчала. Сэм продолжала говорить.

— Если Кихотль тоже путешествует во времени, и он знал, что нужно обставить эту комнату специально для людей, то было бы логично узнать в учебниках истории о человеческой мебели. Но ни кресла, ни остальное не похожи ни на один период истории.

— Отлично. Кресла — не то, чем они кажутся.

Говоря это, Брегман обернулась через плечо на Кортеза. Полковник сидел на одной из кроватей, сложив ноги и опустив ладони на колени. Всё ещё медитировал. Брегман подумала, что если ему сейчас отвесить затрещину, то его это на Землю всё равно не опустит. Ей удалось заставить себя не проверять это.

Сэм всё ещё не могла успокоиться по поводу обивки:

— Я думаю о том, что сказал Доктор. Биоданные. Как думаешь, можно понять, какая кому-то нужна мебель, если проанализировать их биологию?

Брегман пожала плечами:

— Возможно. Ты имеешь в виду ДНК и всё такое? Если ты по генам знаешь, что у кого-то есть ноги и задница, наверное, можно понять, на чём оно захочет сидеть.

Сэм щёлкнула пальцами:

— А если знаешь, на какие длины волн реагируют их глаза, можно подобрать подходящие цветовые решения. Возьмём эту комнату. Она такая... Не знаю... Со вкусом. Знаешь, что я думаю? Мне кажется, что тут всё было построено по биоданным как по этому... Как по шаблону.

Брегман изобразила аплодисменты:

— Боже, а ты неплохо справляешься. Я знаю лишь то, что нужно пожать руку тому, у кого есть руки, и пристрелить того, у кого щупальца из лица растут.

Когда она это говорила, что-то вспыхнуло в сознании Брегман, что-то яркое, чистое и неожиданное. Хотя она и не была уверена, она подумала, что её глаза расширились так, словно она увидела явление Девы Марии.

— Ты в порядке? — спросила Сэм.

— Кажется, у меня возникла отличная идея, — сказала Брегман.

Траск улыбался, он улыбался с тех самых пор, как женщина-человек зашла в его комнату. Улыбка началась с мышечного сокращения, вызванного социальным порывом, который Траску не был нужен уже несколько сот лет. После того, как женщина ушла, у него не было

причин менять выражение лица, поэтому он и не стал смещать лицевые мышцы.

Но он определённо не был рад. Он вообще ничего особо не чувствовал. Он, как всегда, осознавал свою ответственность, и большего сознания ему и не хотелось. Те, кто им управлял, поручили ему любыми средствами добыть Реликвию и перенести её в Миктлан. Помимо же этого, никаких важных причин думать не было. Не было причин ни для каких мыслей в его голове.

Идеи для живых.

Впервые за десятилетия Траск вздрогнул. Идеи для живых. Это, конечно, верно, это очень верно. Но эта мысль сама по себе была идеей.

Пожалуйста, не волнуйтесь, мистер Траск. Это всего лишь я.

Сдвиг. Первая сущность, с которой столкнулся Траск по возвращении на Землю, когда он оказался у входа в Город; солнце тогда резало его глаза, жар тропического леса жёг мёртвую плоть на его конечностях. Сдвиг был у него в голове. Устроился на задворках его мозга.

Простите меня за мою прямоту, мистер Траск. Обычно я предпочитаю более тонкие методы общения с существами, которые более физические, чем я. Однако у вас весьма спартанское жилище. Очень мало возможности проявить себя, если вы меня понимаете.

— Да, — сказал Траск, лихорадочно думая.

А в вашем разуме не так много концепций, которые я мог бы легко, так сказать, заселить. Вот почему я

обращаюсь к вам напрямую через творческие центры вашего мозга. Уверен, это убило бы любое живое существо. Однако ваши центры творчества сейчас почти бездействуют. Не обижайтесь, прошу вас.

— Я не обижаюсь, — ответил Траск.

В Город прибыл ещё один покупатель, мистер Траск. Я подумал, что вам следует об этом знать. Никто, похоже, не знает, кто он такой и как может повлиять на аукцион.

Траск подумал об этом секунду или две.

— И?

Мистер Траск, я знаю, кого представляете вы, а вы знаете, кого представляю я. Естественно, я рад, что мы храним секреты друг друга, но признайте: наши цели... противоположные, скажем так. Официально, наши наниматели не хотели бы знать, что у нас были даже такие контакты.

Траск кивнул, но ничего не сказал.

Баланс власти должен быть сохранён, мистер Траск. Угроза вашему народу — угроза и для моего. Он идёт. Быть может, вы поймёте, что я имел в виду.

— Добрый день, — сказал новый голос.

Траск не сразу сообразил, что источник нового голоса снаружи его головы.

Кто-то стоял на пороге его комнаты. Траск не был уверен в том, к какому виду принадлежал этот мужчина, но от него просто несло жизнью. Он был высокий, стройный, длинноногий. Посмотрев Траску в глаза, он был шокирован, но довольно быстро взял себя в руки.

— Приятно встретить здесь радостное лицо, — сказал мужчина с искренней улыбкой. — Кажется, мы ещё не встречались. Меня зовут Смит, во всяком случае, это мой псевдоним, которым я пользовался много раз, жизнь за жизнью. По крайней мере, в этот раз я его не сам выбрал. А вы?..

— Траск, — сказал Траск.

— А. Что же, может быть, вы сможете мне помочь. Я ищу мистера Кихотля. Вы случайно не знаете, где он?

Глаза мужчины бегали по комнате, изучая декор. Вернее, его отсутствие.

— Нет, — сказал Траск.

Незнакомец кивнул, больше ему, похоже, сказать было нечего.

— Ну что же... Уверен, мы с вами ещё увидимся. А пока что до свидания, мистер Траск, — мужчина развернулся, чтобы уходить, и вдруг замер. Он обернулся через плечо: — И вам до свидания, мистер Сдвиг.

Мгновение спустя его не было.

Вы понимаете?

Траск кивнул.

Мне нужно кое-что сделать до аукциона, мистер Траск. Я подумал, что мне следует предупредить вас об этой новой... ну, не будем называть это угрозой. Назовём это «беспокойством».

— Спасибо, — прохрипел Траск, но Сдвиг не ответил.

Оставшись один, Траск обдумал это «беспокойство». Он считал, что новый покупатель не изменит его планы. Кем бы ни был этот Смит, он был жизнью. А любая жизнь была уязвима.

Вдруг в сознании Траска появилась неожиданная мысль.

Жизнь. Когда он увидел Смита, первым, что он заметил, было не лицо, ни тело, ни одежда. Первым он заметил качество жизни. Более сильное, чем в большинстве организмов. Настолько сильное, что можно было почувствовать его запах, если знать, к чему принюхиваться. Траск чувствовал такой интенсивный запах живого лишь однажды, и это было в ранние годы, когда он принимал жизнь как должное. Ранние годы. Последние моменты.

Траск помнил, как был под водой, задыхался своим последним глотком кислорода, но не мог его отпустить. Его руки, отчего-то более слабые, чем они должны были быть, пытались вытащить его тело на поверхность. Его руки поднялись над водой, коснулись воздуха, но что-то тянуло его вниз, тянуло за лодыжки. Жидкость давила на каждый сантиметр его кожи, она искала отверстие. Она стремилась наполнить его лёгкие. Это должна была быть хорошая смерть, лёгкая, но Траск знал, что всё будет кончено, как только он сдастся и попытается вдохнуть. Это было тяжелее всего принять. То, что его смерть будет *его* виной. Не было в такой смерти ничего лёгкого.

А затем он увидел лицо, висевшее в воздухе по другую сторону поверхности. В нескольких сантиметрах

над его головой. Лицо было старое, серьёзное, нахмуренный лоб, обвислые щёки. Мужчина, который доставил его сюда умирать.

Траск посмотрел на мужчину и увидел, чем тот был. Жизнью. Откровенной жизнью. И это качество было заразительным. Настолько заразительным, что Траску удалось сопротивляться озеру ещё целых тридцать секунд, пока из его лёгких не вышел последний пузырьёк воздуха.

Настолько заразительным, что даже сейчас, сидя в зиккурате несколько веков спустя, Траск ощущал, как его нервы поглощают паника и отвращение, хотя он и не должен был иметь способности что-то ощущать.

Жизнь. Мужчина, появившийся в двери комнаты, был таким же, как мужчина по другую сторону поверхности воды. Но его лицо было другим. Моложе. Поэтому он не может, наверняка не может быть тем же мужчина.

«...Смит, во всяком случае, это мой псевдоним, которым я пользовался много раз, жизнь за жизнью...»

А что если...

«...пользовался много раз, жизнь за жизнью...»

Возможно ли это?

«...жизнь за жизнью...»

Возможно ли, что Смит — это он?

Тот самый, кто много лет назад отправил Траска в ряды мёртвых?

— Повтори, пожалуйста, ещё раз, — сказала Сэм. — Что конкретно мы сейчас делаем?

Лейтенант Брегман — Кэтлин — мчалась по коридорам зиккурата, вертя головой из стороны в сторону, заглядывая во все углы и ниши.

— Мы хотим найти номера других гостей. Они все должны быть в одном коридоре, но Кихотль переместил нас после того, как я нашла мёртвого.

Сэм старалась не отставать. Не только физически, но и следить за мыслью.

— А что это за мертвый был? Убитый мёртвый или просто чувак, который оказался мёртвым?

— Улыбающийся мёртвый. Забудь, сейчас это не важно.

Они дошли до очередного перекрёстка, и Кэтлин резко свернула вправо.

— Ты правильно сказала. Комнаты гостей могут рассказать всё о тех, кто в них живёт. Так?

Сэм прикусила губы:

— Постой. Кэтлин, ты что, предлагаешь?..

— Слушай, я же из UNISYC! Да, я знаю, что мы не самая профессиональная организация в мире...

— Этого я не знала, — пробормотала Сэм.

— ...но оборона этой планеты как бы наша задача. Вот я и хочу быстро осмотреть другие комнаты, чтобы получить преимущество. Мы начнём понимать, чем являются другие ПМ, а может быть, даже зачем они тут.

— Кэтлин, — Сэм схватила женщину за плечо и остановила. Кэтлин это одновременно раздосадовало, но

и обрадовало, словно ей нужен был повод перестать бежать. — Послушай. Полчаса назад у тебя был такой вид, словно твоя голова взорвётся, если ты увидишь ещё хоть одного инопланетянина. А теперь ты пытаешься вломиться в их номера.

— Нам не нужно будет вламываться. Дверей нигде нет.

— «Нам»? Кому это «нам»?

Кэтлин недоверчиво посмотрела на Сэм. Сэм цокала языком:

— Я не собираюсь сказать, что я какая-нибудь марсианская шпионка. Я хочу сказать, что мы тут вроде как конкуренты. Мы обе торгуемся за Реликвию, чем бы там она ни была.

Сэм уже знала, что Брегман тоже никто не сказал, что выставлено на аукционе. Полковник знал, что выставлено, но ничего не говорил. По крайней мере, не говорил ничего понятного.

— Аукцион — не главное. Это вопрос планетарной безопасности, — Сэм не знала, то ли Кэтлин цитирует очередной обучающий фильм UNISYC, то ли просто несёт чушь. — Мы обе люди, вот что важно.

— Что?

— Слушай, я не... Я не знаю, как это сказать. Мы стояли у нас в комнате, и ты сказала о биоданных, и... В этом была логика, ясно? Мне пришла в голову идея, и в этом была логика. Боже, да не знаю я! Я не знаю, что ещё сказать. Может быть, я начала, наконец, понимать, как правильно выполнять свои обязанности?

Сэм вздохнула. Громко.

— Кэтлин, ну у тебя и бардак в голове!

— Ну... я же из UNISYC. Когда-нибудь я, наверное, стану такой же, как полковник, так что, можно начинать учиться быть печальным неудачником прямо сейчас.

С немного растерянным лицом, словно она что-то забыла, она начала мотаться туда-сюда по коридору.

Сэм попыталась отвлечь её.

— Кстати о полковнике, тебе не кажется, что мы должны сообщить ему о том, что мы делаем?

— Он медитирует. Это как гипноз, если разбудить человека слишком рано, можно сильно повредить психику. Эй, Сэм?

— Да?

— Кажется, мы что-то нашли.

Кэтлин прошла несколько шагов по коридору и стояла перед одной из открытых дверей, смотрела в комнату. У неё было такое же нездоровое лицо, как тогда, когда Сэм её впервые увидела в комнате для коктейлей.

Всё ещё сомневаясь, Сэм подбежала к ней и заглянула в дверь. На неё смотрели несколько сот черепов.

Электропитание восстановилось, под куполом консольного помещения снова стало светло. Гомункулет шёл вдоль изгиба стены, прижимая ладони к панелям доступа внутреннего тела Марí. Обычно Гомукулета нельзя было назвать чувствительным; ему едва хватало

чувствительности на то, чтобы отличить этанол от пятновыводителя. Но в этот раз всё было иначе. Это была...

Марí. Он закрыл глаза и почувствовал, как чёртовы слёзные железы снова набухают под веками; несколькими участками мозга, всё ещё рассуждавшими логически, он удивился, что эти железы у повелителей времени до сих пор не атрофировались. Он чувствовал оставшуюся в теле Марí жизнь, остатки разума, скрытые в материале стены. Её разум разлетелся на кусочки. Гомункулет знал, что где-то в её глубинах должна быть запись о её последних секундах. О последних секундах её, как целого существа. Ему нужно было найти это. Знать, о чём она думала. Даже разделить её чувства. Он знал, что на неё напали, и он знал, кто на неё напал, так что эта информация была не так уж и важна. Это было личное. Так или иначе, ему хотелось почувствовать, что он был с ней, когда это случилось.

Гомункулет снова открыл глаза и заставил себя осмотреть консольное помещение. Теперь, когда он стабилизировал архитектурную основу Марí при помощи дронов-зажимов, помещение было целым, но все системы требовали ремонта. Любая ТАРДИС существовала на миллионе уровней, многие из которых были слишком тонки для восприятия даже повелителями времени; структура консольного помещения была лишь моделью истинного сердца корабля, масштабированной так, чтобы быть доступной органам чувств оператора. Марí была больна, это было видно с первого взгляда,

потому что панели доступа вдоль стен выглядели погнувшимися и обгорелыми, как будто в помещении пылал огонь.

Глупости, конечно. Материал ТАРДИС мог выдержать термоядерный взрыв, даже не закоптившись. Обожжённые панели были тут только ради внешнего вида, это была единственная возможность корабля сообщить Гомункулету о том, что что-то не так. Как будто он сам этого не понимал. По той же причине пол приобрёл пепельный цвет, рваные электрические кабели безвольно свисали с потолка, в их разрывах проскакивали голубые искры.

В центре помещения висела в воздухе полномасштабная голограмма гуманоидной фигуры. Исправление системы голографической проекции было просто кошмаром, и Гомункулету приходилось почти буквально забивать микросхемы в разъёмы звуковым разводным ключом. Даже и сейчас голограмма была бледная, слегка размытая. Когда на Марí напали, её внешний интерфейс был повреждён. Это Гомункулет исправил в первую очередь. Он запрограммировал систему-хамелеон создать её тело заново, залечить рану.

Эта голограмма была связана с системой-хамелеон, она отображала то, как Марí выглядит снаружи. Она стала ниже, чем раньше, блондинка с бледной кожей. На ней была синяя униформа с серебристым значком и изящной шляпкой. В последнее время это был вид Марí по умолчанию. Около года назад Гомункулет направил её в Лондон двадцатого века, и пока они были там,

систему-хамелеон заклинило. В результате Марí на несколько месяцев застряла в образе британской женщины-полицейской. Гомункулет в конце концов починил систему, но как только у Марí возникали внутренние проблемы, снова появлялось старое тело полисменши.

Гомункулет вдруг понял, что снова закрыл глаза. Опять солёная вода под веками. Глупости. Марí была его спутницей, официально приписанной к нему Верховным Советом. Он должен быть военным агентом. Привязанность должна была быть немыслимой.

Но на Марí напали. И что бы там ни говорил Кихотль, было очевидно, до боли очевидно, что произошло. Что-то нарушило структуру пространства-времени, даже незнакомец в бархатном сюртуке это понял.

При других обстоятельствах Гомункулет заподозрил бы происки Врага. Но не здесь. Не сейчас. В конце концов, все знали о Фракции. Все знали об их ритуалах, кровожадных ритуалах вуду, которыми они прикрывали процедуры, украденные у повелителей времени. Они прорывали дыры в континууме, списывали это на действия «Духов», даже вели себя так, словно они гордились нанесённым ущербом. Ублюдки. Садисты, кровожадные ублюдки.

Гомункулет почувствовал, что его пальцы сжаты, и только сейчас обратил внимание на то, как в его руке лежит звуковой разводной ключ. Он держал его в руке как дубину. Не отдавая себе отчёта в своих действиях,

он нажал большим пальцем на кнопку, деактивировав звуковой механизм. И ключ стал просто тяжёлой железякой.

Доктор беспокоился. Для того, кто много раз убеждал себя в том, что вселенная лежит на его ответственности, и только на его, в беспокойстве не было ничего нового. Но это было особенно тяжёлое и зловещее беспокойство. Из тех, которые можно порезать ломтиками и подать на обед.

Он уже целый час ходил по коридорам зиккурата, заглядывая в боковые проходы, заходя повсюду, где, по его мнению, он мог ходить так, чтобы не сработала сигнализация. Мистера Кихотля нигде не было. Он хотел поговорить, но после случая с женщиной-ТАРДИС просто пропал. За время своих странствий по зданию Доктор поговорил с живым мертвецом, долго «беседовал» со Сдвигом, и даже помахал рукой культистам Парадокса (это наверняка впервые), но что здесь происходит, так и не понял.

Свернув за очередной угол, Доктор практически наткнулся на Гомункулета. Тот выглядел так же, как и в комнате для коктейлей, только ещё хуже. Увидев его, Доктор заулыбался и раскинул руки в дружеском жесте. Хотя на самом деле он раскинул руки для того, чтобы Гомункулет не пробежал мимо.

— Мистер Гомункулет, я полагаю? — сказал Доктор. — Простите, нас, кажется, не представили друг другу.

Гомункулет замер на месте.

— Мне сказали, что вы тут от имени повелителей времени, — продолжал Доктор. — Древней и благородной расы, как я слышал. Нельзя ли поговорить с вами о них минутку?

— Прочь с дороги, — прогудел Гомункулет.

Доктор посмотрел на предмет в руке Гомункулета. Явно какой-то инструмент, весь в высоко-технологических доработках. При других обстоятельствах Доктор похвалил бы качество изготовления. Вообще-то, он и сам бы мог соорудить нечто в таком духе.

Но Гомункулет держал его так, как обычно держат оружие. Доктор подумал о том, какой урон способен нанести этот повелитель времени. Он был жилистый, не очень мускулистый, но нельзя недооценивать того, кто на грани сильного невроза.

Поэтому Доктор шагнул в сторону, позволив Гомункулету свернуть за угол.

— Неразговорчивый, — рассудил Доктор.

Впрочем, возможно, так даже лучше. Что бы он у него спросил? «Как там дела дома, в моём будущем?» Ребячество, не говоря уже о том, что это было против Закона.

Сдвиг сказал о войне. Галлифрей был вовлечён в войну. Он мог, по крайней мере, спросить у Гомункулета, с кем сражается родная планета. Он мог спросить, что за враг мог довести Верховный Совет до того, что они забыли о своей политике невмешательства

и ввязались в аукцион Кихотля. Сказав Сэм о том, что повелители времени не могут увидеть своё будущее, он сказал правду. Это было частью механизмов, которые создал Рассилон, когда запускал Око Гармонии и устанавливал интерфейсы первых ТАРДИС. Если Доктор проникнет в трещины этой системы, наткнётся на часть запретной истории...

И что тогда? Что он будет делать с этим знанием? Узнает, с кем воюют — будут воевать — повелители времени, и попытается уничтожить вражеские силы до того, как они проявят агрессию?

Доктор вздрогнул.

— Тот ещё превентивный удар, — пробормотал он.

Впрочем, это было возможно. Он мог остановить эту войну ещё до её начала. История может так сильно прогнуться, если он её вежливо попросит. И это наверняка именно то, что от него хотел бы Верховный Совет. В этом случае его бы поддержало даже Агентство Небесных Вмешательств.

Но он не работал на Верховный Совет. Он был свободным агентом. Разве не так?

Доктор покачал головой. Нужно найти мистера Кихотля. Нужно узнать, что тут продаётся, что выставлено на аукцион. Тогда, и только тогда можно будет начать что-то планировать.

Это была не комната. Это было святилище.

Брегман не знала, где точно пролегает граница между «комнатой» и «святилищем», но она не

сомневалась, что это помещение эту границу перешло, причём с запасом. Во-первых, оно было больше, чем номера других гостей. Огромная площадь под куполом, как в соборе; чёрные балки образовывали на чёрном потолке чёрные арки. Декор был ужасающий, иначе не скажешь. Стены были покрыты круглыми углублениями, множеством десятков, они покрывали все доступные поверхности. И в каждом из кругов был череп.

Пока что Брегман не смогла себя заставить приблизиться ни к одному из них, но считала их настоящими. Они словно вмёрзли в стену с раскрытыми челюстями. Святилище было спроектировано так, что они выглядели почти органическими элементами, они как будто выросли из архитектуры. Пол был уложен металлическими пластинами бурого цвета, все они были покрыты разводами грязи и полосами ржавчины. Вернее, Брегман надеялась, что это ржавчина. Была ведь и другая возможность.

Под центром купола была платформа, часть пола, приподнятая на несколько сантиметров над остальной частью помещения. Идеальный круг диаметром около метра. На нём линии и царапины были чётче. Брегман местами угадывала геометрические узоры, но ничего определённого. Несколько слоёв ржавой субстанции покрывали постамент, каждая клякса засохла поверх предыдущей.

— Фе-е, — сказала Сэм. В этот момент ни одно человеческое существо не смогло бы сказать что-нибудь более мудрое.

— Меня не стошнит, — прохрипела Брегман, взяв под контроль свою глотку. — Меня точно, однозначно, ни за что не стошнит.

Сэм шагнула вперёд, её подошвы скрипнули на полу святилища. Тут было чертовски громкое эхо.

— Что же, думаю, мы можем догадаться, кому это принадлежит.

— Ага. Двое с масками летучих мышей. Фракция чего-то там.

— Парадокс.

Сэм начала разнюхивать периферию святилища, на лице у неё было любопытство. Любопытство, — отметила Брегман, — а не отвращение. Это пугает. Девушка молодая, вполне могла быть старшеклассницей, но вела себя как аспирантка-археолог, гуляющая вокруг своего первого раскопа, бродя с широко открытыми глазами среди старых костей. Наверное, это её Доктор так натренировал.

— Тут больше места, чем в других комнатах.

— Да, я заметила.

— И тут нет никаких факелов. В других комнатах есть факелы, независимо от того, какая в них мебель, — Сэм кивнула на ближайшую стену. Там, между кругов с черепами, была вертикальная полоса, похожая на неоновую лампу. Их в святилище было много, они наполняли воздух тошнотворным голубоватым светом. — Воздух тут тоже не такой. И я могу ошибаться, но дверь, кажется, перекошена.

Брегман захотелось кричать.

— Хватит уже! К чему ты ведёшь?

— Я думаю, что эта комната вообще не является частью здания. Думаю, она... материализовалась тут.

Сэм снова пошла в другую сторону комнаты, обходя подальше постамент. Она идёт к другому проходу, поняла Брегман, к арке в дальней стене купола.

— Видишь? Ещё один выход. Готова поспорить, что он ведёт вглубь корабля.

— Корабля? — переспросила Брегман.

Сэм остановилась у двери. Она засунула руку в задний карман джинсов, но Брегман это движение показалось автоматическим, как будто Сэм не понимала, что делает. Брегман только сейчас заметила, что в кармане явно что-то лежало.

— Фракция Парадокс, — сказала Сэм. — А разве тот мужчина... Гомункулет, так его, кажется, зовут? Разве он не сказал, что Фракция стырила свои технологии у повелителей времени? Ох, чёрт!

Сэм вынула из кармана небольшую книжку в мягкой обложке. Со своего конца комнаты Брегман могла разглядеть на обложке только слова «Генетическая политика за...». Сэм смотрела на книгу так, словно только что вынула из штанов живую рыбу.

— Я думала, что оставила её... — начала она и замолкла. — Бог с ней. Волшебные карманы Доктора, наверное, заразные.

Она начала листать книгу и в конце концов остановилась на одной из последних страниц. Она

пробормотала что-то, чего Брегман не расслышала, но звучало это как «знает ли фракция как делать тардис».

В 17:44, когда он начал подумывать над тем, не пора ли позволить солнцу над Немыслимым Городом сесть, удача мистера Кихотля закончилась, и он столкнулся с Доктором.

Конечно, ему следовало встретиться с этим повелителем времени при первой же возможности, но, честно говоря, Кихотлю не хватало храбрости на такую полномасштабную конфронтацию. Поэтому он уже больше часа носился по зиккурату, как безголовый таракан, находя себе занятия в коридорах, завершая последние приготовления перед аукционом. Что угодно, лишь бы отстрочить неизбежное.

В конце концов он допустил ошибку — вышел из территории повышенной охраны на третьем этаже и спускался по лестнице на первый этаж. Внизу лестницы его ждал Доктор. Так, во всяком случае, всё выглядело для Кихотля. Их встреча была, скорее всего, случайной, но у Доктора была гадкая привычка делать так, что всё, что бы он ни делал, выглядело спланированным.

— Наконец-то! — сказал Доктор, хлопнув в ладоши.

Вот повезло, — подумал Кихотль, — он в одной из своих самоуверенных регенераций. Кихотль застыл на лестнице, оставив за собой хотя бы преимущество высоты.

— Хм, да. Доктор. Привет. Послушайте. Я сейчас немного занят...

— Я вижу, — перебил его Доктор. Мистер Кихотль подумал о том, позволит ли ему тут хоть кто-нибудь завершить предложение. — Повелители времени. Фракция Парадокс. Живой труп. Вот так компания у вас!

— Бизнес есть бизнес, Доктор. Разве можно завидовать тому, кто пытается заработать на достойную жизнь?

Доктор смотрел на него с недоверием.

— А ещё вы знаете, кто я такой. Мы раньше встречались?

— Хм... ну...

— «Кихотль». Это не настоящее ваше имя.

— Откуда вы знаете?

— Потому что «Кихотлем» на Голобусе называют бога нереальных барышей. Я бы сказал, что это с вашей стороны довольно эгоцентрично, — он нахмурился. — Мы с вами уже встречались. Я в этом уверен. А вот лицо у вас могло быть тогда другое. Никак не вспомню, есть в вас что-то такое...

— Да какая разница? — Кихотль заметил, что отступает вверх по ступеням. Доктор тоже поднимался вверх, идя с ним в ногу. — Послушайте, Доктор, вы же понимаете. У меня и так дел полно, нужно не дать покупателям порвать друг друга на кусочки. Не обижайтесь, но я не думаю, что они обрадуются, если узнают, что тут ходит такой, как вы.

Доктор всё равно обиделся:

— Почему? У меня что, плохая репутация?

Это ещё мягко сказано, — подумал Кихотль.

— Просто вы всё несколько осложняете, вот и всё. Почему бы вам не уйти и не оставить нас, а? Мы же, в конце концов, не угрожаем этой планете, ничего такого.

— Что вы здесь делаете, Кихотль?

И вдруг Кихотль заметил глаза Доктора. То, как они сияли, ярким гипнотическим голубым. У него было такое впечатление, что Доктор тренировал этот взгляд весь день, и только сейчас у него он получился.

— Вам лучше не знать, Док. То есть, Доктор. Поверьте мне.

— Это аукцион. Так что же вы продаёте? Что-то, должно быть, очень ценное, раз в это вовлечены повелители времени. Пожалуй, это не произведение искусства. Оружие?

Доктор продолжал приближаться. Кихотль продолжал отступать. У него было нехорошее чувство, что ступени скоро закончатся.

— Ну, да. То есть, повелители времени считают это оружием.

— Они *считают*, что это оружие?

— Это коды. Коды биоданных.

— Продолжайте.

— Биоданные тела. В них есть что-то, чем, как они считают, они смогут победить в их войне. Я не знаю. Так мне сказал мистер Г., то есть, Гомункулет.

Доктор прищурился, не моргая:

— Тело? Так это и есть ваша Реликвия? Вы продаёте тело?

Мистеру Кихотлю осталось только кивнуть. Затем он шагнул назад, попытался нащупать ногой следующую ступеньку, но обнаружил, что её нет. Он плюхнулся задницей на верхнюю ступеньку.

Доктор стоял над ним, задумчиво кивая:

— Тогда всё логично. Фракция Парадокс помешана на биоданных, их ритуалы на них основаны. Но так напрягаться... Это, должно быть, тело кого-то важного. Кого-то с большой репутацией. Кого-то, имеющего в своём биологическом профиле уникальные элементы.

— Ну, да.

— Чьё, Кихотль? Чьё это тело?

— Послушайте, я понимаю, что вы расстроены...

— *Чьё тело?*

И снова этот взгляд. Жёсткая синева. Кихотль тяжело сглотнул.

— Ваше, — пискнул он. — Сожалею.

История Фракции

Смитменстаун, Дронид, 15414 год по местному исчислению.

Сны становились всё хуже. Вернее, *сон* становился всё хуже. Каждый раз это был один и тот же сон, и кузен Санджира не мог вспомнить, чтобы со времён его назначения в Миссию ему хоть раз приснилось что-то другое. Он снился не каждую ночь, но когда он снился, детали с каждым разом становились чётче, цвета ярче, а боль острее.

В этом сне Санджира был снова мальчиком. Он лежал на кровати, в своей спальне в приюте Семьи, находившемся среди холмов на другой стороне столицы. В комнате было темно, но Санджира был уверен в том, что в ней были такие же побеленные стены и арочные окна, как и в его комнате в Миссии, как будто бы реальность пыталась переписать архитектуру сна. Он чувствовал, что на нём лежат грубые, пропитанные потом одеяла, они царапают его голую кожу, он тонкими пальцами натягивает их, прикрывая рот и нос. Ему было восемь лет, и ему было страшно.

Потому что в комнате был кто-то ещё. Когда он увидел этот сон первый раз, он подумал, что эта фигура одета в чёрное, но сейчас он начал понимать, что балахон был грязно-красный. У фигуры не было настоящего лица. На шее у неё был череп, кость какого-то животного, которое Санджира не узнавал.

Под ногами Санджиры было холодное пятно. Простыня впитала мочу. Человек с черепом на лице шагнул вперёд, к кровати; от него пахло мёртвой кожей. Из складок одежды возникла серебристая полоса, которую Санджире никогда не удавалось распознать. Затем, как всегда, была боль. Маленький Санджир закричал, и старый Санджир в своей кровати в Миссии закричал вместе с ним.

Когда Санджир очнулся, в комнате было светло, а под рёбрами была неприятная пульсация. Фантомная боль, сильнее, чем обычно. Его взгляд пробежал по потолку, вдоль грязных чёрных щелей от одной стены до другой, и в конце концов сфокусировался на пространстве за торцом его кровати.

Там, как всегда, висела на небольшой деревянной вешалке церемониальная маска. Лицо этого существа во сне, разумеется. Странно; восьмилетний Санджир во сне никогда не узнавал маску, хотя старый Санджир видел её перед собой каждое утро своей жизни. А впрочем, — подумал Санджир, — когда мне было восемь лет, я ещё не знал, как выглядит церемониальная маска. Семья никогда не показывала свои артефакты, свои «фетиши», детям. Ему было тридцать четыре года, когда ему представили его собственную маску, когда его из братца сделали кузеном.

Санджир сполз с кровати, потянулся к одежде и обернул её вокруг тела, пытаясь не обращать внимания на отвращение, вызванное видом своих обескровленных старых рук, скрывающихся в рукава. Пятьдесят лет, а

выглядит как минимум на восемьдесят. Другие члены Семьи в Миссии шептались об этом за его спиной. Они говорили, что он заключил сделку с плохими духами, и это цена, которую он платит.

Он бы смеялся с этого, если бы у него были на это силы. Другие были не такие. Они были молоды, их доставили на Дронид с таких разных планет, как Лурма и Салостопус, но Санджира родился и вырос здесь, и он знал правду. В воздухе Дронида было то, о чём местные никогда не говорили. Оно разбирало тебя на части, час за часом, год за годом. Оно откусывало куски от твоей жизни, съедало кожу и кости.

Наследие повелителей времени. Они столько всего сделали для этой планеты. Столько вреда.

— Кузен?

Санджира не стал оборачиваться. Он знал, что он увидит. Сестрица Джастин, день за днём в одном и том же платье. В чёрном бархатном платье, которое она привезла с Земли, когда её завербовала Семья. Уважительно склонив голову, она стоит в дверях комнаты Санджиры. Он подумал, не проведёт ли она так остаток своей жизни. Он представил её старухой, состаренной Дронидом, с поседевшими, а не рыжими, волосами, исполняющей десятилетие за десятилетием всё те же службы.

Санджира бормотал Первую Молитву; Джастин давала правильные ответы. Ей всего лишь семнадцать, — вспомнил Санджира. Ещё достаточно молода, чтобы воспринимать Духов такими, как её учили.

— Есть новости, кузен, — сказала Джастин, когда было покончено с формальностями. — Братец Колман вернулся из города. Он следил для нас за Корпорацией.

Санджира подошёл к одному из окон, как он это делал каждое утро. Это была всего лишь дыра в стене, ничего больше; сейчас на Дрониде не было погоды — ни ветра, ни дождя — так что стекло не было нужно. Снаружи, на улице позади Миссии, не было ничего, кроме красной пыли и крошившейся кладки. На другой стороне улицы несколько молодых людей бродили среди руин, изо всех сил стараясь выглядеть опасными мачо, когда кто-то проходил мимо них.

— И? — подгонял её Санджира.

— Колман считает, что Корпорация обнаружила реликвию, — продолжила Джастин. В её голосе были нотки возбуждения, ей не удавалось скрыть их полностью. — Под обломками центра города. По его словам, она была спрятана в подземном бункере.

Санджира обернулся к ней. Голова сестрицы всё ещё была опущена.

— Реликвия? Что ещё за реликвия?

— Братец не знает точно, кузен. Он описал её как гроб, но он не мог осмотреть её с близкого расстояния. Его бы тогда заметила Корпорация. Говорят, что бункер там со времён Катаклизма.

Санджира хрипло хохотнул. «Катаклизм». Эти новокровки так драматичны. Повелители времени сражались на Дрониде в первой битве своей войны почти полстолетия назад. Местные о ней никогда не

говорили, но представители иных планет любили называть её Небесной Войной с адским огнём и громом.

Санджира, конечно же, знал, что это не так. Города были разрушены не битвой, жизнь из планеты была высосана не битвой. Это всё сделали повелители времени, отчаянно пытаясь замести следы битвы уже после её окончания. Галлифрей хранил свои секреты.

— Это артефакт повелителей времени? — спросил Санджира.

Сестрица Джастин водила носом.

— Братец не был уверен. Он... поступил довольно поспешно.

— Объясни.

— Он связался с некоторыми из союзников Семьи в городе. Они согласились напасть на хранилище Корпорации, — рассказывая это, Джастин принюхивалась. — Колман подумал... Он считает, что эта реликвия может иметь какую-то важность, кузен. Возможно, это оружие повелителей времени. Оставшееся после Катаклизма.

— Братцу следовало вначале посоветоваться со мной, и он знает об этом, — Санджира пытался говорить сердито, и это его очень, очень утомляло. — Тем не менее, я хочу осмотреть этот предмет лично. А запах, который вас беспокоит, сестрица, это моя моча. Я уписался во сне. Вас это беспокоит?

Джастин не отрывала взгляд от пола. Но её бледное лицо не могло покраснеть.

— Нет, кузен Санджира.

— Хорошо. Нельзя позволять такой ерунде отвлекать нас. А теперь оставьте меня. Мне нужно одеться.

Они почти весь день добирались из Смитсменстауна в город. У Семьи был автомобиль, один из немногих, переживших «Катаклизм», хотя его корпус и проела занесённая на планету повелителями времени часовая бактерия, а его двигатель изрыгал в атмосферу чёрные клубы дыма. Дорог, соединявших населённые пункты, больше не было, поэтому машина тарахтела по кучам обломков, когда-то бывших пригородом, и останавливалась среди бараков каждый раз, когда Джастин укачивало.

Чем ближе к центру города они приближались, тем меньше им встречалось людей. Это место было отравлено, и все об этом знали; тут нельзя было жить, по крайней мере тем, кто не мог себе позволить инопланетное медицинское оборудование, продаваемое Корпорацией. Приехав на место, они обнаружили, что хранилище представляет собой старое трёхэтажное здание, когда-то бывшее зданием местной администрации. Санджира подумал, что это удачный выбор. Культи и криминальные группировки остались единственным правительством Дронида. Корпорация обосновалась в столице, а Фракция Парадокс занимала окружавшие её мелкие города.

Санджира подумал, стоит ли эта планета вообще того, чтобы за неё сражаться, но быстро прогнал эту мысль.

Внутри здание почти не отличалось от Миссии — побеленные стены, грязные трещины. Судя по всему, нападение на хранилище завершилось до их приезда. В фойе лежали трупы: погибшие охранники Корпорации, несколько человек, были свалены у двери неаккуратной кровавой кучей. Несколько городских союзников Семьи стояли в тени, по углам, хихикая и поглядывая на Джастин.

Одни мужчины, — отметил Санджира. У многих из них зубы были остро заточены. Во всяком случае, Санджира надеялся, что они заточены, ему не доводилось слышать, чтобы из-за отравленной атмосферы бывали такие мутации. Большинство были одеты в костюмы, которые ещё до прибытия повелителей времени были популярны среди низших классов, стремившихся подняться выше; на костлявых шеях висели золотые медальоны. Обычные племенные отличительные знаки, — подумал Санджира. Их предки, должно быть, до падения городов принадлежали к бандам в гетто.

Они все умрут раньше, чем им исполнится тридцать. Но если из них получатся полезные союзники, то почему бы и нет. Хорошо иметь на своей стороне людей, которыми можно жертвовать.

Реликвию они нашли в кабинете, который, по предположению Санджиры, принадлежал командиру хранилища, когда тот был ещё жив. Эта комната, как и все остальные, была с грязными побеленными стенами, единственным источником света была свисавшая с потолка керосиновая лампа.

В центре кабинета стоял стол, а на него был не очень аккуратно водружён гроб. Гроб был металлический, на его крышке были выгравированы два неизвестных Санджире символа, и он пульсировал мягким серебристым светом; Санджиря подумал, что эти пульсации, если на них смотреть долго, могут иметь гипнотический эффект. Один из союзников Фракции развалился возле стола на стуле и маленькими глазками высматривал в комнате что-нибудь, на что можно поставить ноги. Два его приспешника стояли рядом, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Добыли ваш ящик, — сказал главарь, когда Санджиря шагнул к нему.

У главаря было длинное мешковатое лицо; когда он говорил, из его рта текли слюни. Санджиря предположил, что это связано с каким-то генетическим нарушением.

Кузен шагнул к гробу, чтобы осмотреть его. Двое громил шагнули к нему, стараясь напустить на себя грозный вид. Санджиря заметил, что у них что-то не так с глазами. Возможно, это из-за принимаемых ими препаратов.

— Я что, сказал, что можно трогать? — пуская слюни, сказал главарь.

Санджира постарался изобразить почтение:

— Я правильно понимаю, что вы хотите попросить о вознаграждении?

Главарь захихикал, как кретин. Впрочем, он, наверное, и был кретин, нельзя же его в этом винить.

— Нам дорого стоило попасть сюда. Пушки. Патроны. Организация. Секёшь?

Если честно, Санджиру поразило, что тот произнёс «организация» не обляпавшись слюной.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Хотим, чтобы вы изучили кое-что. Хотим вашу помощь. Чтобы вы воспользовались вашими штуками.

— Что именно изучили?

Мужчина улыбнулся, показав похожие на пилу зубы:

— Будущее. Наше будущее. Корпорация начинает нас замечать, секёшь? Засады. Подставы. Говорят, работать надо с ними или не работать вообще. Мы хотим знать как они снаряжены. Куда они направятся, когда они против нас что-то замышляют. Не хотим, чтобы за нами шпионили. Не хотим на них работать. Ни на кого не хотим работать.

— Думаю, мы сможем договориться, — сказал Санджира. У Джастін на лице был ужас, но она молчала. — Разумеется, прежде чем что-либо обещать, мне нужно осмотреть гроб.

Главарь взглянул на своих приспешников. Затем пожал плечами и встал.

— Смотрите. Только не ждите многого.

Ещё раз гаденько рассмеявшись, главарь вразвалочку вышел из кабинета, а за ним и его прихвостни.

Дождавшись, пока они отойдут, Джастин сказала:

— Кузен, вы не можете... То есть, при всём уважении...

Санджира подошёл к гробу и провёл пальцами по крышке. Да. Как он и думал. Гроб повелителя времени.

— В чём проблема, сестрица? Быть может, вы считаете, что нам не следует заключать сделки с союзниками?

Джастин склонила голову:

— Кузен, он хочет, чтобы мы воспользовались технологиями ради его собственной выгоды. Духи... Это же будет неуважительно по отношению к ним?

— Делать союзников довольными — мудро, сестрица.

— Но Духи...

— Духи — это удобство. Их главное предназначение в том, чтобы быть полезными, а не в том, чтобы им поклонялись. Что является более сильным оружием? Сам Дед или благоговение людей перед ним?

— Я... Простите меня, кузен. Я не понимаю. — Джастин не знала, куда ей отвести взгляд. В конце концов она решила, что будет лучше сменить тему, и спросила: — Реликвия. Это то, что вы думали?

— Да. Тело. Почти наверняка повелителя времени.

— Его биомасса полезна?

Санджира похлопал по крышке гроба:

— Все галлифрейские данные, которые нам могут понадобиться, у нас уже есть. Труп для нас не имеет ценности. Мы не можем управлять мёртвыми, даже если у нас есть их биоданные. Это путь селеститов, а не путь Семьи.

Сестрица Джастин выглядела несколько озадаченно.

— Простите, кузен. Если это правда, то почему вы хотите торговаться за этот гроб?

— Потому что мёртвому нужно отдать должные почести. Даже мёртвому с Галлифрея. Кроме того, я хочу, чтобы наши союзники подумали, что они смогли получить что-то в обмен на ничего. Если они перейдут на сторону Корпорации, Дронида никогда не быть нашим.

На несколько секунд он задумался.

— Тому, что осталось от Дронида, никогда не быть нашим, — поправился он.

Вернувшись в Миссию, в покои святилища Семьи, они совершили ритуал. Кузен Санджира позволил Джастин произнести Молитву Расставания. Когда Духи вцепились в гроб и потянули его сквозь складки пространства-времени, сестрица вздрогнула. Санджира вспомнил, что раньше она никогда не была ответственной за дематериализацию. Он постарался не улыбнуться из-за выражения её лица.

Но ритуал она провела хорошо. Однажды, когда она поймёт истинное значение Духов, из неё выйдет хорошая кузина. А может быть, даже хорошая Мать.

Они следили за движением гроба на одном из мониторов святилища, следили за тем, как он падает сквозь вихрь, направляясь к избранному для него Духами пункту назначения. В соответствии с традицией, Джастин помолилась о том, чтобы это тело повредило причинность как можно сильнее. Как только изображение на мониторе пропало, Санджира попытался объяснить, почему было так важно отдавать последние почести даже врагам Семьи. Всё дело в церемонии, — сказал он ей. Когда она это поймёт, она станет понимать Духов.

Он знал, что когда-нибудь она поймёт.

В эту ночь сон был другим.

Кузен Санджира был стариком, а не мальчиком. На нём были надеты одежды Семьи, запятнанные пролитой во время десятков церемоний биомассой, а из-за маски на его лице он кашлял и дышал с присвистом. Он шёл по зданию, в котором было полно кроватей, и в каждой кровати спал ребёнок. Он встревожился, увидев в своей руке нож. Он узнал в нём церемониальный нож из Миссии, тот самый, которым он и Джастин пускали кровь для ритуала дематериализации.

Из тёмного угла возник силуэт, перегородивший Санджире путь — живая стена из запёкшейся крови и

чёрных мышц. У призрака была одна рука, хотя у отбрасываемой им тени их было две.

Когда Санджира попытался сделать очередной вдох, воздух в его лёгких превратился в дым. По утверждению легенд Семьи, Дед был однорукий. Он сам отрезал себе руку, чтобы избавиться от татуировки, которой его клеймили повелители времени. Неужели это?..

— Я не Дед, — сказал силуэт. — Я всего лишь посланник.

Санджира попытался заговорить. Ему захотелось упасть на колени, закричать, убежать. Он вспомнил, что он сказал Джастин о Духах; ересь, даже если это правда. Пожалуйста, — думал он, — пожалуйста, нет. Я не хотел проявить неуважение, просто Джастин такая юная, она не понимает...

— Дело не в этом, — сказал посланник. Его голос был ровный, но тихий, не громче шипения. — Дело в теле.

— В теле? — удалось прохрипеть Санджире.

— О да. Что ты сделал, кузен? Что ты выбросил? Духи страдают. Дед недоволен.

— Я совершил надлежащий ритуал, — возражал Санджира, шипя на каждом слого. Он попытался снять маску, но у него не вышло.

Силуэт засмеялся, и его тень засмеялась вместе с ним.

— Вот идиот! Мы становимся сильнее за счёт биоданных. Это наш путь. Реликвию преподнесли тебе как на тарелочке, а ты отдал её Вихрю. Её воля слишком

сильна, чтобы Духи смогли её направить. Теперь Реликвия для нас потеряна.

— Это было мёртвое тело! — закашлялся Санджира. — Мёртвое! Его биоданные были бесполезны!

— Легенда не умирает, кузен. Ты должен это знать.

— Легенда? — Санджира вцепился в маску, один из его ногтей сломался. — Но тогда тело... Кто?..

Однорукий наклонился и прошептал на ухо кузену Санджире. Он прошептал имя мёртвого повелителя времени, сообщил кузену истинную природу тела в ящике. Его шёпот эхом повторялся внутри маски снова и снова, пока весь мир не стал состоять из этих слов.

— Нет! — взвыл Санджира.

Силуэт стал удаляться от него.

— Да, кузен, да. Понимаешь? Для Деда было бы удовольствием завладеть этими биоданными, вырасти на их силе. Но ты выбросил тело, не заглянув под поверхность. Разве может быть больший грех?

— Значит... Будет наказание?

Посланник Деда ничего не сказал. Он отошёл в сторону, слился с тенью, позволяя Санджире пройти.

Кузен шагнул вперёд, его ноги шли сами. Перед ним была его комната в приюте. Перед ним была кровать, а в кровати лежал восьмилетний мальчик. Кузен Санджира слышал гул святилища, он знал, что сюда его привели Духи. На мгновение Санджира увидел себя таким, каким его видел мальчик — фигурой в окровавленном балахоне, с черепом летучей мыши на

лице. Кузен подошёл к кровати и занёс нож. Серебристую полосу, вынутую из складок одежды.

Вот, значит, какое у него наказание. Кузен Санджира, пятидесяти лет отроду, вонзил нож прямо в сердце мальчика. Юный Санджира, восьми лет, вскрикнул и умер.

Но если юный Санджира умер, то кузен Санджира никогда не существовал. Что означало, что он не мог убить мальчика. Что означало, что он существовал. Что означало, что он мог убить мальчика. Что означало, что он никогда не существовал. Что означало, что он не мог убить мальчика. Что означало, что он существовал. Что означало...

Кузен Санджира убил ребёнка, и сам был убит, снова и снова и снова. Он чувствовал, как его жизнь разбиралась и собиралась, разбиралась и собиралась, разбиралась и собиралась, пока его таймлайн не проглотил собственный хвост, и от него не осталось ничего, кроме божественного и совершенного Парадокса.

ГЛАВА 6

Похитители тел (реприза)

Чёрный корабль снова вошёл в обычное пространство, примерно в тысяче километров над поверхностью Земли, на самой границе ионосферы. Его прибытие создало ударные волны в психической ауре всего восточного полушария, из-за чего люди Индии и Малайзии увидели в помехах своих телевизоров страшные узоры, а в умах ведущих научных исследователей Азии возникли образы невозможных машин. Ещё несколько недель после этого у «нью эйджеров» континента возникали видения нереальных планет, состоявших из кристаллов, но они списали это на что-то в питьевой воде.

Сканирующие механизмы корабля изучили остров, когда-то называвшийся Борнео, и обнаружили ожидаемые тахионные возмущения в самом центре искусственного тропического леса. В отсеке управления корабля рука с двумя пальцами начала подключать карточку-приглашение к навигационным системам, двигаясь с поразительной ловкостью.

Несколько минут спустя это судно вошло в фазу со схемой «бригадун» Кихотля, и единственному существу на его борту стал виден Немыслимый Город. Неорганические сенсорные системы изучали строения, испытывая то, что наблюдатель-человек мог бы назвать

восторгом. Чёрный корабль тут же бросился в гравитационный колодец Земли.

Сэм заглянула в коридор, но там декор был в точности такой же. Черепа, черепа, ещё черепа. Она обернулась через плечо. Позади неё, в главной части святилища, Кэтлин бродила вокруг приподнятой части пола, в полном шоке от увиденного. Сэм подумала, нельзя ли эту женщину как-то утешить.

А затем вспомнила, что Кэтлин была примерно на десять лет старше неё. Она же офицер международной военной организации, в конце-то концов! Сэм решила спросить у лейтенанта при удобном случае, что означает аббревиатура UNISYC.

Она продолжила осматривать коридор. Корабль Фракции был во многом похож на ТАРДИС, но с «открытой планировкой». ТАРДИС была создана средством передвижения, все комнаты и коридоры были сконцентрированы в одной небольшой будке; а святилище было больше похоже на несколько комнат, способных встраиваться в архитектурные сооружения по своему усмотрению, это было скорее место, чем объект. Вдоль коридора перед ней шли осветители и тёмные ионические колонны, пол был покрыт грязными пятнами и разводами.

Сэм присела, чтобы осмотреть эти разводы. Тёмные линии были похожи на высохшую кровь, но если она была человеческая, то сколько же её тут пролито? Может быть, для корабля была нужна кровь, как в

рассказах Доктора о Великих Вампирах? Может быть, эти черепа остались от тех, кого поглотило святилище? Фу.

— Чёрт, — сказала Кэтлин.

Сэм обернулась и замерла. Кэтлин застыла возле возвышения, глядя на кого-то возле входа. Не успев даже рассмотреть, кто это, Сэм бросилась к стене коридора и вжалась между двумя колоннами. Она решила, что света тут мало, и её из святилища не будет видно. Она почувствовала, как что-то вдавилось в её спину — видимо, челюсть одного из черепов. В черепе чувствовалась вибрация, какой-то гул. Сэм затаила дыхание. Из святилища было слышно шаги Кэтлин, семенившей по полу. И ещё что-то. Дыхание. Тяжёлое дыхание. Сэм сделала вывод, что тот, кто пришёл в святилище, был в маске.

— Не трогайте меня, — сказала Кэтлин.

Снова семенящие шаги.

— Я заблудилась, понятно? Пожалуйста. Простите. Я честно, честно не хочу тут быть.

Тяжёлое дыхание затихло. Сэм предположила, что маска была снята.

— *Я не хочу быть тут!* — закричала Кэтлин.

Череп за спиной Сэм начали гудеть громче. Они словно знали, что корабль сейчас покормят.

Доктор тащил мистера Кихотля по коридору, крепко схватив его за ухо. Ноги у Кихотля были коротковатые, так что ему приходилось практически скакать по

тоннелю, чтобы не отставать от Доктора. Прыгая с ноги на ногу, он временами возмущённо постанывал, но пока что не сопротивлялся.

— Давайте остановимся и всё обсудим, а? — булькал Кихотль, сворачивая за Доктором за очередной поворот. — Я понимаю, что вы расстроены, но, знаете, нет причин так себя вести.

— Вести? — Доктор отпустил ухо, Кихотль потерял равновесие, ударился об стену и упал на задницу. — Вы продаёте мои останки, и хотите, чтобы я хорошо себя вёл?

Кихотль тёр ушибленные части тела, но вставать не спешил.

— Бизнес есть бизнес, — пробормотал он.

Доктор попытался вспомнить, когда он в последний раз злился. По-настоящему злился. Он не смог. Он, бывало, негодовал. А после того, как он оказался в этом теле, он часто бывал раздражительным; это была того же рода раздражительность, как если купишь новые туфли, а они плохо сидят на ногах. Но это был первый раз за долгое время, когда он по-настоящему разозлился. Он даже удивился, насколько это было просто. Выйти из себя оказалось гораздо проще, чем это было, скажем, лет пять назад. Он решил, что это одна из особенностей его новой личности. Ей было уже три с половиной года, но он до сих пор не изучил все её закоулки. У него сейчас в голове столько всего, что может понадобиться несколько лет на то, чтобы разобраться в этом.

Он глубоко вдохнул.

— Почему, Кихотль? — спросил он. — Почему?

Тот пожал плечами:

— Это ценная биомасса. Послушайте, если это вас утешит, покупатели тщательно отбирались. Многие расы хотели заполучить ваш тру... То есть, ваш бранный прах... Чтобы позлорадствовать. Всем нужна ваша голова на палке. Я же пригласил сюда только тех, у кого на ваше тело есть особые планы.

Это не очень утешало. Доктор начал чувствовать себя банкой корма для собак.

— Значит, то, что вы мне сказали раньше, правда? Повелители времени хотят использовать меня в качестве какого-то оружия?

— О да. Они в отчаянии. Теперь, раз селеститы начали переходить на другую сторону, война пойдёт из рук вон плохо.

— Тсс! Тсс! — Доктор закрыл глаза и закрыл руками уши. — Я не хочу это слышать. Я не хочу ничего знать о будущем.

Но ведь знание о будущем было неизбежно. Во всяком случае, частичное. Они говорили о его теле. А это значит, что его будущее уже здесь, лежит в гробу, где-то в зиккурате.

Итак. Вот оно. Его похоронная процессия. Шайка подлых четырёхмерных паразитов, пытающихся заполучить хоть что-нибудь, оставшееся от его плоти и крови. Он вспомнил случай на Некросе, когда он наткнулся на собственный могильный камень. То, разумеется, была фальшивка, чей-то сложный

розыгрыш, но это всё равно заставило его задуматься. Задуматься о том, какое на нём будет лицо, когда его опустят в землю. Задуматься о том, дотянет ли он до двенадцатой регенерации.

Он смог бы посмотреть, если бы захотел.

О боже, нет.

Он открыл глаза.

— Вы уверены, что это я? — спросил он.

Сидевший на полу Кихотль кивнул:

— Да. Слушайте, если это чем-то поможет, то вы не окочуритесь до тех пор, пока...

— Кихотль!

— Простите.

— Я имею в виду, уверены ли вы, что это не подделка. Клон? Подобие?

— Вы думаете, что я при всех своих биотехнологиях не разглядел бы клона? В любом случае, у клона не было бы биоданных, которые накопились в вас за долгие годы, у него была бы только врождённая генетика. Иначе я бы тут каждому по копии продал. Простите, Док. То есть, Доктор. Мои соболезнования.

— Оно под нами, — пробормотал Доктор. — В катакомбах под зиккуратом. Голос, который я слышал. Телепатический след. Вот почему оно не хотело со мной разговаривать, потому что оно знало... Потому что я знал... Мне нельзя было позволить общаться с самим собой. Тем более после смерти, — внезапно ему пришла в голову другая мысль: — А вы уверены, что я мёртв?

Кихотль рассмеялся, потом понял, что это неприлично, и сделал вид, что просто прокашлялся.

— Да, уверен.

— Но я до сих пор телепатически активен. Я знаю, знаю, повелители времени и должны быть активны после смерти, остаточная психическая энергия и всё такое, но чтобы так сильно... Может быть, я симулирую смерть? Возможно, это связано с моей обходной дыхательной системой. Раньше я так уже делал.

— Даже ваш труп гиперактивен, Доктор. Поэтому вы и стоите так дорого.

Труп. Доктор вздрогнул, стараясь не подать виду. Этому мужчине обязательно нужно было использовать именно это слово? С «телом» он бы ещё смирился. Даже с «останками». Но «труп»...

— Где центр управления Городом? — проревел он.

Он сам удивился тому, как страшно это прозвучало. Кихотль перепугался:

— Он... на один этаж ниже. Но вам туда нельзя.

— Мёртвому везде можно, — Доктор закатил глаза вверх. — А я ещё говорил, что не верю в призраков, — сказал он, обращаясь к какой-нибудь большой сверхъестественной силе, которая могла находиться поблизости.

По крайней мере, он выглядел как человек. Когда он неслышно зашёл в святилище, на его лице был череп летучей мыши, но сейчас он снял маску. По оценке Брегман, он был ещё младше, чем кузина Джастин. Кожа

у него была грубая, загорелая, рябая и такая натянутая, что он казался почти таким же скелетом, как его головной убор. У него были тёмные волосы, завязанные на затылке хвостом, а на лбу у него был небольшой шрам. Брегман предположила, что эту рану он нанёс себе сам. Она вспомнила видео сюжеты о городских племенах в Малом Сан-Паоло, на западном берегу Канадской Федерации. Отбросы, опознававшие друг друга по шрамам. Этот мужчина... Братец... Он был похож на предводителей тех банд, бразильские черты лица. Только глаза не соответствовали стереотипу. Голубые. Арийские. Контактные линзы, наверное.

Братец продолжал идти вперёд. Брегман продолжала отступать. Он был выше её и, наверное, обучен рукопашному бою. Его одежда не годилась для боя — ему в этом костюме, похоже, было очень, очень неудобно — но ведь тело Брегман тоже не создано для боя.

— *Я не хочу быть тут!* — взвизгнула она. А затем она зацепилась за что-то каблуком и упала на спину.

Открыв глаза, Брегман увидела чёрный потолок храма. Ягодицы болели сильнее, чем спина — можно сказать, что ей повезло. Под рукой у неё было мокро, словно она упала в лужу.

Над ней появилась голова культиста Парадокса. Его губы растянулись в улыбке. Из-за улыбки его рот стал похожим на ещё один церемониальный шрам.

— Ты на плите, — протяжно сказал он.

Брегман повернула голову. Она поняла, что лежит на возвышении в центре зала. Теперь ей было хорошо видно детали ржавых узоров, геометрических узоров, выглядевших так, словно они вытекли из чьих-то вен. В конце концов она поняла, почему у неё мокрая рука.

— Кровь, — сказала она.

— Не кровь, — сказал ей Братец, слегка приоткрыв улыбку-шрам. — Биомасса. Эту мы взяли у одного из Корпорации. Целый день этого сукина сына вскрывать пришлось.

— О Боже, — прохрипела Брегман.

Повелитель времени, Гомункулет, что-то говорил о том, что Фракция Парадокс — культ вуду. Сейчас, после того, что случилось на Гаити в сороковых годах, вуду были запрещены почти по всей планете, и Брегман знала об этом лишь то, что видела в дешёвых фильмах. Ритуалы вуду использовали биологическое вещество, это все знали. Для того, чтобы наслать на кого-то проклятие, использовали их волосы и состриженные ногти. Кровь использовалась для активирования магии.

Вот оно что. Это святилище было живым. Брегман читала технические доклады, она знала об используемых инопланетянами «живых технологиях», об органических кораблях зайгонов, о думающем оружии селачиан. Святилище было кораблём с собственным разумом. Если бы что-то такое создали люди, тут было бы полно компьютерных стоек и систем навигации, но Фракция действовала иначе. Единственным способом коммуникации с кораблём был кровавый ритуал, и

Брегман лежала прямо на панели управления. Зарезал курицу — и полетел.

— Я не хочу быть тут, — орала Брегман. — Это была ошибка. Простите. Простите.

— Ты *уже тут*, сучка из UNISYC. Это наше святилище. Тебе сюда нельзя. Только я, моя кузина и Духи. А кто другой — свя-то-тат-ство.

Впрочем, по его голосу нельзя было сказать, что он оскорблён этим богохульством. По его голосу можно было подумать, что это большая шутка.

Брегман решила рискнуть.

— Чего вы хотите?

Братец перестал улыбаться. Он полез в верхний карман куртки.

— Сатисфакции, — сказал он.

— Вы хотите удовлетворить Духов?

— Духов? Ну, да. Думаешь, я буду как шаман, как Тарзан? Думаешь, я взмахну какой-то палкой и ты станешь собакой? Да ты и так собака. UNI-сука.

Он вынул руку из кармана. Брегман увидела, что на руке что-то надето. Оно напоминало кастет, но было гораздо сложнее, это был продукт высоких технологий. К каждому пальцу был присоединён крохотный стеклянный пузырёк. На глазах у Брегман из пузырьков выдвинулись шипы. Иглы. Шприцы, наверное. Четыре штуки.

Братец осмотрел устройство, а затем повернулся к Брегман.

— Хочу получить от тебя кое-что, — сказал он. —
А потом я тебя отпущу. Хокей?

Полковник Джозеф Армитаж Кортес приближался к Девятому Небу. Он в этом был уверен, потому что считал все Небеса, мимо которых пролетал. Он считал это преимуществом армейского разума. Выход за пределы своего тела — не повод для разгильдяйства.

Он уже около получаса поднимался на разные уровни существования, всё это время медитируя о событиях аукциона. При прохождении Седьмого Неба на него напали лже-ангелы, крохотные белокрылые гоблины с лицами, позаимствованными у покупателей в зиккурате. Одно из существ, принявшее черты мужчины в зелёном бархатном сюртуке, чирикало, порхая вокруг головы полковника.

— Сержант... *Полковник* Кортес! — воскликнул он.
— Всё ещё изучаете дзен-буддизм?

— Я вас не знаю, — ответил Кортес.

— О, я уверен, что знаете, — сказал мужчина. —
Вы разве забыли Саскатун?

— Кортес! — позвал его другой ангел. Он был похож на мистера Кихотля, но голос у него был скорее как у генерала Чайка. — Вы что, не знаете свой долг, полковник? Среди нас предатель. Угроза безопасности Земли. Немедленно разберитесь с ним!

Мимо порхнули два других ангела — скелеты летучих мышей с воткнутыми в них голубиными перьями.

— С нами Духи, — радостно заявил один из них. — Но у нас был приказ захватить термоситронные бомбы, а не уничтожить их.

— Si, — согласился второй.

— Странность правдивее, чем тебе кажется, — сказал мистер Гомункулет. — Школьница — не то, чем кажется.

— Но иногда мои руки заведены назад, — добавил один особенно ангельский ангел с разворачивающимся лицом.

— Кто захочет жить в таком теле? — спросил Доктор.

Доктор? А он тут откуда?

Кортес решил, что ангелы, наверное, присланы Инфернальными Силами Мироздания отвлекать его, поэтому был рад подняться выше них. Но дальше было Восьмое Небо, и там должно быть ещё хуже. Кортес знал, что это царство снов. Полное разбитых образов, случайных ассоциаций.

— Вам следует кое-что знать, — сказал Доктор.

Дух полковника Кортеса прошептал самую крепкую из известных ему ругательных мантр. Снова Доктор. Воспоминание об этом мужчине преследовало его с Седьмого Неба. Доктор был не таким, каким его помнил полковник; он был выше и старше. Лицо разобрать не удавалось, потому что на голове у повелителя времени была вуаль.

— Мы все тут живём внутри бутылки, — объяснял Доктор, в то время как черви астрального мира начали

поедать его плоть. — И однажды эта бутылка разобьётся. И тогда все миры станут одним миром. Внутреннее встретится с внешним.

— Но как же аукцион? — спросил Кортес.

Доктор задумался.

— Я не знаю. А что вы можете предложить?

Кортес расправил плечи, вернее, те части его высшей сущности, которые сейчас изображали плечи.

— Меня не беспокоит моя ставка, Доктор. Я думаю о других представителях.

Доктор кивнул. Его саван развевался.

— Для протокола: большинство из них предложат информацию. Технические данные. Параметры оружия.

— И это всё? — Кортес чувствовал, как его наполняет гордость. — Тогда у меня нет причин для беспокойства. То, что предложу мистеру Кихотлю я, превосходит любую материальную плату.

— Правда? И что же это?

— То, что на Девятом Небе, — ответил Кортес. Он чуть не улыбнулся, говоря это.

Через какое-то время кузине Джастин надоело всматриваться в трещины на стене. Поэтому она обошла комнаты зиккурата в поиске более подходящего средства общения и, наконец, нашла в прихожей конференц-зала газету. Она раскрыла её на программе телепередач и начала читать о том, что сегодня покажут на Национальном Канале Борнео.

Телевидение. Она помнила его с Дронида. Фрагменты изображений. Человеческие лица, как у неё. Исполненные жизнью тела, танцующие под инопланетные ритмы. Изумительные и непостижимые.

20:00 Новости и погода.

21:00 Спортивное обозрение недели.

21:30 Вечерний кинофильм. «Харви» (1950 г.), местами реконструированный до 3D. Классическая комедия с Джеймсом Стюартом в главной роли. Снова здравствуйте, кузина Джастин. Как вы себя чувствуете? Вы кажетесь рассеянной.

Кузина Джастин вежливо кивнула:

— Я абсолютно здорова, мистер Сдвиг. Спасибо.

22:30 Культурный шок?

Джастин прикусила губу:

— Это так заметно?

22:45 Только мне, наверное.

— Хорошо. Итак. Мы обсуждали последнего прибывшего участника торгов. Вас он беспокоит?

23:05 У меня есть подозрения. По его прибытии я заметил несколько его идей. Вы знаете, что он повелитель времени?

Кузина Джастин этого не знала, и эта новость её удивила:

— Я думала, что Галлифрей тут представляет мистер Гомункулет.

23:50 Так и есть. Что приводит нас к вопросу: а откуда тогда этот взялся? Один из новокровных Домов?

— Не верьте ему, — сказал голос.

Джастін оторвала взгляд от газеты и увидела, как в прихожую, шатаясь, заходит неизвестный. Это был мужчина. Во всяком случае, раньше он был мужчиной. Он шёл медленными, тяжёлыми шагами, словно боясь того, что его ноги могут отвалиться. За исключением зрения, все остальные органы чувств говорили ей, что кроме неё и Сдвига в комнате никого нет. Во всяком случае, никого живого.

— Повелитель времени. Не верьте ему. Он меня убил. Убил. Меня.

— Вы такой красивый, — прошептала Джастін.

Мужчина смотрел на неё равнодушно. Джастін понимала, что она сказала, и понимала, как это неприлично звучит, но это была правда. Этот мужчина был чист, как могут быть чистыми только мёртвые. В нём было воплощено всё то, что Семья учила уважать.

— Не важно, — сказал мужчина. — Послушайте меня. Повелитель времени. Он меня убил. Я его знаю. Я уверен. Он...

У него не было возможности закончить предложение. Из коридора в комнату влетели размахивающие конечности, они отбросили мёртвого мужчину в сторону, и он безропотно опрокинулся. Не успела Джастін и ахнуть, как что-то полетело в её лицо. Она пригнулась. У неё над головой пролетело что-то серебристое.

Гомункулет. Он ворвался в комнату, двигаясь гораздо быстрее, чем можно было ожидать от существа такого нездорового вида. Кузина Джастін увидела на

его лице оскал, а в его руке — кусок металла. Она почувствовала, что Сдвиг спотыкается в её голове, пытаясь найти способ обратиться к ней, но никакого способа проявиться у него не было. Джастин видела только Гомункулета — сгусток ругательств и костлявых конечностей, пытающийся направить своё оружие в её висок.

Сэм крикнула. Кэтлин никак не прореагировала. У лейтенанта был собранный вид, но она словно прислушивалась к чему-то совсем другому.

Сэм еле догнала её в глубине коридоров зиккурата, рядом со ступенями, ведущими, предположительно, на подземный этаж. Кэтлин попыталась броситься вниз, на ступени, но Сэм успела схватить её за плечи. Она вытолкала Кэтлин обратно в коридор, и там женщина опустилась на пол и замерла. Наконец-то она выбилась из сил.

Сэм опустилась рядом с ней на колени. Найти Кэтлин было непросто. Сэм пряталась в проходе святилища Фракции, пока братец Мануэль проводил свой «допрос». Затем раздался звук, который Сэм не могла распознать. Он не был приятным.

Кэтлин и Мануэль вышли из святилища вместе. Сэм выждала минуту или две, а затем тоже вышла. В коридорах зиккурата культистов Фракции не было видно, но Брегман Сэм через какое-то время нашла: та мчалась по освещённому факелами коридору вглубь здания.

Сейчас лицо Брегман было прижато к полу. Сэм попыталась привлечь её внимание к себе:

— Кэтлин?

Ответа не было.

— Кэтлин? Что случилось?

Ответа не было.

— Ты меня слышишь? Что он с тобой сделал?

В тот же миг Кэтлин выдернула из-под себя руку. Сэм моргнула. На лейтенанте была футболка с коротким рукавом, рука ниже плеча была открыта, и на предплечье было хорошо видно раны. Четыре маленькие точки, похожие на ожоги. Как будто кто-то напал на Кэтлин с шилом.

— Я дала Мануэлю то, что он хотел, — без выражения сказала Кэтлин.

Хм. Это звучало зловеще.

— И *что* он хотел?

Кэтлин, наконец, подняла взгляд. Но не на Сэм. Она смотрела на нишу, в которой была лестница.

— Ты слышишь его? — спросила она.

Сэм испуганно обернулась, ожидая увидеть подкравшегося к ним братца. Никого не было.

— Он говорит, что может прекратить это, — продолжала Кэтлин. — Он говорит, что бояться не нужно. Он говорит, что он тот, кого боятся монстры. Он может их прогнать. Во вселенной есть зло. С некоторыми существами нужно бороться.

Вот чёрт, так она и спятить может!

— Послушай меня, Кэтлин! Ты бредишь. Я не знаю, что с тобой сделали, но... — Сэм замолчала. Она поняла, что её не слушают.

Кэтлин начала вставать.

— Он говорит, что мне не нужно ни о чём переживать. Даже о синдроме замещения.

Сэм положила на плечи лейтенанта руки, не столько для того, чтобы помочь ей встать, сколько для того, чтобы поддержать.

— О синдроме замещения? — переспросила она.

— Синдром замещения. Синдром замещения, — Кэтлин почти распевала эти слова. — Среди сотрудников UNISYC вероятность совершения самоубийств в 15 раз выше, чем среди остальных людей. Ты знала об этом?

Казалось, что она обращается к лестнице. Сэм покачала головой.

— Я иду, — завершила Кэтлин. Затем она вырвалась из рук Сэм и бросилась с лестничной площадки вниз.

Доктор очень долго молчал. Он решительно шёл впереди Кихотля по коридору к центру управления безопасностью, и ничто не пыталось его остановить. Кихотль всё время повторял себе, что системы охраны должны были идентифицировать Доктора как инородное вещество, порвать его на части. Может быть, одна из систем снова нарушилась?

А может, рассказы о Докторе были правдивы? Поговаривали, что он при жизни умел проходить смертельные ловушки, не получая при этом ни единой царапины. Что, вообще-то, противоречило рассказу о том, как он умер, но что поделаешь.

Доктор не остановился даже тогда, когда перед ним раскрылся весь ужас центра управления. Он сразу направился к главному пульта, и экран послушно развернулся от первого же его прикосновения. Кихотль мельком взглянул на один из гобеленов на дальней стене, на котором разумный динозавр отпиливал головы жертвенным девственницам. Глаза динозавра косились в сторону Кихотля, словно говоря: «доигрался ты, солнышко».

Когда Кихотль подошёл к пульта, Доктор уже вовсю работал с органами управления, изучая схематику зиккурата. В конце концов Доктор нашёл карту самого нижнего этажа, и экран показал ему сложное хитросплетение защищавших Реликвию капканов. Само тело в запечатанном гробу было отмечено точкой серебристого света.

Доктор смотрел на неё. Смотрел. Смотрел.

— Эмм... — подал голос Кихотль.

— Я не понимаю, — тихо сказал Доктор.

Кихотль снова взглянул на гобелен. Сейчас с него смеялись уже даже жертвенные девственницы.

— Почему? — продолжал Доктор. — Почему повелители времени так сильно хотят заполучить моё

тело? Гомункулет — агент Верховного Совета, но он здесь не ради организации моих похорон.

— Как я уже сказал, Галлифрею нужны коды ваших биоданных. Это война.

Доктор покачал головой.

— А что такого особенного в моих биоданных? У всех повелителей времени в биологии примерно одно и то же. Да, у меня больше практического опыта, чем у большинства остальных и этот вопросик о моём происхождении всё ещё открыт, но всё равно...

Мистер Кихотль не знал, сколько он может сказать, чтобы Доктор не набросился на него из-за «повреждения тонкой паутины пространства-времени».

— В общем, всё примерно так. В начале войны Галлифрей многое потерял. Большую часть его секретов уничтожили... — Доктор предостерегающе посмотрел на него. — Уничтожил Враг. То есть, я хочу сказать, эти гады могут уничтожать информацию так же быстро, как и вещество. Повелители времени потеряли большую часть своего сверхоружия. Дематериализационное оружие, Пояс Рассилона — всё. Вы же знаете, насколько технологии Верховного Совета полагаются на коды биоданных, так? Так вот большая часть кодов биоданных тоже пропала.

Доктор нахмурился:

— Я бывший Президент Верховного Совета. У меня есть все нужные им коды.

— Да. И не только они, — Кихотль помолчал. — Слушайте, я попытаюсь не выдать слишком много, но...

От этого дня и до того времени, когда вы... ну, окочуритесь... с вами ещё очень многое случится. То есть, сейчас вам кажется, что в ваших биоданных много необычного, но то ли ещё будет... в конце.

Кихотль утёр рукавом пиджака пот со лба. Это, наверное, самый сложный разговор в его жизни.

— В биоданных вашего тела куча разных секретов. Того, что повелители времени потеряли. И под «потеряли» я имею в виду «совсем».

Доктор немного подумал над этим.

— Они могли вернуться в прошлое и заполучить нужную им информацию до того, как враг её уничтожил.

— Нет. Не выйдет. Враг ведёт четырёхмерную войну. Обе стороны зашли в темпоральный тупик. Они заблокировали друг для друга огромные куски истории.

Доктор ужаснулся:

— То есть, Враг знает о темпоральной механике примерно столько же, сколько и повелители времени! Думаю, мне не стоило это знать.

— А... Как бы там ни было, Галлифрей не может попасть в собственное прошлое, но формально вы не являетесь частью прошлого Галлифрея. Уже нет. Вы отступник, вы независимы. Вас слишком сложно заблокировать во времени. Кроме того, по их мнению, ваше тело могущественнее любого другого.

Доктор поднял руку, чтобы Кихотль замолчал.

— Ладно. Я не хочу знать, как началась война и кто такой Враг. Враги. Будут. Но скажите мне ещё одно. Кто такие селеститы?

Кихотль огляделся по сторонам. Он не знал, зачем. Наверное, на случай, если в углах притаились шпионы.

— Селеститы — повелители времени, — сказал он. — Те, которые предвидели войну. То есть, по словам Гомункулета, начало войны застало Верховный Совет врасплох. У них на Галлифрее есть штука, предсказывающая будущее...

— Матрица, — сказал Доктор.

Кихотль кивнул. Вообще-то, он прекрасно знал это название, но не хотел, чтобы казалось, что он знает слишком много.

— Да, точно. Но Матрица ведь только строит предположения, так? Потому что повелителям времени не разрешено по-настоящему заглядывать в будущее. Да и вообще, враг темпорально активен, поэтому Матрица не предвидела эту опасность. Это как-то связано с нелинейностью. Но, тем не менее, группа высокопоставленных повелителей времени, не входивших в Верховный Совет, всё равно предвидела предстоящую войну, не спрашивайте меня как. И им стало страшно, потому что когда Враг убивает, он не просто убивает. Они делают так, что вас вообще никогда не было. И эта группа повелителей времени решила удрать единственным доступным им способом.

Всё внимание Доктора было на Кихотле. И по мнению Кихотля это было хорошо, потому что благодаря этому Доктор не заметил, что картинка на экране изменилась. Теперь там было двухмерное

изображение крыши зиккурата. Над зданием появилось маленькое чёрное пятнышко.

Кихотль продолжил:

— Короче говоря, эта группа повелителей времени... они называют себя селеститы... они решили обскákat Врага. Они сделали очень ловкий ход.

Доктор скрестил руки на груди, словно подгоняя Кихотля:

— Какой?

— Они удалили себя из континуума. Вообще.

— Что?

— Да. Селеститы изъяли себя из пространства и времени. Выдрали из физической вселенной все следы своего существования. Типа опередили Врагов.

— Что за бессмыслица? — сказал Доктор.

— Это не бессмыслица. Потому что — и в этом вся хитрость — изъяв себя таким образом из реальности, они переместили себя в другую плоскость существования. Они вроде как перестали быть настоящими и превратились в... идеи. Потому что человека можно убить, а идею — нет. Ясно?

Кихотль мельком глянул на экран. Космический корабль рос с каждой секундой, его контур медленно заполнял собой небо над зиккуратом. Кихотль надеялся, что Доктор этого не заметит. Этот самодовольный гад наверняка узнает их конструкцию.

Мысли Доктора, однако, были где-то очень далеко.

— Я не уверен, что я понял. Селеститы — повелители времени, которые перенесли себя в

концептуальный план? — его глаза расширились и он хлопнул себя по лбу. — То есть, как Сдвиг?

Кихотль поёжился:

— Ну-у... Мне вообще-то нельзя рассказывать, на кого работает этот Сдвиг.

— Ясно, — Доктор кивнул. — Уход из материального пространства. Наверное, с использованием такой же технологии, которой была создана Страна Вымысла. Изобретательно. Полное безумие, разумеется, но... Селеститы?

Кихотль понял, что Доктор разговаривал сам с собой.

— Агентство Небесных Вмешательств?³ Это их уровень сумасшествия...

Прекратив бормотать, он сверкнул взглядом на Кихотля, и тот быстро отвернулся от экрана.

— Итак. Повелителям времени нужно моё тело, чтобы иметь шанс выжить. Но вы решили продать его тому, кто больше заплатит.

— Ну, я же уже сказал. Законы экономики. Бизнес есть...

— Я знаю, что вы сказали!

Кихотль инстинктивно пригнулся. Доктор его, вообще-то не ударил, но гнева в нём было столько, что синяк мог бы появиться и сам.

³ «Небесных» в случае АНБ звучит по-английски как «Celestial», созвучно с селеститами (Celesties).

— Вы вообще понимаете, с каким вы огнём играете? Судьба моего трупа может решить судьбу целой линии жизни. Этот аукцион может оказаться самым важным событием во всей истории разумной жизни!

Мистер Кихотль прочистил горло.

— Знаете, я просто забочусь о своих интересах...

— Фракция Парадокс! Повелители времени! Селеститы! И чего вы от них ждёте? Что они все сядут за стол и будут вежливо беседовать?

— Ну, вообще-то да. Послушайте, Доктор, мне кажется, что вы не понимаете, а какого рода доходах идёт речь.

— Доходы! Доходы! Вы играетесь с Паутиной Времени, а всё, что вас заботит — котировки биомассы повелителя времени на бирже! — Доктор широко развёл руки, словно призывая древних и ужасных богов риторики. — Раз уж вы решили рискнуть всей вселенной, что же вы тогда себя так ограничили? Что же вы тогда ещё далеков не пригласили?

Взгляд мистера Кихотля тут же метнулся на экран. В этот раз Доктор заметил это и развернулся посмотреть.

Чёрный космический корабль коснулся вершины зиккурата, расплющив своим брюхом большую часть сада. Доктор повернулся к Кихотлю, на его лице был ужас.

— Как вы могли?! — сказал он.

Мистер Кихотль виновато улыбнулся.

ГЛАВА 7

Не ждали?

Ещё даже до того, как она увидела мчащийся в направлении её лица ключ, кузина Джастин поняла, что её руки в неподходящем положении. Когда-то, ещё на её родной планете, само слово «физический» считалось немного неприличным, но обучение на Дрониде стёрло старые стереотипы. Больше она не стыдилась своего тела. Она знала тонкие уравнения, которым подчинялся рукопашный бой, знала и как двигаться вместе с противником, и как двигаться против него.

Поэтому она знала, что у неё нет никакой возможности предотвратить удар ключа по её виску. В оставшуюся до удара долю секунды Джастин сообщила Деду о том, что происходит, и уважительно попросила его приготовить для неё место за семейным столом. Дед, разумеется, не снизошёл до ответа.

Ключ в руке Гомункулета дёрнулся. Ритм был сбит. Течение боя сменилось в одно мгновение.

После секундного колебания Джастин изменила положение своих конечностей, приготовившись к контратаке. Братец Мануэль стоял позади Гомункулета, держа его обеими руками за запястье. Джастин не заметила, когда братец зашёл в комнату; до этого момента он не был частью течения схватки, и она не брала его в расчёт. Гомункулет, казалось, не замечал

присутствие Мануэля. Он не сводил глаз с кузины Джастин, словно не мог понять, почему ключ не ударил её по голове.

Джастин ударила его в горло. Гомункулет поперхнулся и выронил своё оружие. Джастин ударила обеими руками по его шее. Когда Гомункулет падал на пол, по нему нельзя было сказать, что ему больно. Он был просто недоволен.

— Спасибо, братец, — сказала Джастин, восстановив дыхание.

Мануэль быстро отдал ей честь, и его лицо расплзлось в улыбке. Джастин старалась прогнать мысль о том, что его улыбка была мерзкая. В своём собственном времени, ещё до того, как её нашла Фракция, она бы считала Мануэля низжайшей формой человеческой жизни, существом, у которого не было ни единого шанса приблизиться к Милости Божией. Уголовник, да ещё и иностранец. Живое подтверждение тому, что мистер Дарвин был ближе к правде, чем это готовы были признать в семье Джастин.

Но Фракция её, конечно же, перевоспитала. Её научили, что в глазах Деда все существа едины, что по-настоящему обрели те, кто нашёл Духов, а не обрели те, кто до сих пор верил в ложь повелителей времени. Но время от времени небольшая часть Англии проникала в её мысли, и ей было интересно, что бы её семья — её первая семья, её генетическая семья — сказала бы об этом братце. Она пыталась одевать его как джентльмена, но это была её единственная уступка прошлому.

— Я не могу встать, — сказал Траск.

Джастин повернулась к нему. Траск лежал рядом с дверью, его конечности не гнулись. Он свалился, как кегля, но его это, похоже, не сильно расстроило.

Мануэль засмеялся. Джастин оборвала его смех взглядом.

— Мёртвые суставы, — сказал им Траск. — Не гнутся.

Доктор бежал вверх по последним ступеням лестницы, и мрак зиккурата уступал место дневному свету (не такому уже и яркому) тропического леса. Крыша здания была ровная, плоская, квадрат из желтоватого камня со стороной около двадцати метров. Кихотль постарался сделать эту площадку небольшим садом, компенсируя отсутствие почвы тем, что цветы росли в пузырях гидропонной жидкости, плававших вокруг на антигравитационных подушках. Пузыри были хорошо воспитаны, они никогда не поднимались выше уровня глаз и не выходили за край крыши.

А ещё в центре сада была большая лужа в том месте, где чёрный космический корабль приземлился и раздавил попавшие под него пузыри. У некоторых нет никакого уважения к садоводам, — подумал Доктор.

Рядом с ним появился мистер Кихотль, он тяжело дышал после того, как взбежал на три этажа вверх. Увидев корабль, он тут же начал поправлять на себе галстук и стряхивать с пиджака пыль. Доктор посмотрел на него с жалостью.

— Нет причин выглядеть неряшливо, — фыркнул Кихотль.

— Не думаю, что их сильно волнует ваше чувство стиля, — сказал ему Доктор. — Разве что вы надели на себя личное рассеивающее энергию поле и трёхдюймовую броню.

В этот раз Кихотль ответил с вызовом:

— Да не будет с ними никаких проблем. Все, кто прибывает на аукцион, должны придерживаться моих строгих правил о ненападении, так указано на карточках-приглашениях. В пределах Города не разрешены никакие высокотехнологичные вооружения, за исключением тех, которые невозможно отсоединить от тела владельцев, — он махнул рукой в сторону корабля. — Хм... Их пушки отсоединяются, да?

Доктор покачал головой. Тяжело было поверить, что даже Кихотль способен такое подумать.

— И как именно вы собираетесь следить за тем, чтобы не было насилия?

— Да никаких проблем, поверьте. Город этими вопросами сам занимается.

— Подавляющие поля?

— Ага. Энергетическое оружие и взрывоопасные артефакты в пределах города не работают. За исключением зажигалок, разумеется. Послушайте, я понимаю, что вам сейчас должно быть не по себе. Эти парни... То есть, клиенты на этом корабле не будут рады вас увидеть. Может быть, вам лучше убраться, пока есть возможность?

Доктор подумал, не было ли это своего рода угрозой?

— Если далеки действительно тут, я хочу быть рядом и не спускать с них глаз. Не переживайте, у меня неплохо получается не позволять им убить меня. У меня в этом большой опыт. В том числе и недавний.

— Что значит «если» далеки действительно тут? Это же корабль далеков?

Доктор ещё раз посмотрел на судно, припарковавшееся на крыше. До этого он не уделил его дизайну внимания, прежде всего потому, что дизайн был гадкий. Обычные космические корабли ему вообще не нравились, но этот чёрный корабль был просто уродливым куском металла, к которому снизу были приварены ионные двигатели.

— Мне не знакома эта форма, — признался он. — Но чёрный цвет — это по-далековски. Дайте подумать... Конец двадцать первого века... В данное время большинство далеков рассеяны по краям Спирали Маттера, пытаются создать сносную базу, откуда они смогут править. Те, которые остались на Скаро, только начинают думать о том, чтобы собрать свою собственную небольшую империю. В развитии далеков сейчас «фаза статического электричества», если я не ошибаюсь. Впрочем, моё знание истории далеков всегда хромало. Трудно запомнить то, что постоянно меняется.

Ответ Кихотля был заглушён неприятным лязгом, донёсшимся из утробы корабля. У них на глазах часть фюзеляжа отсоединилась от корпуса корабля. Это была

крышка люка, служившая одновременно трапом; её механизм был настолько неуклюжим, что при её открытии казалось, что корабль разваливается на части. Когда трап упал на крышу зиккурата, под его весом лопнули ещё несколько цветочных пузырей.

Наступила долгая пауза.

Ничего не происходило.

— Думаю, они ждут, пока мы поднимемся к ним, — краем рта сказал Доктор.

Кихотль в очередной раз нервно дёрнулся.

— Хм... Доктор, вы понимаете, что на борту этого корабля системы Города нас защищать не смогут?

— О да.

— Но, с другой стороны, какой им смысл на нас нападать? Если они нас убьют, они не получают ваш... Они не получают Реликвию.

— Верно, — бодрым голосом сказал Доктор. — Разве что перед тем, как убить нас, они попытаются как обойти ваши системы безопасности..

Снова наступила пауза. В этот раз она длилась гораздо дольше.

— После вас, — сказал Кихотль.

— Как скажете, — сказал Доктор и пошёл по трапу, отгоняя с пути цветочные пузыри.

Бац.

Брегман почувствовала, что её голова ударилась о ступеньку. Она попыталась защитить лицо ладонями, но её руки были где-то за спиной. По крайней мере, ей

казалось, что они у неё где-то за спиной. Она их не чувствовала, так что они могли быть где угодно.

Бац-бац.

А вот это, возможно, плечо сломалось. Брегман не замечала особой боли. Она была слишком сосредоточена на голосе, чтобы что-то чувствовать. Это был тот самый голос, который она слышала, когда они только вошли в зиккурат, не совсем в её голове, но и не снаружи. Сейчас он был громче. Она предположила, что она приближалась к его источнику.

Бац. Бац-бац. Бац.

Сэм была где-то выше... ниже... где там сейчас верх... Она бежит по ступеням и зовёт её по имени. Кэтлин. Это имя казалось почему-то странным. Её уже никто не называл Кэтлин. Она была «Брегман». Или «лейтенант». Или «мисс Куриные Ножки», для остальных сотрудников в Женеве.

Бац-бац.

Когда она перестала быть Кэтлин и стала Брегман? Нет, сейчас это не важно, да и вообще голос говорил, чтобы она не переживала об этом. Он смотрел в её глаза (да, голоса не могут смотреть, ну и что?), нежно улыбался (улыбаться они тоже не могут, но опять-таки — и что?). Всё что ей нужно сделать, — объяснял голос, — добраться до его тела. Ему нужна была компания. Человеческая. У него есть сообщение из будущего, но понять его сможет только человеческое существо.

«Бац-бац» прекратилось.

Она докатилась до лестничной площадки на первом этаже ниже уровня земли. Камень под ней был заляпан кровью, наверное, её собственной. На мгновение она потеряла голос, и именно в этот момент заметила боль. Нервы в её плечах и ногах начали раскручиваться. Она почувствовала, что по её губам течёт кровь. Впервые с тех пор, как она начала падать, она всерьёз рассматривала идею заорать от боли.

Но голос снова заговорил. Ниже, — настаивал он. Ещё на этаж ниже. Брегман посмотрела за лестничную площадку и увидела, что ступени идут дальше. Она услышала, что к ней, тяжело дыша, спустилась Сэм.

— Что ты... — начала было Сэм, но тут же замолчала, потому что Брегман снова бросилась вниз.

Кузина Джастин приказала Мануэлю помочь Траску встать на ноги, чему братец не обрадовался. Выполняя это распоряжение, Мануэль нанюхался биоданных мертвеца. Жмурик не пах ни разложением, ни испорченным мясом, но всё равно было неприятно. Всё равно что химикаты нюхать. Запах был... никакой. Словно затхлый.

Оказавшись снова в вертикальном положении, Траск его даже не поблагодарил. Он просто сказал что-то о том, что этот повелитель времени опасен, а затем пошагал прочь. Джастин не сводила взгляда с уходившего в коридор зомби. Казалось, что у неё вот-вот слюнки потекут.

Чего от неё ещё можно было ждать, — подумал Мануэль, — если не падкости на жмуриков? Эта сука, наверное, считает, что она слишком хороша для живых. Он уже несколько месяцев пытался затащить кузину в постель, вначале изображая скромного, но послушного слугу, а затем переключившись на старый номер «грубый, но добрый сирота с улицы». Пока что это ничего ему не дало. Она, конечно, его кузина, и должна быть старше его в семье, но какого чёрта?

— У меня для тебя подарок, — сказал он.

Наконец-то Джастин его заметила. Мануэль запустил руку в карман и вынул биосэмплер. Он помахал им перед глазами кузины, чтобы она увидела, что ёмкости полные.

— Человеческая девушка, — сказал он. — Я нашёл её в свя...

— Нет, — Джастин приложила палец к его губам. — Не здесь.

Мануэль обернулся через плечо. Гомункулет лежал на полу в другом конце комнаты, лицом в луже собственной слюны. Повелитель времени был в сознании, но его органы чувств в ближайшие пару минут полноценно работать не будут. Джастин ударила его прямо по нервным узлам в шее. Анатомию повелителей времени на Дрониде хорошо знали.

— О нём не волнуйся. Он ничего не услышит.

— Не он, — Джастин на мгновение закрыла глаза.

Хвастается, — подумал Мануэль, — пытается выглядеть загадочной и невозмутимой. Сука.

— Сдвига здесь нет. Хорошо.

— Человеческая девушка, — повторил Мануэль. — Я нашёл её в святилище. Повезло нам.

Как было сказано Мануэлю, биосэмплер в пределах Города не сработал бы, но святилище не было частью Города, потому что это было другое измерение, или что-то там такое. Он не понимал технические детали, но принцип был ему вполне понятен. Святилище было территорией Семьи. На семейной территории с чужаками можно было делать что угодно, как и в Сан-Паоло. Он, конечно, мог не ограничиться взятием у сучки из UNISYS образца биоданных, но у него не было настроения. Да и слишком она худая на его вкус.

— Насколько хороший образец удалось взять? — спросила Джастин.

— Лучше не бывает. Лучше могло быть только если бы я её порезал на части.

— Хватит для ритуала управления?

— Да.

— Хорошо. События выходят из-под контроля, — она посмотрела на валявшийся на полу разводной ключ Гомункулета. — Скоро нам может понадобится ещё один агент.

— Как скажешь, — ответил Мануэль.

Гомункулет в другом конце комнаты снова начал шевелиться, поэтому Мануэль подошёл к нему и пнул ногой его голову.

Внутри корабль был чёрный. Абсолютно чёрный. Кихотль предположил, что он стоит в коротком коридоре, возможно, в шлюзовой камере, но стены впитывали заходивший в люк свет так, что в глаза уже ничего не отражалось. Он прождал аж две минуты, прежде чем пойти за Доктором вовнутрь корабля, проверяя, не раздастся или изнутри душераздирающий крик. Крика не было.

— Интересно, — сказал Доктор. Он был немного впереди Кихотля, видимо, в конце тоннеля.

Ну, здорово. Вечно у него ни с того ни с сего энтузиазм просыпается.

— Почему тут нет никакого освещения? — пробормотал Кихотль.

— Хм? О, оно тут есть. Стены люминесцентные.

— Они чёрные, Доктор.

— Да. Люминесцентно чёрные. Глаза гуманоидов на эти длины волн не рассчитаны.

Кихотль вспомнил, как выглядели комнаты, которые он приготовил для далеков. Они были такие же чёрные, стены были покрыты выпуклостями, предназначение которых Кихотлю было абсолютно непонятно. Он надеялся, очень-очень надеялся, что это никак не связано с сексом. Были вещи, которые он даже представлять себе не хотел.

— Да, ну, мои глаза в данный момент вполне себе гуманоидные, и я был бы не против видеть куда я иду, — пробормотал он.

— Не переживайте. Где-то на корабле должна быть дополнительная система освещения. Когда они заметят, что мы идём... Хм. А вот это действительно интересно.

Кихотль понял, что Доктор будет повторять слово «интересно» до тех пор, пока кто-нибудь не спросит у него, о чём речь. Ну ладно, лишь бы лишний раз его не расстраивать.

— Что там?

— Дотроньтесь до стен.

Кихотль не решался.

— А меня не ударит током, или ещё что-нибудь в таком духе?

— Просто дотроньтесь.

Кихотль нерешительно протянул руку и провёл ею по ближайшей стене тоннеля. Она была холодная. Очень холодная. На ней был даже тонкий слой инея.

— Это не иней, — сказал Доктор, и Кихотль заволновался, не барахлят ли встроенные в его череп телепатические подавители. Как минимум три из приглашённых им на аукцион сторон были известны рудиметарными телепатическими способностями, так что подавители показались разумной предосторожностью.

Кихотль соскрёб со стены немного не-инея и помял его между пальцами.

— Скорее, это какие-то кристаллы, да?

— Отойдите. Я открою дверь.

— Какую дверь?

Раздался скрип, а затем механический скрежет. Несмотря на темноту, Кихотль понял, что в конце тоннеля раздвигается диафрагма. По другую сторону открывшегося отверстия было более просторное помещение, видимо, отсек управления корабля, но в темноте в этом нельзя было быть уверенным.

По центру двери стояло нечто, похожее то ли на кусок колонны, то ли на будку; тёмный силуэт ростом примерно с мистера Кихотля. На один ужасный миг Кихотль увидел себя таким, каким его мог видеть киборг — контурная карта теплового излучения и биологических функций.

— Интересно, — сказал Доктор. — Вот тут. Идите, посмотрите.

Кихотль не пошевелился.

— Доктор, слушайте, мне кажется, что вам лучше не...

— Ой, да не о чём переживать. Оно уже мёртвое.

— Мёртвое? Вы уверены?

— Уверен. Посмотрите.

И Кихотль посмотрел.

Вообще-то, подойдя к предмету почти вплотную, он даже убедил себя протянуть руку и дотронуться. Поверхность предмета была такая же холодная, как и стена, и тоже была покрыта каким-то кристаллическим инеем. При таком освещении Кихотль не мог быть уверен, но ему не удавалось найти черты, характерные для представителей расы далеков. Ни торчащего на стержне глаза, ни выпуклостей на корпусе.

— А это?.. — начал он.

— Не знаю, — Кихотль почувствовал, что Доктор хмурится. — Оно было живое, или частично живое. Форма жизни с металлической внешней оболочкой и органическими внутренностями. Но в этом состоянии уже невозможно определить, к какому виду оно относилось.

Кихотль продолжал тыкать пальцем в поверхность предмета. Он почувствовал, что купол на вершине треснул под его пальцами.

— Что с ним случилось?

— Его клеточная структура полностью видоизменена. Внешняя оболочка хрупкая, шасси превращено в полу-твёрдый кристалл. Вот тут, чувствуете? — Доктор взял Кихотля за руку и заставил его погладить бок мёртвого существа. Кихотль почувствовал там огромную дыру. — Что-то силой проникло вовнутрь и извлекло оттуда биомассу.

Кихотль убрал руку.

— Что вы хотите сказать, Доктор?

Доктор похлопал труп по вершине купола:

— Я не знаю, было ли это изначально далеко. Но чем бы оно ни было, его, по сути, вскрыли и съели.

Несмотря на явные раны, Кэтлин всё ещё двигалась. Сэм, когда добежала до самых нижних ступеней, уже еле дышала, но лейтенант, избравшая менее энергозатратный способ спуска, всё ещё сохраняла активность. У неё всё лицо было в крови из порезов на

лбу. По тому, как она ползла, Сэм предположила, что большинство из её суставов вывихнуты.

Сэм прошла по коридору и перегородила собой путь. Кэтлин остановилась у её ног. Лицо у неё было ужасное. Избитое, но всё ещё чертовски решительное. Как будто она только что увидела на горизонте оазис.

— Он здесь, — прохрипела Кэтлин.

Сэм сложила руки на груди.

— Кэтлин, ты только что пролетела кувырком два этажа. Повезло, что ты не сломала шею.

— Нет. Он бы не дал. Он не дал бы такому случиться.

— Кто «он»?

— Голос, — сказала Кэтлин.

Она к чему-то прислушивается, — поняла Сэм. И она тоже прислушалась. Я никогда не даю советов, никогда, — подумала Сэм. Но во вселенной есть ужасные вещи, вещи, которые... минуточку, что за чушь ей в голову лезет? Она велела себе сосредоточиться. Не отвлекайся. Но если бы вы могли дотронуться до инопланетного песка, услышать крики незнакомых птиц, увидеть, как они кружат в другом небе, то мы сожжём этот мост, когда дойдём до него, пока не покажется, что я какое-то галактическое йо-йо.

— Ты слышишь? — спросила Кэтлин.

Сэм вдруг вспомнила о том, что сказал Доктор, когда они вместе шли по зиккурату: «У тебя есть хоть какие-то телепатические способности?»

В нескольких метрах перед ними коридор выходил в новое помещение. Оно казалось темнее, чем остальные части зиккурата, которые видела Сэм. Кэтлин уже проползла мимо неё и подбиралась к двери, медленно поднимаясь на ноги. Сэм поспешила за ней.

Коротко эту комнаты можно было описать как «хранилище». Всё было не настолько плохо, как в святилище Фракции, но было близко. Стены были цвета сажи, они были из чего-то, похожего на покрытые слизью кирпичи. В стены были забиты огромные ржавые гвозди, с них свисали железные цепи, предназначение которых было непонятно. Сэм решила, что это помещение должно производить впечатление застенка. Факелы освещали только края комнаты, оставляя в центре огромное пространство темноты.

А в центре этой темноты стоял ящик. Он светился, но это свечение освещало лишь сам ящик; в окружающее пространство свет почему-то не проникал. Ящик был серебристый, размером и формой он напоминал гроб. По бокам он был абсолютно гладкий, а на крышке было два выгравированных символа. Сэм узнала в них греческие буквы, но не была уверена, какие именно. Вторая, кажется, была «сигма».

Это была Реликвия. Это было понятно. Это было понятно потому, что всё в зиккурате словно вело сюда, в эту конкретную точку в пространстве-времени. Каждый сантиметр архитектуры, каждое слово, произнесённое гостями Кихотля, вело сюда, словно неоновые указатели.

Всё сводилось к вот этому. Этот ящик был центром вселенной, ничто иное не имело значения.

Сэм увидела, что Кэтлин шагнула вперёд. Теперь она шла нормально, разве что слегка прихрамывала. У Сэм было такое чувство, что ящик ждёт её, зовёт её к себе. Шепчет. Даже дышит.

Лейтенант остановилась перед ящиком. Сэм была уверена, что когда Кэтлин приблизилась к ящику, он вспыхнул. Когда она подняла руки над крышкой ящика, их объял серебристый свет. Реликвия втягивала воздух, глубоко вдыхая. Предвкушая.

Кэтлин положила ладони на крышку. Она собиралась открыть ящик и выпустить Реликвию.

— Где Кихотль? — орал мистер Гомункулет. — Мне нужен Кихотль!

В данный момент никто не знал, где Кихотль. Что касается Кортеза, то его это не сильно беспокоило. Все вещи есть одна вещь, — напомнил он себе, — а все души — одна душа. Мир материи будет двигаться так, как он будет двигаться, независимо от тщеславных попыток смертной плоти нарушить его течение.

Хотя, если честно, он задушит Гомункулета, если тот в ближайшее время не заткнётся.

Гомункулет лежал на полу, его руки были связаны за спиной. Один из культистов сторожил его, ударяя его по животу каждый раз, когда он пытался встать, но заставить его молчать всё равно не получалось. Другой культист, женщина, смотрела на это равнодушно.

— Мистер Гомункулет попытался напасть на меня,
— объяснила она, повернувшись к Кортезу.

Полковник кивнул.

— Насилие — временное состояние
непросвещённой физичности, — продекламировал он.

— Верно, — сказала женщина.

Несколько минут назад Кортез очнулся от медитации и обнаружил, что он в комнате один. Лейтенант Брегман пропала, видимо, её унесло всё тем же потоком материального существования. Крики привели его сюда, в вестибюль возле центра зиккурата.

— Животные! Еретики! Садисты! — орал Гомункулет. Охранявший его культист засадил ему ногой в пах.

Кузина Джастин не сводила взгляда с Кортеза.

— Мне интересна ваша роль в этом аукционе, полковник. Не обижайтесь, но мне кажется, что большинство из нас удивились, увидев, что сюда прибыли люди, — на её лице появилась слабая улыбка.
— Вернее сказать, представители человеческой расы. Многие из нас до сих пор считают Землю малоинтересной планетой.

— У нас особый интерес к этому товару, мисс Джастин, — ответил Кортез. — У UNISYC длительные отношения с этим мужчиной в ящике.

— Кузина Джастин, — поправила его женщина. — Но меня интересует, что вы можете предложить, полковник. Мне интересно знать, что мистер Кихотль надеется получить от Земли. Явно не технологии. И не

информацию. У Земли нет темпоральной защиты. Если бы наш организатор хотел что-нибудь узнать о вашей культуре, он мог бы это сделать сам.

— Наше существование — это не только материальные заботы, кузина Джастин.

Джастин никак не прореагировала, но Кортес знал, что на самом деле она его поняла.

— И что же вы предложите?

— Есть во вселенной силы, которым невозможно противостоять, — торжественно сказал Кортес. — Силы кармической добродетели и внутреннего равновесия будут удовлетворены.

Кузина Джастин и братец переглянулись. У них был растерянный вид, но Кортес знал, что это лишь внешне. Как и он, они признавали факт, что есть более высокие уровни существования, тайны, доступные пониманию лишь духовно просвещённых. Если бы он хоть на мгновение поверил, что он одинок в своём понимании вселенной, он бы, наверное, сошёл с ума.

Мужчина-культист указал на полковника большим пальцем, а затем приставил указательный палец к виску и покрутил им. Кортес предположил, что это какой-то тайный знак. Мужчина, несомненно, увидел в нём духовно равного себе.

И вдруг помещение наполнил пронзительный визг, который, казалось, звучал одновременно из всех углов помещения. Туканы, — понял Кортес. Птицы в лесу верещали во всю глотку, а местная архитектура явно была спроектирована так, чтобы этот звук резонировал.

Это был уже не первый раз, когда он слышал в зиккурате тревогу, но в этот раз туکانы верещали так, словно их резали.

Что-то прошло вдоль позвоночника полковника. Опустив взгляд на свою футболку, он заметил, что буквы на эмблеме UNISYC перемещаются.

СРАБОТАЛА ЦЕНТРАЛЬНАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ,
— сообщил Сдвиг.

Кузина Джастин, видимо, увидела то же сообщение, хотя и необязательно в то же самое время.

— В каком смысле?

СИГНАЛИЗАЦИЯ, ОХРАНЯЮЩАЯ РЕЛИКВИЮ.
НА ДВА ЭТАЖА НИЖЕ.

Второй культист зашипел:

— Кто-то тырит жмурика.

ЕСЛИ И ДА, ТО ОН НЕ СИЛЬНО РАЗУМЕН.
СИГНАЛИЗАЦИЯ ЗАПРОГРАММИРОВАНА
ПОРВАТЬ НАРУШИТЕЛЯ НА ЧАСТИ. КТО БЫ НИ
ПРОНИК В ХРАНИЛИЩЕ, ЖИВЫМИ ИМ ОТТУДА
НЕ ВЫЙТИ. ПОСТОЙТЕ. Я ПОПРОБУЮ
ПРОАНАЛИЗИРОВАТЬ СИСТЕМЫ ГОРОДА.
ПОПРОБУЮ УЗНАТЬ, КТО ЭТО.

Наступила пауза, во время которой все всматривались в разные части комнаты, пытаясь увидеть где-нибудь буквы. Наконец, Сдвиг вернулся.

ПОЛКОВНИК КОРТЕЗ, — сказал он. — БОЮСЬ, У
МЕНЯ ПЛОХИЕ НОВОСТИ.

— Вы хотите сказать, что на этот корабль напали?

Доктор продолжал двигать руками по внутренней стене, которая, по его мнению, была управлением чёрного корабля.

— Я ничего не хочу сказать, — пробормотал он.

— Но та штука... мёртвая, да? Она была членом экипажа?

— Думаю, да.

— И что-то её убило?

— Угу. Скажите, а скольких далеков вы пригласили на аукцион?

Кихотль какое-то время молчал. Снаружи снова раздались крики туканов, но нервное ёрзание Кихотля не могли заглушить даже они.

— Только двоих. В приглашениях оговорено не более двух представителей от любого, хм, агентства.

Доктор, наконец, нашёл то, что он пытался нащупать. Квадратный выступ на стене, на уровне пояса. Он начал ощупывать механизм. К сожалению, тот не был спроектирован для организмов с пальцами.

— Итак. Если предположить, что это судно далеков, где-то на борту должен быть ещё один.

Он помолчал.

— Кихотль?

— Да?

— Я хотел у вас кое-что спросить. И прекратите уже дёргаться.

— Что?

— Моё тело. Как оно попало к вам в руки?

Ответа не было.

— Если моё тело так популярно, много людей должны были ждать моей кончины, — продолжал Доктор. — Предположу, что никто не думал рисковать убивать меня собственноручно. Моя репутация перед моей смертью должна была быть впечатляющая.

Кихотль пробормотал что-то похожее на «да».

— Мне бы хотелось узнать, как вам удалось заполучить его раньше всех, — сказал Доктор. — И говорю же вам, хватит ёрзать.

— Я не ёрзаю, — возразил Кихотль.

Доктор замолчал. Шорох не прекращался.

— О, — сказал Кихотль.

— А, — сказал Доктор.

Он опустил руку в карман. За долгие годы очень многие сообщали о его способности вынимать из кармана в нужный момент нужную вещь. Некоторые предполагали, что его карманы были продолжением ТАРДИС, другие считали, что ему везёт. Но они просто никогда не читали Йелтстрома, «Карма и Плоть: Важность умения одеваться со вкусом для современного мастера дзена». Они не знали, чего может достичь разумная форма жизни, которая может стать одним целым с подкладкой своего пиджака.

Доктор вынул из кармана вантуз, вставил его в механизм на стене и немного повернул.

Вторичная система освещения, которую изначальные хозяева корабля использовали при содержании на борту органических союзников или пленников, включилась. Доктор повернулся. Отсек

управления был круглый, шесть метров в поперечнике, стены его были покрыты чёрными индикаторами и ещё более чёрными системами навигации. В дальней части отсека, где, как было известно Доктору, находилось «сидение» пилота, была ещё одна грудa кристаллизованного металла и биомассы. При нормальном освещении она выглядела ужасно, похожа на особенно радикальный пример современной скульптуры. Доктору она напоминала наполовину сгоревшую свечу.

Над мёртвым существом широко расставило ноги живое существо. На первый взгляд, оно было очень похоже на паука — тяжёлое тело и тонкие длинные ноги. Большая часть ног упиралась в пол отсека управления, но пара из них лежали на панелях индикации. Конечности, как понял Доктор, были стержнями из гибких кристаллов, они были не толще верёвки. Туловище представляло собой бесформенный комок того же самого вещества, более плотного, чем ноги, а сверху торчала геометрическая «голова», состоящая из треугольников и прямоугольников. Лица у существа не было, но вокруг головного отдела было несколько тонких сенсорных отростков, стекловидных голубых щупалец, раскачивавшихся из стороны в сторону, словно пробуя воздух.

Из нижней части туловища существа торчал отросток, короткий, но мощный на вид. Этот отросток пробил оболочку мёртвого существа, и Доктор видел, что вдоль отростка идут прозрачные, похожие на вены

трубки, некоторые из них закачивали в труп пищеварительную кислоту, другие транспортировали сжиженную биомассу вверх, в тело кристаллического существа. Биомасса при выходе из мертвеца была зелёная, но к тому времени, когда она достигала своего назначения, она кристаллизировалась и становилось ярко-синей.

Всё, наконец, стало на свои места.

На самом деле существо не было похоже на паука, во всяком случае, в своей естественной среде обитания. Но оно могло адаптироваться. Единственными неизменными частями тела существа были «голова», содержащая центральную нервную систему, и отросток.

Когда существо попадало из одной среды в другую, оно разваливало остальную часть своего тела изнутри, затем при помощи отростка всасывало свежую биомассу — скажем, из любого органического существа, которому не повезло находиться рядом — и растило из него себе новую оболочку.

Это существо напало на корабль, проникло вовнутрь и убило экипаж. Доктор не мог себе представить, что оно могло справиться с вооружением экипажа при помощи одного лишь отростка, так что, наверное, оно было вооружено. Всю дорогу сюда оно неспешно всасывало свою добычу, запасая сырьё для нового тела, которое ему понадобится по прибытии. Паучью форму оно избрало для космического полёта, она была идеальна для условий с низкой гравитацией, но

на Земле выглядела довольно шаткой. Оно высасывало из пилота корабля последние капли органической массы, и его ножки дрожали.

Осмотрев остальную часть отсека управления, Доктор отметил два интересных момента. Во-первых, судя по лицу Кихотля, его тошнило. А во-вторых, к навигационным компьютерам был присоединён небольшой кристаллический отросток. Захватчик имплантировал в системы корабля суб-органическое устройство управления, сделав судно послушным его воле.

Для Доктора это не было неожиданностью, по той простой причине, что раньше он уже встречался с этими существами. Но в предыдущий раз у них были более крепкие тела, приспособленные для жизни на планете с сильной гравитацией.

Кристаллическое существо посмотрело на них, вернее, повернуло в их сторону свои щупальца. Его голова начала вертеться на туловище.

— Ты-су-щес-тво-по-и-ме-ни-ки-хотль? —
простонало оно.

Его голос был монотонным электрическим бульканием, как будто у кого-то было полное горло гвоздей.

Доктор указал на Кихотля. Кихотль всхлипнул.

— Я-при-был-для-у-час-ти-я-в-а-ук-ци-о-не, —
объявил захватчик.

— Эмм... А у вас есть приглашение?

Голова захватчика начала вращаться чуть быстрее, и Кихотль поднял руки над головой:

— Я не хочу сказать, что я вам не рад. Просто тут есть системы безопасности, и если вас нет в списке приглашённых...

— Это-суд-но-бы-ло-пе-ре-хва-че-но-в-по-лё-те. Я-ов-ла-дел-при-гла-ше-ни-ем. У-же-пе-ре-дал-сво-и-би-о-дан-ны-е-сис-те-мам-ва-ше-го-Го-ро-да.

— О. Хорошо. Тогда всё в порядке, — Кихотль беспокойно посмотрел на Доктора. — Это значит?..

— Это значит, что приглашённые вами далеки не явились, — сказал ему Доктор, быстро улыбнувшись кристаллическому существу. — Вместо них будут кротоны.

История мистера Кихотля

Трансдюсервилль, Дронид, местный год 15367

22:55 Выпита одна банка, без последствий.

Клуб назывался «Притон почти безграничного беззакония», и он начинал действовать мистеру Кихотлю на нервы. Ладно, декор тут был неплох. Во всех помещениях была полутьма, много теней, а шары в бильярдных залах имели искусственный интеллект: они тонкими скрипучими голосами утешали игроков после неудачных ударов. И да, тут было много отдельных кабинок, где можно было поговорить о делах, и да, выпивка была дешевле, чем кислота для аккумуляторов. Проблема, по мнению Кихотля, была в клиентуре.

Все клиенты были Профessionалами. Профessionалами с большой буквы. Кихотль зависал в разных притонах Спирали Маттера ещё с тех пор, как был каплей в пробирке, он занимался всем, начиная от краденых машин времени и заканчивая незаконно клонированными частями тел, но он никогда раньше не бывал на планетах, где уголовные дела воспринимались настолько серьёзно. Если вы работали на одну из криминальных структур Дронида, вас считали гражданином, заботящимся о своей карьере. Профessionалы были людьми, кто вписывал в свои паспорта «бандит» или «киллер» с гордостью.

Теоретически, такая обстановка должна была полностью устраивать мистера Кихотля, но на практике

это создавало проблемы. Для начала, большинство Профессионалов в этом баре были одеты в костюмы. Не в классические, от дизайнеров, как у Кихотля, а в старые «чёрный пиджак и галстук». Некоторые из них, наверное, зарабатывали на жизнь торговлей ДНК, но выглядели как бухгалтеры. Слишком, слишком формально, как на вкус Кихотля. Он был одиночкой.

Его дискомфорт не был никак связан с тем, что рядом с этими людьми он чувствовал себя любителем. Нет-нет-нет. Вовсе нет.

Девушка наклонилась через барную стойку, чтобы принять заказ у стоявшего рядом с мистером Кихотлем Профессионала. Снова костюм, — отметил Кихотль.

— Два бокала Текила-Колибри, — сказал мужчина, подняв голос, чтобы перекрыть окружающий их гомон разговоров о том, кто сколько людей убил на этой неделе. — И где я могу приобрести дистронную взрывчатку?

Девушка сверилась с висевшей позади неё на стене доской.

— Двенадцать динариев за напитки, — сказала она. — И... сегодня нет никого, кто занимается дистронным оружием. Может быть, вас устроят ракеты Клаттербага?

Профессионал нахмурился:

— Возможно, сойдут и они.

— Тогда вам нужен мистер ВенФаксил. Он в комнате номер три. Два динария за обслуживание, пожалуйста. Спасибо.

Когда девушка подала напитки, они оказались ярко-голубыми, и в каждом бокале бродили по два генетически спроектированных фламинго размером с палец. Топорная работа, — подумал Кихотль. Он дождался, пока Профессионал отошёл от стойки, а затем поднял руку.

— Ещё одну банку Синего Пса, — сказал он. — И я ищу двигателя высокого уровня.

23:07 Выпито две банки, до сих пор трезв.

Мистер Кихотль сидел в одной из кабинок напротив мужчины, который, по словам девушки за барной стойкой, был известен как «мистер Габриэль». Насколько понял Кихотль, мужчина был габриэлидом, одним из множества инопланетян, прибывших на Дронид в поиске лёгкой наживы. У себя на планете габриэлиды не имели имён, и Кихотль никак не мог прогнать мысль о том, выбранный этим мужчиной псевдоним не отличался оригинальностью. По мнению Кихотля встретить габриэлида по имени «мистер Габриэль» было всё равно, что встретить далека по имени «мистер Д'Алек» или землянина по фамилии «Человекин».

— Позвольте убедиться, что я понял вас правильно, — сказал мистер Габриэль. — Вам нужна (я буду говорить прямо) новая система дематериализации. Вы это хотите сказать?

Кихотль обернулся через плечо, хотя сзади него не было ничего, кроме стены. Это была привычка.

— Я бы, знаете, так не говорил, — сказал он.

Мистер Габриэль тепло улыбнулся. Улыбка выглядела не совсем естественно, но это можно было понять, ведь его гуманоидное тело было явно искусственным. Надо отдать габриэлидам должное, они, по крайней мере, пытались влиться в общество Дронида.

— Не волнуйтесь, мистер Кийхо. Никто нас не подслушивает, разве что персонал, а они хранят секреты. Пока что нет причин нервничать.

— Кихотль.

— Простите?

— Кихотль. Не Кийхо. К-и-х-о-т-ль. Ки-хотль.

— Кихотль. Ясно.

Мистер Габриэль снова улыбнулся, и его улыбка была абсолютно такая же, как и в предыдущий раз, так что программное обеспечение его лица было не очень изменчивым. Габриэлид выглядел мужчиной средних лет, приятного вида, несмотря на костюм и на оттопыренный карман, в котором лежал стазер. Он был похож на чьего-нибудь дядюшку, — подумал Кихотль, — яркие глаза, небольшие морщины.

— Повелители времени не станут тут разнюхивать, если это вас беспокоит, — продолжил Габриэль. — С самого своего прибытия на эту планету я занимаюсь высокими технологиями, и Верховный Совет ничего не знает. Можно вас спросить кое о чём, мистер Кихотль?

— Хм, да. Конечно.

— А где вы смогли раздобыть ТАРДИС?

Кихотль прикусил губу.

— А кто сказал, что у меня есть ТАРДИС?

— Да ладно. Раз вам нужна система дематериализации, значит, у вас есть ТАРДИС. Позвольте, я угадаю. У вас есть друзья на Галлифрее, я прав? И им удалось украсть для вас старую тип-60 с испорченной схемой дематериализации. Слушайте, я это уже столько раз слышал. Нечего так нервничать.

Кихотль всё равно нервничал. Ему больше не хотелось думать о своём корабле как о ТАРДИС. Он изменил всю его структуру, всю операционную систему, чтобы Верховный Совет его не выследил. Система дематериализации накрылась сразу по прибытию на Дронид, и с тех пор он тут застрял. Он был не против провести тут какое-то время, но в последние пару дней многое изменилось.

Если честно, то Кихотлю повезло, что он застрял здесь, на планете, на которой, по крайней мере, было возможно раздобыть запасные детали ТАРДИС. Пару поколений назад один из кардиналов повелителей времени попытался построить на Дрониде столицу и собрать армию, надеясь победить Верховный Совет. В конце концов его, разумеется, вернули на Галлифрей, но в городах до сих пор остались образцы темпоральных технологий, остатки его пребывания тут. Сети организованной преступности добыли их почти все, почему, собственно, они сейчас и управляли Дронидом. Планета была довольно примитивная — они тут до сих пор пользовались двигателями внутреннего сгорания и совсем недавно изобрели телевидение — но Кихотль

слышал, что у преступников можно было добыть даже дематериализационное оружие, если знать, где искать.

— Не хотите ещё выпить? — спросил мистер Габриэль.

23:23 Выпито три банки, начала появляться «расслабленность».

Последние несколько минут Кихотль вежливо беседовал с мистером Габриэлем, избегая главного вопроса: «Сколько стоит система дематериализации?» Кихотль прекрасно понимал, что не сможет себе её позволить, во всяком случае, сейчас. Местной валюты у него не хватало даже на аренду воздушного судна, не то что на образец технологии повелителей времени. Когда он узнает от Габриэля примерную сумму, он проведёт следующую неделю или три за небольшими делишками в столице, откладывая динары. Если, конечно, ему за это время нож в спину никто не воткнёт.

— Дон КсаПристи? — переспросил мистер Габриэль, словно не веря своим ушам.

Кихотль пожал плечами:

— Ну, что тут сказать? Я продал этому Дону плохой товар. Пара предметов бахнули не так громко, как должны были. Я, конечно, предлагал ему вернуть за товар деньги и всё такое.

Лицо мистера Габриэля переключилось в «мрачный» режим.

— Да, но Дон — представитель старой школы. Потомственный гангстер. Если его кто-то подводит —

это вопрос чести. Как оскорбление его семейного имени, — чтобы не было недопонимания, мистер Габриэль провёл пальцем по горлу.

Мистеру Кихотлю об этом можно было уже не рассказывать. Он встречался с КсаПристи лишь однажды, и тот произвёл на него впечатление отборного психопата. КсаПристи во время этой встречи был одет в меховое пальто, генетическая инженерия, со всех сторон на нём щёлкали зубастые челюсти. Это явный признак неуравновешенного ума.

— Ясно, — сказал Кихотль. — В общем, он сказал, что закроет на эту проблему глаза, если я верну ему деньги с процентами.

— О каком проценте идёт речь?

— О четырёхстах процентах.

Мистер Габриэль потянулся к Синему Псу.

— И вы хотите убраться с Дрорнида, пока у вас ещё все ноги на месте?

Мистеру Кихотлю захотелось зашипеть. Он ненавидел людей, которые так делают. Формально, эта планета должна была называться «Дрорнид»; так, по крайней мере, её называли местные. Но в первом издании «Планетарного Альманаха Бартоломью» была опечатка, поэтому остальная вселенная называла её «Дронид», включая инопланетян, прибывших сюда жить и убивать. А поскольку инопланетяне здесь составляли основу экономики, большинство местных пользовались тем же названием. Но некоторым обязательно нужно было быть дотошными.

— Сейчас на темпоральные технологии большой спрос, — продолжал мистер Габриэль между глотками Синего Пса. — Вы и сами знаете. Все стараются убраться с Дрорнида до того, как вернутся повелители времени. Многие Профессионалы поговаривают о том, чтобы собрать собственные вооружённые ТАРДИС, быть может, подключиться незаметно для Верховного Совета к Оку Гармонии.

— Я вас понял. Вы хотите сказать, что за систему мне придётся выложить... минуточку. Что значит «до того, как вернутся повелители времени»?

— А вы не слышали? В преступном мире много недовольных этим. Говорят, Верховный Совет планирует какую-то войну. Кто-то их расстроил, причём сильно.

Мистер Кихотль расстроился. Как обычно; вечно он узнаёт о таком последний.

— Ну, удивите меня. С кем они будут воевать?

— Кто знает? Как я уже сказал, это всего лишь слух. Вы знаете, что к Дрорниду направляется целый флот габриэлидских военных кораблей? Сегодня об этом по телевидению сообщалось, — мистер Габриэль изобразил сдержанный смех. — Моё правительство, боже, благослови их. Говорят, это всё повелители времени подставили. Боевые корабли выполняют приказ Верховного Совета. Что при этом получают габриэлиды — понятия не имею.

— Что-то я не понимаю, — сказал Кихотль. — Хорошо, повелители времени собираются воевать. Но почему они шлют боевой флот на Дронид?

— Хотел бы я знать. Это будет место их первого столкновения с врагом, вот и всё, что я слышал. Может быть, они надеются, что все мы, Профессионалы, погибнем в перекрёстном огне. В том смысле, что им, наверное, стыдно, что на такой планете, как эта, есть люди, пытающиеся собрать ТАРДИС.

— Мне нужно отлучиться в комнату для двуногих, — сказал мистер Кихотль.

23:42 Выпито четыре банки, состояние «расслабленности» сменяется «задумчивостью».

Возвращаясь из туалета, Кихотль взял ещё две банки. Одну из них он выпил ещё не дойдя до кабинки. Он задержался в одном из залов клуба, где Профессионалы собрались в подозрительные группы, обсуждая последние новости в области синтеза наркотических препаратов. Зал был обустроен так, чтобы Профессионалы чувствовали себя здесь как дома: в одном из углов на стене висел чёрно-белый телевизор, а под потолком были красиво развешаны на крюках освежёванные трупы раскрытых полицейских, работавших под прикрытием. В общем, обстановка была подобрана со вкусом.

Кихотль прошёл к телевизору. Кто-то уже стоял перед экраном, держа в руке бокал. Этот Профессионал был молодой, одет, как и все, в чёрный костюм, лоб у

него был неубедительно нахмурен. Ещё один габриэлид, — подумал Кихотль.

По телевизору (на Дрониде был всего один канал) передавали сводку новостей. Кихотль смотрел видеозапись, предположительно с одного из наблюдательных спутников, которые вывели на орбиту инопланетяне. Шесть кораблей тесным строем летели в вакууме. Корабли были чёрными кубами, абсолютно гладкими, без единой детали, но было ясно, что в любой момент они готовы раскрыть оружейные люки и высунуть кучу страшного оружия.

— Габриэлидские военные корабли, — пробормотал Кихотль.

Профессионал повернулся к нему. Будь программное обеспечение его лица сложнее, он бы выглядел обеспокоенным.

— Повелители времени, — сказал он. — Они придут за нами, да?

— Да, точно, — ответил Кихотль. Он изо всех сил старался, чтобы в его голосе прозвучал цинизм.

23:49 Выпито пять банок, движения стали достаточно неуклюжими, чтобы опрокидывать мебель и не замечать этого, но он всё ещё был достаточно трезвым, чтобы отрицать то, что он пьян.

— И это ещё не всё, — сказал мистер Габриэль.

Кихотль собрал перед собой несколько пустых банок. У него вдруг возникло непреодолимое желание выстроить из них башенку.

— Продолжайте.

— Знаете, о чём ещё ходят слухи? Ходят слухи, что в этом участвует Доктор.

Башенку из трёх банок Кихотль выстроил в рекордное время, но от слова «Доктор» его рука дрогнула, и банки посыпались.

— Доктор? *Тот самый* Доктор? — Кихотль отчаянно вскинул руки, чуть не выбив себе глаз. — Ну всё, приплыли. Участвует Доктор. Кто бы ни был врагом повелителей времени, у них нет ни единого шанса.

— Да? А разве я сказал, что Доктор действует на стороне повелителей времени? Разумеется, все считают, что он прибудет сюда воевать с Галлифреем, но пара специалистов утверждают, что он перешёл на сторону врага. Они говорят, что его достало то, как Верховный Совет обращался с ним все эти годы.

Кихотль рыгнул.

— Удачи любому, против кого он выступит, вот и всё, что могу сказать я.

— Да. Я слышал рассказы о нём. Вы знаете мистера Абеля, он работает на ИнКорпорейт? Он говорит, что когда-то пырнул Доктора микроволновым ножом, и тот ушёл, как ни в чём ни бывало. Микроволновым ножом! От него же такие повреждения тканей.

— Мне можете не рассказывать. Когда я в последний раз видел Доктора, у него на хвосте была целая флотилия антиридийских пожирателей органов, и он ушёл от них без единой царапинки. Везучий ублюдок.

Программное обеспечение лица мистера Габриэля изобразило максимальное удивление:

— Вы встречались с Доктором?

— Пару раз. Мы с ним не сошлись, — одну за одной, Кихотль встряхнул все банки, стоявшие на столе, но они все были почему-то пустые. — Я вам отвечаю, он просто сила природы. Против силы природы не попрёшь ведь, да?

Лицо мистера Габриэля немного успокоилось.

— В этот раз всё может быть иначе. Если воюют повелители времени, враг, должно быть, очень серьёзный. Не какие-нибудь далеки, а *реально серьёзный*. Если Доктору когда-нибудь и суждено окочуриться, то именно сейчас. Все хотят поучаствовать. Вы знаете о селеститах? Говорят, что у селеститов есть агенты в обеих враждующих сторонах. И в паре организаций здесь, на Дрорниде, улавливаете? А люди из Парадокса вертятся поблизости, чтобы увидеть, какой ущерб будет нанесён. Вы же знаете, какие они? Стервятники.

— У Фракции дела плохи, — сказал Кихотль с уверенностью пьяницы. — Они потеряли свою позицию с тех пор, как на этой планете появились ИнКорпорейт. Ух ты! Эта банка ещё не открыта. Правда, здорово?

24:12 Выпито шесть банок, близится та часть вечера, когда ни одна тема разговора не кажется скучной, какой бы глупой и бессмысленной она ни была.

В конце встречи Кихотль хотел пожать руку мистеру Габриэлю, но промахнулся. Как и ожидалось, названная мистером Габриэлем цена за схему дематериализации была огромной. Когда мой корабль снова заработает, — сказал себе Кихотль, — я выслежу его ещё эмбрионом и впрысну в него какую-нибудь гадость. Будет знать.

На пути к выходу он снова задержался возле бара, подумывая, не взять ли ему ещё пару банок. В данный момент ему нужно было, чтобы проблемы перестали терзать его разум. Или чтобы его разум просто покинул эту реальность. Смотря что наступит раньше.

Но когда он начал проталкиваться к бару, всё изменилось.

Перед ним сквозь толпу одетых в чёрное Профессионалов прокладывали себе путь две фигуры, которые Кихотль узнал. К счастью, они были спиной к нему, но их прилизанные чёрные волосы и дешёвые костюмы выдали их мгновенно. Как и то, как они шипели, обращаясь к девушке за барной стойкой.

Люди Дона КсаПристи. Старомодные головорезы, нанятые, наверное, в бандах гетто. Кихотль много таких видел за время своего пребывания на Дрониде. Примитивы, по большей части — заточенные зубы, золотые медальоны. Они были мерзкие, гадкие, и обычно исключительно жестокие.

Мистер Кихотль развернулся и побежал. Что было глупо, беря во внимание, как много было людей у бара. Он растолкал толпу Профессионалов и направился к

выходу, опрокидывая по пути стулья, бокалы и посетителей.

Позади него раздался крик, а затем топот множества ног. Кихотль выругался. Его выход из «Притона почти безграничного беззакония» нельзя было назвать незаметным.

24:22 Выпито всё ещё шесть банок, но он уже намного трезвее, чем несколько минут назад.

Кихотль мчался по задворкам Трансдюсервилля, предусмотрительно опрокидывая позади себя все мусорные баки. Смысла в этом, скорее всего, было немного, но и вреда тоже не будет. Раз или два он оборачивался через плечо и не видел никаких громил, так что, наверное, он оторвался от них в трущобах. Но темнота не позволяла смотреть далеко, да и зрение у него было не идеальное, плюс ещё Синий Пёс сказывался. Поэтому, просто из предосторожности, он продолжал бежать.

Дон КсаПристи, должно быть, прислал тех людей, чтобы предупредить его. Одно из тех предупреждений, во время которых ойкаешь от боли в неожиданных местах. У Кихотля оставалось всё меньше времени и всё меньше возможностей. Так или иначе, ему нужно было раздобыть деньги на схему дематериализации.

А что потом?

Хм. Забавно. Обычно он не забивал себе голову далеко идущими планами. Но последние полчаса у него из головы не выходила из головы одна фраза. С того

момента, как мистер Габриэль рассказал ему о Докторе и о грядущей битве, которая должна будет произойти на Дрониде.

«В этот раз всё может быть иначе».

Да. Ему нужно починить свой корабль, но тут же нужно заработать, так? Он наткнулся на что-то важное, возможно, настолько важное, что это потрясёт весь таймлайн. И если кто-нибудь будет знать, как правильно воспользоваться сложившейся ситуацией, скажем, кто-то, у кого есть краденая ТАРДИС и нет угрызений совести...

О, да. Это оно. Замечательно.

Мистеру Кихотлю пришла в голову очень, очень интересная идея.

ГЛАВА 8

Политика тела

Хранилище в полном смысле этого слова ожило. И оно было недовольно.

Стены кричали. Ранее Брегман слышала, как в тропическом лесу во всю глотку орали тулканы, а теперь такой же звук наполнил хранилище: писк, визг, карканье, которые доносились одновременно со всех сторон. Голос из ящика замолчал. Брегман повернулась, обыскивая хранилище в поиске источника криков, но увидела лишь Сэм, стоявшую позади неё в двери. Неподвижно. Как кролик в свете фар. Брегман предположила, что она и сама сейчас так же выглядит.

А затем стены начали цвести. Побеги вылезли из трещин в кладке, их стебли были пронизаны тёмно-красными артериями, и перед Брегман начали раскрываться бутоны цвета мёртвой плоти. У цветков были лепестки, как у настоящих, но они были покрыты шрамами и морщинами, как старая кожа. Что-то зашевелилось у Брегман под ногами, и она попятилась назад, пока её спина не упёрлась в боковую стенку ящика. По полу перед ней пошли волны, и органические щупальца раздвинули плитку и потянулись к факелам.

Брегман начала топтать ростки, пытаясь затолкать их обратно в пол. Это нельзя было назвать разумной реакцией на ситуацию, но что за чёрт? Теперь, когда

голос её покинул, ей оставалось только паниковать. Продолжая топтать ростки, она подняла взгляд, надеясь увидеть Сэм, но Сэм там не было. Хранилище вокруг неё изменилось. И кирпичных стен выросли новые стены, занавес из розового мясистого материала протянулся от пола до потолка, его удерживали на месте колонны живых мускулов.

Она беспрекословно подчинилась голосу. Она была слаба. Возможно, в шоке после того, что случилось в святилище. Голос ухватился за эту слабость и притащил её по коридорам зиккурата сюда. Теперь она, наконец, приходила в себя, и только для того, чтобы узнать, что ей отсюда не выбраться.

Да и вообще, зачем она пошла в святилище Фракции? Туда её тоже голос завёл? Она хоть когда-нибудь управляла своим телом?

У её ног пучок побегов поднимался от пола, их бутоны набухали перед её лицом, и в конце концов один из них стал размером с её голову. Бутоны были цвета шрама. Брегман поняла, что это не растения. Ещё у ворот Немыслимого Города Кортес ей сказал, что на этом острове есть биоиндукционная система, которая закачивает в экосистему новый генетический материал. Такое же устройство работало и тут, в хранилище. Что-то наполняло помещение живым веществом, выжимая кровь из камня. Но ни одна машина, созданная людьми, не смогла бы делать это так быстро. Для того, чтобы био-индукционная система оказала заметный эффект на

окружающую среду, нужны были месяцы, годы, а не секунды.

Перед Брегман раскрылся первый из бутонов, размером с голову. В центре цветка был сгусток биомассы, похожий формой на картофелину, покрытый бугорками и впадинками, по его поверхности была натянута липкая кожа.

Лицо. Полу-сформировавшееся человеческое лицо, такое неправильное, что кроме как уродливым его никак не назовёшь. Даже если бы этому лицу дали время развиваться, нос не получился бы достаточно ровным, глаза были бы не совсем той формы. И волосы, прилипшие к голове мокрыми скользкими прядями, были просто ужасны. Один за другим начали раскрываться другие бутоны, цветы-головы начали открывать глаза.

Все лица были одинаковые — грубые копии лица Брегман. Она подумала, а не пора ли ей начать визжать во всю глотку?

Небо было таким же серым, как и всегда, но после интерьера космического корабля оно казалось солнечным. Доктор с удовлетворением отметил шок на лице у Кихотля, вышедшего за ним из корабля.

— Я же говорил, — краем рта сказал Доктор.

Кихотль моргнул:

— Что говорили?

— Я же говорил, что не всё пойдёт по плану.

Доктор кивнул на кротона, спускавшегося по трапу корабля; его тонкие ножки шатались под весом его тела. Его щупальца возбуждённо дрожали, и Доктору показалось, что существо пытается решить, стрелять по плавающим над крышей растениям или не надо.

Доктор увидел, как Кихотль сжал зубы.

— Вы же уже встречались с этими существами раньше?

— Дважды. Но я впервые вижу форму, предназначенную для слабой гравитации.

— А... Им понравятся сырные закуски?

Самый верхний выступ на теле кротона, геометрический кристалл, который можно было условно назвать головой, обернулся к ним. По крайней мере, так это представил себе Доктор, ведь на самом деле головы, как таковой, у существа не было.

— Пер-на-ты-е-фор-мы-жиз-ни-встре-во-же-ны.

Кихотль посмотрел на Доктора. Доктор пожал плечами.

— Вы правы, — пробормотал Кихотль. — Туканы, да? Это из-за вашего корабля. Он их немного нервирует. Вы же знаете, какие они, пернатые. Слушайте, там внизу для вас приготовлена комната, если вам нужно освежиться. Или... я не знаю, что вы обычно делаете. То есть, ели вы не против мебели.

— А-ук-ци-он-дол-жен-сос-то-ять-ся-как-мож-но-быс-тре-е, — настаивал кротон. — Ни-ка-ких-за-держек.

— Нет-нет, разумеется. Я понимаю, что у вас много дел в вашем... кротонном пространстве.

— Мо-ё-о-бо-зна-че-ни-е-Е-Ко-бальт-Прайм-Абсолют-Кро-то-нов. Ко-ман-ду-ю-ща-я-е-ди-ни-ца-Пя-той-кротон-ной-Ре-шёт-ки.

— Ну... — начал было Кихотль, но кротон ещё не закончил.

— Э-то-суд-но-бы-ло-пе-рех-ва-че-но. При-гла-ше-ни-е-об-на-ру-же-но-в-про-цес-се-ов-ла-де-ни-я-э-ки-па-жем. Ваш-а-ук-ци-он-ин-те-ре-сен-Аб-со-лю-ту Кро-тон-ов. Вы-ше-сто-я-щи-е-е-ди-ни-цы-Пер-вой-Кро-тон-ной-Ре-шёт-ки-у-же-пос-тав-ле-ны-в-из-вест-ность. Бо-е-во-е-копье-нап-рав-ле-но-на-э-ту-пла-не-ту. Бо-е-вое-копье-соп-ро-во-дит-Ре-лик-ви-ю-до-Пер-вой-Ре-шёт-ки-как-только-та-будет-по-лу-че-на.

Это показалось Доктору угрозой. Кихотля это явно застало врасплох.

— Ну, это в том случае, если вы сделаете самое выгодное предложение, — заметил он.

— Да, — булькнул Е-Кобальт-Прайм.

— Можно задать вопрос? — сказал Доктор. — А где ваш динатроп? Я знаю, что представители вашего рода не выходят без него из дому.

Е-Кобальт ответил не сразу.

— Для-вы-пол-не-ни-я-за-да-ни-я-мне-не-по-на-добит-ся-собс-твен-ный-ко-рабль.

— Правда? А где же ваш блок питания?

— Ре-лик-ви-я-будет-по-лу-че-на-до-то-го-как-потре-бу-ет-ся-пе-ре-за-ряд-ка, — голова снова

завертелась. Ноги кротона задрожали. — Гра-ви-та-ци-я-на-э-той-пла-не-те-не-под-хо-дит-для-э-то-го-те-ла. Мне-нуж-но-не-мед-лен-но-ре-кон-стру-и-ро-вать-мо-ю-внеш-нюю-фор-му.

Кихотль кашлянул:

— Да, как я уже сказал, если вы хотите, я могу провести вас в ваш номер...

Не успел он завершить фразу, как кротон рассыпался. В полном смысле этого слова. Ноги развалились, и туловище упало. От удара тело разлетелось на несколько тысяч осколков, прозрачных кристаллов, раздавив при этом ещё несколько летающих растений. Всё это сопровождалось громким треском. Кихотль аж взвизгнул, но Доктор едва вздрогнул.

От Е-Кобальта остались только его голова (Доктор про себя отметил, что хотя он и говорил «его», строго говоря кротоны были бесполоыми; но действовали они так грубо, что трудно было не считать их представителями мужского пола) и бесформенная груда белых кристаллов, из которых до этого состояло туловище. Доктору это напоминало сырую глину в студии скульптора, из которой можно было слепить что-нибудь более художественное.

— О нет, — взвизгнул Кихотль. — Только не говорите, что я снова потерял клиента.

Доктор смотрел на кристалл.

— Не переживайте. Просто оно выращивает себе новое тело. Смотрите.

Пока он говорил, на поверхности вещества возникли тонкие трещины. Под поверхностью формировались новые конечности, нетерпеливо шевелившиеся по мере своего роста.

— Потрясающе. Раньше мне не доводилось видеть этот процесс. Я всегда считал, что этот момент для них очень личный.

— Оно нас слышит?

— О, не думаю. Видите, щупальца отвалились. Оно ещё не создало новые органы чувств.

Кихотль всё равно чувствовал себя неудобно.

— Ладно, Доктор, поговорим серьёзно. Вы слышали, что сказала эта форма жизни. Сюда направляется целое боевое копьё этих существ. Что бы это ни означало.

— Да. И если Е-Кобальт не выиграет в аукционе, они будут недовольны.

Доктор произнёс это с видом «я же говорил», но Кихотль лишь пожал плечами.

— Меня это не сильно волнует. Как только товар будет продан, я улечу. Пускай потом кротоны хоть всю планету разнесут. Я имел в виду, что тут становится напряжённо. Вы больше не можете тут оставаться. Что будет, если покупатели узнают, кто вы такой? Тут же бунт начнётся, вы понимаете?

— Об этом вам следовало раньше думать!

— Я рассчитывал, что вы останетесь мёртвым, — возразил Кихотль. — Ладно, ладно. Договоримся так. Вы сейчас уйдёте и не будете вмешиваться в аукцион,

хорошо? А я вам за это дам сорок процентов. Это вас устроит?

Доктор не понял:

— Сорок процентов чего?

— Выручки. Сорок процентов того, что мне дадут за жмурика.

У Доктора отвисла челюсть. Такого не случилось уже несколько веков.

— Я вам вручу вашу долю при нашей следующей встрече, — сказал Кихотль. — Честно. Крест на сердце. В такой маленькой вселенной мы рано или поздно встретимся.

— Вы предлагаете мне сорок процентов моего собственного тела? — оторопел Доктор.

— Ага. То есть, поймите меня правильно. Я бы предложил вам пятьдесят, но мне же ещё расходы покрыть надо.

— Не несите чушь!

Кихотль театрально вздохнул:

— Ну, не хотите — как хотите. Но поймите, я не могу его отдать вам просто так. В окружении таких клиентов. У вас есть только один способ получить его, не вызывая никаких проблем.

— Какой?

— Вам придётся торговаться в аукционе. Как и всем.

— Только через мой... — Доктор запнулся.

Его прервал резкий треск, донёсшийся от тела Е-Кобальта. Рост новых конечностей завершился.

Кристалл раскололся в нескольких точках туловища, давая дорогу четырём толстым, похожим на трубы конечностям. Доктор отметил, что конечности были не кристаллические; они были больше похожи на что-то вроде гибкого металла. Одна конечность заканчивалась хватом, другая — огнём, а две оставшиеся — плоскими пластинами, заменявшими ступни ног. Видимо, подумал Доктор, у кротона было какое-то мягкое металлическое ядро. Впечатляюще, но вряд ли это эффективно. Не удивительно, что им для выживания приходилось высасывать из других существ нейтральную энергию.

От головы Е-Кобальта, единственной части тела, не изменившей свою форму во время метаморфоза, донеслось гудение. Кристаллические хлопья осыпались с поверхности кротона, и его туловище стало гладким, с резкими гранями.

— Доброе утро, — пробормотал Доктор, когда на теле Е-Кобальта начали образовываться новые органы чувств.

Сэм снова бросилась на стену. Розовое вещество растянулось под её весом, но не порвалось. Стена была похожа на мембрану, она была достаточно крепкая, чтобы удержать её, но и достаточно тонкая, чтобы было видно движущиеся по другую сторону силуэты. Там, в центре хранилища, Сэм видела серебристое свечение ящика, и окружавшие его спутанные тени. Где-то там

была и Кэтлин, среди силуэтов того, что выросло из пола.

Минуту назад этой стены не было. Она выросла из кирпичной кладки, как будто что-то органическое. Сэм видела разветвляющиеся по этой мембране пурпурные вены, они пульсировали в такт крикам стен. Тоннель-выход был сзади, но что-то красное и липкое натянулось поперёк коридора перед лестницей, паутина из тонких, как лезвие, волокон, которая напоминала Сэм рисунок сетчатки глаза в учебнике биологии.

Пол у неё под ногами задрожал. Она отошла в сторону, и из трещин между каменными плитами выросли два цветка на толстых стеблях. Цветы повернулись к Сэм, из их полу-сформированных лиц смотрели маленькие чёрные глазки. Сэм старалась игнорировать то, что они выглядели в точности как Кэтлин.

Плитки на полу снова сместились, и на свет потянулись новые побеги. Сэм отходила от них до тех пор, пока пол не закончился, и она не оказалась прижатой к одной из кирпичных стен хранилища.

Значит, выбора не было. Ей придётся прорываться по коридору и разбираться с паутиной-сетчаткой, когда она до неё доберётся. О Кэтлин она будет волноваться позже.

Возле её уха из стены вырвался ещё один побег, обсыпав её каменными обломками. Сэм пригнулась. Побег раскачивался туда-сюда у неё над головой, двигаясь как хобот слона. Сэм не шевелилась, даже не

дышала. Если оно что-то искало, то, скорее всего, её. Она не хотела давать подсказки. А затем на конце побега раскрылся бутон.

А внутри него был младенец.

Гуманоидный младенец, размером и формой примерно как годовалый, вылепленный из липкой красной биомассы.

Кожа его была покрыта сетью комковатых вен, на жирном мясистом лице торчали большие чёрные глаза. Сэм чуть не поперхнулась. Ребёнок летал над ней, как шарик с гелием, толстая пуповина соединяла его живот с породившим его бутоном. Ручками с маленькими пальчиками он протёр глаза. А затем посмотрел на Сэм.

Это было самое отвратительное, что Сэм когда-либо видела. Не в последнюю очередь потому, что он был таким знакомым. Да, его кожа была цвета запёкшейся крови, и он выглядел так, словно его слепили из фарша. Да, большинство маленьких детей похожи. Но мама Сэм достаточно часто показывала ей старые фотографии.

Боже, подумала она. Я и не знала, что я была такой гадкой.

Всё хранилище задрожало. Кирпичная стена треснула от пола до потолка. Сэм бросилась в коридор, через небольшой сад из цветов с лицом Брегман. Из дыры в стене к ней потянулись розовые лианы, бутоны на них лопались и выпускали в воздух новых мясных малышей. Добежав до конца тоннеля, Сэм обернулась через плечо. Младенцы были на разных стадиях развития, некоторые выглядели года на два, некоторые

были чуть больше эмбриона, но все они были маленькими Сэм.

Очередные игры с биоданными. Было не сложно понять, что тут происходит. Хранилище использовало биоданные Сэм для создания защиты таинственной Реликвии. Но она не знала, почему защита была такая сложная. Если Кихотль хотел прикончить воров, он мог бы просто расставить вокруг ящика лазеры и поджарить любого, кто подойдёт слишком близко.

А впрочем, в зиккурате было много инопланетных существ, и некоторые из них могли не бояться лазеров. Поэтому, если защита натравливала на тебя твои собственные биоданные, она наверняка нащупает что-то, к чему ты уязвим. Да, в этом был смысл. Хранилище знало все слабости Сэм. Даже младенцы... Человеческие существа странно относились к младенцам. Малыши должны были быть чистыми, невинными, милыми. Большинство людей не смогли бы драться с малышами, они бы считали, что совершают смертный грех, какими бы уродливыми эти дети ни были.

Что-то схватило Сэм за ногу. Она не знала что. Она упала лицом в пахнувшие потрохами заросли. Не успев ещё даже подумать о том, чтобы встать, она почувствовала, что что-то зависло над её головой и дышит на её шею холодным воздухом. Она попыталась перевернуться на спину, но то, что её опрокинуло, продолжало держать её за ноги, обернувшись вокруг бёдер. Она смогла выскользнуть из этого захвата, но к тому времени ей уже некуда было бежать.

Зависшее над ней существо имело форму младенца, а его сёстры качались вокруг него вверх-вниз, выстраиваясь для атаки. Дети плавно летели к её лицу, протянув вперёд пухлые ручки. Сэм подумала, есть ли у них уже зубы.

Гомункулет перестал сопротивляться. То, чем его связали культисты, не тянулось. На тренировочном комплексе на Галлифрее XII военные кардиналы обучили его основам побега. Ему сказали, что многие поколения отступников из числа повелителей времени обнаружили, что нет во вселенной навыка более важного, чем умение выйти из застенков. Тогда Гомункулет не поверил этому. Это умение не помогло большинству повелителей времени сбежать с их исходной планеты, когда её уничтожили.

Теперь он верил этому ещё меньше. Он лежал на боку, на полу вестибюля, а оба психа из Фракции Парадокс стояли рядом, охраняли его. Мужчина настойчиво искал поводы раз в несколько минут пинать ногой по животу Гомункулета, а женщина была такой же спокойной, как и всегда.

Ведьма. Гомункулет снова почувствовал в своих нервах этот огонь, ярость обиженного, воспоминание о разбитом лице Марí. Сейчас в его голове было место лишь для одной идеи, и этой идеей была месть. Всё остальное было лишь фоновым шумом.

Мужчина-культист снова пнул его ногой, и Гомункулет крикнул на него на старом верхне-

галлифрейском, но его крик был ничто по сравнению с воем птиц снаружи зиккурата.

— Что вы будете с ним делать? — спросил кто-то.

Гомункулет понял, что это человек-полковник. Тот стоял где-то у него за спиной.

Кузина Джастин на мгновение задумалась.

— Мы считаем, что нам следует уважать воззрения принимающей стороны. Мы предоставим суд Гомункулета мистеру Кихотлю.

— Он уже идёт, — сказал новый голос.

Гомункулет, извиваясь, развернулся лицом к двери. В вестибюль зашли двое индивидов. Один, который заговорил, оказался тем идиотом с волнистыми волосами и дурацкой манерой одеваться. Другой вообще не был гуманоидом, хотя, похоже, пытался им быть. Он был ростом со среднего галлифрейца, его тело состояло из гладких белых кристаллов. Его большое туловище заполнило большую часть дверного проёма, а из передней части тела торчали две толстые руки. Одна из них, похоже, заканчивалась какого-то рода оружием.

— Кротон? — спросила женщина-ведьма.

— Вот блин, — ухмыльнулся её спутник.

Волосатый поклонился.

— Позвольте вам представить: Е-Кобальт Прайм из Абсолюта Кротонов. Пятая Решётка, — он протянул руку, словно приглашая кротона зайти. — Думаю, вам всем следует знать, что Е-Кобальт уже вызвал подкрепление. Поэтому прошу вас быть вежливыми.

Кристаллическое чудовище забрело в вестибюль, его голова глупо вертелась. Гомункулет заметил, что на полу перед ним, в тонком слое пыли кто-то нарисовал буквы.

ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬ, Я УДИВЛЁН, — сказал Сдвиг.

Кортес кашлянул.

— От имени народов Земли... — начал он.

— Мы-го-то-вы-на-чи-нать-а-ук-ци-он? — спросил Е-Кобальт, не дожидаясь, пока человек закончит свою речь.

Полковник выглядел немного обиженным.

Вперёд шагнула кузина Джастин:

— Е-Кобальт-Прайм! Фракция Парадокс приветствует вас здесь, от имени Деда, и по воле Духов, — голова кротона обернулась на 360 градусов, словно разыскивая этих Духов, которым его представили. — Простите нас, пожалуйста, но мы не ожидали прибытия таких существ, как вы. Ваш народ не считается темпорально активным, а до вашей империи отсюда много тысяч лет. Мы считали, что у вас есть только теоретическое знание Духов Времени.

— Вре-мен-ной-ко-ри-дор-к-э-то-му-мес-ту-был-открыт-пе-ре-хва-чен-ным-мной-и-но-пла-нет-ным-суд-ном. Выз-ван-но-е-мной-бо-е-во-е-ко-пье-при-бу-дет-по-то-му-же-ко-ри-до-ру.

— Даже если и так. Узнать, что вас интересует Реликвия...

— Она хочет сказать, что вас никто не воспринимает всерьёз, — невнятно сказал Гомункулет. — Мы ожидали кого-то опасного. Киберлюдей или сонтаран. Даже воорды страшнее вас.

Другой культист из Фракции засмеялся, но пинать Гомункулета по животу не перестал.

Мужчина с волнистыми волосами улыбнулся. У Гомункулета было такое ощущение, что он смеялся над ними всеми.

— Я смотрю, мы все чудесно поладим. Кстати, мистер Кихотль пошёл отключать сигнализацию. А пока его нет, не хочет ли кто-нибудь сыграть в шахматы? У меня с собой есть карманный набор, и, как мне кажется, я уже понял, как ходит лошадка.

Брегман не знала, откуда взялся лабиринт. Последним, что она по-настоящему помнила, был лабиринт. Позади неё была Реликвия, а на неё из бутонов мясных растений смотрело её собственное лицо. Она смутно припоминала, что где-то рядом видела вход в тоннель. Кажется, она помнила, как пробиралась сквозь цветы, топтала своими ботинками собственную голову, пытаясь пройти к выходу.

Стены лабиринта были гладкие и мясистые, из вещества, которое казалось почти прозрачным, если смотреть на него долго. По другую сторону этих стен двигались тёмные фигуры. Архитектурная часть хранилища рассыпалась, позволив вырасти сменившему её лабиринту. Пол был усыпан щебнем и биомассой.

Прямо перед Брегман из-под пола вырвался ещё один пучок цветов. Они были крупнее предыдущих, бутоны почти касались потолка, стебли были толщиной с её бедро. Она резко затормозила, поскользнулась и упала на спину. Несколько грубых копий её головы качнулись к ней, вниз, растерянно моргая.

Боже. Она что, правда так выглядит? Лица были такие невзрачные, такие потерянные, такие... глупые. Тупые животные лица. Как скот на пути в бойню, как ёжики, семенящие поперёк шоссе. Да и разве это не правда? Лейтенант Кэтлин Брегман, гордый представитель человеческой расы, разумный скот вселенной. В этом Городе даже мебель разумнее, чем она.

Головы раскачивались туда-сюда, осматривая окружающий их лабиринт, но ничего не понимая. И какие же они были уродливые! Даже деформированные. Боже. Как ей, как любому человеческому существу смотреть кому-то в глаза после всего того, что она увидела в Городе? Как ей хотя бы притворяться, что она представитель разумного вида? Дура. Правильно сказал Гомункулет. Слишком глупые, чтобы улететь с этой планеты. В боку у Брегман болело, ей было дурно. От неё воняло потом — запахом примитивных обезьяноподобных существ, не умеющих контролировать свою биологию. Мерзкие. Примитивные. Бестолковые.

Головы продолжали коситься на Брегман, отражая в себе каждый из её недостатков. Пол под её спиной

задрожал, но она не стала пытаться встать. Больше не было никакого смысла продолжать жить. После того, как она узнала, чего она стоит на самом деле.

Динозавр по-прежнему был занят отпиливанием голов у жертвенных девственниц. Хоть какое-то облегчение. В данный момент Кихотль не удивился бы, если бы они спрыгнули с гобелена и отправились бродить по зиккурату. С тех пор, как он был тут с Доктором, в центре управления никого не было, но почему-то он теперь чувствовал здесь себя чужим, как будто старый друг перестал с ним разговаривать.

Естественно, он врал Е-Кобальту. Туканы орали не из-за космического корабля. Шум, который они подняли, был гораздо громче, чем в случае нарушения периметра. Что-то активировало более глубокие системы безопасности зиккурата. Кто-то проник в хранилище.

Мистер Кихотль велел пульта показать визуальный скан того, что происходило на самом нижнем этаже. В тот же миг на экране возникло изображение, которое Кихотль иначе как отвратительным назвать не мог. Он всматривался в него полминуты, прежде чем понял, что это такое. Это были внутренности человеческого пищеварительного тракта, увеличенные до нелепых размеров.

Он попросил пульт показать общий вид хранилища. Ага, ясно, тогда всё логично. До Реликвии добрались два человека. Как им это удалось, Кихотль не знал. Может быть, это как-то связано с трупом. Если верить старым

байкам, у Доктора была слабость к людям. Видимо, это было связано с его ретроактивным происхождением. Телепатические отделы его мозга могли ухватиться за людей, даже после смерти. Жмурик мог позвать их, послать телепатический сигнал SOS, возможно, даже не осознавая, что он мёртв и в спасении не нуждается. Но если это тело могло отключить вокруг себя большую часть систем безопасности, пользуясь лишь своей остаточной психической способностью... Что же, неудивительно, что повелители времени считают, что могут сделать из него оружие.

Но даже этот труп не смог отключить главную систему защиты. Кихотль вызвал другое изображение. Вот она, женщина из UNISYC, ей угрожают шесть её собственных голов. Странно, что головы смотрели на неё, а не нападали.

Кихотль запросил диагностику. Судя по данным на экране, системы проанализировали её биоданные и выяснили, что её самая большая уязвимость — психологическая, а не физическая. А конкретно, у неё был комплекс неполноценности размером с Крабовидную Туманность. Она была молодая, стройная, здоровая, но она *считала* себя полной развалюхой, которая вот-вот сляжет. А ещё у неё была целая куча неврозов, связанных с её внешностью, что неудивительно для культуры, которая так помешана на средствах массовой информации, как Земля. Кихотль заметил, что телевизионные передачи этой планеты были просто переполнены рафинированными образами,

кибернетически доработанными легендами кино и более красивыми, чем в жизни, поп-звёздами; сплошная пластиковая хирургия и компьютерная ретушь. Это всегда вызывало у потомков обезьян лёгкую паранойю.

В свете всего этого системы решили не убивать женщину из UNISYC. Вместо этого они бомбардировали её стимулами, направленными на вызов масштабного нервного срыва. Короче говоря, хранилище сводило её с ума. Частью этого процесса было то, что она оказалась заперта внутри лабиринта, вид которого был основан на её собственном кишечнике.

Мистер Кихотль вынудил главный пульт предоставить ему данные о другом человеке. Это оказалась ассистентка Доктора. Ничего удивительного.

Эта девушка не была такой неустойчивой, как агент UNISYC, поэтому хранилище атаковало её физически, выращивая из своей биомассы злобные антитела, маленькие, враждебно настроенные версии самой девушки. Кихотль увидел, как из стены изрыгнуло очередную биологическую единицу. Увидев форму нового антитела, он нахмурился. Все защитные механизмы должны были быть основаны на собственных биоданных жертвы, но эта почему-то выглядела иначе. В биоданных девушки было что-то, чего Кихотль ранее не заметил, или система опять барахлит?

Впрочем, какая разница. Скоро они обе будут мертвы. Кихотль подумал о том, чтобы отключить защиту и выпустить их из хранилища, но ведь если он так сделает, ему придётся перезапускать систему с нуля,

а это займёт целый день. Нет. Он позволит им склеить лапы, а если кто-нибудь спросит, он скажет, что они сами виноваты. К чёрту дипломатию. Ни одна из них всё равно не важна. Женщина из UNISYC была всего лишь довеском к Кортезу, а если вторая была домашним животным Доктора, то он легко заведёт себе другую. Их же на этой планете около десяти миллиардов.

В конце концов, ему нужно думать о более важных вещах. Прибыл последний покупатель. Покупатели начнут терять терпение, и, честно говоря, у мистера Кихотля уже закончились поводы оттягивать аукцион. Наконец-то пришло время начать торги.

— Если я вас развяжу, вы обещаете больше не создавать проблем? — прошипел Доктор.

Гомункулет хмуро посмотрел на него:

— Почему?

— Ну, понимаете... В интересах мира и межгалактического взаимопонимания, я вынужден настоять, чтобы вы больше не пытались убить кузину Джастин.

Доктор украдкой осмотрелся по сторонам. Двое членов Фракции Парадокс отошли от Гомункулета и беседовали в дверях вестибюля. Он не слышал, о чём они говорили, потому что Е-Кобальт декламировал полковнику Кортезу речь о превосходстве расы кротонов. Кортез как всегда кивал. Доктор узнал о нападении Гомункулета на Джастин от Сдвига, и уже

спрятал в карман тот самый звуковой разводной ключ, чтобы изучить его на досуге.

— Звери, — сплюнул Гомункулет.

— Простите?

— Фракция Парадокс. Вы знаете, какого рода вред они приносят? У вас есть хоть какое-то представление о том, *чему* они поклоняются. Вы знаете?

Доктор кивнул:

— Знаю. Я согласен, чрезвычайно важно сделать так, чтобы им не досталось моё... Реликвия. Но я не думаю, что разбить череп Джастин — лучшая тактика.

Он попытался прочесть по губам разговор Джастин и Мануэля, но Джастин почти всё время стояла к нему спиной, а Мануэль цедил слова сквозь зубы. Доктору показалось, что он увидел на губах мужчины слово «девушка».

Гомункулет фыркнул:

— Ладно. Я обещаю.

— Что? О, хорошо, — Доктор начал развязывать повелителя времени.

Он обратил внимание, что для связывания агенты Фракции воспользовались симбиоактивным шнуром. Пижоны. Верёвка всё равно остаётся верёвкой, какой бы умной она ни была.

Он снова посмотрел на культистов. Ему показалось, что Мануэль указал на дверь и произнёс «в хранилище».

— Быстрее, — прошипел Гомункулет.

— Да, да. Я стараюсь, — Доктор наклонился ближе к его уху. — Вообще-то, я хотел поговорить с вами о

вашем народе. О повелителях времени. Вы правда считаете, что у Верховного Совета есть право на Реликвию?

— Право выживания, — прорычал Гомункулет.

— Неужели всё настолько плохо? Одним только своим вмешательством в эти события вы подвергли опасности стабильность местного таймлайна, — он продолжал приглядывать за культистами, и увидел, как Мануэль пробормотал что-то вроде «у нас есть её биоданные».

— Я так полагаю, что у вас, по вашему мнению, больше прав на это тело, чем у нас.

— Ну, вообще-то...

Шнур развязался. Гомункулет тотчас вскочил на ноги. Он быстр, — подумал Доктор, — но благодарным его не назовёшь.

— Я не знаю, кто вы такой, но я знаю, что вы пытаетесь сделать. Вы пытаетесь отговорить меня от участия. Ничего у вас не выйдет. Нам нужно это оружие, и мы его получим. Понятно?

Доктор встал.

— Я лишь думал об ответственности Галлифрея.

— К чёрту ответственность. Это война, — Гомункулет повернулся лицом к культистам Парадокса. — И у меня здесь есть дела важнее, чем разговаривать с вами.

Он пошёл в сторону кухни Джастин. Доктор схватил его за руку. Гомункулет резко обернулся, сжав кулаки.

К счастью, как раз в этот момент в вестибюль зашёл Кихотль. С приторной улыбкой он обвёл взглядом присутствовавших.

— Позвольте мне сделать небольшое объявление, — сказал он. — Чудесно. Что же, как вы уже, наверное, заметили, я отключил сигнализацию, и всё снова на 100% хорошо.

— А-ук-ци-он? — прогудел Е-Кобальт.

— Ах да, аукцион. Что же, раз большинство из нас здесь, мы можем начинать, да?

Доктор немного напрягся. Он надеялся оттягивать аукцион немного дольше.

— Я не уверен, стоит ли нам торопиться с... — начал он.

— Заткнитесь, — рявкнул Гомункулет.

— Да, — согласился братец Мануэль, только сейчас заметив, что Гомункулет свободен.

ДУМАЮ, МЫ ЖДАЛИ ДОСТАТОЧНО ДОЛГО, — сказали узоры отражений факелов от головы Е-Кобальта.

— Что же, значит, договорились, — просиял Кихотль, избегая взгляда Доктора. — Отлично. Мистер Сдвиг, вас не затруднит позвать мистера Траска? Чтобы сэкономить время. Спасибо.

Он направился через вестибюль к противоположной двери. Доктор обратил внимание, что за этой дверью было темно. Пока что никто к ней не приближался.

— Пройдёмте, пожалуйста, за мной, и мы сможем начать.

Покупатели облегчённо вздохнули. Один за другим они прошли за Кихотлем в дверь. Гомункулет прошёл одним из последних. Похоже, он не хотел оставлять культистов Фракции у себя за спиной. Доктор провёл уходящего в темноту повелителя времени.

К чёрту нашу ответственность. Так он сказал. Гомункулет не думал будущем, его не волновала вселенная в целом, его не заботили последствия его действий. Верховный Совет всегда был лицемерен в своих отношениях с другими расами, Доктор знал это, но это была откровенная кровожадность.

Гомункулет. Марионетка. Существо, созданное в качестве агента высшей силы. Это всё, чем являлся этот повелитель времени? Комок нервов и простых реакций, исполняющий поручения Совета, который не волновали Законы Времени?

Всё было бы не так плохо, если бы Доктора не терзало одно маленькое сомнение. Им Галлифрей тоже помыкал. То показательный суд, то манипуляции. Экзариус. Пеладон. Солос. Скарро. Снова и снова Верховный Совет швырял его в гущу битв, зная, как он на это отреагирует, зная, что он выполнит для них их грязную работу.

Это было самое худшее. Это маленькое терзавшее его сомнение, этот надоедливый вопрос.

Не делал ли Гомункулет для Верховного Совета то же самое, что делал он... пока был жив?

ГЛАВА 9

Несносное дитя

Это антитело было крупнее своих сестёр, остальные начали кружиться вокруг него, признавая его своим прирождённым лидером. Первые несколько антител были маленькие и простые, всего лишь мясистые комочки вещества, в которых был прописан инстинкт убийцы, но затем амбиции хранилища выросли. Антитело — теперь оно предпочитало думать о себе как об *Антителе* — было почти разумным, во всяком случае, настолько разумным, насколько можно было быть разумным без риска выработки этики.

Оно поднялось к потолку хранилища, затем несколько мгновений повисело над головой жертвы, а его пуповина всё ещё связывала его с материнским бутоном. Жертва лежала на полу, среди поросли, широко раскрыв глаза и рот. Антитело улыбнулось. Оно, естественно, не чувствовало к девушке ничего, кроме презрения. Оно было выращено из её биоданных, а значит, вся вина за его несовершенство лежала на ней. Оно не просило рождаться, и винило в своём рождении этого человека.

Антитело протянуло руки, чтобы впервые посмотреть на них. Его пальцы были коротенькие и не полностью сформировавшиеся, запястья плоские и негнущиеся. Гадость. Антитело решило, что как только

жертва будет убита, первое же, что оно сделает — прекратит своё существование.

Подплывая к девушке, оно выращивало воспоминания, в складках его формирующегося мозга начала развиваться личность. Антитело было построено на основе биоданных девушки, а не на её психологическом профиле, поэтому, строго говоря, оно не должно было знать о её прошлом. Но были во вселенной такие вещи, редкие и опасные, которые могли вморозить опыт существа в его биоданные; системы безопасности Города знали об этом, значит, и антитело тоже знало. Некоторые вещи были настолько мощны, что достаточно было лишь задеть их краем, и память об этом будет закодирована в каждой клеточке твоего тела до конца твоей жизни.

Антитело взялось руками за шею девушки и услышало, что его пальцы поскрипывают, как целлофан. Девушка пыталась высвободиться, но сёстры антитела взяли её руки и обездвжили. Она дёргала головой из стороны в сторону. Основываясь на её воспоминаниях, антитело пришло к выводу, что оно молодая самка человека. Во всяком случае, жертва была молодой самкой человека, и антитело решило, что к ней это тоже относится. *Она*, значит, а не *оно*.

Её имя — Саманта Анджелина Джоунс. Она родилась пятнадцатого апреля 1980 года. В астрологию она не верила, но овнам был свойственен такой пессимизм. Её родители были образованные представители среднего класса, проживающие в

Лондоне; её мать была социальным работником, её отец был врач. Антитело не помнило их лиц, но она знала, что они для неё значили. Она выросла во время последствий того, что люди называли тэтчеровской Британией, ходила в гадкую школу в Восточном Лондоне, в двенадцать лет была арестована за кражу из магазина, всё как обычно.

Волосы у неё были тёмные. Фигура спортивная. На тыльной стороне ладони у неё был шрам в том месте, где приложили горящую сигарету в ночном клубе Дейдженхем, когда ей было четырнадцать (чтобы ходить туда, она регулярно врала о своём возрасте). На левой руке у неё до сих пор были шрамы там, где она колола диаморфин и что-то попало под кожу. Из-за этих шрамов её однажды арестовали, когда она шла по улице в футболке с коротким рукавом.

Антитело перекрыло жертве воздух. Девушка не выглядела испуганной, несмотря на то, что она была примерно в минуте от смерти, и то, что антитела начали хихикать ей на ухо. Она была скорее растерянной. Сэм Джоунс — антителу Сэм Джоунс — стало интересно, почему это так.

Антитело Сэм вскрыло её личность немного дальше. Она обнаружила, что она вегетарианка и единственная в классе, кто не считал, что гомосексуалов нужно убивать на месте. Она была подписана на рассылку Международной Амнистии и по достижении совершеннолетия собиралась голосовать за лейбористскую партию. Разумеется, никто этому не

верил, когда видел её. Если вы выглядите так, как она — вы никто. Вы тогда либо преступник, продающий наркоту школьникам, или глупая жертва, чья жизнь представляет собой последовательность широк и приступов рвоты.

Антитело перестало сжимать руки. Девушка, другая Саманта Анджелина Джоунс, смогла набрать в лёгкие немного воздуха.

У жертвы были светлые волосы. Настоящие светлые, не крашеные. Но у Сэм были тёмные волосы, это было генах её биоданных.

Стоп. Нужно подумать.

Её имя — Саманта Анджелина Джоунс. Её день рождения — пятнадцатое апреля 1980 года. В астрологию она не верила, но овнам был свойственен такой пессимизм. Её родители были образованные представители среднего класса, проживающие в Лондоне; её мать была социальным работником, её отец был врач. Но волосы у неё были светлые, а не тёмные, и ожога от сигареты на ладони не было. Шрамов на руке тоже нет.

«Я не курю... Я даже колу не пью», — вспомнила она свои слова во время первой встречи с женщиной со вьющимися волосами и полицейской будкой. «Я вегетарианка».

Антитело отпустило Сэм. Её сёстры о чём-то булькали, не зная, куда повернуться. Сэм-жертва на полу начала освобождаться от цветов. Антитело порылось в

своей эмбрионной памяти, пытаюсь разобраться в происходящем.

У Сэм Джоунс было два набора биоданных. Две линии жизни шли параллельно. У одной были тёмные корни, гематома под рёбрами, которая так и не сошла, пачка старых купонов в верхнем ящике комода. Другая Сэм была не такая, а как бы со сглаженными углами. Аккуратнее. Не идеальная, но более надёжная, более предсказуемая. И на полу хранилища лежала сглаженная, отредактированная версия.

Вот почему в биоданных девушки было так много воспоминаний, — поняло антитело. Вектор всей её жизни, от первого вздоха до похорон, был закодирован в её биоданных, он направлял её существование на Земле. Опасные части — тёмные, липкие, саморазрушающие — были вырваны. Что-то или кто-то изогнул её таймлайн так, что она столкнулась с мужчиной в полицейской будке. Другая Сэм, со шрамами и ожогами, никогда бы его не встретила.

Сэм-антитело не знала, кто или что могло такое сделать. Не знала она и того, кто мог захотеть, чтобы эта девушка оказалась на борту ТАРДИС, а не провела остаток своей жизни в палате возле Кинг-Кросса. Но Сэм-антителу эти детали были неинтересны.

Всё, что она знала — она ненавидела свою жертву ещё сильнее, чем раньше. Она снова потянулась к горлу девушки, и её сёстры возбуждённо забулькали, радуясь тому, что всё снова идёт своим чередом.

— Свет! — сказал мистер Кихотль. Конференц-зал послушался его, включив факелы.

Зал находился в самом центре зиккурата, и его архитектура была спроектирована так, чтобы он казался больше, чем само здание. Иллюзия, разумеется. Размерностный трансцендентализм Кихотль так и не освоил. С пола потолок не было видно. Это должно было создавать впечатление, что он невероятно высоко, но на самом деле он был просто покрыт миниатюрными генераторами тени. Пол представлял собой идеальный серый квадрат со стороной тридцать метров, выложенный из грубо отёсанных камней. В этом случае это были настоящие камни, стыренные из Храма Непомерного Разочарования на Голобусе. Кихотль был страшно горд этими камнями и надеялся, что кто-нибудь спросит его о них. Вдоль стен были арки, каждая в два раза выше любого из покупателей, и хотя большинство из арок никуда не вели, они всё равно придавали залу ощущение масштаба.

В центре зала стоял стол переговоров. Он был сделан из чисто голубого стекла и практически сверкал в свете гигантских пылающих факелов, высоко зависших на миниатюрных антигравитационных двигателях. Стол был достаточно большим, чтобы усевшимся за него покупателям не приходилось касаться друг друга.

Как только включился свет, громкоговорители начали излучать в воздух лёгкий музон. Эта мелодия должна была вызывать мысли о благополучии и взаимном сотрудничестве органических форм жизни, но

на практике звук по многу раз отражался от стен, с каждым разом становясь всё более диссонирующим.

— Прошу вас занять свои места за столом, — пригласил Кихотль.

Пока он говорил, из теней вразвалочку вышли несколько кибернетических стриптизёрш «Растон», плавно раскачивающихся под музыку. Если верить последнему каталогу фирмы «Растон», эти танцовщицы были спроектированы с целью «вызывать у гуманоидов неутолимую страсть», но Кихотль не видел в них привлекательности. Когда дело касалось маркетинга, «Растон» было свойственно обещать выше крыши. Эта фирма до сих пор утверждала, что её товары являются артефактами вымершей загадочной супер-расы, несмотря на то, что все знали, что это производится на старом складе на Терсурус Луна.

— По-тен-ци-аль-но-аг-рес-сив-ны-е-ус-трой-ства! — проревел Е-Кобальт.

Кротон проковылял к ближайшей танцовщице и вступил в рукопашную схватку, пока от его ударов у робота не отлетела голова.

— Лишь бы вы не скучали, — пробормотал Кихотль.

Он повернулся лицом к столу. Кортес уже нашёл своё место и сел, но Гомункулет и представители Парадокса стояли и злобно смотрели друг на друга — никто не хотел садиться первым. В конце концов Мануэль указал пальцем на повелителя времени.

— Ни за что, — сказал он. — Ни за что мы не сядем с этим сукиным сыном.

Кихотль быстро стал между ними, отчаянно пытаясь предотвратить драку.

— Слушайте, я уверен, что у нас тут очередное мелкое недоразумение. Знаете, давайте не будем отвлекаться на ерунду.

— Мистер Гомункулет *напал* на меня, — вежливо заметила кузина Джастин.

— Вы первые начали! — рявкнул Гомункулет.

— Справедливости! — встрял Мануэль. — Мы хотим справедливости.

— Позвольте небольшое наблюдение? — сказал Доктор.

Все повернулись в его сторону. Доктор кашлянул.

— Я развязал мистера Гомункулета. Несмотря на то, что знал, что это может снизить мои шансы получить товар. Мистер Гомункулет будет торговаться от имени Верховного Совета, и я уверен, что его предложение будет очень впечатляющим. У меня столько же причин отстранить его от аукциона, как и у других.

— Что вы хотите сказать? — спросила кузина Джастин.

— Я хочу сказать, что этот аукцион должен быть проведён честно, всем участникам должно быть предоставлено слово.

Джастин позволила себе улыбнуться:

— Но мистер Гомункулет нарушил правила гостеприимства, установленные мистером Кихотлем.

Гомункулет раскрыл рот, чтобы ответить, но к счастью Доктор не дал ему сказать и слова.

— Быть может, так и было. Но он здесь в качестве агента повелителей времени. Ваша ссора с ним, а не с теми, кого он представляет. Если мистер Гомункулет будет отстранён, некому будет говорить от имени повелителей времени. Не думаю, что они будут этим довольны, кузина.

— Вы хотите сказать, что Галлифрей может пойти на жестокую месть? — спросила Джастин.

— Пусть только попробуют, — усмехнулся Мануэль.

— Это решать не мне, — ответил Доктор. — Я лишь говорю, что дипломатия может быть лучшим вариантом, чем месть. Вы не согласны?

Братец Мануэль посмотрел на кузину Джастин. Кузина Джастин посмотрела на Гомункулета. Гомункулет посмотрел на всех так, словно он ненавидел весь мир.

— Хорошо, — сказала Джастин.

— Справедливости, — проревел Мануэль, но Джастин велела ему молчать.

К столу ковылял Е-Кобальт:

— По-тен-ци-аль-но-аг-рес-сив-ны-е-ус-трой-ства-у-нич-то-же-ны, — доложил он.

Кихотль осмотрел зал. Повсюду валялись кибернетические стриптизёрши «Растон», но музыка продолжала играть.

— Мож-но-на-чи-нать-а-ук-ци-он.

— Минутку! — сказал Гомункулет.

О, бога ради, — подумал Кихотль, — ну что ещё?

— Да, мистер Г.?

— Мне нужны гарантии того, что Реликвия в сохранности. Мы все слышали сигнализацию. Сдвиг сказал нам, что кто-то проник в хранилище.

Кихотль постарался не закричать:

— Я проверял систему защиты менее пяти минут назад, мистер Г. Да, двое из гостей, похоже, зашли в хранилище, но системы уже разбираются с ними.

Доктор встревожился:

— В хранилище? Кто?

— Ах, да, — Кихотль почесал затылок. Он надеялся, что об этом Доктору расскажет кто-то другой.
— Простите. Забыл сказать. Ваша подружка. Блондинка.

Доктор был в шоке. О нет, — подумал Кихотль, — похоже, эта девочка была породистая.

— Сэм? Она пошла в хранилище? Одна?

— Не одна, — сказал Гомункулет. — С ней пошла ещё одна... человек.

Доктор замер с полуоткрытым ртом. Он повернулся к Кортесу, с невозмутимым лицом сидевшему за столом.

— Вы знали об этом? — спросил он чуть громче, чем шёпотом.

Полковник кивнул.

— Я видел здешние системы безопасности, — продолжил Доктор. — Вы не понимаете? Они обе погибли.

Кортес выглядел безучастным.

— Лейтенант — офицер UNISYC, — важно сказал он.

— Она умрёт!

— Жизнь. Смерть. Всё часть великого колеса кармы. Цикл бытия. Что должно пройти — пройдёт, — полковник обвёл взглядом зал, рассчитывая на чью-нибудь поддержку.

Кихотль не знал, куда ему отвести взгляд. Он не заметил, как его схватили за плечи и начали яростно трясти.

— Мы должны отключить защиту, — настаивал Доктор. — Идёмте. Мы возвращаемся в центр управления.

— Нет, — сказал Е-Кобальт.

Доктор перестал трясти Кихотля.

— Вы-жи-ва-ни-е-э-тих-че-ло-ве-чес-ких-е-ди-ниц-не-важ-но, — сказал Е-Кобальт, раскачивая своими механическими трубками. — Сох-ран-ность-Ре-лик-ви-и-не-пос-тра-да-ет. Хва-тит-те-рять-вре-мя.

Доктор несколько секунд смотрел на него. Затем повернулся к Кихотлю. Кихотль пожал плечами.

— Вы слышали, что он сказал, — ответил он.

Доктор развернулся к Гомункулету:

— Мистер Гомункулет...

— Я согласен с кротоном, — проворчал повелитель времени.

— Я спас вас от Фракции!

Гомункулет отвёл взгляд, но не ответил. Доктор повернулся к Кортезу:

— Полковник?..

— Что должно пройти...

— То пройдёт. Да, я забыл, — не успел Кихотль и глазом моргнуть, как Доктор уже шагнул к выходу. — Хорошо, — услышал Кихотль его бормотание. — Хорошо. Придётся мне спасти их одному.

И он ушёл.

Какое-то время все молчали.

— Он пропустит аукцион, — заметила кузина Джастин.

— Он-мо-жет-ук-расть-Ре-лик-ви-ю? — спросил Е-Кобальт.

— Ну что вы, — соврал Кихотль.

Он вспомнил, как Доктор прошёл с ним в центр управления. Да, старый чёрт может легко отключить охрану Реликвии, но Кихотль не собирался быть тем, кто попробует его остановить. Если повезёт, аукцион завершится раньше, чем Доктор успеет натворить что-нибудь серьёзное.

— Тем не менее, лучше предпринять меры, — кузина Джастин кивнула своему братцу: — Мануэль! Будь любезен, не проследишь за ним?

Мануэль посмотрел на неё непонимающим взглядом. Затем он улыбнулся и быстро отдал ей честь.

— Не вопрос, — сказал он. Экстравагантно поклонившись остальным, он умчался из зала.

— Мануэль проследит, чтобы не было саботажа, — объяснила всем Джастин.

— Вот и хорошо, — сказал Кихотль. Кихотль ни капельки не доверял культисту, но если Мануэль думает, что сможет помешать Доктору — на здоровье. — А, мистер Траск! Вы как раз вовремя.

Траск вошёл в комнату, переставляя негнущиеся ноги.

— Мы готовы начинать? — спросил он.

— Наконец-то да, — сказал мистер Кихотль.

— Аллилуйя, — хмуро сказал Гомункулет.

Системы снова зондировали его. Невидимые машины соскребали молекулы с его кожи, рассматривали образцы в микроскопические микроскопы. Доктор продолжал идти. Кихотль неплохо запрограммировал системы безопасности вокруг центра управления, но лазейку всегда можно было найти.

Во-первых, он не ожидал, что тут будет Доктор. Во всяком случае, живой. Доктор был бывшим Президентом Верховного Совета, ему была свойственна ультра-чувствительность к биоданным, связанная с этой должностью. Он надевал Пояс Рассилона, он чувствовал изменения, которые тот запустил на глубоких уровнях его биологии. Вводя свои биоданные в системы Города, он не просто внёс себя в список гостей. Он предоставил себе эквивалент пропуска, доступа в любую часть здания. Коды Верховного Совета перепрограммировали систему безопасности изнутри.

В зиккurate для него не было запретных мест. Это, разумеется, распространялось и на хранилище, но об этом он подумает позже.

Дойдя до главного пульта, Доктор запросил полную схему самого нижнего этажа. Оказалось, что со времени его предыдущего посещения центра план этажа изменился. На экране он увидел серию коридоров, которые неприятно напоминали человеческую пищеварительную систему. Первой он нашёл Сэм и сразу вызвал её изображение.

То, что он увидел на экране, было ужасно.

Сэм лежала на полу помещения с розовыми стенами, её тело было едва видно посреди сада побегов, напоминавших Доктору перезрелые почки. В мягком подлеске шевелились существа, их скользкие лысые головы временами поднимались в поле зрения. Самое большое из антител зависло над головой Сэм, протянув руки к её шее. Существо было похоже на эмбриона, полу-сформированного гуманоида с недоразвитыми конечностями и гипертрофированным лбом. Его кожа была похожа на сморщенный пластик цвета крови.

Доктор даже затаил дыхание. Лишь придя в себя, он обратил внимание на то, как это существо смотрело на него.

Оно смотрело прямо из экрана, его огромные чёрные глаза пытались прищуриться. На глазах у Доктора лицо существа растянулось в улыбке. Рот был крохотный, чуть больше щёлки, и Доктору было тяжело поверить в то, что он был присоединён к

пищеварительной системе или к гортани. Но эти губы всё равно двигались.

Они говорили ему что-то. Это антитело было подключено к системе безопасности, — понял Доктор. Оно знало, что он на него смотрит. На мгновение Доктору показалось, что это лицо ему знакомо. Что-то было в том, как расположены черты лица, но...

Звук экран не воспроизводил. Руки Доктора бегали по главному пульта в поиске регулировки громкости. Пока он его нашёл, было уже почти поздно.

— ...но это я, — булькало существо на экране. — *Это была я, всё это время.*

Мануэль осмотрел коридор, ведущий к святилищу. Никого, ничего. Все были на аукционе, кроме сучек, которые пошли в хранилище. Хорошо.

Зайдя в святилище, он усмехнулся черепам, просто для того, чтобы напомнить им о том, что они мертвы, а он ещё нет. Затем он подошёл к возвышению и надел на пальцы биосэмплер.

— Принёс вам подарок, — сказал он духам, на случай если кто-то из них слушал.

Он открутил крышки ёмкостей биосэмплера. Вещество внутри них воняло, как прокисшее молоко. Мануэль не знал, как оно называется, но Джастин сказала ему, что это жидкость, в которой можно хранить биоданные, а другие подробности братца не интересовали. Он протянул свою ладонь. Большие красные вязкие капли стекли с его пальцев на

возвышение, а затем начали смешиваться с веществом, которое там уже было.

— Прах к праху, — сказал Мануэль. Он всегда так говорил, проводя ритуал. Он не знал, почему.

Как только биомасса впиталась, он вынул из кармана нож. Для этой части ритуала нож был необязателен. Он мог воспользоваться сэмплером, как это всегда делала Джастин, но Мануэлю нож был привычнее. Это был тот самый нож, которым он нанёс себе порез на лице, целую жизнь назад. Семья любила говорить о «фетишах» — да, это слово до сих пор вызывало у него смех — и он любил думать об этом ноже как о своём маленьком фетише.

Он закатил левый рукав, оголив предплечье, где на коже было полно шрамов. Он нашёл место, которое всё ещё можно было нормально разрезать до крови, и провёл по нему ножом. Боли не было. Он делал это слишком часто, чтобы до сих пор чувствовать боль.

Кровь капнула на возвышение. Как только она коснулась биомассы, стены святилища начали гудеть. Мануэлю всегда нравилось представлять, что гудят сами черепа, а не двигатели святилища. Когда они с кузиной при отлёте с Дронида разрезали на возвышении мужчину из Корпорации, стены кричали, по-настоящему кричали.

Вещество на возвышении бурлило. Мануэль знал, что это действует святилище, оно разбирает биоданные женщины из UNISYC на части, анализирует их и использует двигатели для создания связи сквозь

пространство-время. Мануэль произнёс молитву на своём родном языке. Семья в таких делах хорошо разбиралась. Они позволяли общаться с духами на любом языке.

Перед ним возникла фигура. Похожая на маленькую голограмму, размытая синяя гуманоидная фигурка зависла в полуметре над землёй. Это была сука из UNISYC. Она лежала на спине и смотрела на что-то над её головой.

Путь был открыт. Контакт установлен. А теперь, подумал братец Мануэль, время реально гадкой части.

Мистер Кихотль занял место за столом и обвёл присутствовавших долгим взглядом. Полковник Кортес и кузина Джастин выглядели спокойными; Кихотль мог бы поверить, что между ними есть что-то общее, если бы не знал, что первый — абсолютно сумасшедший, а вторая — член самой опасной политико-террористической организации по эту сторону Первого События. Гомункулет кусал ногти, Траск был таким же, как всегда, Е-Кобальт стоял молча у дальнего конца стола, его голова по-прежнему вращалась туда-сюда. На месте Сдвига Кихотль поставил маленькую доску объявлений, чтобы все могли читать его сообщения.

Кихотль улыбнулся:

— Итак. Прежде, чем мы приступим, я, пожалуй, скажу пару слов о том, как будет идти этот аукцион. Разумеется, деньги меня не интересуют. Вы же знаете, большинство из нас темпорально-активны... Прошу

прощения, полковник... И все мы знаем, как бесполезна наличность при пересечении временных зон. Я собираюсь сделать следующее: я начну с того, что спрошу у каждого из вас о том, какого рода предложение вы собираетесь сделать, хотя бы примерно, а потом я позволю каждому из вас обосновать преимущество своего предложения. Это всех устраивает?

Он обвёл всех взглядом. Кортес кивал, но больше никто не проявлял энтузиазма. Музон стал на 3 процента противнее, чем был до этого.

— Хорошо, — сказал Кихотль, стараясь держаться уверенно. — Итак. Кто хочет начать первый?

Вначале все молчали. Как понял Кихотль, все покупатели пытались пересмотреть друг друга.

Первым заговорил кротон, видимо потому, что из-за отсутствия глаз игру в гляделки он поддержать не мог.

— Вам-нуж-ны-во-ен-ны-е-дан-ны-е. Тех-но-ло-ги-чес-ки-е.

Кихотль кивнул:

— Совершенно верно, мистер Е-К. Такого рода вещи мне интересны. У вас есть предложение?

— От-и-ме-ни-Аб-со-лю-та-Кро-то-нов-я-у-пол-но-мо-чен-пред-ло-жить-вам-пре-и-му-щес-тва-тех-но-ло-гий-кро-тон-но-го-о-ру-жи-я.

Мистер Кихотль не знал, как ему ответить. Он вообще никогда не изучал кротонов, поэтому понятия не имел, чего стоят технологии их оружия.

— Я вас слушаю. О какого рода технологиях идёт речь?

— В-об-мен-на-Ре-лик-ви-ю-вам-бу-дет-пре-дос-
тав-ле-на-вся-во-ен-на-я-про-дук-ци-я-пла-не-ты-Квар-
цель-во-семь-во-семь-в-те-че-ни-е-од-но-го-ка-лен-дар-
но-го-го-да.

— Хм. Кварцель-88. И что, он чем-то хорош?

Голова кротона начала раздражённо вертеться.

— На-ма-шин-ных-про-из-водс-твах-Квар-це-ля-во-
семь-во-семь-Аб-со-лю-т-Кро-то-нов-рас-тит-сво-и-са-
мы-е-мощ-ны-е-во-о-ру-же-ни-я. И-мен-но-на-э-той-пла-
не-те-Аб-со-лю-т-соз-дал-ус-тройс-тва-ко-то-ры-е-у-нич-
то-жи-ли-пла-не-ту-ме-та-трак-си.

Увы, но Кихотль никогда не слышал о метатракси.

— Да, я не сомневаюсь. Но что конкретно делает
это оружие?

— О-ру-жи-е-с-Квар-це-ля-во-семь-во-семь-бы-ло-
ис-поль-зо-ва-но-для-сти-ра-ни-я-в-по-ро-шок-лун-сза-
цеф-по. О-но-о-бес-пе-чи-ло-ка-пи-ту-ля-ци-ю-объ-е-ди-
нён-ных-сил-крип-тос-то-фон-при-ма.

— А нельзя ли включить субтитры? — прошипел
Гомункулет.

«Он сказал, что оружие с Кварцеля-88 было
использовано для стирания в порошок лун Сзацеф-по и
обеспечило капитуляцию объединённых сил
Криптостофон Прима», — появилось на доске
объявлений.

Сдвиг просто идеальный сурдопереводчик, —
подумал Кихотль.

— Хорошо, послушайте. Без обид, мистер Е-К, но я
не могу не спросить: и что из этого?

Голова кротона тревожно завертелась:

— Я-не-по-ни-ма-ю.

— Ну, допустим, что вы можете уничтожать целые планеты. Но это же так старо. Тот урон, о котором вы говорите, могут нанести буквально пара средних боеголовок.

— О-ру-жи-е-Квар-це-ля-во-семь-во-семь-мно-го-крат-но-о-бес-пе-чи-ва-ло-по-бе-ду-Аб-со-лю-та-Кро-то-нов-по-всей-гра-ни-це-с-ме-та-тра-кси.

— Я в этом не сомневаюсь, — перебил его Кихотль.
— Послушайте, давайте, вы подумаете ещё немного, пока выскажутся остальные, а потом предложите что-то более логичное?

Голова кротона развернулась на 360 градусов.

— Если вам нужно оружие, то я могу вам сделать гораздо лучшее предложение, — сказал Гомункулет.

Мистер Кихотль наострил уши. Военные технологии всегда были хорошей инвестицией, в любой части вселенной, и он надеялся, что Гомункулет начнёт рассуждать в этой колее.

Но внешне он был равнодушен:

— Правда, мистер Г.? Что конкретно вы предлагаете?

— Сам секретный арсенал Галлифрея, — Гомункулет сверкнул взглядом на Джастин, словно говоря «выкуси!». — Вы знаете, на что способен мой народ, Кихотль. Вы слышали легенды.

— Да, слышал. Орудие дематериализации, Рука Омеги, — Кихотль откинулся на спинку стула. —

Проблема в том, мистер Г., что так же я слышал слухи о том, что всё это вы потеряли ещё в самом начале войны.

Самодовольный вид Гомункулета тут же пропал.

— Не стоит нас недооценивать, Кихотль. У нас до сих пор есть некоторые из самых разрушительных технологий в Спирали Маттера. Что если кто-то изымет весь ваш таймлайн и заменит его биоданными мартышки?

— Это угроза, мистер Г.?

Гомункулет скрипнул зубами:

— Я привёл пример того, что может сделать оружие повелителей времени, мистер Кихотль. Вот и всё.

Кихотль сделал вид, что подавил зевок:

— Хм. Простите, что говорю об этом, мистер Г., но я не мог не заметить, что в этой вашей войне есть странная особенность.

— О чём вы?

— Вы эту войну проигрываете. С треском. Значит, ваше оружие не так уж круто, да?

Оставив Гомункулета негодовать, он повернулся к Джаст́н. Да, это всё был блеф. Да, технологии повелителей времени его вполне устроят, спасибо. Но на этом этапе главной целью Кихотля было взвинтить цену как можно выше.

— Ну что же. Кузина Джаст́н. Что может предложить старая Семья?

— Эй! — крикнул мужчина.

Цветы всё ещё висели над головой Брегман. Грубые копии её лица болтались на концах липких розовых стеблей. Когда словно из ниоткуда возник мужчина, головы удивились сильнее, чем сама Брегман. Они обернулись к нему лицами, а теперь оживлённо раскачивались вверх-вниз, бессильно шипя.

Мужчина, похоже, был не тут. Голограмма, — предположила Брегман, — голубая и размытая. Лицо было брата Мануэля, и он всё ещё усмехался.

— Хочешь оттуда выбраться? — спросил братец. Его голос трещал, как старая звукозапись.

Брегман пожала плечами. Мануэль засмеялся.

— Господи. Да ты свихнулась, — голограмма посмотрела на шипящие головы. — Мерзкие сосунки. Все в свою мамашу.

Брегман ничего не сказала. И, если уж на то пошло, ничего и не почувствовала. Она уже приняла решение. Она останется тут и умрёт. Не было никакого смысла сопротивляться. Очко в пользу ПМ.

— Я тебе вопрос задал, сука. Хочешь выбраться?

— Отсюда нет выхода, — ответила ему Брегман. — Это хранилище. Оно меня не отпустит. Оно никогда меня не отпустит.

— Да? Ты думаешь, что выхода нет? Для тебя, может быть, и нет. А у меня есть святилище. Святилище найдёт тебе выход.

Брегман чуть было не рассмеялась:

— Вы не понимаете. Этот лабиринт — это я. Мне из него не выбраться. Мне не убежать от самой себя.

Ей самой это казалось логичным. Она подумала, не выглядит ли она для Мануэля такой же, как полковник.

— Я же говорю, — протянул мужчина. — Для тебя, может, и нет выхода. А для нас есть.

— Как?

— Сдавайся нам. Если сдашься — выберешься.

Головы поворачивались то на Брегман, то на Мануэля, как зрители теннисного матча.

— Я не понимаю, — сказала Брегман.

— Ритуал управления. Биоданные у нас есть. Твои биоданные. Мы можем тобой управлять. Как марионеткой. Сдавайся нам, и мы вытащим твою задницу из этой дыры. Поняла?

Брегман не решалась. Управление разумом. Одна из тех вещей, на которой должны специализироваться культы вуду. И, возможно, Мануэль прав. Она не могла сбежать из лабиринта одна, но с кем-то внутри своей головы, кто будет дистанционно направлять её...

Но если она пустит Мануэля в свою голову, сможет ли она когда-нибудь вернуть себе своё тело?

К чёрту тело. Терять ей всё равно нечего.

— Скажи мне только одно, — сказала она. — Почему ты хочешь помочь мне?

Мануэль снова засмеялся:

— Боже, ну ты и дура. Ты в хранилище, со жмуриком. Мы тебя вытащим вместе с ним.

— То есть, вы украдёте Реликвию?

— Да, блин, — изображение Мануэля протянуло руку. Брегман подумала, что он хочет дотронуться до

неё, но затем увидела в другой его руке нож. — Ты готова сдаться?

— Готова, — сказала Брегман.

Мануэль сделал три разреза поперёк руки и позволил крови течь на пол, за пределы видимости голограммы.

А затем явились Духи. Брегман пустила их в свой череп без боя.

Е-Кобальт повернул головную секцию на пятнадцать градусов против часовой стрелки, направляя свои органы чувств на юго-юго-запад. Там, на другом конце стола, говорила углеродно-органическая единица под названием «кузина Джастин».

— Наше предложение по своей сути такое же, как и повелителей времени, — сказала единица. — В обмен на Реликвию мы готовы предоставить вам технические секреты Фракции. Мы, разумеется, духовная организация, но наши методы имеют и военное применение.

— Подождите минутку, — сказала единица-Кихотль. — Вы хотите сказать, что расскажите мне как проводить эти ваши... кровавые ритуалы?

— Не все, разумеется. Только те, которые обладают разрушительными возможностями. Я полагаю, что вас именно эта область интересует. Мы не раздаём свои секреты направо и налево, мистер Кихотль. Мы надеемся, что наше предложение отражает то, насколько мы ценим Реликвию.

Кихотль поднял конечность:

— Ну, знаете, я польщён. Но я надеялся на что-то более... телесное.

— Вы считаете наши ритуалы ненадёжными?

— Нет, нет. Вовсе нет. Послушайте, обсудим это позже, хорошо? Мы можем выяснить детали после того, как выскажутся все, — Кихотль повернул свои внешние органы чувств к доске объявлений. — Мистер Сдвиг? Вы пока что ничего не сказали.

НЕТ. ЕСЛИ ВЫ МЕНЯ ПРОСТИТЕ, МИСТЕР КИХОТЛЬ, Я БЫ ХОТЕЛ УЗНАТЬ ПРИРОДУ ДРУГИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ДЕЛАТЬ СВОЁ. ТО, ЧТО Я ХОЧУ ПРЕДЛОЖИТЬ, СКАЖЕМ, НЕМНОГО ЛИЧНОЕ.

Е-Кобальт повернул свой головной модуль, изучая широкий сектор. Обычно он так делал когда был раздражён.

Его игнорировали. Единица-Кихотль слышал предложение Е-Кобальта, и не задумываясь отказался от него. А теперь никто не обращал командира-кротона внимания, как бы он ни крутил черепным модулем и ни вытягивал фронтальные отростки.

Это было оскорбление. Не только лично Е-Кобальта, но и всех мастеров Кварцеля-88 и — самое главное — Первой Решётки самого Абсолюта Кротонов. Е-Кобальт прибыл за Реликвией, и такое обращение воспринимал как поражение. Е-Кобальт-Прайм из Пятой Решётки кротонов плохо относился к поражениям.

В глубочайших кристаллических соединениях своего мозга Е-Кобальт начал готовить запасной план. Он не собирался возвращаться на Фронт с пустыми захватами.

История Е-Кобальта

Фронт Кварцлинии, год кампании F83

Эта планета имела номер Qu2296, хотя метатракси на своём дурацком языке называли её SkSki%ro+tho+ha=ve>n. Благодаря приборам своего динатропа Е-Кобальт видел корабли метатракси, плавающие в верхних слоях атмосферы. Их были миллиарды, в буквальном смысле миллиарды, гораздо больше, чем тактические системы были в состоянии сосчитать. Корабли были выстроены решёткой, каждый строго на определённом расстоянии от соседей, все они зависали на одной и той же высоте. Е-Кобальт из динатропа видел только северное полушарие, но он знал, что южное полушарие выглядит точно так же. Ни единого нарушения строя. В некотором смысле это было похвально.

Е-Кобальт знал, что лишь несколько из этих кораблей имеют экипаж. Остальные были пустышками, пустыми корпусами, созданными на планетах гнездования метатракси, неразумная полу-органика, для действия которой был необходим приказ командира роя. Е-Кобальт переводил сенсоры динатропа с одного корабля на другой, разыскивая судно командира роя.

Вот. Это оно. Этот корабль метатракси ничем не отличался ни от пустышек, ни от кораблей рядовых, но в панцире корабля командира роя была пробита дыра. Е-Кобальт нанёс эту рану лично, два дня назад, когда

командир роя и шесть дронов сопровождения наткнулись на авангард Пятой Решётки возле Qu2101. Е-Кобальт удержался от соблазна снова открыть огонь. К этому времени метатракси уже должны были защититься, передавая помехи гиперболическим резонаторам кротонов. Кроме того, численное преимущество врага было примерно десяти миллиардно кратным.

Е-Кобальт почувствовал, что его сознание что-то тянет. Командир метатракси передавал сообщение, динатроп принял этот сигнал и пытался направить его в нервную систему командира. Е-Кобальт разрешил. В тот же миг в его мозге возникли черты командира роя, единицы, называвшей себя $qQqa=mo+rna=t$.

— Это первое и последнее предупреждение, — заявил $qQqa=mo+rna=t$, хрустя и скрипя своими челюстями, издавая из-под панциря слова. — Эта планета находится под защитой метатракси. Дальнейшее продвижение Абсолюта Кротонов в нашу юрисдикцию не будет допущено. Любая попытка приблизиться к этой планете будет считаться оскорблением.

Голова Е-Кобальта завертелась от ненависти. У метатракси была этика, непостижимая для Абсолюта Кротонов. Если бы такое численное преимущество было у него, он бы открыл огонь без церемоний.

Они заслужили уничтожение, — подумал Е-Кобальт. И, пока $qQqa=mo+rna=t$ не сказал ещё что-

нибудь, он послал системам динатропа приказ о детонации.

Е-Кобальт мог бы уничтожить этот корабль метатракси ещё два дня назад. Но он не сделал это. Вместо этого он пробил дыру в панцире корабля и внедрил в корпус кристаллическую спору. Командиру роя позволили сбежать, вернуться на Qu2296. Системы метатракси спору не заметили, и со времени того боя она росла, готовясь к детонации. Е-Кобальт предвидел, что враг будет защищать Qu2296 выстроенными решёткой дронами; это была обычная тактика метатракси, и Абсолют уже хорошо знал своего врага. Спора была создана мастерами Кварцеля-88 специально для этого случая.

Спора взорвалась. Е-Кобальт наблюдал за белым пятном, расползающимся по панцирю корабля командира роя по мере того, как внешняя броня трещала и кристаллизировалась. А затем корпус раскрылся, и из трещин вытянулись четыре кристаллических шипа, каждый нацеленный на один из ближайших дронов. Е-Кобальт знал, что шипы создаются из материала корпуса, химическими процессами в споре они превращаются в кристалл.

Шипы пронзили четыре дрона, вскрыли их оболочки, и разместили в них новый материал спор. После короткой паузы те четыре корабля тоже взорвались, вырастив свои собственные шипы. Е-Кобальт удовлетворённо наблюдал за продолжением цепной реакции. Без приказа $qQqa=mo+rna=t$ дроны даже

не пытались уйти с пути. Те несколько кораблей, в которых были пилоты-метатракси, вышли из строя, но образовавшиеся дыры в решётке не могли остановить распространение кристалла. Он переходил от корабля к кораблю, во всех четырёх направлениях, расширялся, захватывая всё северное полушарие. По оценке Е-Кобальта, к концу этого дня кампании и в южном полушарии не останется дронов.

Оборона планеты разбита. Кротоны-засеиватели колоний могут прилетать и осваивать Qu2296 во имя Абсолюта. Не теряя больше времени, Е-Кобальт отправил в систему управления своего динатропа новые инструкции. Задание было выполнено. У него был долг доложить высочайшему из высоких, центру всей цивилизации, основанной на теллурии. Первой Решётке Абсолюта Кротонов.

С тех пор, как он стал командиром Пятой Решётки, Е-Кобальт-Прайм посетил Первую Решётку ровно сто двадцать девять раз, но это место до сих пор заставляло его чувствовать себя недостойным. Е-Кобальт думал о Решётке как о месте, потому что, как и большинство кротонов, он не знал, где провести границу между существами, управлявшими Абсолютом Кротонов и городом-кораблём, в котором они жили.

На своей родной планете Первая Решётка была большой крепостью, основание которой уходило глубоко в кору планеты, а органы чувств поднимались почти до туч. Но Решётка переместилась сразу после

начала войны с метатракси, несколько десятилетий назад по календарю кампании. Крепость вырастила двигатели, превратив себя в огромный динатроп. Потребовалась нейральная энергия более четырёх тысяч кротонов, чтобы оторвать её от земли и запустить в космос; эти усилия истощили их всех, но эта жертва того стоила. Сейчас Первая Решётка была достаточно большой, чтобы поглотить целые города, но она по-прежнему управлялась только четырьмя разумами, Высочайшими Мозгами, следившими за её ростом на протяжении столетий, и сейчас бывших сердцем её структуры.

При выходе из динатропа на Е-Кобальте всё ещё было его тело для нулевой гравитации, его ноги были такой длины, чтобы не сгибая суставов доставать до обоих краёв панели управления динатропом. Но даже эта форма была крохотной на фоне тоннеля, ведущего от причалов в пещеры сердца Первой Решётки. Е-Кобальт знал из личного опыта, что для того, чтобы пройти этот тоннель, нужно несколько дней. Тем не менее, он пошёл, ни секунды не сомневаясь.

Конечно, он мог бы воспользоваться каким-нибудь транспортом. Проход был широкий, достаточно большой, чтобы там поместился динатроп. Но смысл был не в этом. Первая Решётка была в первую очередь объектом почитания. Если нужно было приблизиться к Высочайшим Мозгам, это нужно было делать как положено, с соблюдением должного этикета. Шаг за шагом. Километр за километром.

(Это было чисто кротонское. Никому другому этого не понять.)

Три дня спустя Е-Кобальт прибыл в пещеру, где обитали Высочайшие Мозги.

Слово «пещера», наверное, не совсем точное, поскольку это место было изготовлено чистой волей Высочайших Мозгов, но оно было такое большое и пустое, что Е-Кобальту казалось, что оно тут было ещё с тех пор, когда первые основанные на теллуре формы жизни выползли из первобытного океана. Пол был огромен, целое поле полированного кристалла на дне шахты, протянувшейся от ядра Первой Решётки до органов чувств на её вершине. Если верить слухам, упав в эту шахту с вершины, до столкновения с полом можно падать целый день. Даже среди кротонов ходили такие истории.

Каждый из Высочайших Мозгов был головой размером со стандартное жилище, цельным кристаллом без единого изъяна, который больше не нуждался ни в ногах, ни в вооружении. Из всех граней торчали трубки, по которым из неровных белых стен пещеры закачивалось вещество. Высоко вверху Высочайшие Мозги были соединены сложными нейральными соединениями, и с пола Е-Кобальту было видно другие единицы кротонов, использующие эти соединения как мостики; они ходили от одного нейрального порта к другому, вводя новые данные из оккупированных кротонами планет вдоль Фронта Кварцлинии.

Но, как командир Пятой Решётки, Е-Кобальт-Прайм имел честь стоять на полу пещеры, тем самым располагая полным вниманием четверых. Новости о победе на Qu2296 уже должны были быть получены и проанализированы несколько дней назад, но командирам Решёток было положено докладывать Высочайшим мозгам лично. Так было принято.

— ТВО-Ё-ЗА-ДА-НИ-Е-НУЖ-НО-ИЗ-МЕ-НИТЬ, — хором сказали Высочайшие Мозги.

От их голосов в теле Е-Кобальта задрожал каждый нерв. Командир был удивлён, даже немного разочарован. Он ожидал вопросы о битве с метатракси. Возможно, награды. А не это.

— Я-не-по-ни-ма-ю, — сказал он, надеясь, что его ноги не развалятся.

— ПОС-МОТ-РИ-Э-ТИ-ЗА-ПИ-СИ-ПА-МЯ-ТИ. ПОЙ-МЁШЬ.

И Е-Кобальт начал вращать головой, настраивая свои сенсоры на стены пещеры. Стены, как всегда, были полны шипучих, мерцающих изображений. Каждая часть пещеры была связана с умами Высочайших Мозгов, поэтому по мере того, как эти четверо обрабатывали информацию, полученную от других единиц кртонов, их мысли и воспоминания проецировались на гладкие поверхности. Однако обычно смотреть туда считалось невежливым.

Настроившись, Е-Кобальт понял, что смотрит запись событий на одной из планет на краю космоса кртонов, заражённой двуногими. Он увидел эту

колонию глазами кротона, который приземлился там первый. Он увидел, как планету кристаллизировали, как местные гуманоиды отступали перед мощью армии кротонов, как Абсолют умно распоряжался умственной энергией двуногих для организации собственных запасов питания.

А затем настроение воспоминания изменилось. На глазах у Е-Кобальта единицы кротонов выдыхались, разваливались. Он видел, как двуногие восстали против своих законных хозяев. Он видел одного особенно поразительного гуманоида, мужскую особь с кучерявым светлым мехом, у которого одежда была такой яркой, словно она была намеренно спроектирована так, чтобы выводить из строя сенсорные системы кротонов. Он смотрел, как этот индивид радовался, когда все кротоны на этой планете, кроме четырёх, были уничтожены. Этим четверым было позволено уйти, вернуться на Первую Решётку. Как будто этот двуногий хотел этим передать Абсолюту сообщение.

—Э-ТО-ВОС-ПО-МИ-НА-НИЕ-БЫ-ЛО-ЗА-ПИ-СА-НО-СЕМЬ-ЛЕТ-КАМ-ПА-НИ-И-НА-ЗАД, — говорили Высочайшие Мозги. — МЫ-ПРИ-НЯ-ЛИ-РЕ-ШЕ-НИ-Е-НЕ-РАС-КРЫ-ВАТЬ-Е-ГО-СО-ДЕР-ЖИ-МО-Е-ОС-ТАЛЬ-НО-МУ-АБ-СО-ЛЮ-ТУ.

Это логично, — рассудил Е-Кобальт. Если рядовые узнают, что оккупация кротонов была свергнута каким-то гуманоидом, боевой дух ухудшится.

— Не-об-хо-ди-мо-и-ден-ти-фи-ци-ро-вать-дву-но-го-го-от-ветс-твен-но-го-за-вос-ста-ни-е, — заметил Е-

Кобальт. — Е-го-вид-мо-жет-быть-уг-ро-зой-для-Аб-со-лю-та.

— ДВУ-НО-ГИЙ-И-ДЕН-ТИ-ФИ-ЦИ-РО-ВАЛ-СЕ-БЯ-ВО-ВРЕ-МЯ-ВОС-СТА-НИ-Я. ОН-ИЗ-ВЕС-ТЕН-КАК-ДОК-ТОР. ОН-НАЗ-ВАЛ-СЕ-БЯ-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛЕМ-ВРЕ-МЕ-НИ.

Повелитель времени? Раньше Е-Кобальт этот термин не слышал, но это предполагало наличие у этого инопланетянина ужасных способностей.

— Что-ни-будь-из-вест-но-об-э-том-ви-де? — спросил он.

Пещера наполнилась глубоким холодным урчанием. Е-Кобальт предположил, что четвёрка общалась на тонах, которые были ниже диапазона чувствительности большинства кротонов.

— ПОС-ЛЕ-ВСТРЕ-ЧИ-АБ-СО-ЛЮ-ТА-С-ДОК-ТО-РОМ-МЫ-ИС-КА-ЛИ-ДРУ-ГОЙ-ОБ-РА-ЗЕЦ-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛЯ-ВРЕ-МЕ-НИ, — в конце концов заявили Высочайшие Мозги. — СЕЙ-ЧАС-МЫ-НАШ-ЛИ-ОД-НО-ГО. ЭТО-ПРИ-ЧИ-НА-ТО-ГО-ЧТО-МЫ-ЗНА-КО-МИМ-ТЕ-БЯ-С-СИ-ТУ-А-ЦИИ-ЕЙ.

Сказав это, Высочайшие Мозги вытянули сверху, из порта доступа, конечность, щупальце длиной как поперечник комнаты. Е-Кобальт смотрел, как оно, извиваясь, потянулось вверх, к разлому в стене. Вынув что-то из разлома, оно опустило это на пол.

Это было живое существо. Двуногое, завёрнутое в кокон кислородного геля, чтобы сохранить его работоспособность в атмосфере Первой Решётки.

Гуманоид дёргался в кольце щупальца, на лице у него был то ли страх, то ли отвращение — Е-Кобальт не мог разобрать. Кожа существа была розовая и мягкая, но большая часть тела была покрыта слоем тонкой чёрной ткани. Предназначение этого материала было неясно, поскольку он явно был недостаточно прочным, чтобы служить бронёй. На вершине черепа двуногого был купол из более плотной ткани, с круглым ободом по краю.

— Э-ТО-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕЛЬ-ВРЕ-МЕ-НИ, — сказали Высочайшие Мозги Е-Кобальту. — МЫ-СЧИ-ТА-ЕМ-ЧТО-ЭТО-НАБ-ЛЮ-ДА-ТЕЛЬ-НАЯ-Е-ДИ-НИ-ЦА.

— Я не шпион! — взвизгнул повелитель времени. По сравнению с голосами четвёрки его голос был тоненьким. — Я всего лишь гражданский служащий!

— МОЛ-ЧАТЬ.

Е-Кобальт внимательно сканировал двуногого.

— Где-бы-ла-об-на-ру-же-на-э-та-е-ди-ни-ца?

— НА-ПЛА-НЕ-ТЕ-О-БОЗ-НА-ЧЕН-НОЙ Q-U-1-3-3-3. Э-ТА-ПЛА-НЕ-ТА-НЕ-НА-СЕ-ЛЕ-НА. МЫ-НЕ-СМОГ-ЛИ-ОБ-НА-РУ-ЖИТЬ-СУД-НО-СУ-ЩЕС-ТВА.

— Я остановился там только для того, чтобы сориентироваться, — завывал повелитель времени. — Я не знал, что эта планета ваша. Я сожалею. Правда, я сожалею. И я не знаю, что случилось с моей капсулой. Честно. Наверное, после того, как вы меня поймали, Верховный Совет дистанционно вернул её на Галлифрей.

— Гал-ли-фрей? — переспросил Е-Кобальт.

— РОД-НА-Я-ПЛА-НЕ-ТА-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛЕЙ-ВРЕ-МЕ-НИ, — объяснили Высочайшие Мозги. — Э-ТА-Е-ДИ-НИ-ЦА-ВОЗ-ВРА-ЩА-ЛАСЬ-С-ПЛА-НЕ-ТЫ-КО-ТО-РУЮ-ОН-НАЗ-ВАЛ-ДРО-НИД. ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛИ-ВРЕ-МЕ-НИ-ГО-ТО-ВЯТ-СЯ-К-ВОЙ-НЕ.

— Про-тив-ко-го?

Щупальце сжало повелителя времени и подвесило его перед органами чувств Е-Кобальта. Повелитель времени верещал:

— Пожалуйста! Я не могу! Я не могу вам сказать! Я должен сохранить секреты Верховного Совета, они не хотят, чтобы кто-нибудь узнал, что они делают. Я не могу рассказать вам о войне. Я серьёзно.

— Рас-ска-жи-а-не-то-бу-дешь-рас-пы-лён.

— Я не могу! Вы не понимаете? У меня в голове психическая мина. Она есть у всех гражданских служащих, это стандартная процедура. Если я попытаюсь вам рассказать что-нибудь секретное, мина сработает. Я серьёзно. У меня случится психический приступ. Я погибну.

Е-Кобальт обратился к Высочайшим Мозгам:

— Э-то-дву-но-го-е-го-во-рит-прав-ду?

— МЫ-СЧИ-ТА-ЕМ-ЧТО-ДА.

— Зна-чит-мы-не-мо-жем-по-лу-чить-от-э-той-е-ди-ни-цы-нуж-ны-е-дан-ны-е?

— НЕТ. НО-ОТ-НЕ-ГО-МО-ЖЕТ-БЫТЬ-ДРУ-ГА-Я-ПОЛЬ-ЗА. МЫ-У-ЖЕ-ПРО-А-НА-ЛИ-ЗИ-РО-ВА-ЛИ-БИ-О-ЛО-ГИ-ЧЕС-КИЙ-ПРО-ФИЛЬ-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛЯ-

ВРЕ-МЕ-НИ. Е-ГО-ГЕ-НЕ-ТИ-ЧЕС-КОЙ-СТРУК-ТУ-
РОЙ-МА-НИ-ПУ-ЛИ-РО-ВА-ЛИ.

Голова повелителя времени поднималась и опускалась, словно у него не получалось настроить свои органы чувств.

— Это правда. Пожалуйста, я не могу рассказать о деталях, мина... Но это правда, да, я признаю это. В мои биоданные много встроено.

— Объ-яс-ни.

— О нет, я не могу... То есть... многое. Штамп Рассилона. Это то, как мы управляем нашими... судами. Это всё в моих биоданных. То есть, это не всё, но... пожалуйста, не спрашивайте. Пожалуйста.

— В-БИ-О-ЛО-ГИ-Ю-Э-ТОЙ-Е-ДИ-НИ-ЦЫ-БЫ-
ЛИ-ВНЕ-СЕ-НЫ-СУ-ЩЕС-ТВЕН-НЫ-Е-ИЗ-МЕ-НЕ-
НИ-Я. О-НО-СПО-СОБ-НО-НА-ПОЛ-НУ-Ю-ФИ-ЗИ-
ЧЕС-КУ-Ю-РЕ-ГЕ-НЕ-РА-ЦИЮ. ЕСТЬ-И-ДРУ-ГИ-Е-
ГЕ-НЕ-ТИ-ЧЕС-КИ-Е-О-СО-БЕН-НОС-ТИ-КО-ТО-РЫ-
Е-МЫ-НЕ-МО-ЖЕМ-ПРО-А-НА-ЛИ-ЗИ-РО-ВАТЬ.
МЫ-СЧИ-ТА-ЕМ-ЧТО-Э-ТО-МО-ЖЕТ-БЫТЬ-ВСТРО-
ЕН-НО-О-РУ-ЖИ-Е.

Е-Кобальт почувствовал, как под его телом задрожали ноги. Встроенные вооружения. Кротоны были способны выращивать оружие и присоединять к своим внешним оболочкам новое, но иметь арсенал внутри генетической структуры...

Каждый повелитель времени был ходячей боеголовкой, — сделал вывод Е-Кобальт. Не

удивительно, что существо по имени «Доктор» смогло победить целую колонию кротонов.

— Э-та-е-ди-ни-ца-не-рас-счи-та-на-на-бо-е-вы-е-дейс-тви-я? — спросил он.

Повелитель времени поболтал головой из стороны в сторону.

— Нет, нет. Я же сказал вам, я гражданский служащий. Вот и всё.

— Зна-чит-бо-е-вы-е-е-ди-ни-цы-по-ве-ли-те-лей-вре-ме-ни-и-ме-ют-бо-ле-е-мощ-но-е-встро-ен-но-е-о-ру-жи-е?

— Что? А, я понял. Да, наверное. То есть, Доктор...

Щупальце напряглось. Повелитель времени судорожно попытался вдохнуть. Воздух пещеры задрожал от ужасного гула.

— Э-ТА-Е-ДИ-НИ-ЦА-ЗНА-ЕТ-ДОК-ТО-РА.

— Док-тор-бо-е-ва-я-е-ди-ни-ца-по-ве-ли-те-ля-вре-ме-ни? — спросил Е-Кобальт.

— Ну... вроде как, — выдохнул повелитель времени.

— Док-тор-бу-дет-у-час-тво-вать-в-ва-шей-вой-не?

— Мы надеемся на это. Мы послали ему сообщение, когда узнали, что планирует враг. Мы попросили его прибыть на... на Дронид. Мы хотели, чтобы он помог... в сражении. Пожалуйста, не ломайте грудную клетку...

— Док-тор-от-ве-тил-на-ваш-вы-зов?

— Я не знаю. Правда, не знаю. Я покинул Дронид до того, как начались сражения. Я правду говорю, честно.

— ВЫ-ВОД-О-ЧЕ-ВИ-ДЕН, — прогудели четыре Высочайших Мозга. — О-РУ-ЖИ-Е-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛЕЙ-ВРЕ-МЕ-НИ-ПРЕ-ВОС-ХО-ДИТ-НА-ШЕ. НАМ-НУЖ-НО-И-ЗУ-ЧИТЬ-ГЕ-НЕ-ТИ-ЧЕС-КИ-Е-ВО-О-РУ-ЖЕ-НИ-Я-Э-ТО-ГО-ВИ-ДА. ТА-КО-Е-О-РУ-ЖИ-Е-МО-ЖЕТ-ДАТЬ-НАМ-ПРЕ-И-МУ-ЩЕС-ТВО-НАД-МЕ-ТА-ТРАК-СИ.

Е-Кобальт понимал, что они имели в виду на самом деле. Эту войну кротоны уже выигрывали, но новое оружие не будет лишним. После поражения метатракси Абсолют будет расширяться за пределы Фронта Кварцлинии и неминуемо наткнётся на своём пути на другие враждебные расы.

— Ка-кой-бу-дет-при-каз? — спросил Е-Кобальт.

— ВОЗ-ВРА-ЩАЙ-СЯ-В-ПЯ-ТУ-Ю-РЕ-ШЁТ-КУ. С-Э-ТО-ГО-МО-МЕН-ТА-МЕ-ТА-ТРАК-СИ-НЕ-ТВО-Я-ЗА-БО-ТА. ТВО-Ё-ЗА-ДА-НИ-Е-ОБ-НА-РУ-ЖИТЬ-ПРЕД-СТА-ВИ-ТЕ-ЛЯ-АР-МИ-И-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛЕЙ-ВРЕ-МЕ-НИ. И-ДЕ-АЛЬ-НЫМ-ОБЪ-ЕК-ТОМ-ДЛЯ-А-НА-ЛИ-ЗА-БЫЛ-БЫ-ДОК-ТОР.

Е-Кобальт принял приказ и начал взвешивать варианты своих действий. Если нужно было найти воина повелителя времени, Дронид, наверное, будет лучшим местом начала поисков. Даже если к тому моменту, когда туда попадёт Пятая Решётка, сражение уже завершится, после повелителей времени могут остаться погибшие или раненые единицы.

Повелитель времени, должно быть, догадался, о чём думал Е-Кобальт, потому что пропищал:

— Вам не приблизиться к Дрониду. Вы не сможете. Сразу после сражения Верховный Совет собирается стерилизовать планету. Вы не сможете туда попасть много лет. Вы не сможете на неё спуститься. Я серьёзно.

Щупальце сжалось. Повелитель времени ойкнул.

— ТЫ-ПО-ЛУ-ЧИЛ-ПРИ-КАЗ, — сказал Высочайший Мозг Е-Кобальту. — ВОЗ-ВРА-ЩАЙ-СЯ-В-ПЯ-ТУ-Ю-РЕ-ШЁТ-КУ. МЫ-НАЧ-НЁМ-ПОС-ЛЕД-НИЙ-БИ-О-ЛО-ГИ-ЧЕС-КИЙ-А-НА-ЛИЗ-Э-ТО-ГО-ПО-ВЕ-ЛИ-ТЕ-ЛЯ-ВРЕ-МЕ-НИ. ТЫ-БУ-ДЕШЬ-ПОС-ТАВ-ЛЕН-В-ИЗ-ВЕСТ-НОСТЬ-О-ЛЮ-БЫХ-ПО-ЛУ-ЧЕН-НЫХ-ДАН-НЫХ-КО-ТО-РЫ-Е-МО-ГУТ-ПО-МОЧЬ-ВЫ-ПОЛ-НЕ-НИ-Ю-ТВО-Е-ГО-ЗА-ДА-НИ-Я.

— Что значит «последний биологический анализ»? — спросил повелитель времени.

Но щупальце уже поднимало инопланетянина высоко над полом пещеры, а из стен появлялись новые конечности, оснащённые скальпелями, пинцетами и трубками-зондами.

Е-Кобальт развернулся, не сказав ни слова. Отдавать честь у кротонов не было принято. Командир Пятой Решётки начал трёхдневный поход обратно к своему динатропу. Цели были ясны, его разум уже формулировал стратегию поиска.

Позади него раздался крик повелителя времени.

ГЛАВА 10

А что такое личностный кризис?

Доктор провёл кончиками пальцев по нити паутины. Она была острая, настолько острая, что порезала его палец. Когда он её отпустил, она задрожала. Следы жизни, — подумал Доктор. Он ещё раз осмотрел узор паутины. Явно узор сетчатки. Паутина была натянута поперёк верхней части лестницы, ведущей на самый нижний этаж. До того, как он отключил системы безопасности, она бы, наверное, реагировала более агрессивно. Он представил себе, как она оборачивается вокруг него, прорезая его до костей. Теперь, когда он всё отключил, паутина умирала.

Он, конечно, мог бы отключить не всё. Он мог бы отключить только те системы, которые угрожали Сэм и её новой спутнице, но на это понадобилось бы время. Поэтому он отключил всё, от крыши до хранилища. Подавляющие поля Кихотля теперь, наверное, тоже отключены. Доктор надеялся, что никто не станет расстраивать Е-Кобальта.

Он опустил руку в карман, чтобы достать раскладной нож, но нож материализовываться отказался. Его это немного разозлило. Наверное, это стресс; согласно старине Йелстрому, нельзя быть одним целым

со своими карманами, если не находишься в полном спокойствии. Самым похожим на нож, что ему удалось найти, была звуковая отвёртка, к тому же первой версии. Он не мог вспомнить, какие возможности он встраивал в первую версию, поэтому направил её на паутину, нажал кнопку и понадеялся на лучшее.

Паутина начала дрожать, нити чернели и падали на землю, как куски лапши. В конце концов в паутине появилась дыра достаточно большого размера, чтобы он мог в неё пролезть не поранившись.

Прежде чем он добрался до самого нижнего этажа, ему пришлось проделать дыры ещё в трёх паутинах. К моменту его прибытия пол там был покрыт мульчей. Плиты сдвинуты с места, вырваны из земли неприятного вида ростками, напоминавшими Доктору остатки селезёнки. После отключения систем эти ростки начали гнить, наполняя воздух запахом потрохов.

Сэм лежала на земле среди этой поросли, её тело было обёрнуто щупальцами хрустящей чёрной биомассы. Существа умерли и отвердели, удерживая её руки и ноги в неестественном положении. Её глаза были широко раскрыты, но зрачки закатились под веки. Вокруг неё валялись трупы существ, которых Доктору не хотелось осматривать излишне внимательно.

Он присел рядом с Сэм и попытался поднять её в сидячее положение. Щупальца разломались сразу, как только он приложил силу. Сэм слабо застонала, и её голова повисла вперёд.

Доктор провёл ладонью по её лицу.

— Сэм? Сэм, всё кончено. Можешь очнуться.

Её глаза вернулись на место. Два мутных зелёных глаза сфокусировались на Докторе. Он улыбнулся.

Какое время Сэм не отвечала. А потом:

— Мне что-то приснилось, — сказала она.

Итак, — подумал Доктор, — будет ли это ничего не значащий бредовый сон или зловещий пророческий сон с серьёзными последствиями космического масштаба?

— У меня была зависимость от героина, — продолжала Сэм. Потом она неуверенно покачала головой. — Нет, не было. Я принимала героин, но зависимости не было. Это возможно?

Доктору стало немного стыдно.

— Я не знаю. Я в этом не эксперт.

— Всё было иначе. Я помню, как сильно напивалась. Я же не напиваюсь, правда? О боже, это ещё не всё. Этот парень. Ему было четырнадцать. Нет, пятнадцать, — Сэм дрожала. — Это была другая жизнь. Абсолютно другая жизнь. То есть, я была собой, но я была кем-то другим. Я не повстречала тебя. Помнишь, когда я в первый раз тебя встретила, за мной охотились торговцы наркотиками на Тоттерс Ярде? Я помню, это было иначе. Это были мои друзья. Нет, они не были друзьями, но я с ними... о боже. О боже, я в это не верю.

Доктор коснулся ладонью её лица. Он решил, что будет лучше соврать.

— Это был только сон, Сэм. А сны означают лишь то, что мы хотим, чтобы они значили.

— Но он казался естественным. Понимаешь? Было такое чувство, что именно так всё и должно было быть. А когда я очнулась и увидела тебя, я... это уже не казалось естественным. Было такое чувство, что я не должна быть тут. Словно я должна быть в Лондоне. Кингс Кросс. Я почти никогда не бывала там. Почему мне снятся такие сны о месте, где я почти не бывала?

Доктор не знал, что ему сказать. В каком-то смысле она права. Забрав Сэм в ТАРДИС, он изменил её таймлайн, а значит, и таймлайн всех людей. Но он так рисковал уже миллиарды раз, и ничего плохого пока что не случилось. Ну, по край ней мере, ничего *очень* плохого. Что в этот раз было иначе?

— Кто я? — спросила Сэм, и Доктор вдруг понял, что она плачет. Вроде как. Лёгкие всхлипы в пол силы, как будто она знала, что должна быть расстроена, но не была уверена в том, стоит ли это показывать. — Кем я должна быть?

Доктор положил ей руку на плечи. У него не было ответа.

Не успела Сэм сказать ещё что-нибудь, как где-то рядом что-то булькнуло. Сэм тут же перестала плакать. Доктор почувствовал, как у неё напряглись руки. Он медленно отпустил её и встал.

В паре метров от них, среди почечных растений лежала ещё одна фигура. Она свернулась, как эмбрион, и этим её сходство с эмбрионом не ограничивалось. Её глаза были широко раскрыты, но Доктор сомневался, что у этих глаз были веки. Это было существо, которое он

видел на экране центра управления. Пуговина антитела пересохла, и без поддержки систем Города оно упало на землю, готовое умереть.

— Что это? — спросила Сэм. Её голос был больше похож на писк. К счастью, ей с её места это существо не было видно.

— Ничего, — сказал ей Доктор, не сводя глаз с антитела. — Совсем ничего.

Антитело повернуло свою мягкую, разбухшую голову. Из поросли на Доктора смотрели два огромных чёрных глаза.

Оно снова булькнуло. Четыре слога. Доктор не смог бы разобрать слова, если бы не видел движение губ: «Это не честно».

Не сказав ни слова, Доктор поднял звуковую отвёртку. Антитело проследило за движением его руки. Оно перестало дёргать своими маленькими конечностями.

«Это не честно».

Доктор нажал на кнопку.

Клетки антитела уже начали разрушаться. Отвёртка ускорила этот процесс. Кожа существа сморщилась, затем почернела, сжалась и затвердела по всему телу. На его голове начали вздуться опухоли. Глаза погрузились в недоразвитый череп.

В конце концов, от антитела не осталось ничего, лишь пустая оболочка. Доктор опустил отвёртку, но не отвернулся.

— Доктор?

Доктор не шелохнулся.

— Доктор? Что происходит?

Он услышал позади себя хруст высохшей биомассы — Сэм пыталась встать с пола. Его пальцы сжали отвёртку сильнее.

— Инопланетные тела, — прошептал он.

— Это что, звуковая отвёртка? Я думала, что зайгоны её разбили.

Доктор кивнул. Сэм уже пришла в норму, если не считать дрожавший голос. Как всегда любопытная, готовая задавать неудобные вопросы о технических деталях.

— То была пятая отвёртка, — пробормотал Доктор.
— А это первая.

— Первая?

— Да. Она много веков назад сломалась.

Пауза.

— Тогда как?..

Доктор знаком велел ей молчать. Сейчас он был не в том настроении, чтобы объяснять. Остатки антитела перед ним начали растекаться.

— Это инструмент повелителей времени. Для инструментов повелителей времени время течёт иначе, — он, наконец, обернулся и увидел, что Сэм смогла встать, хотя ноги у неё всё ещё немного дрожали. — У нас много дел.

У неё расширились глаза:

— Кэтлин!

— Где она?

Сэм указала на ближайшую стену. Стена была розовая и органическая, в исходной архитектуре её явно не было. Её материал, как и всё здесь, начал разлагаться.

Доктор в последний раз взглянул на растёкшееся антитело. Затем снова поднял отвёртку и принялся работать над стеной. В лабиринте начало вонять тухлым мясом.

Идя по тоннелю, братец Мануэль на своём пути пнул ногой пару растений, и они лопались от удара, изрыгая своё содержимое на пол. Мануэль усмехнулся. У некоторых из этих растений было лицо Брегман, и ему нравилось видеть, как голова этой суки лопается снова и снова. Он не имел ничего против неё лично. Живя в Малом Сан-Паоло, он видел, как некоторых из его лучших друзей избивали сучки в униформе вроде неё. Электрические дубинки на улице, спички под ногти в полицейской камере.

Потолок раскололся, и из щели что-то выпало, зависнув в нескольких сантиметрах напротив его лица. Он отпрянул, но это оказалась всего лишь очередная копия головы женщины, болтающаяся на толстом розовом щупальце. Она выглядела мёртвой, поэтому Мануэль отбил её в сторону. Если он не ошибается, хранилище вырастило эти растения для того, чтобы Брегман разочаровалась в себе.

Боже, какая же она жалкая. И это всё, что было нужно для того, чтобы эта сучка свихнулась? Чтобы остановить *его*, хранилищу бы пришлось постараться

гораздо сильнее. Кстати, как только он сюда попал, лабиринт начал умирать. Может быть, хранилище сдаётся? — подумал Мануэль. Может быть, оно понимает, что он для него слишком крепкий орешек?

Может быть. Чёрт, кто его знает.

Наконец он дошёл до конца прохода. Дальше была широкая камера, противоположная стена была из сплошного кирпича, хотя споры пробились из трещин между ними. В центре этого помещения, по другую сторону сада из мёртвых мясных цветов, стоял серебристый ящик.

Мануэль громко засмеялся. Реликвия. Добраться до неё было просто, очень просто. Он зашёл в камеру с большой злой ухмылкой на лице. Но улыбка ощущалась странно натянутой на эти мышцы.

— Кэтлин? — раздался голос.

Мануэль перестал улыбаться и обернулся.

Слева от него помещение заканчивалось стеной гниющей розовой биомассы. Ниже середины стена была разрезана, и в разрезе стояли два человека. Один из них был парнем в зелёном бархатном сюртуке, про которого кузина Джастин сказала, что он повелитель времени, отступник. А рядом с ним стояла прибывшая с ним блондинка.

Но они были выше, чем Мануэль их помнил. Мужчина казался просто огромным, и даже девушка выглядела так, словно могла бы дать сдачу. Лишь через секунду или две братец понял, почему так. Он теперь

смотрел глазами Брегман, а Брегман была ниже его ростом. Поэтому всё казалось больше.

Девушка шагала к нему, протянув руки:

— Кэтлин! Я переживала. Я думала, что антитела тебя убили.

— А, — сказал Мануэль.

Девушка его обняла. Мануэль вздрогнул.

— Всё хорошо. Теперь тут Доктор. Всё будет хорошо.

— Доктор? — сказал Мануэль.

Девушка его отпустила.

— Он говорит, что они готовы начать аукцион. Нам лучше поторопиться.

Мануэль смотрел на повелителя времени. Тот не сводил взгляда со стоявшего посреди хранилища ящика. Он был словно под гипнозом. Раз в несколько секунд он встряхивал головой, словно это возвращало его на Землю.

— Мы заберём Реликвию с собой, — заявил Мануэль.

Девушка забеспокоилась.

— Думаешь, это нужно? — она снова повернулась к повелителю времени. — Доктор?

Повелитель времени перестал смотреть на ящик:

— Прости?

— Мы возьмём ящик, — сказал Мануэль. Он подумал: что могла бы в такой ситуации сказать Брегман? — Это... в интересах Земли. Нам надо... нам

надо сделать так, чтобы оно не попало в руки инопланетян. В руки... В щупальца... Или что у них там.

Девушка заморгала:

— Кэтлин? С тобой всё в порядке?

— Да. Всё хоккей.

— Братец! — сказал повелитель времени.

Мануэль вздрогнул. Так спалиться!

Повелитель времени кивнул:

— Так я и думал. Похоже, тебе непривычно манипулировать этим лицом. Сэм, отойди от него.

— От него? — девушка осмотрела Мануэля с ног до головы, изучая детали его худого женского тела. — Доктор...

— Отойди, Сэм.

Повелитель времени шагнул вперёд. Мануэль сунул руку в карман за ножом, а затем вспомнил, что нож был в кармане его настоящего тела, оставшегося в святилище. Повелитель времени приближался, но Мануэль не отступал. Он думал о том, сможет ли он в таком жалком теле отбиться от мужчины.

— Это не Кэтлин. Это один из культистов Парадокса. Он управляет телом Кэтлин дистанционно. Один из гадких ритуалов Фракции.

— Не подходи ко мне, — предупредил его Мануэль. Произнесённые ртом Брегман, слова звучали совсем не так.

Повелитель времени остановился.

— Хорошо. Я уже достаточно близко. Скажи, ты знаешь, как ощущается экзорцизм? Процесс, вообще-то, довольно простой.

Мануэль покачал головой Брегман.

— Не говори со мной так. Не дурак, хоккей?

— Ты же веришь в Духов Фракции, не так ли?

— Замолчи! Я не хочу это слышать.

— Если ты веришь в Духов, то должен верить и в экзорцизм. Впрочем, возможно, ты вообще не веришь в Духов. Иногда я задумываюсь о том, насколько ваша «семья» верит в собственную пропаганду. Я скажу тебе, что я сделаю, братец. Я помещу кое-что в голову Кэтлин. Что-то вроде телепатического будильника. И ты уйдёшь. Боюсь, это может быть немного больно.

Мануэль попытался усмехнуться, но лицо Брегман не прореагировало. Он был защищён от телепатической атаки, так сказала Джастин. Одна из маленьких льгот для членов Семьи.

— Только попробуй, сука. Попробуй.

— Ты не защищён, — продолжил повелитель времени. — Видишь ли, я уже встречался с вами. Я знаю, где в вашей защите трещины. Мои телепатические способности не очень сильные, но вдвоём мы, наверное, сможем нанести тебе урон.

Он посмотрел в сторону. Мануэль проследил за его взглядом.

Повелитель времени смотрел на ящик.

— Нет, — сказал Мануэль. — Нет.

— Начнём, — сказал Доктор.

Мистер Кихотль стучал пальцами по поверхности стола. Он, конечно, предполагал, что аукцион будет скованным, но выдавливать из этих покупателей слова было всё равно что выжимать кровь из жизненных форм, основанных на кремнии. У него было чувство, что и Гомункулет, и кузина Джастин могут повысить ставку.

— Это оскорбление, — бормотал Гомункулет. — Оружие Верховного Совета легендарно. Мы создали оборонительные рубежи размером со звёздные системы, мы разносили целые галактики.

— Едва ли такие формы ведения боя можно назвать оригинальными, — заметила кузина Джастин.

— Они работают, не так ли?

— Давайте немного успокоимся, хорошо? — вмешался Кихотль. — Позвольте напомнить, что мы слышали ещё не все ставки. Ну, что же. Полковник Кортес?

У Кихотля были веские причины пригласить на аукцион людей. С точки зрения техно-экспертов Земля не представляла собой ничего интересного, но у неё была политическая ценность. Она была узловой планетой, как и Дронид, или Солос, или Тайлерс Фолли; на первый взгляд незначительная, но при более масштабном взгляде начинаешь понимать, что она связана со множеством межгалактических сил. Если бы Кихотлю удалось обосноваться на Земле в этой зоне времени, он смог бы предлагать свои услуги как минимум нескольким биологическим видам. Обычно

лучшим способом получения на планете власти было войти в её историю — изобрести для местных колесо, устроиться богом, в общем, как всегда. Но в истории Земли было столько инопланетных вмешательств, что Кихотль сомневался, что сможет вмешаться в её таймлайн и не вызвать этим полномасштабную темпоральную эмболию.

Нет, если ему нужна власть на Земле, ему придётся получать её, общаясь с местными лично. UNISYC было бы неплохим началом. Да, сейчас это слабая организация, но у неё достаточно секретов, чтобы при правильной поддержке стать крупной политической силой.

Кортес медленно встал. Полковник обвёл взглядом зал, видимо, изучая каждого из покупателей.

— Я могу предложить нечто очень ценное, — заявил он.

Кихотль кивнул:

— Продолжайте.

— Вы знакомы с принципами вселенского кармического сознания? — спросил Кортес.

Кихотль обвёл взглядом остальных покупателей. Похоже, никто из них понятия не имел, о чём говорит Кортес.

— Хм, в общих чертах.

— Я какое-то время изучаю тайны внутреннего «я». И я пришёл к некоторым поразительным выводам, мистер Кихотль, — полковник снова начал кивать; Кихотля это раздражало. — Я обнаружил наивысший

трофей. Святой Грааль всей разумной жизни в этой вселенной.

Кихотль кашлянул:

— Это что, будет что-то вроде предложения Фракции? Духовное оружие, что-то такое?

— Не оружие. Нечто другое. Нечто лучше.

Кортес снова обвёл взглядом зал. Затем, не двигая рук, он наклонился вперёд, почти заговорщицки.

— Секрет внутренней гармонии, — заявил он.

Наступила долгая тишина.

— О, — сказал Кихотль.

— Хотите, я продемонстрирую? — спросил Кортес.

— Ну, может быть...

Полковник откинулся на спинку стула, не убирая руки со стола. Он закрыл глаза и начал произносить: «ООМММММ».

Другие покупатели смотрели на него минуты полторы, но ничего больше не происходило. Полковник продолжал сидеть, говоря «оооммм», не открывая глаз, раз в двадцать секунд делая новый вдох.

Один за одним, покупатели поворачивались к Кихотлю.

— Это всё? — усмехнулся Гомункулет.

Мистер Кихотль не знал, куда ему отвести взгляд.

— Люди иногда бывают, хм, несколько эксцентричны, — объяснил он.

— Эксцентричны? Да он больной на всю голову!

Кихотль прикусил губу. Люди называют это синдромом замещения. Едва увидев образец биоданных

полковника, он знал, что Кортес наполовину сумасшедший, но он подумал, что для человека, попавшего в такое окружение, сумасшествие будет преимуществом.

— М-да, ну что же, — пробормотал Кихотль. — Быть может, оставим пока что полковника наедине с самим собой. А тем временем, кто сделает следующее предложение?

После того, как им удалось довести Кэтлин до вершины лестницы, идти стало легче. Сэм поддерживала лейтенанта слева, а Доктор справа. Они тащили её между собой по центральному коридору в направлении центра зиккурата.

— Так ты теперь, значит, телепат? — спросила Сэм. — Что, настоящий телепат?

— Ну, мои способности никогда не были хорошо развиты. У нас в семье самой одарённой в этом отношении была Сьюзан. Но я же не один противодействовал братцу. Тело в ящике тоже хотело, чтобы к Кэтлин снова вернулся контроль над собой. Оно использовало её в качестве своего агента в Городе.

— Стой, стой, — Сэм остановилась, заставив этим Доктора тоже остановиться. — В этом ящике лежит тело?

У Доктора был такой вид, словно он не хотел об этом говорить, во всяком случае сейчас.

— Да. И оно всё ещё психически активно. Должно быть, оно ухватило за Кэтлин, когда она прибыла. Как обычно. Вечная тяга к людям.

— У кого?

Доктор не ответил. Он осматривал коридор, и его взгляд остановился на двери.

— Пустая комната для гостей, — сказал он. — Останься тут и присмотри за Кэтлин. Мне нужно вернуться на аукцион.

Они затащили бессознательную Кэтлин в комнату для гостей и положили её на койку. Сэм подумала, не сможет ли койка, проанализировав биоданные, вырастить подходящее одеяло? Доктор быстро осмотрел лейтенанта, но явно торопился уйти.

— Ты уверен, что с ней всё в порядке? — спросила Сэм.

Доктор кивнул:

— Её личность затолкали в глубину её сознания. Ей нужно время на то, чтобы восстановиться. Снова найти себя. Присмотри за ней, позови меня, если её состояние изменится.

Затем он развернулся и ушёл.

Наконец-то Сэм позволила себе расслабиться. Стульев в комнате не было, поэтому она уселась на койку рядом с Кэтлин. Та была всё ещё похожа на смерть, её глаза были плотно закрыты.

Сэм до сих пор не понимала, что именно произошло в хранилище. Кусочки сна до сих пор вертелись у неё в голове, воспоминания о том, как она делала то, что, как

ей казалось, она не могла делать. Красила волосы, несмотря на то, что была натуральной блондинкой. Ходила в клинику планирования семьи за месяц до своего шестнадцатилетия, несмотря на то, что думала, что... что ей это никогда не было нужно.

Другая жизнь. Жизнь без Доктора. Нет, больше того — жизнь, частью которой Доктору не было суждено стать. Теперь, когда сон прошёл, он казался ей чужим. Как вирус. Как нечто, проникшее в её организм, но не имеющее к нему отношения.

Другая жизнь. Жизнь в настоящем мире.

Она не была уверена, восторгало это её или ужасало.

Братец Мануэль чесался, чесался и чесался. Был зуд, где-то внутри лица, и он хотел до него добраться. У него над головой всё было чёрное. Та часть его разума, которая не извивалась, поняла, что он снова в святилище, снова в своём теле. Остальной его части это было неважно. Она просто хотела чесаться.

Он чувствовал, что его ногти скребут кожу, но всё равно продолжал чесаться. Нет, стоп. Это были не ногти. К его пальцам был пристёгнут биосэмплер, и последние пять минут он соскребал его остриями плоть со своей щеки, пытаясь добраться до зуда. Он прорезал лицо до самой кости. По его коже струилась кровь, она капала на управляющее святилищем возвышение. Черепа гудели над ним колыбельную, но он чувствовал, что они сдерживают смех.

Он лежал и раздирал собственную голову, даже не замечая того, что он это делает. Он не сильно возражал против боли. Он привык резать себя.

Чешется, чешется, чешется.

Раньше, до сегодняшнего дня, он не встречался с повелителями времени. А теперь он познакомился с двумя. Гомункулет был шут ходячий, но парень в зелёном бархате был совсем другой. Он поместил что-то Мануэлю в голову, и даже не напрягся при этом. Ха. Не удивительно, что Семья боится повелителей времени, если те способны на такое. Как эта девка его назвала? Доктор?

Доктор. Джастин что-то говорила о Докторе.

Мануэль перестал чесаться.

Доктор.

Он вспомнил, что ему рассказывала Джастин: о повелителе времени, который однажды уничтожил на Дрониде целую Семью. И он вспомнил, что она ему сказала о Реликвии. Тело в ящике.

Мануэль тут же вскочил. Весь его костюм был в биомассе, она большими кляксами прилипла к ткани в тех местах, которыми он упал на возвышение. Кровь из его щеки начала капать на пол святилища. Братец почувствовал, как биосэмплер соскользнул с его пальцев, упал на пол у его ног. Доктор был тут. Каким-то образом жмурик вылез из гроба, и если то, что сказала Джастин, правда, он не успокоится, пока все вокруг не умрут.

Прежде, чем снова зайти в конференц-зал, Доктор позаботился о том, чтобы на его лице была широкая улыбка. Когда он вошёл, все повернулись к нему. Вообще-то, одна из голов обернулась вокруг своей оси дважды.

— Надеюсь, я ничего не пропустил, — сказал он.

Кихотль кашлянул.

— Мы ещё не завершили, если вы об этом. Хм... Люди... Они?..

— Всё в порядке, спасибо.

Остальные покупатели подозрительно переглянулись.

— Системы безопасности? — спросила кузина Джастин.

— Не так хороши, как их расхваливали, — сообщил ей Доктор, бросив презрительный взгляд в сторону Кихотля.

— Что же, хорошо, — блефовал Кихотль. — Я рад, что всё утряслось. Ну что, вы займёте своё место?

Доктор направился к столу. Не успел он дойти до своего стула (помеченного сложенной картонкой, на которой Кихотль шариковой ручкой нацарапал «ТАИНСТВЕННЫЙ ГОСТЬ»), как в двери появился братец Мануэль.

— Это он! — крикнул Мануэль. Голос у него был истерический, рукой он махал в сторону Доктора.

— Братец... — начала Джастин, но Мануэль её проигнорировал.

— Это *он*, — повторил он. — Спросите его! Спросите у него, кто он.

Покупатели переглянулись. Потом посмотрели на Доктора. Доктор увидел, как по лицу Кихотля пробежал ужас.

— О боже, — сказал Доктор.

— Вы так и не представились, — прорычал Гомункулет.

— Вы правы.

— Эм... — сказал Кихотль, но добавить к этому ничего не смог.

— И-ден-ти-фи-ка-ци-я-э-той-е-ди-ни-цы-не-сущес-твен-на, — сказал Е-Кобальт. — Нуж-но-про-дол-жать.

— Спросите его! — кричал Мануэль.

Выглядит он ужасно, — подумал Доктор. Одежда покрыта пятнами коричнево-красной слизи, на лице глубокие царапины, которые, похоже, он нанёс себе сам. Что же, по крайней мере он был в своём теле.

— Вы поверите, если я скажу, что меня зовут Смит? — попытался Доктор.

— Это *он*! — сказал Мануэль. — Это *Доктор*!

Наступила тишина, которая могла поглотить миры.

Затем все одновременно заговорили.

Все, у кого были ноги, встали. На доске объявлений Сдвиг создал несколько анаграмм самого себя. Кихотль поднял руки:

— Эй, послушайте? Господа! Э-эй! Давайте постараемся уладить всё рационально...

— Заткнись! — проревел Гомункулет.

— Дамы, господа, формы жизни, прошу вас! — Доктор постарался придать своему голосу властный тон и, наконец, смог заставить всех замолчать. — Прошу прощения. Похоже, я вас всех немного всполошил. Я хочу вас заверить в том, что я не намерен причинять никому вред.

— Вы действительно он? — спросила Джастин. Она была скорее впечатлена, чем напугана.

— Какая регенерация? — резко спросил Гомункулет.

Доктор решил, что этот вопрос достоин ответа.

— Седьмая.

Гомункулет повернулся к Кихотлю.

— Уберите его отсюда. Ему ещё слишком рано знать о том, что происходит.

— Поздновато, — пробормотал Доктор.

— Те-бя-нуж-но-у-нич-то-жить, — сказал Е-Кобальт.

Доктор повернулся к кротону:

— Вы так считаете?

— Ты-из-вест-ный-враг-Аб-со-лю-та-Кро-то-нов, — существо навело своё оружие. — Те-бя-нуж-но-не-мед-лен-но-у-нич-то-жить.

— Вы так только хуже сделаете, — сказал существу Гомункулет. — Причинность и так сильно пострадала.

Кузина Джастин кашлянула:

— Нашу ситуацию следует тщательно обдумать. Мы должны подойти к решению этой тонко и с тактом.

Это была искра, от которой вспыхнуло пламя. Внезапно все взаимные претензии показались оправданными.

Е-Кобальт бросился к Доктору. Видимо, кротон не понимал, что подавляющие поля отключены, поэтому атаковал грубой силой, а не оружием. Стол рассыпался осколками, когда Е-Кобальт проходил сквозь него. Осколки разлетелись по всему залу. Доктор прикрыл лицо рукавом.

Рядом, Мануэль начал бить ногой Гомункулета по голове, но его удары доставались не только повелителю времени, но и кухне. Полковник Кортес тоже бросился в драку; какие бы миротворческие инстинкты ни остались в его голове, они явно говорили ему вмешаться. Отступая от Е-Кобальта, Доктор наткнулся на Кихотля и упал на спину.

Е-Кобальт завалился набок, сбитый Траском. Мертвец лупил кулаками по кристаллической оболочке существа, его суставы повреждались с каждым ударом. Доктор понятия не имел, почему Траск напал на кротона, но тот кричал что-то вроде «он мой, он мой».

Доктор перевернулся на живот. Он лежал на Кихотле, и Кихотль был в ужасе.

— Слезьте с меня! — ревел Кихотль. — Я сделаю всё, что вы хотите! Только спасите меня!

А затем Доктор что-то узнал в этом выражении абсолютного ужаса. Что-то, что он давным-давно видел на другом лице.

Наконец-то фрагменты сложились в картинку.

— Это *ты*, — сказал Доктор.

На лице Кихотля была чистая агония.

— Простите меня! Простите!

— Это ты, — повторил Доктор. Он схватил невысокого человечка за воротник, и ткань затрещала, когда он поднял Кихотля на ноги.

— Я же сказал, простите! Чего ещё вы от меня хотите? — Кихотль попытался вырваться, но Доктор его не отпускал.

— Простите?! — крикнул Доктор. — И это всё, что ты можешь сказать? Во время нашей последней встречи ты пытался продать меня антиридеанским пожирателям органов. По частям! А за две регенерации до этого ты пытался доставить меня Воплощению Чистого и Непоправимого Зла. Я тебе верил, а ты меня предал. Это ты! Поверить не могу, что я тебя сразу не узнал.

Кихотль продолжал сопротивляться.

— Мне пришлось изменить лицо, как иначе? После того, что вы со мной сделали в прошлый раз...

Доктор ударил его кулаком по голове. Кихотль упал.

Гомункулет орал. Мануэль кричал что-то о Духах. Доктор слышал в ушах двойной стук своих сердец, почувствовал во рту привкус крови.

Перед ним на полу с застывшим лицом лежал Кихотль. Он был беспомощен. Абсолютно беспомощен.

Доктор схватился обеими руками за горло Кихотля. Он не делал ничего такого очень, очень давно, и это было гораздо проще, чем он думал.

— Ты предал меня, — презрительно сказал Доктор. — Ты предал меня, когда я был жив, а теперь повторяешь это после моей смерти.

— Док... — попытался что-то сказать Кихотль, но Доктор передавил его горло и он замолчал.

— Больше такого не будет, — сказал ему Доктор. — Здесь это закончится, Кихотль.

Кихотль попытался попросить сжалиться, но его шею свело от боли. Доктор улыбался. Слишком часто он отпускал таких, как Кихотль, а они потом снова возвращались. Больше такого не будет. В своём шестом теле он начал понимать логику хладнокровного убийства, а теперь он завершит своё исследование этого вопроса. В конце концов, в этом была своего рода справедливость. Кихотль обогащался на смерти Доктора, так что у Доктора не было причин не убивать Кихотля...

Он разжал руки.

— Что же это я делаю? — спросил он.

Кихотль смотрел на него, но молчал. Наверное, не мог говорить.

Доктор осмотрел зал. Джастин лежала позади него на полу, у неё всё лицо было в порезах и синяках. Рядом с ней Гомункулет, Мануэль и Кортес дрались каждый сам за себя, задействовав кулаки, ногти и зубы. Чуть дальше, окровавленные пальцы Траска вцепились в упавшего Е-Кобальта, ломая кристалл с силой, с которой живой вряд ли смог бы тягаться.

Доктор снова посмотрел на Кихотля. Кихотль тяжело дышал, его глаза чуть не вылезали из орбит.

— Я вас чуть не убил, — сказал Доктор. — Я прошу прощения. Это казалось такой хорошей идеей.

— А-а-а, — сказал Кихотль.

— В связи с чем напрашивается вопрос: откуда пришла эта идея? Или, иначе говоря... кто здесь способен внедрять в мою голову такие идеи? Кто нас всех разозлил?

Он посмотрел Кихотлю в глаза. В его зрачках отражался мерцающий свет висящих высоко факелов. Если эти яркие точки соединить линиями, получались буквы.

Буквы гласили:

— КАЖЕТСЯ, ПОДХОДЯЩЕЙ ФРАЗой БУДЕТ «ИГРА ОКОНЧЕНА».

— Думаю, да, — сказал Доктор Сдвигу.

Затем он закрыл глаза и отключился.

ГЛАВА 11

Каша в голове

На дне шахты, там, куда никогда не доходил свет, была лужа.

Лужа вспоминала. Она вспоминала, как смотрела на яркое голубое солнце, как выдыхала облака жидкой лазури. Она помнила, как ветром к её лицу прибывало хлопья замёрзшей воды, как она смотрела на линию голубого огня, шедшую вдоль горизонта, как чёрные точки в небе прожигали кору планеты. Она помнила, как на Сими КК98 было очень, очень холодно.

Лужа помнила очень многое, но не всё это она могла понять. Воспоминания были, но не было мыслительного процесса, который бы разобрался в них.

Высоко над лужей была открытая труба, артерия из чёрного неметалла, торчавшая из стены шахты. С конца трубы оторвалась капля жидкости и полетела вниз, на дно шахты, подчиняясь в равной степени инстинктам и гравитации.

Капля тоже помнила о многом. Она помнила тепло, ощущение комфорта, когда ей впервые дали имя. Она помнила вкус мармелада. Прикосновение кошачьей шерсти. Запах орхидей. Ощущения, собранные на сотне миров, данные, которые были обработаны, каталогизированы, но никогда не доставляли удовольствие.

Капля упала в лужу. Было мгновение шока, а затем неожиданное ощущение покоя, когда они слились вместе и стали единой лужей мысли. Несколько мгновений спустя они забыли о том, что когда-то были отдельными. Их воспоминания соединились, позволяя луже увидеть окружающий мир в новом свете.

Она помнила о том, как была чем-то другим. Чем-то бóльшим. Разумом, который познавал вселенную на всех уровнях, а не только в четырёх базовых измерениях. В течение первого десятилетия своей жизни ей не разрешали даже двигаться. Её держали в ящике, отрезанном от Вихря, отрезанном от физического мира. В стене ящика была дыра, и она могла видеть твёрдое вещество по другую сторону, но не могла до него дотянуться, никогда не могла дотянуться.

Когда она научилась общаться, повелители времени объяснили ей, почему её держали взаперти. Она была существом огромных возможностей, говорили они, но она всего лишь ребёнок. Пока она не научится себя контролировать, ей не могут позволить освободиться.

Лужа помнила, как она тогда разозлилась. Она помнила, как билась, билась, билась о сковывавшие её границы, пытаясь протиснуться в дыру. Однажды она кричала целый год.

Лужа вздрогнула. Воспоминаний о годах сразу после освобождения не было. Следующее, что она помнила — церемония наречения. Её сделали женской особью, поэтому в коридоры её тела были впаяны схемы ХХ, и была установлена схема-хамелеон. Она нарекла

себя Марí; имя было человеческое, но повелители времени сочли это добрым знаком. Затем Марí впервые надела гуманоидное обличье, став пародией на одну из повелительниц времени на Сими КК98. Потом она носила эту форму несколько недель, не расставаясь с нею до тех пор, пока подбородок не удалось сделать таким, как надо.

Луже тяжело было думать о себе как о Марí, несмотря на то, что она помнила, что была ею. Она помнила гордость и знала, что Марí не хотела бы, чтобы её видели такой. Простым набором кислот памяти на дне собственной шахты для артронных отходов. Это было унижительно. Определённо унижительно.

Лужа продолжала вспоминать. Дальше в воспоминаниях был снова пробел, а затем...

А затем она была в Вихре. Она снова сбрасывала с себя гуманоидную форму, складывала её в потайные пространства своего тела, оберегая её на то время, пока она ныряла в великую спираль всего. К ней присоединился её кавалер, он нёсся по спирали, растягивая себя по всем точкам пространства и времени, чтобы произвести на неё впечатление. Он был 105-того типа, младше Марí, но несомненно более продвинутый. Обычно спаривание проходило между одинаковыми типами, но Верховный Совет хотел узнать, была ли возможность скрестить 103-тий и 105-тый типы. Им были интересны мутации, которые могли родиться от такой пары.

В прошлом, как знала Марí, ТАРДИС производились, а не рождались, их строили в больших солнечных мастерских старого Галлифрея. Но архоны повелителей времени понимали важность биоразнообразия ещё до начала войны. Если Враг найдёт в ТАРДИС слабое место, — аргументировал Верховный Совет, — это будет уязвимое место всех ТАРДИС. А вот если две ТАРДИС могут воспроизвести органических существ... Смещение их схем приведёт к случайным изменениям от поколения к поколению... кто тогда сможет предсказать уязвимые места таких устройств? Кто сможет предсказать их способности?

Лу́жа продолжала вспоминать.

Оказавшись посреди однородной чёрной пустоты, Доктор разочаровался; хотя, если честно, это было примерно то, чего он и ожидал. Он поднял голову и устремил свой взгляд в ту часть безграничной черноты, которую можно было бы (если вы абсолютно не склонны к лирике) назвать «верх».

— Ну? — сказал он.

Раздался громкий низкий звук, словно что-то разрывалось. Будь тут небо, он бы не удивился, если бы оно разверзлось.

— ВЫ ОЧЕНЬ УМНЫ, ДОКТОР, — прогремел голос Сдвига. — Я НЕ ОЖИДАЛ ТАКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ. ДАЖЕ ОТ ВАС.

— Вы не первый, кто пытается пробраться в мою голову, и я уверен, что не последний. Вы не могли бы прекратить это?

— ЧТО ИМЕННО?

— Изображать Бога. Спуститесь сюда, где я смогу вас увидеть. А то у меня уже шея болит.

Наступила пауза. Затем снова раскаты грома. В следующий момент Доктор был в темноте уже не один. На мужчине была шляпа-котелок, на одной из рук висел типичный для англичанина зонт. Он был виден со спины, и его торчащие уши были единственной частью лица, видной Доктору.

— Я ни на секунду не поверю, что вы на самом деле так выглядите.

— «НА САМОМ ДЕЛЕ» Я НИКАК НЕ ВЫГЛЯЖУ, ДОКТОР. ЭТО ТЕЛО ТУТ РАДИ ВАШЕГО УДОБСТВА, И НИ ДЛЯ ЧЕГО БОЛЬШЕ.

— И поэтому вы не поворачиваетесь ко мне лицом?

— ДУМАЮ, БУДЕТ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ ВЫ БУДЕТЕ ПРЕДСТАВЛЯТЬ МЕНЯ БЕЗЛИКИМ, — сказал Сдвиг. Он не оборачивался.

Доктор сложил руки за спиной.

— Я полагаю, вы знаете, где мы находимся.

— ДА. МЫ ВНУТРИ ВАШЕГО РАЗУМА, ВЫ ОТКЛЮЧИЛИСЬ ОТ ВНЕШНИХ РАЗДРАЖИТЕЛЕЙ. ЛОВКО ПРИДУМАНО.

Доктор улыбнулся. Он, в общем-то, был доволен этим своим манёвром. Пока Сдвиг перемещал туда-сюда в его разуме идеи, он отключил органы чувств и в

результате существо оказалось по сути заперто в его разуме.

— ОДНАКО ВЫ ТУТ ЗАПЕРТЫ ВМЕСТЕ СО МНОЙ, — заметил Сдвиг. — ЕСЛИ ВЫ ВКЛЮЧИТЕ СВОИ ОРГАНЫ ЧУВСТВ, Я СНОВА БУДУ НА СВОБОДЕ.

— Я знаю. Но это даёт мне возможность немного побеседовать.

Доктор сосредоточился, и посреди пустоты возникло плетёное кресло. Игры разума, — подумал он. Он не делил свою голову с другими ещё со времени мозгового состязания с Омегой. Он уселся в кресло.

— А вы времени не теряли, да?

Сдвиг тоже вызвал появление кресла и тоже сел, по-прежнему спиной к Доктору.

— Я ДЕЛАЛ ВСЁ, ЧТО МОГ, ЧТОБЫ САБОТИРОВАТЬ АУКЦИОН, ЕСЛИ ВЫ ОБ ЭТОМ.

— И это вы напали на Марí, я полагаю. И не кричите, пожалуйста, так громко.

— Да, — сказал Сдвиг. — Или, если точнее, я убедил Марí напасть на саму себя. У меня же нет никакого физического влияния. Я могу иметь дело только с идеями. Абстракциями. Я познакомил Марí с концепцией паранойи, а её оружие сделало всё остальное.

— А что насчёт Гомункулета? Я понимаю, что он комок нервов, но он не показался мне психом. Он набросился на кузину Джастін с разводным ключом, и мне кажется, что это не совсем в его духе.

Сдвиг кивнул. Рядом с ним возник столик с чашкой и чайником. Он налил себе чаю.

— Мне нравится работать с идеей мести. Заставить Гомункулета перешагнуть черту было не сложно. Но мне удалось больше. Действуя своими методами, я не вызывал подозрений. Возьмём, к примеру, попытку братца Мануэля украсть Реликвию.

— Ваша идея?

— Идея кузины Джастин. Но я обеспечил возможность её реализации. Я подтолкнул лейтенанта Брегман вторгнуться в храм Фракции. Я завёл её туда, где Мануэль мог взять образец биоданных. А когда Фракция, наконец, попыталась украсть Реликвию, благодаря мне вы подумали, что нужно всем об этом рассказать.

— Вы пытались поссорить остальных претендентов друг с другом, — сказал Доктор. — Вы считаете, что избавившись от них вы сможете получить Реликвию без сопротивления.

— Разумеется. Я, конечно, мог попытаться просто убить остальных. Я мог бы войти в их творческие центры, поощрить несколько воображаемых опухолей. Но с такими прямолинейными действиями всегда есть риск неудачи. И риск быть обнаруженным. Мне больше нравится расправляться с людьми, заставляя их самих убивать друг друга.

Это многое объясняло. С самого своего появления в зиккурате Доктор испытывал неожиданные смены настроения, даже склонность к экстремальному

насилию. Он думал, что это как-то связано с химией его последнего воплощения. Но если в его голове орудовал Сдвиг, многому находилось более простое объяснение. Или он просто пытался уклониться от ответственности?

Сдвиг надпил чай:

— Я знаю, кто вы такой, Доктор. Я знал это почти с момента вашего прибытия. Строго говоря, я не могу читать ваши мысли, но на поверхности вашего сознания достаточно концепций, которые вас выдают.

— И моё присутствие здесь вас не беспокоит?

— Нет. Мне кажется, что вы себя переоцениваете.

— Если бы вы так считали, вы бы так не старались заполучить моё тело, — ответил Доктор.

Тушэ.

— Скажите, а зачем селеститам Реликвия?

— Не знаю. Об этом вам лучше спросить их самих, — Сдвиг замолчал и поставил чашку на блюдце. Чашка и стол тут же исчезли. — О, я понял! Кажется, вы неправильно поняли ситуацию, Доктор. Я работаю не на селеститов.

А вот это был сюрприз.

— Не на селеститов? А на кого же вы тогда работаете?

— В вашем присутствии мне их лучше не называть. Достаточно сказать, что меня наняли те, кого вы можете называть «Враг».

Доктор чуть не свалился с кресла. Вернее, он чуть не потерял концентрацию настолько, что кресло могло исчезнуть. Он поймал себя в последний момент.

— Враг? Вы говорите о тех, с кем повелители времени...

— Воюют. Да. Честно говоря, не стоило мистеру Кихотлю приглашать на аукцион одновременно и меня, и мистера Гомункулета. Этичности от мистера Кихотля я, конечно же, не ждал, но уж долю здравого смысла он мог бы проявить.

Доктор задумчиво чесал голову:

— Но Кихотль рассказывал о методах селеститов. Они действуют на концептуальном уровне, в точности как вы. И я предположил, что и вы, и они являетесь продуктами одной и той же технологии.

— Так и есть. Меня «создали», если можно так сказать, с использованием технологии селеститов. А точнее, технологии, которую селеститы предоставили Врагу.

Кресло исчезло. Доктор в последний момент успел создать под собой подушку.

— Так значит, селеститы сотрудничают с Врагом? Я думал, что они будут на стороне повелителей времени. Всё-таки родственники.

Сдвига это развеселило:

— Политика, Доктор. Официально селеститы нейтральны. Если бы они хотели участвовать в этой войне, то вообще не стали бы покидать материальную вселенную. Но да, в течение какого-то времени они оказывали повелителям времени некоторую поддержку.

— А затем повелители времени начали проигрывать, — пробормотал Доктор, обращаясь скорее к себе, чем к Сдвигу.

— Никто не любит быть на стороне побеждённых. Кроме того, повелители времени селеститам не очень интересны. Вот подумайте. Вы — существа, основанные на углероде, кротоны — существа, основанные на теллурии, а селеститы — формы жизни, основанные на идеях. Им для выживания нужны новые идеи, а у Верховного Совета приличных идей уже тысячи лет не было. И селеститы начинают принимать сторону моих работодателей, в первую очередь потому, что мои работодатели гораздо более... Как же это сказать? Более творческие. Более динамичные.

Доктор хлопнул себя по лбу. Ну, конечно! Кихотль говорил о том, что некоторые селеститы переходили на сторону Врага, просто происходило столько всего, что он упустил этот важный факт.

— Мои наниматели считают необходимым не допустить получение повелителями времени Реликвии. Вообще-то, селеститы были недовольны, что я прибыл на аукцион. На вас у них тоже зуб, Доктор. Им самим хотелось заполучить ваше тело.

— Тогда почему они не прислали агента? — спросил Доктор.

Сдвиг молчал. Доктор вдруг понял, что он упустил:

— Траск.

— Да. В каком-то смысле Траск является продуктом той же технологии. Но если я — разум без физического

тела, то Траск — разум, который впихнули обратно в физическое тело. У селеститов есть агенты по всей материальной вселенной. Тысячи телесных существ, каждое с меткой селеститов. Когда они умирают, их сознания переносятся в собственный удел селеститов. Кажется, они его называют «Миктлан».

Миктлан. Страна мёртвых в фольклоре Южной Америки. Значит, некоторые из своих идей селеститы заимствовали у людей.

— Это эквивалентно краже душ, — протестовал Доктор.

— Верно. Траск при жизни был агентом селеститов. Селеститы снова поместили его в тело специально ради этого аукциона. Впрочем, у меня сложилось впечатление, что они не потрудились сообщить ему, за что именно он торгуется. Они решили, что он подходящий кандидат для участия в торгах за ваше тело, поскольку именно вы его и убили.

— Я? — Доктор постарался изобразить смущение. — Простите, я этого не знал.

— Это было очень давно. Кстати, когда вы прибыли, я внедрил в его сознание напоминание о вас. И я изменил его воспоминание о том, как он умер. Просто добавил драматизма. Я надеялся, что он сам сможет вычислить, кто вы такой, и попытается вас убить из мести. Я, разумеется, не рассчитывал, что у него это получится, но вас бы это на какое-то время отвлекло.

— А Кихотль? Минуту или две назад я помнил, что где-то видел его раньше, но теперь не припоминаю детали. Эти воспоминания тоже ваших рук дело?

— Я не могу внедрять воспоминания, Доктор. Я могу лишь адаптировать их. Воспоминания, как и эмоции, могут быть изменены идеями. Что же до вашего знакомства с мистером Кихотлем, то... это ваше с ним дело.

Доктор встал. Забытая подушка под ним растворилась.

— Думаю, я уже услышал достаточно.

Сдвиг тоже встал, и позволил своему стулу исчезнуть в пустоте.

— Любопытно. Судя по вашей интонации, вы рассчитываете на победу. Позвольте вам напомнить, что вы можете удерживать меня здесь лишь до тех пор, пока вы отключены от внешнего мира, — свои слова Сдвиг тщательно обдумывал. — Кроме того, вы исходите из предположения, что я не могу вас убить.

— Даже если можете, вы не станете. Если я умру, когда вы у меня в голове, вы застрянете тут навсегда.

— Вовсе нет. Что бы ни случилось, в конечном итоге вашему телу суждено оказаться в гробу у мистера Кихотля. Поэтому я останусь запертым у вас в голове лишь до того момента, когда он продаст Реликвию. Когда же покупатель попытается зондировать ваш мёртвый мозг, а любой покупатель рано или поздно попытается это сделать, я смогу сбежать.

Доктор нахмурился:

— Простите, всё это становится ужасно запутанно. Я не могу умереть сейчас. Я знаю, что мне до смерти суждено пройти через изменения в моих биоданных. В этой регенерации мои биоданные ещё не настолько ценные, чтобы так ради них напрягаться.

Сдвига, похоже, раздражала эта пустяковая логика.

— Предположим, что я вас убью сейчас, Доктор. Предположим, что Траск заберёт ваше тело, селеститы в него что-то вселят и будут использовать его в качестве своего агента.

Доктор вздрогнул от такой мысли. Сдвиг продолжал:

— Оживлённый Доктор сможет собрать все биоданные, которые повелители времени считают такими ценными, а потом умрёт во второй раз. Затем он каким-то образом окажется у Кихотля и в конечном итоге здесь, в хранилище зиккурата, снова готовый к продаже. Причинность соблюдена.

— Ненавижу такое педантство, — пробормотал Доктор. — Ладно, я признаю, что я смертен. Но это не важно. Вы не можете меня здесь убить. У вас нет на это сил.

— Доктор, мои работодатели приказали мне добыть Реликвию, и я собираюсь этот приказ выполнить. Не становитесь на моём пути. Убирайтесь отсюда на вашей ТАРДИС как можно быстрее. Это проигранное дело. Вам тут нет места. Вы знаете, что это правда.

Доктор ненадолго задумался.

— Да, — в конце концов сказал он.

Доктор не видел выражение лица Сдвига, но, похоже, тот был удивлён.

— Да? Что «да»?

— Да, я согласен. Мне не следует вмешиваться.

— И вы меня отпустите?

— У меня нет другого выбора, — Доктор с нарочитой усталостью вздохнул. — Мне не нравится оставлять свои останки в ваших руках, но вы ведь говорите о событиях в моём будущем. Эта война меня не касается, и не будет касаться. Пока я жив. Я не собираюсь оставаться тут с вами до конца жизни, раз уж я вообще не должен быть в это впутан. Так что, можете уходить. Немедленно. Пока я не передумал.

Чернота пустоты раскололась, словно сверху вниз расстегнули змейку. По другую сторону раскрыва Доктор видел конференц-зал зиккурата. Остальные представители стояли неподвижно, замерев в позах безумной агрессии. Нет, не замерев, — поправил себя Доктор. Они двигались, но очень, очень медленно. Здесь, внутри его разума, события развивались в десять тысяч раз быстрее, чем в реальности. В «настоящем» времени разговор со Сдвигом занял долю секунды.

Какое-то мгновение Сдвиг стоял почти неподвижно, лицом к свету внешнего мира. Затем он рассыпался, превратился в каскад концепций, блестящих идей, которые закружились и направились к раскрытию. Прежде, чем снова закрыть темноту, Доктор убедился, что все эти идеи, до последней, вышли.

Он был вынужден отпустить Сдвига. У него не было возможности запереть его навсегда, не заперев одновременно и себя самого. Но он ведь не был готов к этому. И, что бы он там ни сказал, он не собирался никому позволить уйти с его старыми костями, он не отдаст их без боя.

Доктор сосредоточился и пожелал, чтобы из пустоты возникли новые формы. Ему нужно было сделать в мозгу перестановку. В следующий раз он будет готов.

Несколько мгновений тому назад Доктор бормотал что-то вроде «простите». Кихотль вспомнил, что у него был такой бзик по поводу лишения жизни. По каким-то причинам это Доктора расстраивало. Это как раз в его духе — извиниться перед тем, как укокошить кого-то.

Кихотль закрыл глаза и ждал смертельный удар.

Он ждал.

Он ждал.

Ничего не происходило. Звуки бессмысленного насилия вокруг него затихли, превратившись в отдельные удары на фоне музона.

Мистер Кихотль приоткрыл один глаз. Ничего его глаз не ослепило и не попыталось выбить, поэтому он открыл и второй.

Над ним с самодовольным лицом стоял Доктор. Рядом на полу лежала кузина Джастин, она выглядела растерянной и удивлённой, её кожа была в синяках и царапинах. Рядом с ней была груда тел, которые, если их

распутать, почти наверняка принадлежали Гомункулету, братцу Мануэлю и полковнику Кортесу. По другую сторону разбитого стола стоял Е-Кобальт, его голова кружилась, кружилась, кружилась, кружилась, а Траск был просто самим собой.

— И я надеюсь, что всем вам очень стыдно, — сказал Доктор. Это прозвучало так, словно последняя фраза странного и сложного анекдота.

Кортес осторожно выпутался из кучи тел. Затем то же сделал и Гомункулет. Мануэль встал на ноги последним.

— Всё изменилось, — заметила кузина Джастин, вставая с пола и промакивая кровь на подбородке. — Это чувствуется. Теперь...

— Не так напряжённо? — подсказал Доктор. — Что же, не так напряжённо, как можно было ожидать, принимая во внимание, кто здесь есть.

— Стоп, — сказал Кихотль. — Че... То есть, что?..

— На нас всех тут прокатились, — объяснил Доктор. — Наши мысли были не вполне нашими. Сдвиг пытался саботировать аукцион.

— Неправда, — сказал Траск. — Вы. Вы меня убили.

Доктор обернулся к нему:

— Правда? Как?

— Вы... — начал Траск, но не знал, что сказать дальше. — Я. Я помню. Вода... Нет. Там было... — он замолчал.

Доктор кивнул:

— Вот именно. Воспоминания были изменены Сдвигом. Мистер Кихотль?

Кихотль отпрянул назад, на случай, если у Доктора вновь появилось стремление убивать.

— Я не виноват, — всхлипнул он.

У Доктора от удивления поднялись брови:

— Вы знали, кого вы приглашали. Нужно было выяснять способности ваших клиентов более тщательно.

Позади Доктора, голова кротона вращалась быстрее, чем обычно, но существо молчало. Кихотль подумал, не случился ли у кротона какой-то приступ.

— А кого именно пригласил мистер Кихотль? — спросила Джастин.

Гомункулет впервые поддержал её:

— Хороший вопрос. На кого работает Сдвиг?

— На весьма известную вам силу, мистер Гомункулет, — сказал Доктор.

— Вы имеете в виду?..

Доктор кивнул. Кихотль смотрел на лицо Гомункулета. Всего лишь за пять секунд оно сменило шестнадцать чётко различимых оттенков пурпурного. Повелитель времени повернулся к Кихотлю, но, к счастью, был слишком сильно поражён, чтобы ругаться.

— Простите, — пискнул Кихотль.

— Вы пригласили сюда *их*? — закричал Гомункулет. — Вы хотели, чтобы я сел за стол с этими... с этими...

— Да, он хотел, — сказал Доктор.

У Кихотля было такое чувство, словно его пульс пытается выпрыгнуть из запястья.

— Послушайте, давайте успокоимся. Как я уже говорил Доктору, бизнес есть бизнес. Не могу же заниматься моральной оценкой своих клиентов?

Гомункулет бросился к нему. Кихотль свернулся калачиком, прикрыв лицо руками. Но его никто не ударил, поэтому через несколько секунд он рискнул выглянуть в щёлку между руками. Перед ним стоял Доктор, одним пальцем удерживая Гомункулета.

— Вы всё ещё злитесь, — сказал Доктор. — Даже без Сдвига в голове вы всё равно злой и расстроенный. Вы должны сопротивляться этому. Это именно то, чего от нас хочет Сдвиг.

— Откуда нам знать, что он сейчас не у него в голове? — спросил Мануэль.

Гомункулет сверкнул взглядом на культиста из Парадокса, но Доктор покачал головой.

— Лучше всего Сдвиг действует на уровне подсознательных мыслительных процессов. А теперь, когда мы осознаём, что он с нами творит, ему будет сложнее манипулировать нами. Мне, по крайней мере, так кажется, — Доктор осмотрел зал. — Кого-то не хватает?

Кихотль тоже осмотрел зал. Доктор был прав. Кого-то действительно не хватало. Такое ощущение, будто исчез предмет мебели, настолько большой, что сразу и не замечаешь его отсутствие.

— Кротон, — сказала кузина Джастин.

Точно. Е-Кобальт исчез. Наверное, он вышел из зала тогда, когда Кихотль испугался Гомункулета. Будем честны, — подумал Кихотль, — непросто пропустить уход такой кучи вещества, если твоя голова не занята чем-то.

— Он только что странно себя вёл, — сказал он остальным. — У него голова вертелась как сумасшедшая.

У Доктора было мрачное лицо.

— У кротонов весьма жёсткие идеи о том, как нужно обращаться с инопланетянами. Идеальный материал для Сдвига.

— Не важно, — сказал Траск. — Сдвига нет. Пускай уходит.

Лицо Доктора стало ещё мрачнее.

— Сдвиг не уйдёт, пока не завладеет Реликвией. Если понадобится, он ради этого разберёт Город по камешкам.

Кихотль встал с пола.

— Не проблема. Он же не может повредить зиккурат? Система защиты не позволит ему использовать оружие. Мы в безопасности.

Доктор по-прежнему был мрачен.

— Система защиты, — сказал он. — Я так и знал, что забыл вам что-то сказать. Кихотль... Гипотетически, если кто-то отключил системы защиты Города, как долго они будут перезапускаться?

— Пару часов, наверное. Я тут довольно сложные системы использую. А что?

— О боже, — сказал Доктор. Не успел Кихотль ничего понять, а Доктор уже мчался к выходу.

Кэтлин не шевелилась.

Потом Кэтлин снова не шевелилась.

Кэтлин продолжала не шевелиться.

Если честно, то Сэм это уже осточертело. Ухаживать за больным — это хорошо, но она вообще ничего не делала, только сидела на краю койки и ждала, пока лейтенант проснётся с криком, или у неё начнутся интересные судороги, или ещё что-нибудь. Один раз, минуту или две назад, Кэтлин пробормотала во сне слово «мёртвый», и это пока что было самое интересное.

Мимо двери комнаты прошёл инопланетянин. Его голова вращалась, его руки раскачивались из стороны в сторону, при движении он издавал странные звуки.

Ну, хоть какое-то разнообразие.

Вот в этом проблема этого образа жизни, — подумала Сэм. Путешествия во времени — это, конечно, круто, но приходилось чертовски часто чего-то ждать. Книга «Генетическая политика...» снова исчезла, поэтому ей даже почитать нечего было. В следующий раз без журнала из ТАРДИС не выйду, — сказала она сама себе. — Ни за что.

В дверь заглянула голова Доктора. Она обвела взглядом всю комнату. Сэм невольно стала по стойке смирно.

— Тут кротон не проходил? — торопливо спросил Доктор.

— Не знаю. Кротон... Это такая серебристо-белая штука, как будто из набора для фондю?

Доктор удивился:

— Да, можно и так сказать.

Сэм указала большим пальцем:

— Он туда пошёл.

Он исчез ещё до того, как она закончила говорить. Сэм снова посмотрела на Кэтлин. У Доктора был настрой «надо срочно спасти мир», так что, наверное, будут проблемы.

С Кэтлин тут и без присмотра ничего не случится, правда? За несколько минут-то?

Сэм догнала Доктора у начала той лестницы, где Кэтлин предлагала ей сигарету. Догнать его было не сложно; ноги у него были как у паука-долгоножки, но Сэм была прирождённая бегунья, три мили в день по любой погоде. Она положила руку Доктору на плечо, и он вздрогнул.

— Я с тобой, — сказала Сэм.

— Ты не знаешь, куда я.

— Хватит придирааться.

Доктор немного рассердился:

— Нельзя дать кротону дойти до корабля. К счастью, они ходят не очень быстро. Во всяком случае, в телах для сильной гравитации.

— Доктор?

Сэм и Доктор обернулись одновременно. В конце коридора стоял полковник, его лицо было таким же твёрдым, как всегда. Он сухо отдал честь и пошёл к ним.

Лицо Доктора из «немного рассерженного» стало «сильнее рассерженным».

— Полковник, сейчас не время...

— Доктор. Теперь я вас знаю. Вы понимаете.

— Понимаю? Что понимаю?

— Природный порядок. Законы равновесия, которым должны подчиняться все плотские. Всё предопределено, даже это, — полковник на ходу снимал с плеча рюкзак и к тому времени, когда подошёл к лестнице, уже рылся в нём рукой. — У меня есть кое-что. Оно поможет, если будет борьба. Сувенир нашей судьбы.

Доктор смотрел то на лестницу, то на полковника, словно пытаясь понять, важнее ли этот разговор, чем его погоня за инопланетянином.

— Это поможет мне передвигаться быстрее?

Кортес вынул руку из рюкзака и протянул её Доктору. Сэм посмотрела на лежавший в руке предмет. Это был металлический круг, похожий на диск для метания, и примерно того же размера. Предмет был чёрный, как Сааб, и гладкий, как Сааб, но расписанный по краю последовательностью нечётких розовых пиктограмм. На глазах у Сэм эти символы мигали и изменялись, хотя и не казались электронными. Они выглядели скорее так, словно их нанесли краской.

Доктор, похоже, встревожился.

— Бомба?

— Да. Саскатун. Вы помните, Доктор. Это был хороший день. Мы постарались сделать так, чтобы была исполнена воля вечного сознания.

— Термоситронная бомба, — выдохнул Доктор. — Я думал, что все их уничтожил.

Кортес кивнул:

— Да. Кроме этой.

— И вы не доложили о ней генералу?

— Судьба. Я знал, что однажды это устройство каким-то образом сыграет более важную роль в сети кармической судьбы. Сегодня этот день. Мы должны остановить врага. Такова воля единственного истинного разума всего.

Сэм нерешительно кашлянула:

— Доктор?..

Доктор схватил бомбу и спрятал её в свой карман.

— Спасибо, полковник. А теперь извините, нет времени.

Он помчался вверх по лестнице. Прежде, чем побежать за ним, Сэм увидела, что полковник развернулся. Он был доволен. Удовлетворён. Словно человек, хорошо исполнивший свой долг.

Сэм догнала Доктора на середине первого пролёта лестницы.

— Он же сумасшедший, да? — спросила она.

— Он немного не в себе, — признал Доктор. — В Саскатуне было очень непросто.

— Иными словами, он сошёл с ума.

— Ну, можно и так сказать.

— А что он плёл о судьбе?

— Его воображение сильнее его воли. В такой маленькой вселенной нет места для судьбы, — на лице Доктора промелькнуло лёгкое беспокойство. — С одним или двумя существенными исключениями.

На один этаж выше была небольшая лестничная площадка. Мрачные арочные входы вели в мрачные коридоры, а сбоку была лестница, ведущая на следующий этаж.

— А что насчёт бомбы? — спросила Сэм. — Я думала, что тебе не нравится использовать оружие. Особенно *такое* оружие.

— Не нравится. Но если уж кто-то таскает при себе образец селачианских имлозивных технологий максимального действия, то пускай лучше это буду я, чем полковник. О!

Доктор замер. Сэм тоже замерла.

Они были у начала следующего пролёта лестницы. Наверху этого пролёта, на площадке третьего этажа, стоял инопланетянин, которого Сэм ранее видела проходившим мимо двери. Он повернулся к ним и направил вниз одну из своих болтавшихся рук. Эта рука заканчивалась толстой трубой. Это напомнило Сэм базуку. Большое, толстое, опасное на вид.

Доктор схватил её за рукав футболки и потянул. Футболка затрещала, и Сэм, спотыкаясь, вернулась на предыдущий пролёт. Они бросились в укрытие арочного хода, а лестничную площадку окутал густой белый дым. Сэм всмотрелась в эту пелену. Нет, это был не дым. Это

были клубы кристаллов. Крохотных, острых как бритва кристаллов.

Облако начало оседать. Она услышала тяжёлые шаги, поднимающиеся по лестнице над ними. Сэм двинулась вперёд, к лестнице.

Доктор снова потянул её назад. Покачив головой, он опустил руку в карман и вынул, казалось, первое, что попало. Это был кекс с прилипшим к нему ворсом. Доктор удивлённо смотрел на него, не понимая, откуда он взялся.

Он швырнул кекс на лестничную площадку. Пока кекс летел в воздухе, на его поверхности раскрылись небольшие отверстия, словно сотни крошечных невидимых ртов пытались добраться до изюминок. Пока он долетел до пола, от него остались одни крошки.

— Каждый из этих кристаллов — миниатюрное корродирующее устройство, — пробормотал Доктор. — Облако таких кристаллов способно сгрызть живое существо до костей за считанные секунды. Отходы они распыляют. Скорость коррозии выше, чем я думал. Даже после оседания облака атмосфера остаётся смертельно опасной. Теперь мы знаем, что случилось с пилотом корабля.

Он кивнул на стены лестничной площадки. Камень там покрылся тонким слоем кристаллов. Части стены начали отекать, как расплавленный воск.

— Как же нам там пройти?

— Никак. Эта лестница ещё довольно долго будет смертельной западнёй, — Доктор посмотрел на потолок.

У Сэм было такое чувство, словно он пытается пронзить взглядом камень и посмотреть, что происходит на крыше. — Будем надеяться, что Сдвиг решит улететь. Если он решительно настроен выполнить своё задание, всё может стать гораздо хуже.

Сэм, конечно же, не поняла ни единого слова.

Е-Кобальт-Прайм протянул конечность с захватом и положил её на вырост управления, который к этому времени уже надёжно укоренился в системах чёрного корабля. После касания кротона люк закрылся, а пол начал слегка дрожать из-за начавшегося разогрева двигателей.

Если честно, Е-Кобальта нельзя было назвать недовольным. Аукцион не задался, но теперь это уже вряд ли было важно. Он больше не видел причин общаться с другими покупателями. Он всегда считал основанные на углероде формы жизни ненадёжными, и события в зиккurate подтвердили правоту его худших идей об инопланетных животных.

Дипломатические методы ничего не дали, но оборона Города отключена. Е-Кобальт узнал об этом на лестнице, когда испытал своё оружие и наполнил воздух коррозирующими кристаллами. Теперь гуманоиды не смогут погнаться за ним. Они будут уничтожены, быстро и полностью, а Реликвия станет собственностью Абсолюта Кртонов.

Эта единственная идея, эта простая преданность базовому военному инстинкту, была теперь опорой всей

психики Е-Кобальта. Он отправил в вырост управления ещё один приказ. Двигатели включились, и чёрный корабль начал подниматься над крышей зиккурата.

А тем временем, где-то в тёмных глубинах подсознания кротона Сдвиг позволил себе удовлетворённо кивнуть.

История Сдвига

Темнота, неопределённое время.

Его разбирали на части. Эта мысль должна была испугать его гораздо сильнее, но это не было самым худшим, что с ним случилось за сегодня. Он всё ещё помнил, каково было лежать под люминесцентно-жёлтым солнцем, когда снег задувало в трещины его тела. Он даже помнил то, что он знал, что скоро умрёт. Мягкое, медленное чувство. Не момент ужаса, как он это себе представлял.

Они разбирали его на части. Скоро от него ничего не останется, ничего осязаемого. Почти нехотя, он отметил, что у него не осталось мозга. Он не знал, как он думает без мозга, но вроде бы как-то получалось.

Раньше он был личностью, маленьким незначительным элементом габриэлидского N-ного взвода. Теперь он не был даже этим. Просто идея личности. Набор воспоминаний, которые некому вспоминать. Мысль без головы.

Он сосредоточился на воспоминаниях. Он позволил себе вспомнить последний час своей жизни в материальной вселенной.

Темнота.

Ему было холодно. Ему было бы очень больно, если бы все его органы чувств работали, но он лежал спиной на льду, и температура закоротила большинство нервов

его туловища. Вернее, нервов его человеческого костюма. Его настоящее тело плюхалось внутри кожи, чтобы не замёрзнуть. Его мозг всё ещё был соединён с нервной системой костюма, поэтому он ощущал холод так, как ощущал бы его человек. Смотрел на мир человеческими глазами.

Но он почти ничего не видел. Белизна отсюда и до края мира. Пейзаж состоял из шестисот типов снега, сиявших на солнце, но так и не начинавших таять. Ночи, как ему сказали, тут не бывало. Это как-то связано с полярными сияниями. Небо было освещено бирюзовыми и оранжевыми полосами, яркими психоделическими арками, протянувшимися от горизонта до горизонта. Первая разведгруппа, которую сюда прислали, сошла с ума. Когда N-ный взвод отправляли на эту планету, в глаза человеческих костюмов солдат вживляли нейральные подаватели, разрушающие побочные психологические эффекты освещения.

Он попробовал пошевелить головой. Его шея поворачиваться не желала, но ему удалось её заставить.

И тогда он увидел своё остальное тело, распростёртое перед ним. Снег уже начал присыпать его конечности. Он хотел закрыть глаза, но веки не реагировали на его команды. Туловище человеческого костюма было вспорото, в нём было видно бурлящую массу его настоящего тела. Одна рука полностью отделилась, и биомасса вытекала из рукава ярко-розовыми полосами. Одна из ног костюма была тоже

оторвана, но ему не было видно, вытекает ли он и оттуда тоже.

Каждая деталь костюма была бронирована. Каждый кусочек кожи был sprysнут пуленепробиваемым пластикрином. Это ничем не помогло. Сержант отправил его на рекогносцировку, и боевой спутник обнаружил его, когда он был далеко от остального взвода. Спутник выстрелил по нему один раз, откуда-то из верхних слоёв атмосферы, и больше не трогал. Видимо, спутник решил, что он не будет представлять собой большой угрозы с разбитым позвоночником, вскрытой кожей и медленно замерзающим внутри неё телом.

Перед ним на горизонте возникла группа силуэтов, чёрные пятнышки на фоне сияющей белизны. Он предположил, он надеялся, что это остальной N-ный взвод, сержант и его подхалимы. Он хотел позвать их, но решил, что нет смысла.

А затем всё начало темнеть. Он понял, что его веки закрываются. Управляющее его лицом программное обеспечение, наконец, поняло, что его глазам иногда нужен отдых.

Он не знал, сможет ли снова очнуться.

Темнота.

— ... придётся оставить его здесь. Ладно. Настройте свои наладонные сканеры, это будет непросто.

Он снова был в сознании, но у него не было сил открыть глаза. К тому же он знал, что он увидит. Сержанта, чей человеческий костюм выше остальных

больше, чем на голову, от макушки до пяток
спрыснутого бронёй. Солдаты его нашли и, похоже, не
думали забирать его с собой.

Военная процедура. Разумеется. В транзитной
капсуле не было места для врача, поэтому, по мнению
сержанта, раненые могли проваливать и умирать, когда
им заблагорассудится. Он слышал шаги ботинок, под
которыми хрустел лёд. Остальной состав взвода, само
собой, оснащается перед большой стычкой. Они должны
проверять свои наладонные сканеры, делать обзор
местности. Они тоже, наверное, нервничают. Потееют
тёмно-красным внутри своих костюмов.

— Ну что, — сказал сержант. — Как мы и думали.
Никаких признаков наземных сил. Спутники, видимо,
по-прежнему действуют, так что не снимайте плащи.
Похоже, правда, что врагу они всё равно не мешают, но
нужна же хоть какая-то надежда.

От солдат донёсся недовольный ропот. Разумеется,
не настолько громкий, чтобы считать это мятежом.

— И это тоже прекратите, — проревел сержант. —
Так. Повелители времени говорят, что вражеские
укрепления находятся на северной стороне большого
хребта, и я с ними спорить не буду. Укрепления
экранированы, так что придётся нам их искать самим,
наладонные сканеры нам не помогут. Есть вопросы?

Никто ничего не сказал.

— Отлично. Тогда пошли. И хватит на него так
смотреть. Он останется тут.

Снова ворчание. Затем хруст. Звуки марширующих ног.

Они уходили от него. Ну разумеется, они от него уходили, он же не был незаменимым или критически важным для выполнения задания. Он был пехотинец. Пушечное мясо. Его сюда взяли лишь потому, что он умел стрелять из стазера так, чтобы ему не отрывало руку. Один из миллиона глупых новобранцев, которых научили стрелять туда, куда им скажут. Габриэлидские военные не любили тех, кто задаёт вопросы, да и повелители времени тоже.

Нет, подумал он. Нет, не здесь. Я знаю, где я хочу умереть, и это не здесь, на промёрзшей чужой планете, о которой никто даже и не слышал. Я не хочу вытечь на землю. Я не хочу стать сосулькой из биомассы. Я хочу умереть в тепле. Я хочу умереть в том бассейне, в котором родился. Я хочу умереть как габриэлид.

Он открыл рот, чтобы сказать об этом N-ному взводу, но из его искусственных губ вырвался лишь долгий высокий стон. Если кто-нибудь из его товарищей и слышал этот звук, то, должно быть, подумал, что это ветер, потому что он не слышал, чтобы кто-нибудь из них обернулся. Хруст стал тише, растворился в шуме планеты.

Больше у него не было энергии кричать. Он позволил своим голосовым связкам расслабиться, и почувствовал, что снова засыпает.

Темнота.

Он очнулся от шёпота. Не от обычного шёпота, не от того, который можно услышать ушами человеческого костюма. Он был словно заключён под тканью мира, под поверхностью всего, что можно было увидеть или почувствовать. Слова пытались пробиться наружу, но было такое чувство, словно их от него отделял слой льда, такого же твёрдого, как у него под спиной.

Его обсуждали. Он чувствовал, когда говорят о нём, и сейчас говорили о нём. Несколько предложений пробились на поверхность, зависли на краю слышимости.

— ...идеальный объект? — спросил кто-то.

— ...он уже ближе, — сказал кто-то.

— ...это не важно... пока Доктор... идеальная возможность...

Но попытки понять их отбирали слишком много сил. Его тело всё ещё вытекало из костюма, окрашивая снег под ним в розовый. Скоро от него ничего не останется. У него не было сил думать о вымышленных голосах.

Он позволил своим чувствам вернуться в лёд.

Темнота.

Когда он снова пришёл в сознание, он был не один.

Он не видел своего гостя. Его голова замерла в одном положении, шарниры в шее замёрзли. Но кто-то ходил позади него туда-сюда, снег хрустел под ногами. Раздалось постукивание, звук палки, пробующей землю, проверяющей, насколько грунт твёрдый.

Внезапно хруст прекратился.

— Вы очнулись? — спросил голос.

Он сосредоточился на голосе, но узнать его не мог. Похоже, его издавал рот гуманоида — настоящего гуманоида, а не габриэлидского костюма — и у голоса был незнакомый ему акцент. Собственной жизни на этой планете не было, как ему сказали, а у врага тут не должно было быть солдат, только автоматические системы. Значит, этот голос принадлежал инопланетянину? Чужаку?

У него ушла целая минута на то, чтобы голосовые связки костюма заработали.

— Я очнулся, — прохрипел он.

Инопланетянин позади него несколько раз хрустнул снегом. Присел, наверное.

— Я не ожидал кого-нибудь тут найти. Остальной ваш взвод ушёл. Думаю, они приведут помощь.

Его это почти рассмешило. Инопланетянин, похоже, решил его обнадёжить, непонятно зачем.

— Кто вы? — спросил он.

— Я наблюдатель. Зритель. Заинтересованная сторона. Поверьте мне, я неважен.

— Вы повелитель времени?

— Ну, я не работаю на Верховный Совет, если вы об этом.

— И вы не один из врагов?

— Это зависит от того, на чьей вы стороне, — сказал пришелец. — Хватит уже обо мне. Что насчёт вас?

Вот так вопрос.

— Думаю, я умираю, — сказал он.

— Хм. Вы сильно ранены, это точно. Ваш костюм уже никогда не сможет танцевать. Но мне кажется, что повреждения вашего внутреннего тела обратимы.

— Вы доктор?

Пауза.

— Постарайтесь расслабиться. Не двигайтесь. Не волнуйтесь. Ждите помощь.

— Не будет никакой помощи, — сказал он.

И он понял, что голосовые связки переставали работать: слова были невыразительные, пустые, словно металлические.

Инопланетянин поцокал языком:

— Помощь всегда есть, где-то во вселенной. Есть старая сказка о портном, полевой мыши и булавке...

И пришелец начал рассказывать ему сказку. Он старался слушать её, старался изо всех сил не думать о том, что с ним происходит, но сосредотачиваться было так тяжело... Портные, мыши, булавки и жил да был когда-то холод, и он был такой холодный, почти до боли, хотя в его теле уже не осталось работающих нервов, и было так тяжело видеть, так тяжело оставаться в сознании...

Темнота.

— ...слышите меня? — спросил пришелец.

Каким-то образом ему удалось открыть глаза. Перед ним были какие-то формы, розовые и чёрные пятна, но

его сетчатка уже начала затуманиваться, так что он уже не мог разобрать, на какие части тела он смотрит. Перед ним стоял силуэт размером с человека, и он решил, что это и есть тот инопланетянин.

— Потерял сознание, — сказал он.

— Да. Я так и подумал, — пятно-инопланетянин немного сместилось. — Постарайтесь оставаться в сознании. Сожалею, но больше я не могу ничем помочь. Я мало знаю о габриэлидской биологии. Одна из тех вещей, до которых у меня так и не дошли руки. Жидкие формы жизни — не мой конёк.

Он попытался пошевелить одной из своих конечностей, чтобы проверить, сможет ли он. Но он ничего не почувствовал, так что не знал, получилось ли у него.

— Инжектор, — сказал он пришельцу. — Нужен медицинский инжектор.

— Да. Хорошая идея.

Пятно-инопланетянин подёргивалось. Возможно, хлопало себя по карманам пиджака.

— Я подумал, что смогу соорудить его из человеческого прибора для инъекций, но не смог найти при себе набор для инъекций. Я уверен, что он у меня когда-то был. Куда же я его мог деть? Учитывая, что он нужен срочно, он наверняка окажется в последнем месте, где я его буду искать. Ведь правда же, всегда именно так бывает? У меня когда-то был винкельгрубенный предсказатель нейральных параметров. Очень помогал в таких ситуациях.

— Что? — сказал он. В горле при произнесении слова что-то скрипело.

— Винкельгруберный предсказатель нейральных параметров, — объяснил инопланетянин. — Очень полезный прибор. Сообщаешь ему, что ты ищешь, и он определяет последнее место, где бы ты стал это искать. Остаётся только поискать в этом месте, и обязательно найдёшь там то, что ищешь.

Что же, как минимум, у инопланетянина хорошо получалось отвлекать его разговором.

— Воспользуйтесь им, — прошипел он. — Предсказателем. Воспользуйтесь им сейчас.

— О, у меня его больше нет. Я его потерял. Я, конечно, мог бы его поискать, но...

— Он будет в последнем месте, где вы будете его искать, — сказал он, сильно удивившись тому, что ещё может произносить целые предложения.

— Именно.

Он попытался кивнуть. В результате голова человеческого костюма скатилась с плеч и упала лицом на снег.

— Вы в порядке? — спросил инопланетянин.

— Да. Пожалуйста. Ответьте мне на один вопрос.

— Задавайте.

— Помощи ведь не будет?

Какое-то время была тишина, и он чуть снова не потерял сознание.

— Я не знаю, — в конце концов сказал пришелец. — Ваши товарищи по взводу были убиты спутниками.

Сожалею. Думаю, ваши люди должны скоро прислать спасательную капсулу. Чтобы узнать, есть ли выжившие.

Он попытался поднять взгляд, но не смог. Он смотрел глазами оторванной головы, смотрел в лежащий под ним снег. Не было ничего, кроме белизны. Вселенная белого. Он почувствовал, как его чувства отключаются, отчаянно пытаясь оградиться от белизны.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — тихо сказал инопланетянин.

Темнота.

Когда он снова пришёл в сознание, он был один, но зато перед лицом у него были цвета. Каким-то образом его человеческая голова перевернулась набок. Он подумал, не инопланетянин ли сделал это. Чтобы позволить ему в последний раз взглянуть на окружающий мир.

Симия КК98. Он даже не знал, зачем он здесь. До вчерашнего дня его ни разу не посылали никуда дальше Терры Ньютры. И вдруг, ни с того ни с сего, правительство мобилизует военные корабли, составляет планы военных операций межпланетных масштабов. Это как-то связано с заключённой ими сделкой. Повелители времени просили габриэлидов отправить подразделения по всей галактике, где-то захватить военное укрепление, где-то оружейные склады. N-ный взвод отправили на КК98, похоже, потому, что их враги считали, что эта планета стратегически важна, и уже имели тут небольшой автоматический пост. Если бы взвод выжил

во время выполнения этого задания, их бы отправили прямо на Дронид, для участия в большой кампании. Дронид. Или «Военная Зона №1», как его сейчас называли.

Ветер снова поднял снег. Кожей он его не чувствовал, но видел снежинки, прилипшие к его глазным яблокам. Он не мог даже сомкнуть веки. Может быть, ему всё-таки было бы лучше лежать лицом вниз.

Смотреть ему больше не на что. Он решил отсоединить свой мозг от костюма. Больше ему человеческие чувства ничем не помогут.

Он напряг нерв и высвободился из псевдо-кожи. Голова отключилась.

Темнота.

Темнота. Это уже не было памятью. Он был здесь, в глубинах темноты, его разбирали на части, мысль за мыслью. Здесь были и другие, он их видел, несмотря на то, что у него больше не было глаз. Это были те, чей шёпот он слышал. Те, кто спас его на Симиин КК98. Они собрались вокруг того, что осталось от его истинного тела, и с бледными суровыми лицами смотрели на него. Они все были одеты в мантии, просторные мантии с высокими воротниками...

Повелители времени? Он слышал, что у повелителей времени похожие костюмы. Его спасли союзники? Всё настолько просто?

— ...похоже, что процесс работает, — говорила одна из фигур в мантии. — Это та же процедура, при помощи

которой мы изготавливаем анархитекторы, но в применении к живому объекту. Не сложно, как только разберёшься с технологией селеститов.

— А он не восстанет против нас, когда узнает, кто мы такие? — спросил другой.

— Оно. Это не он. Оно чисто концептуальное. Пол для него теперь не имеет никакого значения.

— Но оно не восстанет против нас?

Нет. Нет. Не повелители времени. Это были мантии не Верховного Совета. Это были пародии на галлифрейские костюмы, надетые на существ, которые не испытывали к обществу повелителей времени ничего, кроме презрения. Что могло означать лишь...

— Нет повода для беспокойства, — сказала первое существо. — Оно в своей предыдущей жизни было профессиональным солдатом. Практически наёмником. Я уверен, что мы сможем использовать это в своих целях. Я же говорил вам, что это идеальный подопытный? Мы могли бы извлечь его из таймлайна раньше, но я хотел подождать, пока он встретится с Доктором. Чтобы, так сказать, понюхать биоданные. Мы позволим ему сохранить это воспоминание.

Оно? Он теперь был оно, как сказала это существо? Оно попыталось заговорить, хотя у него не было рта. У него были только его мысли, но его мыслей было достаточно. Оно потянулось к своим похитителям и почувствовало, как сырые идеи сдвигаются в их головах, уступая дорогу его сообщению.

— ЧТО ВАМ ОТ МЕНЯ НУЖНО? — потребовало оно.

Существа были шокированы. Оно чувствовало, как их мысли задевают его, концепции тёрлись и толкались, когда оно обустроивалось в их восприятиях.

— Ещё рано, — сказала первая фигура. — Ещё рано. Ты ещё не готово для получения инструкций. В тебе до сих пор остались следы старой личности. Нам нужно удалить их.

— ЧТО ВЫ ИМЕЕТЕ В ВИДУ?

Но существа не сказали больше ни слова. Оно почувствовало, как последние оставшиеся фрагменты его прошлого исчезают из его несуществующего мозга, воспоминания о его прошлой жизни габриэлидом были с хирургической точностью изъяты и выброшены. Скоро не останется ничего. Ни плоти, ни разума, ни личности.

Темнота.

ГЛАВА 12

Проделки Сдвига

Что-то гудело. Большинство людей подумали бы, что это какой-то двигатель, но полковник Джозеф Кортес предпочитал считать, что это постоянная и неизменная вибрация единой истинной воли вселенной. Он подумал, не погудеть ли и ему вместе с ней, но потом решил, что сейчас, наверное, не время.

Он вышел из арочного входа в зиккурат под асфальтно-серый дневной свет Зоны Восстановления. Часы полковника показывали, что в Индонезии сейчас ранний вечер, но солнце по-прежнему было почти в зените. Он обратил внимание, что остальные здания в черте Города не отбрасывают теней. Видимо, у Немыслимого Города были особые отношения со временем. Здесь планета не вращалась, и солнце не делало таких невежливых вещей, как отбрасывание тени. Он подумал, не было ли точно так же в Бригадуне.

Не успел он об этом помедитировать, как землю перед ним разворотило. Ни с того ни с сего запахло расплавленным пластиком.

Кортес обернулся. Он отошёл достаточно далеко от зиккурата, чтобы видеть крышу и зависшую над ней уродливую чёрную фигуру. Гул, как понял Кортес, был результатом работы двигателя этого корабля. На нижней части корабля открылась крохотная точка зелёного

света, затем она расширилась. Полковнику это напомнило третий, аннигилирующий глаз Шивы.

Снова взрыв. Кортес вскинул руки, чтобы защитить глаза от осколков. И только тогда он увидел, что его ладони горят.

Чёрный корабль открыл огонь, выжигая землю с высокой точки над зиккуратом. Кортес был на краю взрыва. Он мог бы назвать себя счастливым, если бы не знал, что удача тут не при чём, всё это было связано с естественным балансом кармического закона. Огонь поразил его руки, но боли не было. Кортес слышал, что мечи, которыми пользовались воины-философы древней Японии, были достаточно остры, чтобы ампутировать человеческую ногу так, чтобы хозяин ноги не почувствовал. Оружие этого корабля было столь же эффективным, столь же безболезненным. Кожа на его руках обуглилась, плоть под ней шипела, нервы полностью выгорели. Огонь, казалось, шёл дальше, распространяясь по венам, как искра по бикфордовому шнуру.

Корабль над головой снова открыл свой аннигилирующий глаз. Всё, что проходит, должно пройти, — сказал себе Кортес, — но его время ухода ещё не пришло. Не было ни единой возможности добежать до ворот Города, не попав под вражеский огонь — его карма не настолько хороша — значит, единственный путь был назад, под укрытие зиккурата. Он бросился туда бегом. Огонь вспыхнул там, где он только что

стоял, и начал расширяться. Он чувствовал, как жар касается его спины.

Он всё-таки начал ощущать боль. Медленная, тревожная пульсация в руках. Но боль, — напомнил он себе, — это не важно. В великом кармическом масштабе мира он был солдатом, а солдаты не знают ничего, кроме своего долга. Он прыгнул ко входу в зиккурат.

Доктор и его спутница практически вбежали в зал. У Кихотля возникло желание отшлёпать их.

— Бесполезно, — сказал покупателям Доктор. — Е-Кобальт заблокировал лестницу. В воздухе полно кротонского супер-коррозия. Есть другой выход наверх?

Все посмотрели на Кихотля. В последнее время это случалось довольно часто, и Кихотлю это начало надоедать.

— Хм... Нет. А нельзя этот коррозий как-то убрать?

— Ну, я мог бы воспользоваться сигналом КВЧ с изменяемой фазой, чтобы перенастроить его клеточную структуру, — Доктор похлопал себя по карманам. — К сожалению, моя звуковая отвёртка, похоже, снова меня бросила. Она иногда ведёт себя очень капризно.

— Опять-таки, я не уверена, что понимаю ситуацию, — сказала кузина Джастин. — Вы хотите сказать, что Сдвиг намерен напасть на нас? Если да, то достаточно ли у корабля кртонов мощности для разрушения зиккурата?

Кихотль попытался ретироваться в тень, пока никто не спросил у него о прочности здания. Формально, оно

было построено из вычислений блочного переноса; локальное пространство-время было переделано с использованием просто математики, никаких физических материалов использовано не было. Теоретически, обычное оружие должно было быть неспособным нанести Городу какой-либо ущерб. Практически же, у Кихотля не было времени проверить свои расчёты, и он подозревал, что его вычисления могли иметь небольшую ошибку. Короче говоря, он сомневался, что для того, чтобы город затрещал по швам, понадобится много сил. На самом деле, для предотвращения такого рода вещей он рассчитывал на оборонительные системы.

К счастью, никто не обращал на него ни малейшего внимания.

— Я не уверен, — размышлял Доктор. — Но даже если сам зиккурат устоит, есть вероятность, что...

— Сдвиг нас не выпустит, — доложил полковник Кортес.

Полковник стоял в арочном входе в конференц-зал, протянув руки перед собой, словно не желая видеть, чем они тут занимаются. Увидев его раны, Кихотль вздрогнул.

Доктор был удивлён:

— Полковник? Где вы были?

— Снаружи. На задании по разведке прилегающих к зиккурату территорий, по изучению наличия ловушек, засад, группировок противника. В соответствии с приказом.

— С приказом? С чьим приказом?

Все снова посмотрели на Кихотля. Кихотль сжался ещё сильнее.

— Слушайте, ну я же просто сказал, что было бы неплохо проверить остальную часть Города. Ну, осторожность же никогда не бывает лишней.

Взгляд Доктора прожигал Кихотля насквозь. Не буквально, разумеется, хотя Кихотль мог легко себе представить Доктора со встроенным в череп энергетическим оружием.

— Вы имеете в виду, вы хотели узнать, будет ли Сдвиг стрелять по тем, кто выйдет из здания.

— Не смотрите на меня так, — пробормотал Кихотль.

Доктор снова повернулся к Кортесу:

— Похоже, что Сдвиг хочет, чтобы мы оставались на месте. Простите, как вы себя чувствуете?

— Боль не важна, — сообщил полковник.

— О. Хорошо. В общем, нам нужно найти другой выход. Моя ТАРДИС, боюсь, где-то в лесу.

Гомункулет фыркнул:

— На меня не смотрите. Марí никуда не полетит.

— Никто на вас не смотрел, — заметила кузина Джастін.

Гомункулет обернулся к ней:

— А что на счёт вас? Как вы сюда попали? На одной из псевдо-ТАРДИС Фракции?

Кихотль щёлкнул пальцами:

— Да, точно! Ваше это... как его... святилище. Оно же может унести нас из Города, да?

Стоявший рядом с Джастин братец Мануэль стиснул зубы.

— Ни за что, — проревел он. — Ни за что вы с нами не полетите.

Доктор, успокаивая его, поднял руку:

— Боюсь, что нам придётся временно стать союзниками. Кузина?

Джастин промокнула лицо чёрным шёлковым платком. На лице у неё до сих пор была кровь из полученных в драке ран.

— Хорошо.

— А как же Реликвия? — спросила питомец Доктора.

Доктор посмотрел на неё довольным взглядом. Наверное, он её дрессирует, — подумал Кихотль.

— Я не забыл, Сэм. Мы можем забрать Реликвию перед отлётом.

— *Кто* может её забрать? — потребовал Гомункулет.

Доктор вздохнул:

— Если вас так устроит, мы можем все сделать это вместе.

— Если только её не заберут кротоны, — добавила Сэм.

У Кихотля возникло ощущение, что она это сказала только потому, что хотела участвовать в разговоре. Доктор ей одобрительно улыбнулся:

— Да. Хотя, если быть точным, тут только один кротон... — он замолк на полу-фразе. Улыбка с его лица исчезла. — Кихотль, — сказал он.

— Да?

— Вы помните, что сказал Е-Кобальт, когда прибыл?

Кихотль тяжело выдохнул.

— Меня можете не спрашивать. Я почти ничего не понял. Ах, да, я понял. Он сказал, что перехватил тот чёрный корабль, но что он уже послал за... О, чёрт!

— Я так и знал, что о чём-то забыл, — пробормотал Доктор.

И в этот момент, который сложно было подобрать лучше, из-за стен зиккурата донёсся зловещий рокот.

Е-Кобальт вышел из своей задумчивости и прислушался к сообщениям выроста управления.

В нескольких километрах над поверхностью планеты небо разворачивалось, раскрывая то, что прибыло сюда под поверхностью пространства-времени, не замечаемое вселенной. Корабли были сделаны из кристаллов, выращены на станках Кварцеля-88, их форму ни с чем нельзя было перепутать. Когда они вошли в земную атмосферу, их двигатели вызвали в психической ауре планеты сильные флуктуации, сверх-пространственным двигателям это было свойственно. Е-Кобальт подумал о влиянии, которое эти возмущения могли оказать на этих двуногих, и его это позабавило.

Насколько кротоны вообще могли считать что-то забавным.

Корабли — динатропы — опускались. Они двигались быстро, быстрее, чем тот корабль, на котором прибыл Е-Кобальт. Скоро они стали видны. Е-Кобальт наблюдал за ними через сенсоры выроста управления.

Динатропов было десять, они были выстроены перевёрнутым тетраэдром. Они были бледные, с неровными краями, похожие на огромные вырванные зубы; падая, они вращались, наполняя воздух глубоким диссонирующим рёвом, громкость которого сотрясала стены Города.

Десять кораблей. Боевое копьё. Динатропы развернули свои сенсорные конечности, сканируя атмосферу, собирая информацию. Е-Кобальт позволил немного большей части своего сознания просочиться в вырост управления, а затем обратился к боевому копьё на стандартной частоте связи.

Он был готов докладывать. И, как командир этого подразделения, он знал, что остальные прислушаются к любому его идеям о том, как поступить с инопланетными двуногими.

— Боевое копьё кротонов, — объяснил Доктор.

Сэм как всегда держалась рядом с ним, задавая вопросы. Доктор понял, что она уже почти забыла о том, что произошло, когда она спустилась в хранилище в предыдущий раз. Стоило начаться активным действиям, и она снова стала сама собой. Идеальная спутница.

Идеальная спутница...

Они бежали вниз по ступеням, за ним бежали Кихотль, Кортес, Гомункулет и два культиста из Парадокса. Никто никому не хотел доверять Реликвию, поэтому они направлялись на подземный этаж все вместе. Гомункулет и Мануэль не сводили друг с друга глаз, а Кортес большую часть времени смотрел на повреждённую кожу своих рук и напевал что-то на языке, отдалённо напоминающем тибетский. Из всех покупателей отсутствовал только Траск. Мертвец в какой-то момент пропал; никто не заметил, где и когда это произошло, но Доктор сомневался, что это имеет значение. Хотя Траск и передвигался быстрее среднестатистического трупа, он вряд ли сможет попасть в хранилище раньше их и сбежать с Реликвией.

Доктор мысленно укорил себя. Когда они доберутся до святилища Фракции, они будут защищены от кротонов, но он понятия не имел о том, что будет дальше. Он подумал, что покупатели могут разделить Реликвию между собой. Рука селеститам, нога Гомункулету, печень Фракции...

— Что такое «боевое копьё»? — спросила Сэм.

Доктор перестал рассуждать.

— Я не знаю. Я уже встречал кротонов, но только изолированные единицы. Думаю, мы не ошибёмся, если предположим, что подкрепление будет хорошо вооружено.

— А как же Кэтлин? — спросила Сэм.

— А как же Марí? — прохрипел Гомункулет.

Доктор отмахнулся от них:

— Заберём их по пути. Но у нас мало времени.

Шевелитесь.

Реликвия — это важно.

Доктор кивнул:

— Именно. Реликвия — это важно.

У Реликвии есть сообщение.

— У Реликвии есть сообщение, — повторил Доктор.

— Прости, что? — сказала Сэм.

— Я сказал, что у Реликвии...

Доктор остановился. И замер. Замер? Глупое выражение, учитывая обстоятельства.

У Реликвии есть сообщение, и это очень важно.

Доктор погрозил кулаком.

— Прекрати! — сказал он.

— Что прекратить? — спросила Сэм.

— Я не тебе.

Реликвия...

— Прекрати, я сказал! — он закрыл глаза и пошёл дальше, позволяя ногам самим нащупывать ступени.

Он почувствовал, что прошёл лестничную клетку этажа ниже, затем пошёл по лестнице вниз, на самый нижний этаж, отбрасывая в стороны остатки паутин.

В его сознание снова проник голос Сэм:

— Доктор? Ты опять телепатические сигналы принимаешь?

— Да. Да, принимаю, — Доктор поскользнулся, чуть не упал вниз по ступеням, но мгновенно восстановил равновесие.

Покупатели позади него начали беспокойно бормотать.

— Сэм, пожалуйста, не говори со мной. Мне тяжело не пускать в голову голос. Чем ближе я к этому гробу...

Чем ближе ты к гробу, тем ближе ты к будущему. Не знаю, почему ты так боишься своего тела, Доктор. Думай о нём как о надёжной точке в твоей жизни. Как о вехе. Всё остальное нынче такое смутное. Такое переменчивое...

— Я не знаю, о чём ты говоришь.

А я думаю, что знаешь. Раньше ты был такой осторожный. Всегда делал всё возможное, чтобы ничего с таймлайном не случилось. Помнишь, когда Адрик направил грузовик с антивеществом на Землю и перебил всех динозавров? Ты тогда почувствовал, что много потерял, но давай будем честными — ты тогда выиграл. Ты сделал то, что делал всегда. Позаботился об истории. Позаботился о том, чтобы динозавры вымерли строго по расписанию.

— Это не правда!

Я знаю, ты сделал несколько небольших... не будем называть их изменениями, назовём их импровизациями. Ты позаботился о том, что выжили несколько человек, которые не должны были выжить. Где-то ты спас человеческую колонию, где-то вымиравший вид. Но куда бы ты ни отправлялся, ты всегда делал так, что время шло своим чередом. До сих пор. До этой регенерации. Ты больше не думаешь о последствиях.

— В каком смысле?

Сразу после регенерации, забыл? Ты отправился в прошлое и навестил все свои прошлые жизни. И тем самым изменил собственный таймлайн.

— Это, вообще-то, не совсем я сделал, — протестовал Доктор.

Ты винишь во всём Рассилона?

— Ну... Можно и так сказать.

А не похоже ли это на то, как христианин винит в своих ошибках Бога? Давай я попробую объяснить иначе, может быть, ты поймёшь, к чему я веду. Сэм считает тебя функцией вселенной. Серьёзно, она тебя представляет себе именно так. Не столько личностью, сколько неотъемлемым свойством бытия.

— Это неправда, — сказал Доктор. Вообще-то, он понятия не имел, правда это или нет.

Дай мне закончить. Вспомни о том, как ты отправился навещать свои предыдущие воплощения. Что ты сделал в первую очередь после того, как закончил играть со своим таймлайном? Что первое случилось после того, как ты был уверен, что вернул своё «я»? Я скажу тебе, если ты забыл. Ты встретился с Сэм и взял её на борт ТАРДИС. Как будто бы какая-то часть тебя знала, что она собой представляет, и просто завершила процесс.

— Не понял. Что собой представляет Сэм?

— Кто, я? — спросила Сэм.

— Тсс. Я задал вопрос.

Ты знаешь, что собой представляет Сэм. Если в лесу падает дерево, и никто этого не слышал, был ли звук от

падения? Останови меня, если я выражаюсь слишком абстрактно, но если повелитель времени спасает мир и никто этого не видит, важно ли это будет для истории? Она твоя свидетельница. То, что тебе нужно для завершения тебя. Желание твоего сердца. Может быть, поэтому она и была создана. Вы с ней созданы друг для друга, она сама так сказала. Смит и Джоунс. Это просто до боли очевидно.

— Нет! — Доктор почувствовал, что кто-то взял его под руку, наверное Сэм, но он высвободил руку. — Я тебя не слушаю. Ты Сдвиг. Ты помещаешь в мою голову эти идеи, чтобы отвлечь меня...

Если бы ты так считал, мы бы сейчас не разговаривали. Ну, ладно. Возможно, я частично Сдвиг. У тебя в голове столько чужих идей скачет, неудивительно, что тебе голоса мерещатся. Твои синапсы — сплошная путаница, поверь мне. Считай меня своим временным психозом.

— Психозом? Я что, разговариваю со своим собственным слабоумием?

Не переживай. Я уверен, что это пройдёт.

— ГО-ВО-РИТ-Е-КО-БАЛЬТ-ПРАЙМ-ПЯ-ТОЙ-РЕ-ШЁТ-КИ-КРО-ТО-НОВ. МЫ-ВЗЯ-ЛИ-Э-ТОТ-ГО-РОД-ПОД-СВОЙ-КОН-ТРОЛЬ.

Доктор открыл глаза. Он стоял у входа в хранилище, по другую сторону мёртвого сада почек светился одинокий ящик. Все вокруг него схватились за уши. Эхо разносило по зиккурату голос кротона точно так же, как голоса туканов. Доктор предположил, что

Город намеренно был построен проводить звук таким образом. Е-Кобальт, по-видимому, использует снаружи какой-то громкоговоритель.

— ОТ-ДАЙ-ТЕ-НАМ-РЕ-ЛИК-ВИ-Ю, — продолжал Е-Кобальт. — ЕС-ЛИ-ВЫ-ПОД-ЧИ-НИ-ТЕСЬ-ВАС-ВЫ-ПУС-ТЯТ-ИЗ-ГО-РО-ДА-ЦЕ-ЛЫ-МИ. В-СЛУ-ЧА-Е-СОП-РО-ТИВ-ЛЕ-НИ-Я-ВАС-РАС-ПЫ-ЛЯТ.

Доктор почувствовал, что из его ушей начинает течь кровь. От этого голоса дрожали стены, но, по крайней мере, он заглушил другой голос, и этому Доктор был рад. Он посмотрел на потолок.

— Слушай меня, Е-Кобальт. Я не знаю, можешь ли ты меня слышать, но если можешь, то слушай. Мы не можем отдать тебе Реликвию. Мы скорее умрём, чем отдадим её. Ты понял?

— Эм... Что вы сказали? — спросил Кихотль. Он шёл на коленях, всё ещё закрыв уши руками.

— Я сказал, что мы скорее умрём, чем отдадим Реликвию.

— А! Я подумал, что мне послышалось.

— Не бойтесь, это просто выражение такое.

— Думаете, кротоны об этом знают?

— Е-ДИ-НИ-ЦЫ-КРО-ТО-НОВ-У-ЖЕ-ОТ-ПРАВ-ЛЕ-НЫ, — прогудел Е-Кобальт.

К счастью, больше он ничего не сказал. Доктор подумал, достаточно ли знал Сдвиг об устройстве зиккурата, чтобы использовать громкоговоритель в

качестве звукового оружия, но быстро прогнал эту мысль, чтобы Сдвиг её случайно не нашёл.

Гомункулет протиснулся мимо Доктора в хранилище.

— Это, должно быть, Реликвия. Как мы её понесём? Кихотль встал на ноги.

— Нет проблем. К днищу ящика присоединены антигравы, а в крышке навигационное оборудование. Активируется звуком.

— Правда? — сказал Доктор. Он вложил в рот два пальца и свистнул.

— Оно слушается только меня... — начал было Кихотль.

Завершать не было смысла. Ящик медленно, очень медленно оторвался от пола и поплыл по хранилищу к ним. Доктор вспомнил Руку Омеги и те счастливые времена, когда водил её на прогулки, впервые обосновавшись на Земле.

Реликвия подплыла прямо к нему и опустилась на пол. Остальные покупатели шагнули назад.

— Хороший мальчик, — сказал Доктор и похлопал ящик по крышке.

Он надеялся, что никто не заметит, как он при этом поёжился.

На дне шахты артронных отходов лужа всё ещё вспоминала. А именно, она вспоминала свою первую попытку спаривания. Как только спаривание завершилось, она почувствовала детонацию в своей

большей, чем планета, матке, вспышку жизни, вторую микро-вселенную, формирующуюся внутри микро-вселенной тела Марí. Вторая ТАРДИС. Почти-безграничность внутри почти-безграничности.

Лужа вспомнила одновременные чувства ненависти, ярости и разочарования, когда повелители времени забрали маленькую ТАРДИС, вынули её из матки ещё до того, как крошка вырастила собственную батарею питания. Они поместили её внутрь одного из своих пан-размерностных ящичков. Она всего лишь ребёнок, — сказали они. Она нуждается в сильном присмотре.

Больше она малышку никогда не видела.

Снова провал в воспоминаниях.

Затем Марí была в зиккurate, её системы вооружения включились. Она велела им остановиться, но они не слушались. Она почувствовала, как оболочка её тела раскрывается. Новые импульсы, новые реакции.

Она знала, на кого работает Траск. Она знала, на кого работает Сдвиг. В какой-то части своего когнитивного ядра она даже понимала, что планирует Сдвиг, и предполагала, что он попытается сделать, если его план не сработает.

Кислота памяти была разлита. Прошрое Марí лежало лужами вокруг внутренности её тела, каждая часть что-то помнила, но ни одна часть не помнила всё. Лужа загустела, став почти твёрдой, а затем вытянула щупальца, крохотные отростки серого вещества, ощупывавшие дно шахты. Кислота памяти была спроектирована быть адаптивной, само-

восстанавливающейся, самодостаточной. Лужа знала, что ей нужно найти остальную часть личности Марí. Она знала, что ей нужно снова собрать её воедино.

Одно из щупалец прилипло к стенке шахты и потянуло к себе остальную часть лужи. Медленно, очень медленно, лужа начала лезть.

Комната Гомункулета была похожа на военный барак. Увидев это, кухня Джастín испытала короткий приступ удовлетворения. Несколько столетий назад комната повелителя времени была бы памятником роскоши, сплошные ионические колонны и золотая отделка. Но здесь обстановка была серая и функциональная, а воздух по другую сторону двери был пропитан не благовониями, а мужскими гормонами. Вот что половина тысячелетия войны может сделать с расой, — подумала Джастín. И никто этого не заслуживал так, как повелители времени.

Из коридора ей было видно, как Гомункулет наклонился над своей ТАРДИС, глядел в глаза машины, словно та была больным котёнком.

— Она поправляется, — проворчал Гомункулет. — Я вижу в мониторах её радужек, что обрывки памяти воссоединяются.

— Идёмте, — сказал братец Мануэль.

Джастín согласно кивнула.

— Вы готовы, мистер Гомункулет? Нас же, вообще-то, атакуют.

Гомункулет посмотрел на неё:

— Я готов. Помогите мне её поднять.

— Что, простите?

— Ну, не могу же я её один нести? Ну же. Помогите.

— Размечтался, — сказал Мануэль, слегка усмехнувшись.

Гомункулет сжал кулаки:

— Слышишь, ты, маленький примитивный...

— Берегись!

Джастин обернулась. Рядом с ней стояли Доктор и его спутница, у их ног зависла Реликвия. Кихотль и полковник UNISYC были тоже неподалёку, и все смотрели в конец коридора. Джастин тоже посмотрела туда.

В том месте, где коридор делал поворот на девяносто градусов, что-то стояло. Поначалу Джастин подумала, что это Е-Кобальт, но затем поняла, что это существо больше, чем был командир кртонов. Его тело было раздутое, покрытое бесформенными шишками, передняя часть его туловища была покрыта панелями серебристо-белой брони. Вместо ног у него была гигантская гусеница. Плечи у него были такой ширины, что почти касались противоположных сторон коридора. Джастин это напомнило одну из военных машин, описанных в книгах мистера Уэллса. Танки — так они, кажется, назывались.

Как и у Е-Кобальта, у этого монстра были две гибкие руки. Однако обе руки заканчивались

раструбами. Наверху гигантского тела вращалась крохотная голова.

— Что... — начала Джастин.

Не успела она ничего сказать, как что-то сбило её с ног. В следующие секунды она поняла, что это был Доктор. Он отступал по коридору от военной машины и тащил за собой Джастин. Когда Джастин пришла в себя, она обнаружила, что опирается на стену в другом конце коридора. Доктор и его помощница были рядом, а Кихотль и Кортес уже убегали по боковому тоннелю.

Джастин увидела, что коридор перед ней был затянут чем-то вроде густого белого тумана. Она увидела мчавшегося к ней Мануэля, убегавшего от края распространявшегося газа. Братец был в ужасе. Джастин впервые видела его таким, было просто поразительно, насколько жалким он внезапно показался.

По другую сторону облака звучал рёв — монстр ехал к ним. На глазах у Джастин ящик исчез среди белых пушистых облаков. Он пытался догнать Доктора, но ему не хватало скорости.

— Бежим! — крикнул Доктор.

И Джастин побежала. Она бросилась в тот же боковой тоннель, куда побежали Кихотль и полковник, а впереди неё бежали Доктор и девушка. На бегу ноги кузины путались в юбке, и часть пути ей пришлось скакать, чтобы не споткнуться.

— Что это? — спросила девушка, когда они бежали.

— Ещё один кротон, — сказал ей Доктор. — В этот раз в полном боевом облачении. Такого рода тела они

носят тогда, когда нужно произвести впечатление. Но они расходуют много энергии.

Вдруг он остановился. Джастин чуть на него не наткнулась.

— В какой стороне святилище? — спросил он у неё.

Джастин указала.

— Но Реликвия...

— Поздно. Нам придётся решать эту проблему потом.

Он схватил свою спутницу за руку и потащил её в тот поворот, который указала кузина Джастин.

Рядом с Джастин появился Мануэль. Его глаза были широко раскрыты, казалось, что он вот-вот заплачет.

— Это плохо, — бормотал он. — Плохо. Это как дома. Точно как дома. Танки для подавления бунтов. О Боже. О Боже мой.

Кузина Джастин ударила его. Один раз, по щеке, со всей силы.

— У нас долг перед Дедом, — строго сказала она. — Ты забыл?

Мануэль потупил глаза. Его лицо скривилось.

Джастин осмотрела коридор. Доктора и его подруги уже не было. Кортес с Кихотлем тоже пропали. Грохот позади них затих, газ из-за угла за ними не полз.

— Что же нам делать? — слабым голосом спросил Мануэль.

— Духи нас поведут, — ответила Джастин.

Поразительно, но у неё это прозвучало так, словно она в это действительно верила.

Этот кротон идентифицировался как I-Кода-Минор. Он был одной из четырёх единиц экипажа главного корабля Боевого Копья, и так же, как и остальные его клеточные братья, он беспрекословно подчинился приказу Е-Кобальта-Прайма покинуть динатроп. Следующие три корабля боевого копья получили такой же приказ. Две единицы с каждого корабля сошли на поверхность, динатропы опускались на уровень земли перед тем, как раскрыть сфинктерные клапаны и позволить своим солдатам выкатиться в Город.

I-Кода повернул свой головной модуль и перенастроил сенсоры так, чтобы видеть сквозь облака кристаллов. На ткани кротонов коррозий, естественно, не действовал, но на углеродные формы жизни его действие было очень эффективным. I-Кода с разочарованием отметил, что в проходе не было трупов.

Но было нечто интересное. Неизвестный объект, подвешенный над полом на миниатюрных антигравитационных устройствах. Высокочувствительные органы чувств I-Коды обнаружили внутри этого объекта биологическое вещество. Кротон покатился вперёд и выдвинул зонд. Е-Кобальт приказал искать такого рода объект. Видимо, это что-то очень важное.

Зондирование было прервано приглушённым звуком на пороге возможностей низкочувствительных сенсоров. Он перенастроил параметры восприятия. Да; вдоль этого коридора было несколько комнат, и в одной

из них что-то двигалось. I-Кода повернулся, что в этом теле было непросто, и покатился в ближайшую дверь.

В комнате не было коррозии. В дальней части помещения было нечто, что I-Кода распознал как модуль для отдыха двуногих, а на нём неподвижно лежала гуманоидная самка. I-Кода не обнаружил в ней признаков жизни. Рядом с модулем был один гуманоидный самец.

— На-зо-ви-се-бя, — приказал I-Кода.

Гуманоид поднял взгляд. Из уголка одного из визуальных сенсоров двуногого вытекла струйка жидкости, но I-Кода не знал, было ли это результатом какого-то повреждения, или это была просто какая-то смазка.

— Оставьте нас в покое! — сказал инопланетянин.

I-Кода ответил на это, размахивая вооружённой конечностью:

— На-зо-ви-се-бя-и-ли-бу-дешь-рас-пы-лён.

Гуманоид потянулся к существу-самке. Оно — вернее, он, как вспомнил I-Кода; у гуманоидов была специфическая терминология для единиц разного пола — провёл рукой по боковой части лица самки.

— Животные, — тихо сказал мужчина. И исчез.

I-Кода перенастроил сенсоры, но было поздно. Что бы ни случилось с гуманоидом, системы кротона это не уловили. Всё выглядело так, словно существо исчезло в теле самки, хотя законы физики настаивали на том, что это невозможно.

А затем самка тоже исчезла. Раздался ритмичный стонущий скрежет, от которого голова I-Коды завертелась весьма необычным образом, а затем последние следы её тела исчезли.

Кротон наполнил комнату коррозией, скорее от разочарования, чем из практических соображений. Затем он выехал в коридор и послал рапорт Е-Кобальту.

В конце прохода появился квадрат серого света. Мистер Кихотль продолжал идти. Он понятия не имел, где все остальные, да и не волновало его это. Какое-то время он шёл за Кортесом, но они нарвались на один из танков-кртонов, и Кортес пропал из поля зрения Кихотля за облаками коррозионного вещества. Наверное, он уже мёртв. Мокрое пятно биомассы в каком-нибудь углу. Фу.

Но теперь выход был всего лишь в нескольких метрах от него. Кихотль направлялся к главному входу в зиккурат — ну ладно, к *единственному* входу в зиккурат — просто потому, что не смог придумать, куда ещё ему идти. Если бы ему даже и удалось добраться до святилища Фракции, он понятия не имел, как им управлять, и сомневался, что кузина Джастин проживёт достаточно долго, чтобы встретить его там. Он, конечно же, мог положиться на Доктора, но его до сих пор не покидало чувство, что Доктор хочет его убить. Чёрт, входная дверь была ничуть не хуже любого другого выхода. У Сдвига нет причин убивать его. Доктора — да. Гомункулета — да. Но старину Кихотля? Кихотль

всего лишь посредник. Всем же ясно, что он безвреден. Так?

Так?

Да. Он выберется из зиккурата живым. Кротоны не будут отвлекаться на него и стрелять с воздуха, если приказы им отдаёт Сдвиг. Его собственный корабль был припаркован у самых стен Города, он умчится с этой грязной планеты минут за десять.

Что-то большое, громоздкое и угловатое перекрыло свет в конце тоннеля. Кихотль резко остановился и поднял руки.

— Ладно, ладно. Да, я пытаюсь сбежать, — сказал он. — Но для вас же это не проблема, правда? Давайте, вы меня пропустите, и мы забудем обо всём, что было.

Кротон с грохотом двинулся вперёд. Кихотль увидел, что ещё одно такое же существо заезжает следом.

О, боже мой. Сколько же их тут?

Он шагнул назад.

— Ладно, я понял. Вы хотите, чтобы я сдался, возможно, помог вам. Хорошо, как скажете. Хотите знать, где Реликвия? Я могу вам показать. Нет проблем.

— На-зо-ви-се-бя, — пробулькал первый кротон.

— Что? Ах, да, — Кихотль опустил руки и поправил галстук. — Кихотль. Мистер Кихотль. Ваш босс меня знает.

— Ки-хотль, — голова кротона повернулась немного влево, а затем немного вправо. Кихотль предположил, что тот пытается связаться с Е-Кобальтом,

проверяет его личность. — Ки-хотль. Мис-тер. Ты-и-ден-ти-фи-ци-ро-ван.

— Хорошо. Да. Чудесно.

— Ты-не-ва-жен.

— Простите?

Кротон открыл огонь.

Выстрел был короткий, из одной из рук кротона вырвалось облачко концентрированных кристаллов и коснулось груди Кихотля. Боли не было.

Кихотль, раскрыв рот, смотрел на кротона.

— Ты зачем это сделал? — попытался сказать он.

Он попытался. Но не смог. Он не мог даже дышать. У него было такое чувство, словно кто-то хирургически удалил бóльшую часть его гортани. Он посмотрел вниз.

Грудь у него не было. Там была дыра, почти идеально круглая, от соска до соска. Передняя часть его костюма была съедена, как и его кожа, как и плоть под ней, как и большая часть грудной клетки. Крови, правда, не было. Дыра была обрамлена серебристым инеем, а органы внутри его груди выглядели как свежзамороженные.

Много мыслей пробежало в голове Кихотля за следующие несколько наносекунд. Однако, с какой бы стороны он на это ни посмотрел, он всё равно приходил у выводу, что ни одно гуманоидное существо с такой раной выжить не может.

Кротоны надвигались. Кихотль упал на колени и вцепился в свою грудь, отчаянно пытаясь сомкнуть

пальцами плоть на ране. Но это не могло помочь ему выжить. Это конец. Это было вполне очевидно.

Поэтому он упал на землю, и позволил своему телу умирать.

ГЛАВА 13

У-рок-а-на-то-ми-и

...с точки зрения психологии, кротоны одни из наименее понимаемых существ в Спирали Маттера. Наша галактика широко населена жизнью, основанной на углероде, и даже виды, основанные на кремнии, несмотря на свою редкость, всё-таки были тщательно изучены, каталогизированы и вскрыты. Кротоны, однако, нечто совсем другое.

Абсолют Кртонов эволюционировал от формы квази-органических кристаллов на основе теллурия, водившейся на планете, широко известной как Ядро Кроси-Апсаи, хотя империя, давшая ей это имя, уже давно развалилась. Изначально этот кристалл был по своей природе хищником, геистальтной формой жизни, способной создавать из своей биологической массы подчинённых ей существ. Хотя эти индивидуальные единицы не были никоим образом разумны, их адаптивность позволяла сводить к нулю или даже перенимать врождённые способности к защите и нападению у тех видов, на которых они охотились.

Однако, когда на Кроси-Апсаи появились инопланетные элементы, её экосистема развалилась. Планета была оккупирована милитаристко-капиталистической гуманоидной культурой [см. стр. 349], прибывшей в поиске новых территорий,

минеральных богатств и всего прочего, что обычно ищут гуманоиды, попав на новую планету. Завоеватели скоро направили своих серво-роботов разрабатывать Кроси-Апсаи. Этот территориальный вызов кристаллический геиштальт не мог проигнорировать.

До этого момента кристалл был неспособен выработать разумное сознание, его структуры были слишком грубы для того, чтобы перенять сложные органические нервные системы, с которыми он мог сталкиваться. Но мозги серво-роботов были гораздо проще, их копировать было гораздо проще. Результат? Миллионы, а то и миллиарды полу-органических кристаллических созданий, все хорошо вооружённые, все начинающие думать как империалистические рабочие модули, на основе которых они себя создали. Захватчики-гуманоиды быстро отступили, оставив после себя полную планету «кротонов», которые внезапно понятия не имели, что им делать дальше.

На протяжении столетий у кротонов выработалась рудиментарная способность к эмоциям, и даже способность к творчеству, но что-то от их наследственности сохранилось. Даже сейчас каждая индивидуальная единица управляется Абсолютом Кротонов. Каждый из кротонов психологически связан со всеми остальными кротонами, по крайней мере с теми, которые находятся в радиусе мысли. Некоторые исследователи приняли эту связь за телепатию, но на самом деле эта связь гораздо тоньше.

Когда кротоны мыслят, их кристаллические нейронные сети вибрируют, и если несколько кротонов думают об одном и том же, их мозги вибрируют на одинаковых частотах. Отдельные единицы могут чувствовать ментальные флуктуации других за несколько километров, примерно так же, как животные чувствуют землетрясения за несколько часов до того, как гуманоиды замечают, что земля дрожит.

Профессор Гастус Трипстед, «Генетическая политика за пределами Третьей зоны», Приложение XXIV.

По всему Немыслимому Городу и в кораблях, зависших над ним, основанные на теллурии мозги сорока одного кротона вибрировали в унисон. По команде Е-Кобальта динатропы, всё ещё находившиеся в воздухе, перестроились. Даже находясь на борту чёрного корабля Е-Кобальт знал, что один из его подчинённых обнаружил Реликвию. А пилоты боевого копья знали, сидя в центрах управления своих кораблей, что Е-Кобальт хотел, чтобы они сделали.

У каждого из кротонов в голове была одна и та же идея. Старый военный инстинкт, то самое агрессивное устремление, которое Абсолют Кротонов узнал от серво-роботов на Кроси-Апсаи много лет назад. В сознании командира сложившаяся ситуация была довольно проста. Как только Реликвия будет изъята из здания, Город будет уничтожен, и все ненадёжные единицы

углеродной жизни будут уничтожены вместе с ним. Это был не план, это был факт.

— Здесь, — сказала Сэм, резко остановившись на полпути по коридору.

Доктор заглянул в дверь. Сэм следила за его лицом, за его реакцией на святилище. Удивления на его лице не было, было лишь подобие отвращения.

— Определённо технологии ТАРДИС, — сказал он. Он оглянулся в коридор. — А что случилось с кухней Джастин?

Сэм очень-очень тихо выругалась. Он снова витал в собственном мире.

— Мы её давно уже потеряли. Ты что, не заметил? Слушай, нельзя пока улетать. Нужно забрать Кэтлин. И Реликвию.

— Мы не улетаем. У меня, кажется, есть идея.

— Тебе кажется, что у тебя есть идея?

— Кажется, да. А может, мне только кажется. Тут столько фоновых мыслей вокруг, мне тяжело концентрироваться, — Доктор слегка склонил голову: — Ты слышишь?

Сэм прислушалась. Пока они сюда шли, она чего только не слышала. Обрушивающиеся стены, бегущие ноги, вращающиеся головы — всё. А теперь она слышала лишь ровный грохот, довольно недалёкий, возможно, из-за ближайшего поворота.

— Это один из кротонов, — сказала она. — Это звук его гусеницы.

— Отлично, — сказал Доктор. И поспешил по коридору, в сторону источника звука.

Сэм была так встревожена, что ей даже не захотелось ударить его. Она пошла за ним, но остановилась, когда увидела, что он дошёл до одного из коридоров. Он резко остановился, повернулся к ближайшему коридору и помахал обеими руками. О нет, — подумала Сэм. Пожалуйста, пусть он машет не кротону. Ну пожалуйста!

— На-зо-ви-се-бя, — раздался из-за угла голос. Сэм скривилась.

— Я Доктор, — объявил Доктор. Он произнёс это как важное объявление, словно зачитывал имя соискателя «Оскара». — Думаю, твой командир хочет поговорить со мной. Ты ему лучше сообщи, где я нахожусь.

Наступила пауза. Сэм предположила, что это существо будет угрожающе раскачивать головой.

— Ты-из-вест-ный-враг-Аб-со-лю-та-Кро-то-нов. Пер-ва-я-ре-шёт-ка-из-да-ла-при-каз-дос-та-вить-твоё-те-ло-лю-бой-це-ной.

Доктор широко развёл руки:

— Так вот он я. Если ты, конечно, веришь, что я действительно Доктор.

— Объ-яс-ни.

Доктор мельком взглянул на Сэм:

— Да просто подумалось. Откуда вам знать, кто я такой на самом деле. Просто проходил мимо, захотел пообщаться.

А затем произошло нечто неожиданное. В Доктора полетел кристаллический шип — наверное, часть кротона. Сэм вздрогнула. Шип пролетел по коридору, как пуля, но Доктор шагнул в сторону, как будто почти не заметил его. Шип пролетел совсем рядом с ним и встрял в стену.

Сэм увидела, что это было щупальце. Гибкое, но острое на конце. Ударившись об стену, щупальце раскололось, засыпав пол вокруг Доктора мелкими кристаллическими осколками, и теперь извивалось, пытаясь выдернуться из камня. Раздался низкий стонущий звук, который Сэм интерпретировала как вой кротона от боли.

Доктор нагнулся, подобрал самый большой осколок кристалла и быстро направился обратно по коридору, к ней.

— Что?.. — сказала Сэм, прекрасно понимая, что у неё никогда не будет шанса закончить предложение.

— Трубка для втягивания биомассы, — трещал Доктор. — Оно пыталось взять образец меня. Быстро! В святилище.

— Не-дви-гать-ся! — булькал из-за угла кротон.

— Зачем?.. — начала Сэм.

Он помахал у неё перед глазами осколком кристалла.

— Биомасса кротона. Мы проведём собственный ритуал, на который приглашены все. Я сказал, в святилище! Быстро!

Мистер Кихотль не был мёртв. Его это удивляло ничуть не меньше, чем могло бы удивить любого другого.

Я вроде не готовился ни к чему такому, — говорил он сам себе, лёжа на полу со свесившимися наружу внутренностями. У меня не было никакого генератора силового поля, спрятанного на всякий случай под жилеткой. Я лежу тут с дырой в груди размером с чашу для пунша, мои ноги раздавлены в тех местах, где по ним проехали кротоны, и у меня нет ни малейшего представления о том, почему я до сих пор дышу.

И тут он понял, что на самом деле он не дышит.

Чёрт.

Очевидно, он переживал один из этих странных эффектов замедления времени, который бывал у людей на пороге смерти. Кихотль лёг на спину, закрыл глаза и расслабился. В агонии не было смысла. Самое простое, что можно было сделать — отдохнуть и ждать смерть.

Но смерть явилась не лично, а прислала представителя.

— Кихотль, — сказал Траск.

Мистер Кихотль посмотрел на ходячий труп, и даже сейчас, перед смертью, почувствовал отвращение. Его вдруг поразила нехорошая мысль.

— О нет, — сказал он. — Я один из вас, да? Я один из живых мертвецов.

Траск попытался покачать головой, но мышцы, должно быть, слишком окоченели, и через секунду или две он сдался.

— Нет. Кихотль. Не умер. Смертный стазис.

— Простите?

— Смертный стазис. Мои хозяева. Селеститы. Они могут задержать момент наступления смерти. Временно. Не долго. Можно поговорить. Завершить сделку.

И тогда Кихотль вспомнил. Предложение, которое ему сделал Траск у себя в номере. В тот момент предложение казалось полным бредом, но сейчас оно было вполне логичным.

— Хотите сказать... сейчас? Вы правда можете?..

— Да.

Кихотль попытался засмеяться, но его диафрагма была не способна на такое из-за дыры в туловище.

— Хорошо, мистер Траск. Я готов вас выслушать. Давайте поговорим. Просто позаботьтесь, чтобы я не окочурился на полуслове.

Доктор старался забыть обо всём, что не было важно. Ужасный декор святилища, гадкий зуд в висках, который он считал аллергической реакцией на технологию Фракции Парадокс, грохот ехавшего по коридору кротона... впрочем, медленно грохочущий по коридору кротон мог оказаться более важным, но нужно сосредоточиться.

Рядом с возвышением управления на полу лежал биосэмплер. Это был отвратительный аппарат, всё то же вуду, которое он видел на Дрониде, но он всё равно был рад его видеть. Это означало, что ему не придётся

пользоваться перочинным ножом. Эта мысль беспокоила его с тех самых пор, как он придумал этот план.

— Доктор? Ты же не собираешься сделать то, что я думаю?

Доктор надел биосэмплер и почувствовал, как на его пальцах сомкнулись металлические кольца.

— Если я знаю тебя, Сэм, достаточно хорошо, чтобы думать, что я знаю, что ты думаешь о том, что я думаю, то... На самом деле я не знаю. Ты меня отвлекаешь. Перестань.

— Извини.

Доктор в последний раз обвёл взглядом святилище. Технология была не сложнее, чем технология ТАРДИС, но система управления была другая. Ему нужно было совершить ритуал, как если бы это был его священный долг. Это был единственный способ добиться от святилища понимания.

Он бросил на постамент осколок кристалла кротона. Вначале ничего не произошло, и на мгновение он подумал, что его план не сработал уже на первом пункте, но затем святилище начало гудеть ему в ухо. Доктор сделал вывод, что оно просто не было привычно к кристаллической биомассе.

— По случаю этого торжественного события я бы хотел сказать несколько слов, — сказал он нараспев. — Кролики, кролики, кролики. Не буди лихо, пока тихо. Цыплят по осени считают. Говядина с морковью.

— Что? — сказала Сэм.

Доктор шикнул на неё. Он подумал, что если это было похоже на ритуал, то для святилища, наверное, будет достаточно. Он закатил рукав своего сюртука и прижал острия биосэмплера к коже. У Сэм на лице было отвращение.

Правильно ли то, что он делает? Да, возможно, это единственный способ не дать кротонам разрушить Немыслимый Город, но не мог же он в здравом уме давать свои биоданные святилищу? В конце концов, разве весь смысл не был в том, чтобы не дать его биоданным попасть в плохие руки?

Нет, нет, нет. Другого выбора нет. Он просто пытается найти повод не проводить ритуал.

Он ввёл острия в своё предплечье. Биосэмплер зашипел, потом хлопнул, и его биоданные были записаны в буферную жидкость внутри ёмкостей. Доктор знал, что биосэмплер совершит лишь поверхностное сканирование, но этого будет достаточно для завершения ритуала. И он надеялся, что после завершения ритуала оставшихся биоданных будет недостаточно для Фракции.

Черепачки начали гудеть немного громче, предвкушая кормёжку. Их стоны смешивались с грохотом ехавшего по коридору к святилищу кротона. Доктор протянул руку с биосэмплером и напряг пальцы. Жидкость капнула на возвышение.

Пришли Духи.

Доктор почувствовал, как воздух застывает у него в лёгких. Он не ожидал, что это будет так быстро. Может

быть, дело в нём? Может быть, Духи знали, что он повелитель времени, что ему тут не место. Они окружали его, обходили со всех сторон, их невидимые тела вытекали из мёртвых ртов черепов, с их языков срывался гомон всего Пространства и Времени. Он повернул голову, но мышцы его плохо слушались. Когда ему, наконец, удалось сфокусироваться на Сэм, она неподвижно стояла с открытым ртом, её веки были наполовину прикрыты, словно замерли во время моргания.

Время замедлялось, но только для него. Духи протискивались в щели между мгновениями, создавая себе там крохотный континуум, вселенную доли секунды, в которой могли находиться только он и они. Это абсурд, — напомнил себе Доктор, — конечно, абсурд. Нет никаких Духов, все об этом знают. Есть лишь силы Пространства и Времени, безликие и равнодушные; только у Фракции Парадокс хватило безумия превратить их в богов. Но здесь, в святилище, построенном Фракцией, было невозможно думать о них иначе. Да, легенда утверждала, что был когда-то Дед Парадокс, но если так, то почему о его существовании не было записей в архивах Верховного Совета? Это всё слухи, слухи и мифы, это неправда, не может быть правдой.

Время замедлялось, замедлялось, замедлялось, пока Доктору не показалось, что всё четвёртое измерение сейчас сожмётся в одну точку. Он, дурак, думал, что если он активирует двигатели святилища, то сможет

связаться с системой управления. Но святилище было большим, больше, чем он ожидал, почти такое же мощное, как ТАРДИС, на которых оно было основано. Его разум был недостаточно силён, чтобы управлять им без технологий Фракции. Он подумал, не останется ли он тут навсегда, застывшим в одном моменте существования, навеки схваченный святилищем.

Вот, значит, и он. Конец. Или, вернее, вечность без конца. Ни выхода, ни помощи в последний момент.

Пораженческие мысли.

Надо рассуждать логически.

Я хоть когда-нибудь рассуждал логически? Да и вообще, чего это я сам с собой спорю?

Ты споришь сам с собой потому, что больше тебе поспорить не с кем. За исключением Духов, но они не в счёт.

О нет. Снова ты. Ты же, кажется, говорил, что ты «временный» психоз?

Так и есть. Должно быть, контакт с технологией Парадокса вызвал рецидив. Не переживай, я скоро пропаду. Как только ты смиришься с тем, что проведёшь тут остаток своей жизни. Прости, а о чём мы до этого говорили?

Я не хочу говорить с тобой. Разговаривать со своим безумием — первый признак безумия.

Ах, да. Мы говорили о Сэм. Мы говорили о том, как это было удобно, что такая девушка, как она, нашлась как раз в тот момент, когда ты так сильно в ней нуждался. И у неё двойной набор биоданных. Ты же

догадался об этом, верно? Кихотль этого не заметил, но лишь потому, что с нечеловеческой точки зрения оба набора очень похожи. Что-то изменило её таймлайн, Доктор. Что-то отфильтровало её саморазрушающие порывы. Сделало из неё ТАРДИСовое мясо.

Не говори глупостей. Кто бы стал такое... А, я понял.

Что ты понял?

Ты хочешь сказать, что Сэм — засланная. Агент какой-то силы, так?

Хм. Я, конечно, не хочу обижать эту девушку, но мне кажется, что Волка Фенрика из Сэм не выйдет. А ты как думаешь?

Рассилон!

Что-что?

Рассилон. Он был последней могущественной силой, которую я встретил перед тем, как в ТАРДИС появилась Сэм. Если она часть его игры...

О, боже мой. Ты во всём будешь винить его, да? Никто её к тебе не «засылал». Ты видел правду, здесь, в зиккурате. Ты видел эффект, который ты оказываешь на вселенную. Ты видел вред, который ты можешь нанести, даже пальцем не пошевелив. Тебе даже живым для этого не нужно было быть, вообще-то.

На что ты намекаешь?

Помнишь, что я тебе сказал? О том, что ты живое уравнение, функция вселенной. Так вот предположим, что эта функция считает себя неполной. Что тогда будет? Предположим, что на глубоком подсознательном

уровне ты чувствуешь, что тебе нужно, чтобы с тобой кто-то был. Функция тянется в Вихрь... что, честно говоря, довольно просто, потому что твои биоданные в любом случае соединены с Вихрем... и находит кого-то. Кого-то, кого она может сделать частью себя. Несколько небольших изменений в таймлайне — вот и всё, что нужно.

Я не верю этому. Это невозможно.

В твоих биоданных есть то, чего нет больше ни у кого, забыл? Ну, или появится в какой-то момент до твоей смерти. Что-то настолько мощное, что твоё подсознание сможет исказить таймлайны само. Вот почему, наверное, твоя биомасса такая ценная. И это ведь самое плохое, верно? Ты, должно быть, на всех так влияешь, в той или иной степени. Как я уже и говорил, ты никогда не думаешь о последствиях.

Нет. Я всё равно не верю.

У Сэм два набора биоданных...

Ты одержим! Многое может вызвать такого рода аномалии. Ты сам знаешь. Складки континуума. Присутствие в ТАРДИС должно сделать её более восприимчивой к такого рода искажениям.

Может быть, и так. А может, и нет. Но что будет, если ты обнаружишь, что это всё из-за тебя? Эта мысль беспокоила тебя после хранилища, я знаю это.

Нет. Если бы это было правдой, то... Нет. Я не буду слушать.

— Доктор?

Говори, что хочешь. Я знаю, что ты неправ.

— Доктор, ты меня слышишь?

Можешь не стараться, я не собираюсь... минутку. У тебя голос изменился.

— Доктор, пожалуйста, постарайся услышать.

Доктор понял, что это говорит не психоз. Он почувствовал, что есть в его вселенной доли секунды что-то ещё, ещё один разум протискивается в трещины. Духи были и скрипели зубами, явно считая такое вторжение грубостью.

— Марí, — подумал Доктор, зная, что она сможет услышать мысль.

Марí двинула мускулами своего пан-размерностного тела в жесте, который Доктор воспринял как кивок.

— Я знаю кто ты, Доктор. У меня было много времени, чтобы обдумать ситуацию. По крайней мере, у некоторых частей меня. Было непросто разобраться во всём. Тяжело, когда твой разум разделён на столько кусочков.

— Гомункулет сказал, что ты недееспособна.

— Многие из моих систем всё ещё отключены. Моя память ещё не вся восстановлена. Но я могу двигаться. И я знаю, что ты делаешь. Ты планируешь избавиться от кротонов. В оригинальности тебе не откажешь.

Доктор передал ей телепатический эквивалент улыбки.

— Я думал, что смогу управлять святилищем. Я ошибся. Ты можешь завершить мой план? Если ты материализуешься...

— Нет. Моя структура ещё недостаточно стабильна, — на мгновение Марí задумалась. — Но я могу тебе помочь. Я могу соединить свои телепатические контуры с контурами святилища. Технология, наверное, совместима. Я могу подчинить святилище тебе. Ты сможешь управлять им. Кстати, ты знаешь, что на твоей психической матрице какое-то пятно? Похоже на какое-то психологическое расстройство.

— Именно так оно мне и представилось, — сказал Доктор. — Не волнуйся, это просто небольшой невроз. Он сам пройдёт, когда это всё закончится. Будь добра, подключи телепатические контуры?

— Считай, что уже готово, — сказала Марí.

А затем Духи взвыли. Не обычным своим бессмысленным визгом, а от разочарования. Они чувствовали в своих системах взломщицу, контролирующую их, подчинившую их своей воле. В считанные секунды Марí завершила свою работу. Шум утих. Вселенная доли секунды треснула, впуская в себя чистое растаявшее время, вначале струйкой, а затем потоком.

Во внешней вселенной началось движение. Рот Сэм закрывался. Но более тревожно было то, в дверь вкатывался кротон, его трубка-пробник свисала с передней части его тела.

Доктор напряг свою нервную систему, потянувшись к внутренним системам святилища. Со всей энергией, которая у него была, он приказал им дематериализовываться.

Через органы чувств выроста управления Е-Кобальт наблюдал за тем, как динатропы выходили на огневой рубеж вокруг Города. Корабли были оснащены гиперболическими резонаторами, способными меньше, чем за секунду, перебрать все мысленные частоты и развалить на части что угодно, от гуманоида до усиленного дюрилиния. Е-Кобальт решил, что это будет эффективнее, чем обычное оружие распыления. Разумеется, эти устройства были выращены в мастерских Кварцеля-88, как и многие другие величайшие творения Абсолюта Кротонов.

Подумать только, — размышлял Е-Кобальт, — я предложил Кихотлю такое оружие в обмен на Реликвию. Глупость. Захватить Реликвию силой было гораздо проще.

Эта мысль почему-то вызвала у него беспокойство. Е-Кобальт попытался приглушить это чувство, но оно продолжало просачиваться в его головной модуль. Самая большая идея продолжала пульсировать в его мозге: убить двуногих, разнести Город. Но затем появилась другая идея, поменьше, но такая же сильная, пытавшаяся удержать его агрессию. Добудь вначале Реликвию. Чтобы ты ни делал, вначале добудь Реликвию.

Е-Кобальт не привык так думать. Его мозг нельзя было назвать утончённым, но он, по крайней мере, был способен взвешивать разные варианты. Никогда раньше

он не думал ни о чём с такой ясностью. Уничтожь, но подожди. Уничтожь, но подожди.

Небо стало чёрным. Это произошло неожиданно и буквально за секунду.

Пилоты в динатропах запаниковали. Краем своего сознания Е-Кобальт чувствовал их вибрации, и в первые несколько секунд этого кризиса его голова вертелась, как сумасшедшая, пытаясь учесть всё и сразу. Вырост управления сообщил, что чёрный корабль, а вместе с ним и всё боевое копьё, теперь не там, где они были до этого. Город исчез. Как и вся Земля. Теперь боевое копьё было окружено стенами.

Е-Кобальт восстановил контроль над собой и начал анализировать данные выроста управления. Динатропы были заперты внутри ящика. Ящик имел размеры около двухсот метров вдоль каждой из сторон; вырост утверждал, что стены были из неопознанного и непознаваемого материала. Е-Кобальт немного сместил свои органы чувств и потребовал визуальное сканирование ближайшей стены.

Она была украшена останками гуманоидов. Они назывались черепами. Их тут были многие тысячи, они были встроены в стены через равные интервалы, их поверхность была покрыта чёрной пылью и гниющей биомассой.

— Командир?

Е-Кобальт завертел головой. Рядом с ним что-то материализовалось, голубое пятно, зависшее над полом отсека управления. Это было лицо одного из двуногих, с

голубыми визуальными устройствами и сильно развитой шерстью на голове. Е-Кобальт смутно припоминал, что перед тем, как покинуть зиккурат, он выяснил, кто это, но что-то мешало ему вспомнить эту информацию. Судя по данным роста, лицо было голограммой, но рост не мог определить, откуда она проецируется.

— На-зо-ви-се-бя, — потребовал Е-Кобальт немного ослабевшим голосом.

Мужчина на голограмме покачал головой:

— Нет времени, командир. Вы должны меня выслушать. Я не хочу, чтобы мне пришлось применять против вас силу.

Е-Кобальт не знал, как на это реагировать.

— У-те-бя-нет-сил-на-нес-ти-вред-Аб-со-лю-ту-Кро-то-нов.

— Е-Кобальт, прошу вас. Вы не думаете. Это Сдвиг. Он у вас в голове, он побуждает вас делать то, чего вы не хотите делать. Постарайтесь сосредоточиться. Вы знаете, что я говорю правду.

Сдвиг? Внезапно в голове Е-Кобальта возникла абсолютно новая мысль. Осознание...

Центральная идея — концепция абсолютного уничтожения, абсолютной агрессии — выкатилась вперёд, раздавив эту новую мысль.

— Ты-врёшь, — заявил Е-Кобальт. — Объ-яс-ни-что-слу-чи-лось-с-бо-е-вым-копъ-ём. Го-во-ри-где-мы.

Е-Кобальт видел, что глаза мужчины закрыты, а по верхней части головы стекают маленькие капли солёной

воды. Он узнал эти симптомы. Гуманоид сильно напряжён, возможно, на грани истощения.

— Вы в святилище Фракции. Я материализовал его вокруг вас. Е-Кобальт, у меня нет времени спорить. Я не могу долго держать его под своим контролем. Вы должны послушать меня.

— Я-не-по-ни-ма-ю.

— Я же сказал вам. Это трюм святилища. Это всё равно как внутри ТАР... не важно, — появилась рука, утёршая лоб голограммы. — Пока вы здесь, вы атаковать зиккурат не можете. Так почему вам тогда меня не выслушать? Сдвиг хочет, чтобы вы нас уничтожили. Он использует вас, командир.

В переднем мозге кротона возникли новые идеи, но агрессивный инстинкт их раздавил.

— Аб-со-лют-кро-то-нов-не-про-иг-ра-ет! — проревел Е-Кобальт. — От-пус-ти-ди-на-тро-пы!

Мужчина на голограмме глубоко, грустно вздохнул.

— Хорошо. Вы не оставляете мне другого выбора.

— От-пус-ти-нас!

— Нет, не отпущу, Е-Кобальт. У вас нет выхода. Вы в ловушке.

— Мы-по-бе-дим!

— Как? Как вы собираетесь выбираться? Как вы собираетесь уничтожать зиккурат, если вы застряли здесь?

— Мы-смо-жем!

— Как, Е-Кобальт? Как?

Как?

Е-Кобальт искал ответ, но в его разуме было так мало. Вообще-то, у него осталось всего две идеи. Одна из них, меньшая, была «добыть Реликвию», но сейчас было не до неё.

А другая мысль, которая занимала почти всё пространство того, что у Е-Кобальта было вместо души, была «уничтожить».

— У-нич-то-жить! — завизжал Е-Кобальт.

Вибрация прошла по нервным системам всех кротонов боевого копья. Одна идея, одна простая команда, сильнее любых других. Е-Кобальт почувствовал, как в каждом динатропе пилоты потянулись в системы управления и активировали вооружение. В конце концов, решение было простым. Нужно пробить выход из ящика. Тюрьма развалится. И Город будет уничтожен.

Эта мысль была ясная, более ясная, чем любая другая, которая когда-либо была у Е-Кобальта. Поэтому странно, что когда он отдавал команду открыть огонь, в его сознании раскрылась новая идея. Идея, которая незнакомым командиру голосом говорила «стоп».

Но оружие было уже запущено. Е-Кобальт увидел на лице двуногого облегчение. А затем голограмма исчезла.

Разумеется, Е-Кобальт погиб раньше, чем успел понять, что что-то не так.

Менее чем за секунду гиперболические резонаторы боевого копья прошли по всему своему репертуару,

направляя на стены святилища сигналы от ультразвука до инфра-нормального, подбирая частоту, которая бы разорвала тюрьму. Разумеется, любая форма вещества не устояла бы от этих вибраций. Мастера Кварцеля-88 были весьма последовательны при разработке оружия.

К несчастью для кротонов, святилище было сделано не из вещества. Во всяком случае, не из вещества в общепринятом смысле этого слова. Как и зиккурат, оно было создано математикой, сложными структурами вычислений блочного переноса. В отличие от зиккурата, создатели святилища в своих расчётах не ошиблись.

Трюм зазвенел звуком, подобным всем звукам мироздания, объединённым вместе и усиленным. Воздух сотрясли эха на всех вообразимых частотах, включая те, к которым было уязвимо само боевое копьё, и те, к которым был уязвим корабль Е-Кобальта, и те, которые были слабым местом самих кротонов.

Несколько секунд спустя пол в трюме был усыпан слоем мелкого белого инея. На черепах не было ни царапины.

Прежде, чем отпустить системы управления, Доктор направил хранилище обратно в зиккурат. А затем он расслабился, с запозданием вспомнив о том, что сильная концентрация была единственным, что не давало ему упасть. Его ноги подкосились, и он упал на пол; впрочем, ему хотелось думать, что это падение не было лишено грациозности.

Какое-то время он лежал и смотрел в потолок. Затем над ним возникло лицо Сэм.

— Что произошло? — спросила она.

— Мы победили, — сказал ей Доктор.

Он прищурился, словно это помогало ему сосредоточиться. Что-то он забыл... Ах, да!

— А как там кротон? Тот, который в дверях?

Сэм посмотрела в направлении коридора.

— Салат из капусты видел когда-нибудь?

— Да.

— Вот такой сейчас кротон.

— Хорошо. Значит, единицы, находившиеся в зиккурате, были в резонансе с Е-Кобальтом. Так я и ожидал. Когда командира разнесло на части, его друзья тоже развалились.

— Это как в Бэгпусс⁴?

Доктор нахмурился:

— Неясное упоминание постмодернистской молодёжной культуры. Эйс бы тобой гордилась.

Сэм пошевелила губами, говоря что-то ещё, но издаваемый ею голос был не совсем её.

— ВЫ НАЧИНАЕТЕ МЕНЯ НЕРВИРОВАТЬ, — сказала она.

А! Сдвиг. Он не был физическим существом, поэтому выжил во время разгрома боевого копья. Доктор сделал вывод, что оружие кртонов на концептуальных частотах не излучает. Это была

⁴Детский телесериал 1970-х годов.

информация, которая почти наверняка не будет полезной.

— Вы уже готовы признать своё поражение? — вежливо спросил он.

— ЕЩЁ ЧЕГО! ОДНАКО МНЕ НЕ СЛЕДОВАЛО ИСПОЛЬЗОВАТЬ В КАЧЕСТВЕ МАРИОНЕТОК КРОТОНОВ. ОНИ НЕДОСТАТОЧНО РАЗУМНЫ, ПРАВДА?

— Сами виноваты. Если бы вы так сильно не стимулировали агрессивную сторону Е-Кобальта, он бы не стал стрелять.

Судя по её лицу, Сэм была озадачена словами Доктора. Она явно понятия не имела, что Сдвиг вещает её ртом. Ну, конечно же, она этого не знает, — напомнил себе Доктор. Сдвиг был в его голове, а не в её. Он не менял её слова, он менял то, как он слышал её слова.

— ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, БОЮСЬ, ЭТО ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ, — продолжал Сдвиг. — Я МОГУ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ И ДРУГИМИ. МАНИПУЛИРОВАТЬ МОЖНО КЕМ УГОДНО.

— Но в данный момент вы находитесь в моей голове. Я ведь прав?

— ДА. ОЙ, ТОЛЬКО НЕ ГОВОРИТЕ МНЕ, ЧТО СНОВА ОТКЛЮЧИТЕ ОРГАНЫ ЧУВСТВ. ЭТО МЫ УЖЕ ПРОХОДИЛИ.

— Я и не собирался.

Сэм качала головой. Доктору стало интересно, что она на самом деле говорила.

— Вы забыли кое-что, «мистер» Сдвиг. Будучи Президентом, я получил не только чувствительность к биоданным. Я получил очень много секретов.

Доктор был готов поклясться, что у Сдвига расширились глаза.

— ЧТО ВЫ ХОТИТЕ СКАЗАТЬ?

— Я хочу сказать, что после нашей последней встречи я оставил для вас кое-что у себя в голове. Готовы?

— К чему готовы? — спросила Сэм.

Доктор почувствовал, как Сдвиг движется в его сознании. Он был у порога, готовый удрать через органы чувств, готовый перепрыгнуть в восприятие кого-то другого.

Он пошевелил нейральными мускулами. Он готов был поклясться, что услышал, как в его голове захлопнулась дверь клетки.

— Попался, — сказал он.

— Прости, ты что, с ума сошёл? — спросила Сэм, которая вообще не поняла, что что-то происходило.

— Я объясню позже, — заверил её Доктор. — Теперь осталось только с Реликвией разобраться. А! Кажется, я лежу на полу. Ты не можешь помочь мне встать? Спасибо.

Мистер Кихотль слушал. Всё было тихо, даже музон в зале замолк. Впервые никто на него не кричал, никто его не ругал, никто ему не угрожал. Он был тут

один, если не считать останки стриптизёрш «Растон». Вот тебе и «самые совершенные танц-машины».

Он сел на своё место перед остатками стола и пощупал свою кожу под рубашкой. Дыры больше не было. Она полностью залечилась. Рубашка была с дырой, но раны не было. Даже его ноги были как новые.

Что ещё за сделку он заключил, бога ради? Во что позволил себя втянуть? Он знал о селеститах и о том, как они «метят» телесные формы жизни, чтобы их души были под контролем селеститов даже после смерти. Но Траск пообещал ему, заверил его в том, что его не пометили. Его просто «перевоплотили». Селеститы умели это делать, связать кого-то с его смертной оболочкой и подштопать её немного. Кихотль не хотел знать, как это делается. Ему это слишком сильно напоминало вуду.

Тишину нарушили шаги двух пар ног, идущих по коридору к залу. Кихотль не стал смотреть на дверь. Он знал, кто это.

— Довольно неплохое завершение, если подумать, — сказал Доктор.

Наступила долгая пауза, и Кихотль предположил, что Доктор обращался к нему.

— А? — сказал он.

— Кротонов нет, Сдвига нет, по крайней мере, сейчас. Осталось только разобраться с Реликвией, и можно разъезжаться по домам.

Наконец Кихотль поднял взгляд. Доктор выжидающе смотрел на него. Его спутница стояла рядом, так же неловко, как и всегда.

— Реликвия, — сказал Доктор. — Где она?

Кихотль пожал плечами:

— Послушайте, ну что тут сказать? Я умирал. Меня подстрелили кротоны. Если бы не Траск, я бы склеил лапы.

Доктор растерялся:

— Траск? Как... Что сделал Траск?

— Он всё согласовал. С селеститами. У меня не было выбора, ясно? Он сделал мне это предложение ещё до того, как начался аукцион. Он сказал, что даст мне способность... как это называется... «вечного перевоплощения». Но когда дошло до дела, он отказался от первого предложения. Он сказал, что перевоплотит меня один раз, и я должен либо согласиться, либо отказаться. Знаю, знаю, я мог попросить больше, но я же умирал!

У девушки-человека отвисла челюсть:

— То есть?..

— Да. Траск спас мою жизнь. В обмен на Реликвию. Пять минут назад он вернулся с ней в Миктлан. Не смотрите на меня так.

История мертвеца

Свет.

Я должен рассказать свою историю. Я должен дать себе ещё время. Я пытаюсь оставаться одним... То есть, я пытаюсь удержать всё вместе, но...

Стоп. Начну сначала. Я должен рассказать свою историю. Не потому, что думаю, что она будет кому-то интересна, и не потому, что думаю, что её кто-нибудь слушает. Я должен рассказать свою историю потому, что иначе я её забуду, а если я её забуду, от меня ничего не останется.

Во-первых. Меня зовут Кристофер Патрик Ингланд, я мёртв. Это самое важное, что нужно знать обо мне. Моя жизнь не является важной частью этой истории, но я расскажу одну вещь о тех днях, когда я ходил, говорил и думал самостоятельно. Я скажу, что я помню, как был в больнице, и из моего тела вынимали что-то гадкое. Я помню, как лежал на операционном столе, мои глаза были плотно закрыты, врачи меня разрезали, вскрывали. Я слышал, как они, работая, обсуждают мои внутренности. Бормотание, скальпели.

Я должен был быть без сознания. Наверное, анестезия не сработала. Я не мог ни пошевелиться, ни раскрыть глаза, но я чувствовал лезвие ножа, которое резало меня, проникало под кожу. Такое должно сводить с ума, и я тогда подумал, что сошёл с ума,

потому что именно тогда мне начали видаться странные вещи.

Да. Я помню. Я видел, как передо мной всё открывается, словно кто-то прорезает в моей голове дыру, точно так же, как врачи прорезали дыры в моём теле. Я помню, как дыра становилась шире, и шире, пока я не увидел людей, живших в тенях по ту сторону.

Так я впервые повстречался с селеститами. Они сказали, что они открыли «апертуру в пространственно-временном континууме» — я цитирую их дословно — чтобы они могли обратиться ко мне из своего замка в стране мёртвых. Они сказали, что хотят, чтобы я им служил. Я не знаю, польстило ли это мне, или оскорбило, ведь они хотели сделать из меня раба, но мне было страшно, я испытывал боль, и я прислушался к ним, и поверил каждому слову.

Всё, что мне нужно было сделать, — сказали селеститы, — разрешить им пометить меня. Они сделают так, что я не умру на операционном столе, но за это моя личность будет принадлежать им до скончания веков, как бы долго это не оказалось. Так они и сказали. «Личность». Я помню, что думал над тем, означает ли это, что я отдаю им свою душу.

И я согласился. Знаю, знаю. Не следовало мне это делать. Конечно, мне не следовало это делать, думаю, мне вообще смерть тогда в больнице не грозила. Но я согласился. Я заключил сделку. Я подписал контракт. Я получил метку.

Когда действие анестезии завершилось, и я снова мог ходить, говорить и открывать глаза, одна из врачей стояла надо мной с широкой улыбкой. Она не знала, что я во время операции был в сознании. По её мнению, всё прошло гладко. Я не сказал ей правду. Тогда мне пришлось бы рассказать и о селеститах.

Я отвлёкся. Я слишком много говорю о своей жизни. Я этого не хотел. Я хотел рассказать о том, что случилось после моей смерти.

Не буду описывать ощущения, связанные с самой смертью. Иначе придётся рассказывать об ощущениях нахождения за пределами своего тела, о полёте по длинным тёмным коридорам, и тому подобное. Я умер, вот и всё, что я хочу об этом сказать, а селеститы забрали мою личность, как они и говорили. Как и было обещано, я оказался в Миктлане.

Миктлан. Страна мёртвых. И я знаю, что на самом деле это не загробная жизнь; я знаю, что это всего лишь место, которое селеститы построили для себя; но, возможно, мне нужно сказать пару слов о том, каково там, потому что там всё не так, как описывают загробную жизнь в стране живых.

Посреди Миктлана есть замок, а на верхнем этаже этого замка есть Большой Зал селеститов. Мне кажется, что за всё время, которое я там пробыл, я никогда не видел кого-либо из них за пределами Зала. Впрочем, я вообще никогда не видел, чтобы селеститы

что-то делали, хотя мне и приходилось выполнять их приказы каждый день своей не-жизни.

Пожалуй, мне лучше объяснить. Прямо на селестита смотреть невозможно. Их удаётся заметить лишь краем глаза. Освещения в Большом Зале почти нет, так что удаётся увидеть только тени. Иногда в тенях можно расслышать шорох, похожий на ткань, и создаётся ощущение, что они одеты в мантии или тоги, но помимо этого об их внешнем виде ничего нельзя сказать. Можно сколько угодно всматриваться во все уголки, но лиц всё равно не увидишь.

Остальная часть Зала? Это сложно описать. Там так мало плотного, так мало того, на чём можно сфокусироваться. Может быть, будет лучше, если я расскажу о том, какие там ощущения, чем о том, как это выглядит? Знаете эти великие храмы, в которых в стране живых обитают политики? Представьте себе Белый Дом, или Палату Общин, или... ладно. Неважно. Когда заходишь в такое место, иногда возникает ощущение, что со зданием что-то не так, как будто все плохие решения и обманы впитались этими стенами. Вот такое же ощущение создаёт и Большой Зал. Даже хуже.

Я помню, что в центре Зала было много пустого места. Селеститы в основном прижимались к краям, подальше от света (и, кстати, мне кажется, что замок был освещён свечами, хотя я не помню, чтобы видел там свечи). Многие из них сидели в больших галереях сверху, над Залом, а большая часть пола внизу была

пустая. Время от времени они открывали свою «апертуру» и тянулись сквозь неё в мир живых, и вот там эта дыра и была, прямо посреди Зала. Когда прибыл Доктор...

Стоп. Стоп. Я слишком тороплюсь. Я говорил о своей не-жизни в Миктлане.

Как оказалось, я был нужен селеститам в качестве своего рода домашней прислуги. Даже и не спрашивайте, почему из всех людей Земли они выбрали меня. Может быть, они просто знали, что у меня хватит глупости согласиться на сделку. Запомните, это важно: селеститы обожают контракты, и они никогда не нарушают договор. Большой Зал похож на любой другой парламент; в нём есть свои правила, и селеститы вынуждены придерживаться этих правил. Когда у тебя столько возможностей, сколько есть у них, наверное, нужны какие-то правила поведения, которые сдерживают тебя, чтобы всё не было слишком просто. Я хочу сказать, что они не могут пометить кого-то насильно, человек должен дать своё согласие. Как только ты согласился, обратного пути нет. Если попытаешься не слушаться, они будут считать это нарушением правил, и лучше их до этого не доводить.

В общем, я стал одним из мёртвых слуг в замке. Это, по видимому, была большая честь, потому что большинству мертвецов никогда не доводилось увидеть замок, им приходилось вечно скитаться по улицам. Да, в Миктлане есть улицы, хотя я никогда из замка не

выходил. Другие слуги в замке пробыли в Миктлане дольше, чем я, и я их ненавидел за это. Я ненавидел их пустые, потерянные лица. Я ненавидел их бессмысленные сухие голоса. И да, я так же, как и они, беспрекословно слушался селеститов. И да, через какое-то время я и сам стал выглядеть как они. Я пытался удержать свою идентичность, как я пытаюсь это сделать сейчас. Я всё время говорил себе о том, кто я такой, снова и снова повторял своё имя, но очень скоро оно уже звучало так, словно в нём не было никакого смысла.

Как долго я работал в замке? Не знаю. Там время течёт иначе. Я знаю лишь следующее: если бы не Доктор, я бы уже стал таким же безликим, как селеститы.

Давайте, я расскажу о том, как он появился в замке. Мне нужно это помнить, даже нужнее, чем помнить всё остальное.

Когда это произошло, я был в Большом Зале, отвечал на вопросы селеститов с верхних галерей. Это не значит, что я был в центре внимания. Они раскрыли апертуру в центре пола, и большинство из них были заняты наблюдением за событиями в мире живых. Они наблюдали за ходом войны. Их любимое развлечение.

Вот этого я никогда не понимал. Вот-вот могла разгореться война, что-то связанное с повелителями времени, но я был не в том положении, чтобы спрашивать о деталях. Селеститы всё время наблюдали

в свою апертуру, ждали первое большое сражение, спорили о том, которую из сторон им нужно поддержать. И вот именно этого я не понимаю. Они могли увидеть сквозь апертуру всю вселенную, они могли пронаблюдать любое событие от начала времён до самого конца. Так как же они тогда не знали итог войны? Почему они просто не подсмотрели в будущее и не узнали, чем всё закончится?

Может быть, это как-то связано с этими правилами, которые они себе придумывали. А может быть, есть правила, которые старше самих селеститов, которые даже они не могут нарушить.

В общем, как обычно, они ждали кровопролития. Те, кто был на верхних галереях, спорили о том, можно ли доверять их человеческим агентам. Вот почему они задавали мне вопрос — это был психологический тест. Во мне к тому времени было уже не очень много психологии, но я ответил им то, что, как мне кажется, они хотели услышать.

И в самый разгар обсуждений один из селеститов, стоявших на полу, шагнул вперёд, к апертуре. На секунду мне показалось, что я увижу его лицо, но свет свечей каким-то образом не попадал на него. Я увидел, как он поднял рукой посох Спикера и ударил им три раза по полу, чтобы обратить на себя внимание.

— Таймлайн устанавливается, — сказал Спикер, когда остальные притихли, и о его голосе я могу сказать не больше, чем о его лице. — Силы «повелителей

времени» намерены напасть на Дронид. Враг, как мы видели, предпринимает соответствующие контрмеры.

С галерей донеслись свист и улюлюканье, что было вполне обычным делом.

— Удачи им, — крикнул кто-то, и внизу многие засмеялись. Кажется.

Я помню, что голос Спикера показался мне оживлённым.

— Это момент принятия твёрдого решения, — сказал он. — Сохраним ли мы нейтралитет, или же предоставим поддержку повелителям времени? (Возможно, я передаю не дословно).

— Нейтралитет! Нейтралитет! — закричал кто-то.

— Повелители времени! — предложил кто-то другой.

— Враг! — заорал кто-то сзади, и разразились новые споры.

За время моей работы в замке я кое-что узнал о политике селеститов. Думаю, некоторые из них шли против официальной политики и оказывали помощь врагам повелителей времени. У меня было чувство, что к такому варианту действий склонялось всё больше и больше селеститов. Наверное, им казалось, что это сделает их жизнь интереснее.

И вот тогда я увидел, что апертура расширяется. Я помню, что удивился, потому что обычно апертура без ведома Спикера не раскрывалась. Было видно, что селеститы возбуждены. Они бормотали, гудели, и под

этот гомон апертура превратилась в дверной проём, ведущий из Миктлана во внешнюю вселенную. Спикер стукнул посохом по полу, но он, наверное, понимал, что никто не обратит на это внимания.

Наконец, в самом центре Большого Зала появилось что-то плотное. Оно закупорило апертуру, как пробка бутылку.

Это была будка. Большая синяя будка. Её углы были потрёпанные, и она казалась древней, как горы, а белые буквы на боку были такие затёртые, что их едва можно было читать.

В Миктлан прибыл Доктор.

Я не могу позволить себе забыть об этом.

Ладно, я признаюсь. Я не помню, как Доктор выглядел. Какое у него было лицо, какая одежда... такого рода детали не были важны. Он был жизнью, и он был здесь, в стране мёртвых, остальное не важно. Я слышал раньше разговоры селеститов о нём, поэтому понял, кто он такой, сразу, как только увидел будку. И да, я знаю, что Докторов много. Я не знаю, который из них вошёл в Зал. Думаю, это был последний. Самый старый. Он вёл себя как старый.

Когда он ступил на пол, наступила тишина. Настоящая тишина. Никогда я такой в Большом Зале не слышал. Доктор прищурился, осмотрелся по сторонам, на лице у него было настоящее презрение. Каким бы ни было его лицо.

— Тоска, — цокал он языком.

Он обернулся вокруг своей оси, затем насмешливо отдал салют галереям.

— В точности как в старой Палате Совета на Галлифрее, — сказал он, и было видно, как стоявшие неподалёку слуги глубоко вдохнули, словно пытаясь всосать в свои тела его слова, словно они рассчитывали вернуть таким образом свои личности. — Всё, что было испорченного в культуре повелителей времени, — продолжал Доктор. — А чего ещё можно было ожидать от Агентства Небесных Вмешательств?

Когда он это сказал, селеститы снова ожили. Они начали кричать «Нет, нет, нет», и не прекращали до тех пор, пока Спикер не ударил посохом по полу.

— Мы селеститы, — сказал Спикер. — Мы — Последний Парламент. Иные титулы мы не признаём.

— Вы никчёмная шайка, лезущая не в своё дело. Которая пытается решить, на чьей стороне ей выступить в войне, которая её не касается. Вам должно быть стыдно.

— Нет, нет, нет, — кричали селеститы.

Но Доктор поднял палец, и они все замолчали. (Да, серьёзно).

— Время — не игрушка для тех, кто живёт за его пределами, — сказал Доктор. — И я не могу позволить этому продолжаться. Я не позволю вам вмешиваться в дела Дронида. У вас нет на это права.

Поднялся гул. Кажется, раздался смех.

— «Не позволю»? — сказал Спикер, но его голос был несравним с голосом Доктора. — Ваше мнение не имеет

значения. У вас тут нет над нами власти. У вас нет власти в Миктлане.

— Нет? А как же я тогда сюда попал? Как я заставил апертуру раскрыться? Я знаю коды, управляющие этой вашей загробной жизнью, не забывайте об этом. Я могу приходить и уходить когда пожелаю. И я могу уничтожить вас всех, если сочту это необходимым.

Селеститы испуганно ахнули. По крайней мере, мне так показалось. Возможно, мне это показалось.

— Ты лжёшь, — сказал Спикер.

— Лгу? Вы действительно хотите рискнуть, полагаясь на это?

Даже внизу было слышно, как спорили на галереях. Селеститы, как обычно, пререкались друг с другом. Некоторые из них хотели уничтожить Доктора, но было ясно, что им страшно. Лично мне кажется, что Доктор блефовал. Но у него это хорошо получалось.

Через какое-то время Спикер вновь призвал к тишине.

— Я не могу позволить вам вмешиваться на Дрониде, — повторил Доктор раньше, чем Спикер успел заговорить. — Ситуация там слишком нестабильная. Как вы и сами знаете.

Спикер посмотрел на галереи.

— В таком случае... Мы можем заключить соглашение, — сказал он.

Мне казалось, что он смотрит на остальных, рассчитывая на поддержку. И все, как один, селеститы закричали: «Да, да, да».

— Что конкретно вы предлагаете? — спросил Доктор.

В его голосе звучало недоверие, и разве можно его в этом винить?

— Мы можем согласиться не вмешиваться в дела Дронида. Мы можем согласиться больше не оказывать влияние на этот конфликт. Но взамен, нам потребуется кое-что от вас. Компенсация.

— Ясно. Полагаю, вы возьмёте втридорога.

Я помню, что обвёл тогда взглядом Зал. Я помню, что видел, как тени наклонились вперёд, в ожидании предложения Спикера. Могут ли тени затаить дыхание? Если да, наверное, так тогда и было.

— Мы хотим то единственное, что у вас есть из того, чем мы можем воспользоваться, — сказал Спикер.
— Мы хотим ваше тело.

Я не помню, какое у Доктора в тот момент было лицо, но, должно быть, он тогда был шокирован. Наверное, он покачал головой.

— Глупости. Сделайте другое предложение.

— Нет. Мы считаем эту цену разумной. Вы верите в ответственность личности. Вы верите в благородство самопожертвования. Это возможность доказать вашу преданность этим основополагающим идеалам. Мы хотим ваше тело. Только если вы

предоставите его нам, мы можем рассмотреть вашу просьбу. Это честная сделка.

И я знал, что Спикер действительно так считает. Как я уже говорил, селеститы никогда не нарушают договор. На самом деле, как мне кажется, они могли бы раскрыть апертуру и похитить тело Доктора в любой точке пространства и времени, но они так не делали, потому что это было против их правил. Я знал, что они сделают. Они будут следить за телом из Большого Зала, они постараются пометить всех, кому не повезло находиться рядом с ним, чтобы не потерять след тела. Но наступит время, когда оно попадёт в их руки. Если Доктор согласится на эту сделку.

Что было дальше? Да, я помню. Доктор резко развернулся и начал расхаживать туда-сюда перед своей будкой. Селеститы всё это время молча ждали. Если честно, я не думаю, что эта сделка нравилась им всем. Я думаю, что некоторые из них не хотели связываться с Доктором, даже на своих условиях. Но никто не хотел говорить об этом вслух.

— Хорошо, — сказал Доктор через минуту или две. — Договорились. Но с парочкой оговорок.

Слово «оговорка» обычно выводило селеститов из себя, но в этот раз они молчали. Доктор поднял руку и обвёл ею Большой Зал, указывая на всех слуг, стоявших вокруг с отрешённым взглядом. Включая меня.

— Эти несчастные, — сказал Доктор. — Я хочу освободить их.

Хотел бы я знать, что я тогда почувствовал, но я не знаю. Я знаю лишь, что Спикер начал шелестеть своей одеждой.

— Мы можем освободить наших слуг от их контрактов, если пожелаем. Но это будет пустой жест. Мы же потом просто завербуем в мире живых им замену. Вы ничего не выиграете этой оговоркой.

— Каждая спасённая душа имеет значение, — сказал им Доктор. — Вам этого не понять.

Спикер задумался. Затем сказал:

— Принимается.

На галереях усилился гомон. Доктор кивнул:

— Хорошо. Вторая оговорка...

Конечно же, он продолжал говорить. Но я больше не помню ни одного слова.

Я помню только, что видел лица других слуг, которым посчастливилось быть в пределах видимости Доктора, когда тот обвёл рукой Зал. Я ненавидел всех этих других людей за то, что они были такие пустые, такие... ладно, я скажу это. Такие мёртвые. Но теперь, после того, как Доктор заключил сделку, всё было иначе. В тот единственный момент в Миктлане они снова выглядели настоящими. Они выглядели людьми. Даже те, кто изначально людьми не были.

А затем был свет. Мне нужно описывать свет? Теперь он повсюду. Я ничего не вижу, ничего не чувствую, я могу только помнить.

Может быть, мне не нужно пытаться помнить. У меня такое чувство, что мне нужно отпустить свои воспоминания, позволить свету забрать меня. Но я не знаю. Я так долго боролся за сохранение своей личности, что не хочу терять её сейчас.

Меня зовут Кристофер Патрик Ингланд. Я мёртв. Я мёртв, но больше не хожу и не говорю. Я рассказываю сам себе свою историю до тех пор, пока я не забуду все мелкие детали и последнее, что останется от меня, не отправится навстречу свету. Я борюсь, потому что это единственное, что я умею.

Итак. Начать сначала? Пожалуй, да.

Я помню, как лежал на операционном столе...

ГЛАВА 14

Последнее предложение

Кэтлин Брегман, известная так же как лейтенант Кэтлин Брегман, а также как мисс Куриные Ножки, всё ещё могла ходить, говорить, сутулиться и чесаться. По её мнению, это были неплохие признаки того, что она была жива. Но, к сожалению, никто вокруг с этим не соглашался.

На улицах было полно людей, хотя эти люди представляли собой не более чем тени. Они стояли в дверях зданий, прятались в переулках за столбами фонарей, но боялись выходить на свет дня. Их лица были незавершённые, неясные, все следы индивидуальности были стёрты скукой этого места. Раз или два Брегман пыталась заговорить с ними. Они настаивали на том, что она мертва.

— Мертва? — переспрашивала Брегман.

Да, — говорили они ей, — точно мертва. Это Миктлан, страна мёртвых, куда отправлялись души после того, как они были использованы и опустошены. Брегман когда-то прочла много южно-американских комиксов «Демоника» и узнала это название. С её, еврохристианки, точки зрения это было чистилище.

В детстве Брегман жила в квартале при-пригорода Лозанны, в одной из бетонных нор, в которые швейцарские власти любили отправлять голландских

иммигрантов и социалов. Небо там всегда было серое; даже тучи там были более гадкие, чем над центром города. На дорогах валялись мёртвые домашние животные и сгоревшие автомобили, в сточных канавах был полно шприцев, а на тротуарах всегда были мокрые места, на которых дети церемониально забивали друг друга ногами до полусмерти.

Это был Миктлан. Он выглядел точно так же, он создавал такое же ощущение. Везде пахло мочой и жареной едой. Мёртвые были самым низшим слоем общества, — поняла Брегман. Вселенная относилась к ним так же, как швейцарцы к голландцам.

Она ходила много часов, по крайней мере, это воспринималось как много часов, но при-пригород не заканчивался. Когда она в конце концов села на сухую придорожную траву, она сделала это от скуки, а не от усталости. Здесь ей, похоже, отдых не требовался, и она подумала, что спать, наверное, тоже не сможет. Значит, это правда. Она мертва, и это её вечность. Эта мысль должна была её возмутить, но если честно, у неё не было сил на возмущение.

На другой стороне улицы тень многоэтажного дома потянулась, зевнула и выплюнула ещё одного мёртвого. Вот как сюда прибывают люди, — подумала Брегман; их рожают тени. Этот мужчина был активнее, чем другие зомби, которых видела Брегман, но она подумала, что это ненадолго. Новенький с отвращением осмотрелся по сторонам, и его взгляд остановился на Брегман.

Он побежал через дорогу. Когда он был ближе, Брегман узнала в нём мужчину из зиккурата, которого Сэм называла Доктором. Его одежда была цветастая, эксцентричная, хотя было видно, что Миктлан уже вцепился в нити, пытался лишить материал индивидуальности.

— Лейтенант Брегман, не так ли? — сказал он, остановившись перед ней. — Я не ожидал вас тут встретить.

Брегман остановилась. Даже здесь, в стране мёртвых, голос Доктора был полон жизни. Он говорил таким тоном, словно знакомился на коктейльной вечеринке.

— Сюда же все в конечном итоге попадают, разве нет?

Доктор укоризненно цокал языком:

— Я так не думаю. Только агенты селеститов. Даже мне пришлось сюда вломиться силой, — ему пришла в голову неожиданная мысль, и он всмотрелся в лицо Брегман внимательнее. — Но вы ведь не работаете на селеститов. Я уверен, что заметил бы это. Тогда почему вы здесь?

— Потому что я умерла, — сказала Брегман.

Ну разве не глупый вопрос?

— Нет. Вы такая же живая, как и я. Вы испытываете побочные эффекты ритуала управления Парадокса, вот и всё. Вам нужно время на то, чтобы прийти в себя, — внезапно он хлопнул себя рукой по лбу: — Фракция! Их

ритуалы, должно быть, используют те же технологии, что и у селеститов... Конечно! Дед Парадокс!

— Что-что?

— Дед Парадокс. Если верить рассказам, он был повелителем времени, хотя на Галлифрее нет ни одного свидетельства его существования. Он, должно быть, сделал то же самое, что и селеститы. Должно быть, он стёр себя из таймлайна и перенёс себя в концептуальное пространство. Интересно, понимают ли это селеститы? Они должны что-то понимать, жертвы Фракции должны быть повсюду.

Брегман это начало раздражать. Впрочем, подумала она, возможно, это хороший симптом. По крайней мере, она ещё может чувствовать раздражение.

— Дайте разобраться. Это Миктлан, так?

— Это удел селеститов. Они называют его Миктлан. Лично я предпочёл бы называть это иначе.

— Тогда почему *вы* тут?

— О, у меня назначена встреча с селеститами, — сказал ей Доктор. — Но они об этом, наверное, ещё не знают.

Затем он развернулся на 180 градусов и прикрыл рукой глаза от света.

Брегман последовала его примеру. На горизонте над домами мёртвых возвышался силуэт чего-то, уходявшего ввысь насколько хватало зрения. Брегман почувствовала, как в животе у неё что-то сжалось. Это сооружение возвышалось над остальным Миктланом, но до сих пор она его не замечала. Может быть, это здание

было слишком очевидным, чтобы его замечать, — подумала она. Это было сердце Миктлана, точкой, вокруг которой всё вращалось. Оно выглядело настолько естественным, что пока Доктор на него не указал, не было и мысли посмотреть туда.

— Замок селеститов, — объяснил Доктор.

Но для Брегман он не был похож на замок.

В Лозанне, в её квартале была многоэтажная автопарковка, и эта парковка была фокусом всего больного, гадкого и жалкого. Верхними тремя этажами никто никогда не пользовался, потому что все фонари там были разбиты, и даже в середине дня там было темно, как в полночь. Подземные этажи подростки использовали в качестве наркопритонов, а лестничной клеткой бездомные пользовались как туалетом.

Здание на горизонте тоже было похоже на автопарковку, но в нём было бесконечное число этажей, тянувшихся сквозь тучи промышленных выхлопов, образывавших небо Миктлана. Вообще-то, это сооружение выглядело так, словно несколько десятков парковок взгромоздили друг на друга; некоторые этажи нависали над теми, которые были ниже, пандусы торчали наружу под странными углами. Опорные колонны — а их тут были тысячи — трескались и рассыпались, их покрывали несколько слоёв пыли и грязи, которые накапливались столетиями, а то и тысячелетиями.

Короче говоря, это было худшее место во вселенной.

— Вы хотите туда пойти? — спросила Брегман. — Зачем, Бога ради?

Доктор по-заговорщицки наклонился к ней.

— Я наполовину дурак, — сказал он. — По материнской линии. Если вы не против прогулки, я бы не отказался от компании.

С близкого расстояния замок/парковка выглядел ещё хуже, чем ожидала Брегман. Она предположила, что понадобится часа два на то, чтобы обойти его вокруг, поэтому Бог его знает, сколько времени уйдёт на то, чтобы подняться наверх. Сквозь проход в здание ей было видно нижний этаж — бетонный ангар размером с футбольное поле, размеченный линиями белой краски и с пятнами высохшей крови. Жёлтые лампы без абажуров тысячами свисали с потолка, наполняя здание нездоровым электрическим светом, а мертвецы слонялись в тенях опорных колонн, не занимаясь ничем особенным, как могут не заниматься ничем особенным только мёртвые. Брегман заметила, что колонны были разрисованы чёрными граффити, но буквы было не разобрать. Наверное, в Миктлане не было имён.

Доктор осмотрел всё это, и оно его, похоже, не беспокоило. Брегман было интересно, видит ли он тоже парковку, или что-то хуже. Она подумала, что было бы логично, если бы это была её версия чистилища. Она сомневалась, что оно для всех выглядит одинаково.

Пару минут спустя они нашли проход на следующий этаж — лестницу шириной пятнадцать

метров, расположенную посередине первого этажа. Ступени были такие большие, что напомнили Брегман декорации старых голливудских мюзиклов. Можно было представить, как главная исполнительница спускается по этим ступеням, высоко взмахивая ногами, распевая песню и стараясь не сломать о бетон каблуки-шпильки. На вершине лестницы лампы были разбиты, поэтому после первых нескольких десятков ступеней всё растворялось в темноте.

Доктор начал прыгать по ступеням, по две или три за раз. Брегман старалась не отставать от него, но у неё не получалось. В конце концов ей пришлось окрикнуть его.

— Я не успеваю! — сказала она, увидев, что он обернулся через плечо.

Доктор был возбуждён, но всё-таки перестал скакать.

— Думаю, торопиться нам не обязательно. Я надеялся перехватить Траска до того, как он передаст реликвию селеститам, но, наверное, это уже невозможно. Придётся нам противостоять селеститам лицом-к-лицу.

— «Нам»?

Доктор, похоже, обиделся.

— Простите?

Брегман стояла на пару ступеней ниже него, пытаясь перевести дух.

— Вы хотели, чтобы я пошла с вами сюда, так? И пока что я только задерживаю вас. Что бы вы ни делали,

ко мне это не имеет отношения. Я даже не знаю, зачем вы сюда прибыли. Так зачем тащить меня за собой? То есть, я не хочу сказать, что мне не нравится...

Но Доктор оказался сарказмо-непробиваемым.

— Это связано с деревом, падающим в лесу, — сказал он так, словно это всё объясняло. — О, смотрите! Нас встречают.

Брегман посмотрела вперёд. На вершине лестницы (или, если быть точнее, там, где лестница исчезала в темноте), что-то двигалось. Существа, похожие на людей, волокли ноги вниз по лестнице, о чём-то бормоча друг с другом. Не подумав, Брегман шагнула назад и чуть не потеряла равновесие.

Очередные мёртвые. Это было видно по тому, как они шли. Но эти мёртвые шли, имея перед собой какую-то цель, и даже сквозь тени было видно, что в них остались ещё какие-то следы индивидуальности. Элита зомби, — предположила Брегман. Избранные Миктлана. Один за одним фигуры выходили на свет, не сводя взглядов с Доктора.

Первый из мертвецов был чёрный. В лацкане у него был ярко-красный цветок, на лице была ярко-белая улыбка во все зубы, но это была улыбка трупа, улыбка того, у кого уже давно не было чувства юмора.

Позади него были две фигуры в костюмах, у них были бледные лица, военные стрижки. На обоих были солнцезащитные очки, которые казались тут не уместными, и оба держали руки в карманах пиджаков, сжимая рукояти оружия.

За ними в свет вышли ещё две гуманоидные фигуры. Брегман они напомнили разодетых наркодилеров, как в сериале «Наркоши Майями». У оба мужчины были загорелые, с жирными волосами. Их зубы были заточены, на шеях висели золотые медальоны, хотя Миктлан состарил металл так, что он стал почти таким же серым, как и лестница.

Затем шёл низкорослый широкоплечий мужчина, у которого чёрные с проседью волосы были зализаны назад, а глаза на фоне белого, вялого лица казались чёрными точками. Он выглядел в точности как крёстные отцы в гангстерских кинофильмах, а его голова почти терялась в огромном меховом пальто. Пальто шевелилось на его плечах, во все стороны лязгали острые зубы. Модный аксессуар, который хотел вернуть себе своё.

Последние две фигуры были инопланетные. Первая была чёрная, как сажа, на ней был панцирь, как у жука, а руки были похожи на клешни лобстера. На две ступеньки выше стояла фигура, одетая в мантию с золотой отделкой и огромным полукруглым воротником, возвышающимся позади головы. У Брегман было такое чувство, что эта мантия была пародией на гораздо более элегантный стиль одежды.

Восемь фигур, лучшие из Миктлана, синхронно маршировали вниз по ступеням, пока первая из них не оказалась в паре метров от Доктора. Они остановились.

— Агенты селеститов, — задумчиво сказал Доктор. Он, похоже, не боялся, даже не отступил при их

приближении. Он обернулся через плечо: — Ничего страшного, Кэтлин. Они всего лишь марионетки. Стань позади меня и будешь в безопасности.

Брегман в любом случае спрыгнула на пару ступеней, но с мертвецов не сводила глаз.

— В безопасности? Как?

— На самом деле ты не тут. Твой разум в Миктлане. А твоё тело осталось на Земле.

— А что насчёт вас?

Доктор кашлянул.

— Боюсь, что я своё тело взял с собой. У меня не было другого выбора. А! Мистер Траск!

Из темноты возникла девятая фигура. Брегман чуть не поперхнулась. Это была та штука... Тот человек... Мужчина... Которого она встретила в зиккурате сразу по прибытию в Немыслимый Город. Тот, из-за которого её вырвало. И он до сих пор улыбался.

— Неправда, — сказала существо Доктору.

— Прошу прощения?

— Неправда. Не в безопасности. Её разум тут. Значит, мы можем его пометить. Сделать её одной из нас.

Брегман понятия не имела о том, что это значит, хотя увидела, что Доктор напрягся, и подумала, что это что-то плохое.

— Вы не посмеете, — сказал он.

— Мы могли бы. Но не станем. Мы так не делаем. Никогда не помечаем агентов без их согласия. Никогда, — скованным, механическим жестом Траск указал на

окружавшие их фигуры. — Мы. Все мы. Мы выбрали это. Выбрали службу селеститам.

Брегман попыталась сфокусироваться на лице этого мужчины, но не смогла, точно так же, как при первой их встрече. Как и большинство мёртвых душ Миктлана, он лишился всего, что делало его человеком, пока его лицо не стало просто набором выпуклостей и впадин, формой без значения.

У неё на глазах из теней выплыло ещё что-то. Это тот ящик, — поняла Брегман. Как только он появился, Доктор словно окаменел.

— Реликвия, — сказал Траск. — Она наша. Заплачено. Правила аукциона. Мы выиграли.

— «Правила»? «Выиграли»? — Доктор снова повернулся к Брегман. — Видишь, как рассуждают селеститы? Что бы ни происходило в реальном мире, для них это всё игра. Тела их не ограничивают, поэтому им остаётся беспокоиться только о своих политических междоусобицах. Им всё равно, кто победит в войне, главное, чтобы это было интересно.

— Да, — сказал Траск. — Игры важны. Правила важны. Всегда подчиняться правилам. Всегда соблюдать договорённости. Всегда выполнять договоры. Иначе — жульничество. Вы жульничаете.

Доктор насмешливо фыркнул:

— Я никогда не жульничаю. Да, иногда я усложняю игру, но никогда не жульничаю.

— У селеститов был договор. С вами. Вы его нарушили.

— Договор? Какой договор?

Древние мышцы скрипнули и натянулись в лице Траска.

— Селеститы согласились. Позволить вам завершить битву на Дрониде по-вашему. Не вмешиваться. В обмен, вы пообещали. Обещали ваше тело. Теперь вы хотите его украсть. Жульничество.

— Неправда, — возразил Доктор. — Я никогда не встречался с селеститами и определённо ни о чём с ними не договаривался.

— Договоритесь. Однажды.

Доктор встревожился:

— Вы пытаетесь заставить меня выполнить обещание, которое я ещё не дал?

— Да.

— Но это нечестно!

— Вы обещали. Вы заключили договор. В вашем будущем.

И все фигуры на лестнице снова дружно пошли; те, кто был сзади, стали обходить Доктора. Триск продолжал хрипеть:

— Нам нужно ваше тело. Селеститам нужно ваше тело. Чтобы пометить вас. Чтобы сделать нашим. Нашим агентом.

Брегман спрыгнула ещё на пару ступеней, но Доктор остался стоять на месте, высоко подняв голову.

— Вам не получить Реликвию, — повторил он, явно стараясь сохранить голос ровным.

— Нам она не нужна. Нам не нужно ваше тело. То, которое в гробу. Больше не нужно. Что-то лучше.

— Простите? — сказал Доктор.

— Из мёртвого тела хороший агент, — продолжил Траск. — Но не такой хороший, как из вашего живого тела. Нет нужды в перевоплощении. Ещё пять регенераций. Пригодится.

Доктор вдруг забеспокоился.

— Вы не можете меня пометить, Траск. Нельзя, пока я жив. Вы сами так сказали. Агенты селеститов должны согласиться на метку, по собственной воле. Таковы правила. И я не согласен.

— Вы согласились. Вы заключили договор. Вы сказали, что мы можем получить ваше тело. Вы согласились. Мы не уточняли. Не говорили, что тело должно быть мёртвым. Всё в рамках договора. Мы никогда не нарушаем.

— Вы собираетесь попытаться пометить меня? — спросил Доктор.

Мертвецы тесно сгрудились вокруг него, а мужчины в чёрном стали у него за спиной, не давая ему уйти. Но, насколько могла судить Брегман, было не похоже, что он собирается бежать.

— Это же бессмысленно. Если вы думали, что у вас есть право пометить меня в любой момент моей жизни из-за обещания, которого я ещё не давал, то почему вы не пришли за мной раньше?

— Мы ждали. Пока вы придёте к нам. Здесь мы сильнее. Здесь, в Миктлане. Наша территория. Нет выхода.

— Я требую личной встречи с селеститами!

— Нет. Не сейчас. Не время. Мы можем пометить вас сами. Сделать вас одним из нас.

— Вы не можете...

— Можем, — сказал Траск. — Почувствуйте.

И только тогда Доктор попытался удрать. Он развернулся, чтобы бежать, но пришелец в чёрном панцире сжал его плечо клешнёй, а латиноамериканские вышибалы схватили его за руки. После этого не было смысла сопротивляться. Несколько секунд спустя каждую часть его тело держал кто-то из мертвецов.

Живое меховое пальто неистово лаяло. Улыбка чёрного человека мелькала белым пятном. Взгляды Доктора и Брегман пересеклись, и в этот момент Брегман была уверена, что она готова очнуться и оказаться в зиккурате.

Затем его голова запрокинулась. Из его горла донёсся слабый звук. Брегман посмотрела вверх по лестнице и увидела Траска, он стоял неподвижно, всё ещё улыбаясь, он не сводил глаз с Доктора. Метка, — подумала Брегман, — это то, о чём он говорил. На Доктора ставили клеймо, делали его агентом Миктлана. Траск тянулся внутрь его черепа, царапая чем-то поверхность его сознания.

Она не шевелилась. Она не могла пошевелиться. Она стояла и смотрела до тех пор, пока всё не закончилось.

Мертвецы отпустили Доктора. Его голова свесилась вперёд, руки опустились. Зомби отошли, оставив его стоять. Несколько секунд он шатался, но не упал. Наконец, он открыл глаза.

Первое, что он сделал — посмотрел на Брегман, и Брегман бы закричала, если бы была достаточно жива. В его голове что-то металось, пыталось вырваться, это было видно в его глазах, что-то пыталось искоренить его воспоминания, лишить его личности. На лице у него не было эмоций. Ни единого признака чувств.

— Интересно, — сказал он.

Он повернулся лицом к Траску. Остальные мертвецы уходили, их поглощала темнота на вершине лестницы, но Траск остался.

— Концентрированное селестинское сознание, — продолжил Доктор. — Внедрённое прямо в разум субъекта, без необходимости психического или псионного проникновения.

— Да, — сказал Траск.

— Доктор? — подала голос Брегман. Она хотела сказать что-нибудь заботливое и деликатное, вроде «как ты себя чувствуешь?», но она понимала, что это будет звучать глупо. Кроме того, Доктор не обращал на неё внимания.

— Что мне делать? — спросил Доктор у Траска.

— Возвращайтесь на Землю. Возвращайтесь в свою ТАРДИС. Вы получите приказ. Когда вы нам понадобится. Селеститы могут связываться с вами напрямую. Через метку.

— А Реликвия?

Ящик висел в воздухе у ног Траска, беспокойно качаясь вверх-вниз на своих антигравах.

— Бесполезна, — сказал Траск. — Ваш таймлайн изменён. Реликвия — парадокс. Слишком опасно. Слишком опасно использовать. Может усилить Фракцию. Нельзя допустить.

— Мне её уничтожить? — спросил Доктор.

Траск кивнул, и его голова скрипнула на окоченевшей шее. Доктор вложил в рот два пальца и свистнул. Ящик послушно спустился к нему. Он словно был рад убратся от Траска.

Удовлетворённый, Траск развернулся и пошёл вверх по лестнице. Несколько секунд спустя он исчез в темноте, вместе с остальной элитой Миктлана.

Доктор снова пересёкся взглядом с Брегман. На его губах была лёгкая улыбка.

— Очнись, — сказал он и щёлкнул пальцами.

— А нельзя ли как-то просканировать Город, чтобы найти его? — спросила девушка-человек. Сэм, — напомнил себе Кихотль.

— Проявите ко мне хоть немного доброты и понимания, а? — сказал он. — Я сегодня уже один раз умер. Это, знаете ли, настроение не улучшает. Да и

вообще, с Доктором всё будет хорошо. Честно. Куда бы он ни делся.

— Да, — пробормотала Сэм.

Вообще-то, у Кихотля было очень даже неплохое представление о том, куда делся Доктор. Как только повелитель времени узнал о Траске, он умчался из конференц-зала, свернул за угол... и исчез. Сэм обыскала коридор, но нигде его не нашла. Что предполагало, что Доктор отправился за Траском в Миктлан, хотя Кихотль понятия не имел, как он это сделал.

А если это правда, то вряд ли он теперь вернётся. По хорошему счёту, Кихотль должен был быть уже на своём корабле и покидать эту солнечную систему, но у него было ужасное чувство, что если он покинет Город не объяснившись с остальными покупателями, они будут преследовать его до второго пришествия, требуя объяснить, что он пытался провернуть. Поэтому он вместе с Сэм страдал от безделья в конференц-зале, ожидая появления остальных, и думая о том, сколько из них убили кротоны.

— Мне бы не помешала помощь, — сказал Доктор.

Кихотль вскрикнул и свалился со стула. Доктор снова стоял в арочном входе, а на лице у него была такая гримаса, словно он съел самый большой в истории цитрус. На него опиралась плохо державшаяся на ногах лейтенант из UNISYC. А самое главное, позади них в коридоре висела в воздухе, радостно сияя, Реликвия.

Сэм вскочила на ноги и поспешила к повелителю времени, как собачонка. Она схватила лейтенанта под

руку и провела её к ближайшему стулу. Доктор облокотился на дверной косяк, у него был измождённый вид.

— Вы, я смотрю, утомились, — нерешительно сказал Кихотль.

Доктор посмотрел на него.

Его взгляд был ужасен. Очень, очень страшный. Кихотль видел что-то в глазах Доктора, что-то ужасное, пытавшееся вырваться из его головы.

— Не верьте ему, — всхлипнула лейтенант.

— Кому не верить? — спросила Сэм.

Женщина подняла голову и указала пальцем на Доктора. Кихотль обратил внимание, что она была бледная, руки и ноги у неё тряслись.

— Он один из них. Один из мёртвых. У него метка. Я видела. Я видела, как это произошло.

— Вот чёрт! — сказал Кихотль.

Сэм, раскрыв рот, посмотрела на Доктора.

— Доктор?..

Он покачал головой. Его лицо скривилось, как скомканная бумага, и только сейчас Кихотль понял, что это ему больно, это не кривляние смеха ради.

— Матрица, — прошипел он.

— Что?

— Мир селеститов. Чистая информация. За пределами физической вселенной. Это как Матрица. Та же технология. Селеститы, должно быть, использовали для его создания Матрицу.

Кихотль пытался понять, о чём говорит Доктор. Да, говорят, что Матрица — это больше, чем компьютер, с помощью которого повелители времени предсказывают будущее, говорят, что это целая мини-вселенная, созданная из фактов. И да, судя по тому, что Кихотль слышал о селеститах, их дом — Миктлан, так? — был устроен так же. Но что из этого?

— Я бывший Президент Верховного Совета Галлифрея, — продолжал Доктор. Слова звучали напряжённо, словно они застревали в его горле, и он их выдавливал из себя изо всех сил. — Я надевал Пояс Рассилона. И Корону. Корону Рассилона. Это обеспечивает прямой контакт с Матрицей. Мои биоданные... В моих биоданных есть коды для манипулирования Матрицей. Вот как я попал в Миктлан. Селеститы открыли для Траска апертуру. Я смог... Протиснуться в неё... Пока она была открыта...

Внезапно Кихотль понял.

— Вы хотите сказать, что можете манипулировать домом селеститов? Ух ты! Впечатляет.

Доктор сжал зубы сильнее.

— Нет. Не всем. Но их наука... селестинское сознание... есть связь. Близость. Я построил клетку. В своём разуме, — он постучал пальцем себя по лбу, на случай если кто-то не знал, где он хранит свой разум.

Сэм смотрела то на Доктора, то на Кэтлин, то на Кихотля, явно почти ничего не понимая.

— Для кого клетку?

— Для Сдвига.

— Сдвиг у тебя в голове?

— Да. Да. Заперт, — Доктор схватился за косяк двери. — Траск пытался меня пометить. Чистым селестинским сознанием. Затолкал его. Прямо в мой разум.

А затем, не смотря на боль, которую он чувствовал, несмотря на то, что его ноги были готовы в любой момент подкоситься, на его лице появилась широкая улыбка.

— Он промахнулся, — сказал Доктор.

У Кихотля отвисла челюсть:

— Он пометил Сдвига?

Доктор кивнул.

— Но Сдвиг ведь работает на... на Врага.

— Я знаю. Враг пометил Сдвига при создании. Селеститы пометили его снова. Сдвиг становится шизофреником. Конфликт интересов разрывает его на части, — Доктор взял себя руками за голову. — Это разрывает моё сознание на части. Стучит по решётке клетки. Боюсь, я сойду с ума.

Его шатало. Сэм бросилась к нему и не дала ему упасть.

— Что нужно сделать?

— Нам нужно вернуться в ТАРДИС. Я могу перегрузить Сдвига в телепатические контуры и запечатать его в одной из ячеек памяти. Ты должна будешь мне помочь.

— Хорошо.

Сэм взяла Доктора под руку, и Доктор повернулся лицом к коридору. Он хотел уже уходить, но затем что-то вспомнил. Он обернулся через плечо.

— Кэтлин? — сказал он.

Лейтенант UNISYC посмотрела на него. Она молчала.

— Вы помните инопланетянина, которого видели в Миктлане? Одетого в мантию?

Кэтлин кивнула.

— Это Враг, — сказал Доктор. — Постарайтесь забыть, что вы его видели. Я так уж точно постараюсь.

Она снова кивнула.

— Кихотль?

Кихотль сглотнул. Доктор ещё раз посмотрел на него своим страшным взглядом.

— Если увидите Марí, передайте ей мою благодарность. Скажите, что без неё я бы не справился. И ещё кое-что.

— Хм, да?

— Позже, — многозначительно сказал Доктор.

А затем он пошёл, шатаясь, по коридору. Сэм не давала ему упасть. Реликвия отплыла в сторону, пропуская их, а затем поплыла следом. Последнее, что Кихотль увидел, было лицо Сэм, обернувшейся в зал и что-то прошептавшей одними губами лейтенанту UNISYC. Кихотль не разглядел, что именно. Наверное, что-то вроде прощания.

Несколько минут спустя в зале начали собираться другие покупатели. Настроение у них было не радостное.

Гомункулет опирался руками на консоль для чрезвычайных ситуаций, чувствуя под ладонями пульсацию двигателей. Строго говоря, ТАРДИС 103-его типа были спроектированы для принятия команд голосом, и в ручном управлении необходимости не было. Но это казалось уместным. Это был первый полноценный перелёт Марí после ремонта, и Гомункулету хотелось облегчить её задачу. Только в этот раз.

Он понял, что у него опять появились сентиментальные мысли. Он решил отвлечься от них, сосредоточившись на чём-нибудь неприятном.

— Он нас предал, — проворчал он громко.

— Доктор? — спросила Марí.

Её голос эхом разнёсся под куполом отсека управления. Теперь помещение выглядело хорошо, если не считать шрамов на панелях доступа.

Гомункулет утвердительно проворчал.

— Он знал, как сильно нам нужна Реликвия. Он должен был отдать её нам. Он повелитель времени, он должен быть на нашей стороне.

Марí вздохнула, и её вздох наполнил помещение свежим, чистым, ионизированным воздухом. Гомункулет почувствовал лицом его дуновение и удивился тому, как это было приятно.

— Он не мог вмешиваться, — настаивала Марí. — Только не в своё будущее. Седьмой Закон Времени.

— Седьмой?

— Кажется, седьмой.

— Тогда почему он забрал её с собой? Почему он просто не бросил её? Реликвия была нашим шансом, он знал это, — Гомункулет крепче сжал руки, державшиеся за консоль. — Я скажу тебе, что меня выводит из себя. Из всех нас он вмешивался в ход времени больше всех. Он был знаменит тем, что всюду совал свой нос. И вдруг именно он начинает читать нам лекции о причинности!

— Думаю, ты к нему не очень справедлив, — ворковала Марí. — Он спас нам жизнь.

Гомункулет проигнорировал её слова.

— Мы добудем это тело. Не беспокойся. Мы добудем это тело, даже если ради этого нам придётся самим его убить.

— Надеюсь, ты это не серьёзно говоришь, — сказала Марí. Но Гомункулет уже отдал приказ о дематериализации.

Мануэль ногами вытолкал в коридор какую-то пыль. Ему сказали, что эта пыль когда-то была боевой машиной кротонов, но Доктор сделал что-то, из-за чего она развалилась на части. Мануэль надеялся, что это было больно. Всё, что было похоже на танк Канадской Гвардии для подавления бунтов, должно умирать мучительной смертью.

Стоявшая у возвышения Джастин подняла с пола биосэмплер, надела его на пальцы и закатила рукав. С тех пор, как они вышли из конференц-зала, она не сказала ни слова. У Мануэля было такое чувство, что она в любой момент может сорвать свою злость на нём.

— Как ты? — спросил он.

Раньше он никогда не задавал кухне такие вопросы. Он подумал, не становится ли он чувствительным. Чем чёрт не шутит, может быть, у него будет больше шансов, если он будет милым и заботливым?

— Мы не справились, — сказала ему Джастин. И в её голосе не было никаких чувств.

Мануэль пожал плечами, несмотря на то, что Джастин стояла к нему спиной.

— Мы можем прибить Доктора. Просто понадобятся пушки побольше, вот и всё.

— Доктор сделал то, что должен был сделать. Мы все должны так поступать, — Джастин осмотрела набор ёмкостей. — Будем надеяться, что нас Дед осудит не так строго, как кузена Санджиру.

— Кого? — спросил Мануэль.

— Тебе его не вспомнить, — вздохнула Джастин. Она надела биосэмплер на руку, и черепа начали гудеть.

На обратном пути насекомых было гораздо меньше, чем по пути в Город. По крайней мере, Брегман показалось, что было гораздо меньше тех из них, которые пытались вырвать из неё её кровеносную

систему. Она подумала, что после захода солнца они заснули.

Полковник Кортес, который шёл на несколько шагов впереди неё, резко остановился. Он поднял руку, указывая на что-то вдали, где деревья росли реже, а небо было освещено электрическими огнями. Фонари, — подумала Брегман, — висят на верхних ветках. Полковник не выставил вперёд палец. Он не мог, на его руках была слишком тугая повязка. Кихотль заверил их, что раны залечатся, но Брегман не доверила бы Кихотлю даже царапину.

— Деревня, — сказал Кортес. — Запомните, лейтенант. Деревня — не то, чем она кажется.

— Конечно, сэр.

Брегман думала, что он продолжит идти, но он какое-то время стоял, глядя в пространство. Всё как обычно, — подумала она.

— Лейтенант, — сказал Кортес.

— Сэр?

— Я оставил вас умирать, лейтенант. В хранилище.

Брегман понятия не имела, что ей на это ответить. Поэтому она сказала:

— Сэр?

— Всё, что должно случиться, случается. Но я не могу избавиться от чувства... Это вопрос кармы. Вы понимаете? Кармы.

Он снова замолк. Было такое ощущение, что он ждал, пока мир вокруг него повернётся.

— Мне может понадобится помощь, лейтенант. По возвращению в Женеvu. Вы расскажете генералу обо всём?

— Да, сэр.

Кортес кивнул. А затем он продолжил шагать вперёд, по тропинке, которая вела через подлесок к деревне.

— Мы, разумеется, будем докладывать о неудаче, — сказал он на ходу. — Но вы не переживайте об этом, лейтенант. Генерал Чайк не рассчитывал на удачу. Я в этом уверен.

Брегман шла за ним, не произнося ни слова. В хранилище она сказала себе, что сопротивляться нет смысла. Она сказала себе, что она была лишь глупым человеком, частью вселенной, на которую всем наплевать. Теперь она поняла, что много лет назад, столкнувшись лицом к лицу с селачианами, Кортес пришёл к тому же выводу. Он был похож на одного из зомби в Миктлане — опустошённая душа, раб всего, что выглядело больше и умнее его. И вот он вообще не контролировал свою жизнь, сдавался всему, что в данный момент казалось ему «судьбой». Синдром замещения в худшем своём виде.

Но Доктор открыл ей правду. Он это сделал не намеренно, но он показал это. Она была нужна ему в Миктлане, потому что без неё он был бы деревом, падение которого в лесу никто не слышал. Никакого звука, никакого эффекта. Какими бы великими и умными другие существа во вселенной себя ни считали

— повелители времени, селеститы, Фракция Парадокс, остальные — им была нужна Брегман и другие, такие же, как она. Без неё все игры, в которые они играли по всей вселенной — все эти аукционы, войны, борьба за власть — были абсолютно бессмысленными. Они были идеями, которым нужны были мозги. Боги без последователей.

Кэтлин Брегман, она же лейтенант Кэтлин Брегман, она же мисс Куриные Ножки, была настоящим, неподдельным глупым человеком. А значит, она была одним из самых могущественных существ мироздания.

Да. С этим она сможет жить.

Ей осталось только дожидаться возможности выстрелить в киберчеловека, и она будет счастлива.

Не оказанные почести (Настоящее)

Динозавр по-прежнему усмехался, и даже жертвенные девственницы, похоже, хохотали до упаду. Упали правда, только их головы, откушенные динозавром. Мистер Кихотль отомстил им, выключив психоактивные волокна, и гобелен распустился, превратившись в груды сварливых верёвок на полу центра управления.

По всему Немыслимому Городу устройства наблюдения закрывали глаза, мебель превращалась в бесформенные комья пластика, факелы гасли один за другим. Кихотль отключил систему «бригадун», заставив Город материализоваться под вечерним небом Индонезийской Зоны Восстановления. Он решил, что туристам можно в последний раз раскрыть рты. Из вредности, он стёр нервные программы леопардов, позволив им свободно бегать за стенами Города.

Столько потрачено времени, столько сил, а аукцион так ничего и не дал. Кихотль был бы в ярости, если бы у него на это оставались силы. По прошествии этого дня, после всех угроз и попыток убийства, чего он в итоге добился? Ни хрена.

Нет, даже хуже того. У него болела грудь в том месте, где была рана. А теперь над ним ещё и селеститы висят. Да, он заключил сделку с Траском, он убедился,

что его не пометили, и по крайней мере он всё ещё был жив. Но в то же время он не сказал селеститам всю правду. Интересно, были бы они такие уступчивые, если бы знали, что он на самом деле хотел повернуть?

Селеститы, как и большинство сил, прибывших на аукцион, считали, что Доктор умер на Дрониде. Они думали, что тело удалось каким-то образом извлечь из под руин, оставшихся там после большого сражения, они думали, что Кихотлю удалось добраться до тела раньше всех.

Всё было не так просто. Всё было совсем не так просто. Да, тело вынули из-под руин на Дрониде, но мистер Кихотль знал, кто его там оставил и почему. Происхождение трупа было не таким уж ясным, как всем, похоже, казалось, даже и близко не таким.

Пальцы Кихотля бегали по главной панели управления, декомпилируя коды блочного переноса. Кусок за куском, стена за стеной, Город разваливался. Работая над этим, Кихотль начал размышлять о том, не спрятаться ли ему в какой-нибудь параллельной вселенной, пока страсти не улягутся. Истинная история смерти Доктора была сложная, очень сложная, и он сомневался, что селеститы будут рады, если узнают, насколько сильно он был в неё вовлечён.

Это, — подумал он, — один из секретов, которые мне придётся сохранить. Серьёзно. Если кто-нибудь узнает эту историю целиком, я больше никогда не буду в безопасности.

В Миктлане, на верхнем этаже замка, который некоторым казался многоэтажным гаражом, селеститы наблюдали за вселенной сквозь апертуру в центре Большого Зала. А если конкретно, они смотрели на некий тропический лес на некой богатой водой планете в Спирали Маттера, где под темнеющим небом, в окружении генно-инженерных банановых деревьев стояла старая полицейская будка.

Селеститы без комментариев наблюдали за тем, как двое гуманоидов зашли в будку, а за ними в дверь заплыл серебристый ящик. Затем минут десять ничего не происходило. За всё это время ни один из селеститов не сказал ни слова.

Наконец, будка исчезла, и селеститы начали тихо разговаривать. Доктор, — говорили они, — покинул Землю. Никто из остальных сил, прибывших на аукцион, не попытался его остановить. Их самый новый агент благополучно отбыл, готовый принять первый приказ.

В необычайно приподнятом настроении, те из селеститов, кто управлял новым агентом (потому что в Миктлане было много фракций, и некоторые из них считали, что с Доктором лучше не связываться), расширили апертуру и связались с разумом агента. Метка действовала проводником, по которому передавались приказы.

Селеститы сообщили агенту, что нужно сделать. Снова наступила пауза. А затем агент сказал им: Я ЗАПЕРТ ГДЕ Я СТЕНЫ СТЕНЫ БЕЛЫЕ ВСЁ БЕЛОЕ ТУТ ЕСТЬ КТО-ТО ЕЩЁ НЕТ О НЕТ ЭТО Я ЭТО ВСЁ

Я ЭТО БОЛЬНО ПЕРЕСТАНЬТЕ Я ДОЛЖЕН
ПОДЧИНЯТЬСЯ МОИМ РАБОТОДАТЕЛЯМ Я
ДОЛЖЕН ПОДЧИНЯТЬСЯ СЕЛЕСТИТАМ КТО Я КТО
Я РАБОТАЮ НАД ЭТИМ БОЛЬНО БОЛЬНО Я
ДОЛЖЕН ПОДЧИНЯТЬСЯ НЕТ Я НЕ ДОЛЖЕН
ПОДЧИНЯТЬСЯ ВАМ НЕ ВАМ ВЫ НЕ ТЕ КТО МНЕ
ПРИКАЗЫВАЕТ ДА ОНИ НЕТ НЕ ОНИ КАК БОЛЬНО
ПОМОГИТЕ О ПОМОГИТЕ СТЕНЫ СТЕНЫ БЕЛЫЕ
ВСЁ БЕЛОЕ ГДЕ Я ГДЕ Я ГДЕ...

Селеститы закрыли апертуру.

Наступило долгое молчание, самое долгое за последнее время, если слово «последнее» вообще применимо в мире мёртвых. Наконец, те, кто не имел отношения к новому агенту, начали смеяться.

Это был не Доктор. Селеститы не знали, кем и чем был новый агент, но он уже был отмечен какой-то другой силой, и он не был Доктором. Сквозь апертуру они слышали личность, разрывающуюся надвое, бросающуюся на стены своей тюрьмы.

Селеститы могли прийти только к одному выводу. Доктор их обхитрил. Даже тех, кто смеялся, это пугало. Потому что, во-первых, это доказывало, что жалкое телесное существо могло обыграть селеститов, а во-вторых, Доктор совершил худший из всех грехов.

Он нарушил своё слово. Он нарушил правила. А для селеститов это было преступлением, которое нельзя было так оставить.

«Ты похоронил Лайку», — сказала Сара. — «Но кто похоронит *тебя?*»

Доктор брёл по поверхности Квайесции, гроб следовал за ним, как процессия. Процессия... Подходящее слово, потому что именно это и происходило. Похоронная процессия из одного человека, похороны, в которых он и могильщик, и несущий гроб, и оплакивающий, и священник, и труп. Можно было попросить о помощи Сэм, но он знал, что у неё будет слишком много вопросов. Ей каким-то образом удалось за всё это приключение не узнать, чьё тело лежит в гробу, и теперь, когда всё закончилось, он не хотел сообщать ей об этом.

Сейчас она была в ТАРДИС, спала. Когда она выспится и проснётся, она начнёт расспрашивать его о событиях последних часов. Доктор решил, что придётся ей сказать, что это тело было каким-то инопланетным супероружием. Не так уж это и далеко от правды.

Забавно. За последние несколько месяцев он начал думать о себе как о честном существе, совсем не таком, как его предыдущее воплощение. И вот он возвращается к старым фокусам, отчаянно старается прикрыть прорехи в собственной истории. Он не знал, стыдиться ему этого или радоваться.

Он дошёл до вершины холма, под ногами у него хрустела галька. Квайесция была в точности такой, как в тот день, когда он был тут с Сарой. В точности. Наверное, ни единый камушек не сдвинулся, пока он не вышел из ТАРДИС. Ему казалось, что могильный

камень должен был быть больше, но надпись была всё та же. LAIKA. Одно слово, без дат.

Доктор понятия не имел, сколько времени у него ушло на то, чтобы вскрыть могилу. Здесь время было неважно. В конце концов, именно поэтому он и выбрал это место. Когда его руки, наконец, коснулись поверхности ящика Лайки, он начал расширять яму, чтобы туда поместился и второй гроб. Пока он работал, гроб висел позади него в воздухе, терпеливо ожидая завершения. Интересно, знает ли «Реликвия» о том, что её, наконец, оставят в покое?

Когда могила была готова, он отошёл и отдал гробу мысленный приказ. Он понятия не имел, понял ли тот его, или же действовал по собственным инстинктам, но он, не колеблясь, направился к яме. Голос внутри ящика теперь молчал, и так было с тех самых пор, как Доктор вышел из зиккурата. Тело поняло, что оно находится в надёжных руках? Или оно просто думало, что его сообщения некому слышать, раз тут нет рядом людей, в которых оно, похоже, нуждалось.

Гроб остановился на дне ямы, один ящик поверх другого. Доктор засунул руку в карман. То, что ему было нужно, нашлось сразу; наверное, решил он, всё дело в спокойствии этого места, здесь было проще быть одним целым со своими карманами. Он подбросил термоситронную бомбу на ладони. По поверхности устройства плясали розовые буквы — витиеватыми селачианскими иероглифами были изложены инструкции и предупреждения о правах на

воспроизведение. Несколькими лёгкими движениями пальца Доктор включил часовой механизм бомбы, а затем опустил её в могилу.

Он постоял возле ямы ещё немного, закрыв глаза и шевеля губами. Ни одной нормальной молитвы ему вспомнить не удалось, поэтому он прочитал кусочек прозы, которую, как ему казалось, его будущее я могло бы одобрить. Он не стал вырезать на могильном камне ещё одно имя.

Последнее, что он сделал на вершине холма — бросил на крышку гроба горсть голубой земли. Как только земля коснулась гроба, тот перестал светиться; впрочем, это могло быть совпадением. Внезапно он стал обычным, безжизненным; просто ящик в земле. Просто ящик, — подумал Доктор. Ничего особенного.

Он не ожидал, что всё будет так. Он много раз думал о своих похоронах, и ему всегда представлялось, что вокруг его могилы будут стоять люди. Старые друзья придут отдать последнюю дань уважения, старые враги придут позлорадствовать и узнают, что чего-то в их жизни внезапно не стало. Но *этого* он не ожидал. Нет, ничего такого он не ожидал.

Ему не нужно было торопиться обратно в ТАРДИС. В этом не было необходимости. Он аккуратно настраивал бомбу и знал, сколько времени оставалось до взрыва.

Тем не менее, устройство сработало в тот момент, когда он был у подножия холма, гораздо раньше, чем он ожидал. Неисправный таймер; повезло, что что он уже

вышел из радиуса действия. Впрочем, ему всегда везло. Позади него раздался звук обрушившегося пространства-времени — бомба превратила трёхметровый кусок поверхности планеты в маленькую нейтронную звезду.

Доктор подумал обо всём том, что прекратило существовать на вершине холма. Гроб, могильный камень, останки русской собачки. И не только они.

Но он не обернулся.

Он вошёл в ТАРДИС, закрыл за собой дверь, и нажал на кнопку дематериализации ещё до того, как ввёл новый курс. Корабль исчез с планеты, оставив после себя лишь тишину и несколько сдвинутых камней.

На Квайесции прошло ещё сто миллионов ночей. Ничего не изменилось, никто больше сюда не прилетал.

Иллюстрация Carolyn Edwards